

ГОСТИНЫЙ ДВОРЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
писателей России

*Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области*

2017
ГОД ЭКОЛОГИИ
В РОССИИ
Оренбуржье

Оренбург
2017

«Гостиный Дворь» № 2 (2), 30 ноября 2017 г.

Журнал

Учредители:

Министерство культуры и внешних связей Оренбургской области, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:

председатель – **Е.В. Шевченко**, министр культуры и внешних связей Оренбургской области

С.В. Василенко (Москва)

Д.Е. Кан

П.Н. Краснов

В.Н. Кузнецов

В.А. Лабuzов

А.В. Лигостаева

В.Д. Лютый (Воронеж)

Г.П. Матвиевская

В.М. Молчанов

П.Г. Рыков

Л.П. Сквородко

В.Б. Соколов

Т.В. Судоргина

А.Г. Филиппов

Т.М. Шабаренина (Уральск, Казахстан)

Н.А. Ягодинцева (Челябинск)

Почтовый адрес редакции: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10

Телефон 8-903-394-32-60

Телефон/факс (3532) 78-37-91

E-MAIL: Gdvor56@yandex.ru, editor@orenlit.ru. Веб-сайт: orenlit.ru

Почтовый адрес издателя: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»

E-MAIL: Domliteratorov28@mail.ru

Телефон/факс (3532) 78-41-29

На первой и последней страницах обложки – фотоколлажи **В.Б. Соколова**

Художник – **В.В. Кожевникова** (г. Санкт-Петербург)

Компьютерный дизайн – **Ю.В. Стрельникова, Л.И. Потехина**

Компьютерный набор, корректура – **Ю.В. Стрельникова**

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи

Сдано в набор 20.10.2017 г.

Подписано в печать 07.11.2017 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22,5 печ. л.

Тираж 1 000 экз.

Заказ № 6576

Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ56-00704 от 18 октября 2017 г. в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Оренбургской области.

ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»

620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, дом №2ж
Федеральный номер для всех городов РФ: 8-800-300-16-00

ISBN 978-5-9500793-4-4

© Журнал «Гостиный Дворь», 2017

Одним из правил «стратегической игры» наших противников является тщательное замалчивание того, чего по-настоящему боятся, — и как результат возникает соответствующая «подмена тезиса». Сегодня на Западе дружно кричат об опасности «русской мафии», «русского коррупционизма» и «русской небрежности» в обращении с ядерным оружием или ядерными отходами. На самом деле по-настоящему боятся другого: иррациональности русского темперамента, заставляющего браться со слабыми и бросать перчатку сильным...

...Так вот, в свете этого нового крестового похода мирового истеблишмента против всех сил антисистемной оппозиции внутривнутриполитического (классового) и внешнеполитического толка, Россия по-прежнему выступает как носитель реликтовых стихий неконформистской «антисистемности».

Её правители стремятся изо всех сил оправдаться по этой «политической статье», но её народу, по-видимому, суждено войти в новейшую эпоху стратегической нестабильности в качестве нереабилитированного. Профилактическая работа с ним ведётся по двум основным направлениям.

Во-первых, его геополитически изолируют, отрывая от всех традиционных союзников и оставляя в полном мировом одиночестве. Для этого бывшее гигантское «имперское пространство» последовательно сужается и дробится по блоковому, этническому и другим признакам. Считается, что утративший чувство большого имперского пространства русский человек превратится наконец в законченного провинциала, более не интересующегося большими мировыми вопросами. Лишённая всяких нормальных гарантий, поистине изматывающая повседневность должна поглощать все его силы и внимание, закрывая всякий горизонт.

Во-вторых, русский народ изолируют от созданного его великими классиками великого

духовного пространства, где генерировались вселенские идеи и ставились потрясающие вопросы. Из идейного максималиста, каким ему завещано быть всей его духовной традицией, его хотят превратить в «минималиста», которого хватает лишь на обсуждение неотложных бытовых вопросов и формирование жалких стратегий низкопробно-эгоистического индивидуализма.

С этой целью осуществляется целенаправленный погром культуры и традиции, в котором задействованы профессионалы из министерства культуры, из министерства образования, из новых литературно-художественных, театральных, журналистских объединений. Созданы новые виды театра, специальное назначение которого — такая «реинтерпретация» национальной литературной классики, которая должна превратить наших классиков в пособников безоговорочной национальной капитуляции перед криминально-торгашеским духом «современности» и её сомнительными «эротическими» играми.

Создана «новая критика», призванная показать, что, с одной стороны, Пушкин, Гоголь, Толстой вовсе не таковы, какими они «традиционно представлялись» русскому человеку — искателю правды и справедливости, а с другой стороны, что современный уровень деградировавшего «совка» таков, что у него нет никаких прав претендовать на классическое литературное наследие как на его собственное, принадлежащее ему по праву национальной идентичности.

Это изгнание нашего современника из большого духовного пространства должно быть признано даже более опасным, чем изгнание его с законных территорий, освоенных великими предками. Новое территориальное изгойство русских как гонимой национально-исторической общности закрывает важнейшие экономические перспективы и подрывает национальную безопасность. Но в большой истории, как и везде, действует принцип превосходства духа над материей. Слабеет дух — и сужаются самые большие пространства,

закрываются казавшиеся несомненными перспективы. Крепнет дух — и материя телесных сил повинуется, пространства расширяются, перспективы проясняются. Именно поэтому сегодняшнее духовное экс-пространство русского народа, запланированное отлучение его от собственной большой традиции представляет в стратегическом отношении ещё более опасный вызов национальному бытию, чем даже собственно территориальное экспроприаторство. Территорию можно утратить и отвоевать заново: с разрушенной духовной традицией сложнее — она, как товар Маркса, представляет собой «не вещь, а отношение», а отношения — в том числе и с собственным прошлым — бывают невосстановимыми. Вот почему на первое место в современной национальной борьбе за выживание объективно выдвигаются интеллектуалы-гуманитарии.

От них требуется дать отпор современной атаке стратегического противника на духовные твердьни нации. Выступая в роли западнических эпигонов, это невозможно сделать в принципе — здесь поддакивание разрушителям предопределено как позиция. Требуется вполне осознанное и решительное размежевание среди интеллигенции. Прежние недомолвки и увёртки более недопустимы. Те, кто не принимает перспективы духовной и физической гибели России, должны прямо заявить, что более не будут терпеть деятельности духовных погромщиков, их «факультативного» или профессионально оплачиваемого национального нигилизма. Защитникам нашей большой традиции — а без неё нет, и не может быть самостоятельной большой России — предстоит выработать адекватную стратегию. Она состоит не в том, чтобы заниматься национальным самовосхвалением, призывать к духовно-политической изоляции и пестовать «исконное». По существу, она состоит в том, чтобы заново переосмыслить современные проблемы глобализирующегося мира с позиций нашей большой духовной традиции, сформулировать альтернативные

варианты ответа на мироустроительные вопросы нашей эпохи, не сверяясь с западными «метрами», помня их «партийно-цивилизационную» пристрастность и ограниченность, их новый «цивилизованный расизм». Всякие ссылки на интеллектуальную дистанцию между оснащённым мировым центром и скудной периферией не могут быть приняты сразу по нескольким соображениям. Во-первых, потому, что с позиции современного миросистемного подхода различие центра и периферии, сильных и слабых ресурсных воздействий является относительным: в точках бифуркации слабые воздействия способны вызывать непропорционально сильные эффекты. Во-вторых, потому, что привилегированным заведомо свойственно упрощать и искажать ситуацию с прицелом на выгодное им статус-кво и утверждать, что настоящему положению вещей «нет альтернативы». Альтернативу ищут и находят не те, кто лучше оснащён, а те, кто кровно в ней заинтересован. Вот почему «настоящие чудеса» истории, связанные с появлением новых альтернатив, новых центров силы, новых моделей развития, зачастую происходили не в господских центрах, а на обделённой периферии мира. В этом смысле пора заново реабилитировать «периферию». Находиться в положении осаждаемой и экспроприированной, прижатой к стенке периферии — значит находиться в творческой позиции, в ситуации, где без поистине творческих решений не обойтись. В этом смысле новое положение России как осаждаемой периферии, лишённой прежних резервов, слабых духом побуждает к капитуляциям, сильных — к небывалой творческой активизации. Парадокс ситуации состоит в том, что Западу можно довольствоваться старыми стереотипами и тривиальными подходами, тогда как Россия на них объективно не способна продержаться. Её дилемма: гибель или творческое обновление. Те, кого не оставила большая вера и большая любовь, отвергают гибель и выбирают подвиг созидания.

Русская литература национальна по своей сути и близка народу не потому, что выпячивает какие-то этнографические черты или занимается народовосхвалением. Её национальный характер определяется её христианскими духовными корнями, предопределяющими её стойкий социальный и моральный пафос. Народу ближе всего этот пафос, что и предопределило стойкое единство народа и текста русской классики. Это же обстоятельство предопределило отторжение русской классики современным либеральным истеблишментом. Истеблишмент ныне живёт «иронией», а не пафосом, хотя несомненная специфика этой «иронии» в том, что здесь инстинкт «иронизирует» над разумом, похоть над целомудрием, двоедушие над прямотушием. В специфическом ареале, где обитают нынешние приватизаторы, такая ирония естественна, ибо все высокие ценности, против которых она направлена, мешают там «нормально жить» и «эффективно действовать». Но в той реальности, где живёт народ, долговременные стратегии существования совсем иные. Без социального и нравственного идеала, без чувства справедливости, солидарности, сострадательности русский народ выжить просто не может.

Эмпирический опыт «либерализированной» повседневности может опровергать это. Но это — призрачный и кратковременный опыт, его специфическая «наука» ведёт в никуда. Противоядием от такой науки и выступает великая русская духовная традиция, великая русская литература.

Александр ПАНАРИН. 2003 г.

ГОСТИНЫЙ ДВОРЬ

«КРАСНАЯ ГОРА»

10 **Мария Москвина.** «Красной горе — быть!»

16 **Вячеслав Лютый.** *Равноправие. Из опыта
пристрастного прочтения*

17 «**Лучше вас этого никто не сделает...**»
*Беседа Петра Краснова с Сергеем Тра-
химёнком*

20 **Сергей Трахимёнок.** *Крошки. Рассказы*

36 **Юрий Кублановский.** *Неразличимые сны.
Стихи*

42 **Дмитрий Урбанович.** «Мы уже в вечности,
брат...», или Орден Виктора Пеленягрэ.
Знакомство с гостем фестиваля

48 **Светлана Сырнева.** *Весна в зимнике. Стихи*

53 **Марина Саввиных.** «Кто ж за русских за-
ступится?» *Стихи*

60 **Владислав Бахревский.** *Перовские. Роман.
Окончание*

114 **Валерий Михайлов.** «Моя родина — русское
слово...» *Стихи*

117 **Николай Борский.** *Оглянись в печали.
Стихи*

125 **Василий Киляков.** *Записки прожившего че-
ловека.*

НАША ГОСТИНАЯ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

140 **Георгий Саталкин.** *Сражение. Киносце-
нарий*

181 **Виталий Молчанов.** *Чёрная берёза. Стихи*

185 **Павел Рыков.** *Гроза. Поэма*

188 **Александр Филиппов.** *Мелгора. Из записок
тюремного врача*

216 **Наталья Борисова.** «Россия со мной гово-
рит...» *Стихи*

219 **Владимир Макуров.** *Передний край. Стихи*

- 223 Тамара Шабаренина.** Подпоручик из Шортгынбая. *Рассказы*
- 233 СТИХИ ПО КРУГУ: Валерий Кузнецов, Вадим Бакулин, Елена Тарасенко, Сергей Хомутов**
- ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА **241 Вячеслав Любый.** Поющая птица. *О творчестве С. Есенина.*
- 244 Нина Ягодинцева.** Рассказать историю. *Рецензия на книгу стихов В.Молчанова «Фрески»*
- 249 Светлана Скорик.** Приближение к правде. *О романе И.Венецева «Урал – быстра река»*
- ФИЛОСОФСКИЙ ПРАКТИКУМ **264 Пётр Краснов.** «Лимиты» революции. *О брожении умов, «хрустобулочниках» и долготерпении народа*
- ПУБЛИЦИСТИКА **281 Павел Рыков.** Диагноз: война. *Очерк об оренбургском госпитале ветеранов войны и труда*
- ПАМЯТЬ ВОЙНЫ **290 Игорь Хованский.** Комбат. *Воспоминания об отце*
- ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ИМ. С.Т. АКСАКОВА **305 Владимир Молчанов.** Славянская натура. *Рассказы*
- 312 Любовь Сухарева.** Зеркала. *Стихи*
- 316 СТИХИ ПО КРУГУ: Каламкас Битымова, Галина Сокурова, Василий Миронов, Лариса Стрельцова, Александр Семёнов**
- В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ **322 Мария Рябцева.** Новое время требовало новых героев! *К 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года*
- 340 Сергей Кольчев.** Тайна архива Стобеусов. *Главы из краеведческой повести*
- ГОД ЭКОЛОГИИ **350 Александр Чибилёв.** Заповедное Оренбуржье: трудный путь к признанию. *К 100-летию заповедной системы России. Окончание*

«КРАСНОЙ ГОРЕ» – БЫТЬ!

Битва актёров с поэтами, «поэтическое» облагораживание улицы, «упоительные вечера», творческие встречи... В Оренбурге с 24 по 26 мая уже в пятый раз прошёл Международный фестиваль содружества национальных литератур «Красная гора», интересный не только именитым участникам, но и гостям и жителям города.

Поэзия облагораживает

«Красная гора» стартовала на «равнинной» поверхности: 24 мая в литературном музее областной библиотеки имени Н.К. Крупской прошло официальное открытие фестиваля. С приветственным словом обратились к зрителям организаторы и гости, а в воздухе уже витало предвкушение если чего-то не грандиозного, то уж точно интересного.

В это же время, но на улице, проходила акция «Стихи на асфальте» — доброе начало поэтическим и прозаическим свершениям. Эта акция — одна из фирменных «фишек» фестиваля, ведь буквально за час главная улица города «поэтизировалась». Воспитанники Дизайн-центра и областного художественного колледжа украсили Советскую фрагментами стихотворений известных современных поэтов. Ребята подошли к работе творчески: тексты не только дополняли рисунками, но и превращали их в полноценные картины. Действо проходило под музыку на стихи

классиков и под живое чтение стихотворений — был открыт свободный микрофон.

А красногорцы — кто?

В этом году на «Красную гору» приехал по-настоящему «звёздный» литературный десант. Например, Юрий Кублановский — поэт, о котором Иосиф Бродский писал: «Это поэт, способный говорить о государственной истории как лирик и о личном смятении тоном гражданина. Его техническая оснащённость изумительна».

А ещё ректор единственного в стране учебного заведения, «закаляющего» поэтов, переводчиков, писателей и критиков, — Литературного института им. А.М. Горького — Алексей Варламов, писатель, автор нескольких романов и автор легендарных песен «Позови меня тихо по имени», «Как упоительны в России вечера...», «За нами Путин и Сталинград» Виктор Пеленягрэ из Москвы.

На фестиваль также приехали: главный редактор журнала «Prosodia», поэт Владимир Козлов из Ростова-на-Дону, известный литературный критик Вячеслав Лютый из Воронежа, член редакционного совета оренбургского альманаха «Гостинный Двор» и прозаик Сергей Трахимёнок из Минска.

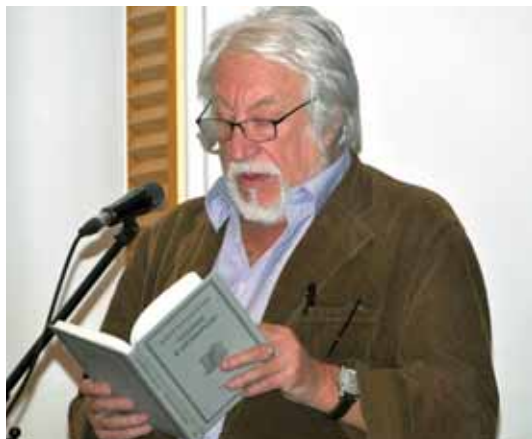
Наполнили «Чашу бытия»

Участников фестиваля с восторгом встречали в библиотеках, школах и колледжах города, гости

На открытии Международного фестиваля содружества национальных литератур «Красная гора». Вверху: Наталья Кожевникова, Вячеслав Лютый, Диана Кан. Внизу: Виктор Пеленягрэ, Юрий Кублановский, Сергей Трахимёнок, Вячеслав Лютый, Виталий Молчанов

Стихи читает поэт
Юрий Кублановский

Выступает ректор
Литературного института
им. М. Горького, писатель
Алексей Варламов

На творческой встрече
с главным редактором
журнала «Prosodia», поэтом
Владимиром Козловым

Оренбургские писатели и гости фестиваля в Свято-Троицкой Симеоновой Обители Милосердия (п. Саракшаш)

Литературное шоу «Актёры против поэтов»

Белорусский писатель Сергей Трахимёнок со студентами Оренбургского агроуниверситета

Вручение премии «Чаша бытия»

провели мастер-классы, где хвалили, ругали, советовали, а порой и отговаривали писать...

В дни фестиваля разрешилась одна из главных литературных интриг города: премия альманаха «Гостиный Двор» «Чаша бытия» для молодых поэтов нашла своих обладателей. За год в издании публикуется немало хороших произведений, но особенно трепетен первый шаг в серьёзном творчестве. А поощряет юных литераторов меценат, оренбургский предприниматель Владимир Киданов. В этом году победителями стали Виолетта Куделина и Ирина Лаврина. Поощрительные премии — у второклассниц сестёр Ксении и Екатерины Мотыженковых.

Актёры НЕ против поэтов

«Это мистификация! Победители — мы!» — в шутку негодовал московский поэт Виктор Пеленягрэ. Да и другие не ожидали такого расклада творческого шоу «Актёры против поэтов». Но зрители решили: лучше прочувствовали стихотворения лицедей драматического театра имени Максима Горького.

Литературное шоу «Актёры против поэтов», несомненно, яркое украшение Международного фестиваля содружества национальных литератур «Красная гора».

— У фестиваля «Красная гора» сложная судьба, но у меня к нему особое отношение, — призналась министр культуры и внешних связей области Евгения Шевченко. — Два года назад, когда я стала министром, это было

первое серьёзное мероприятие в моей профессиональной судьбе. И когда следующие два года — а вы знаете, времена у нас непростые — возникал вопрос, будем или не будем его продолжать, я сказала: «Руки прочь от святого! Это то, что должно быть». Фестиваль мне дорог, как память.

Министр и сама невольно стала участником поэтической «битвы». Она отметила, что есть стихи, о которых помнят из-за песен, а есть песни, перерастающие в стихи, и прочитала «Письмо» Максима Леонидова. Где ещё, как не на «Красной горе», чиновник, не стесняясь, может выступить перед зрителями?

«Упоительные вечера» и все-все-все

Общим творческим десантом гости и оренбургские литераторы отправились на следующий день в Саракташ. Там они побывали на Красной горе — месте съёмок фильма «Русский бунт», и выступили перед местными жителями.

А потом — в Оренбург, дарить яркие эмоции на вечере «Лето в парке». Виктор Пеленягрэ зажжёт зал не хуже именитых музыкантов! Взрослые и дети выходили к сцене и, не стесняясь, танцевали под известные песни. И хотя налетал не по-весеннему пронизывающий ветер, крапал дождь, немало жителей города пришло в выставочный комплекс «Салют, Победа!», что говорит об одном: наши люди любят поэзию и песни!

Мария МОСКВИНА

РАВНОПРАВИЕ

Оренбургский литературно-художественный альманах «Гостиный Двор»* не уместается в рамки информационного определения «региональное издание». На его страницах можно встретить авторов из самых разных географических точек России. Причём такое равноправие распространяется на все жанры, представленные в «Гостином Дворе»: прозу, поэзию, критику, публицистику, краеведение.

Кажется, что слово «равноправие» заложено в самой идее оренбургского толстого альманаха-журнала. В построении журнальной книжки можно увидеть некую самодостаточность того или иного жанрового отдела, и здесь не дробность содержания «Гостиного Двора», но его интеллектуальная и творческая мускулатура.

Краеведение в альманахе представлено статьями разнообразными и очень живо написанными. Возможно, оренбургские краеведческие страницы — лучший отдел из всех подобных в многожанровых литературных изданиях страны. Тогда как профильные журналы

живут своей жизнью и не озабочены органичным соприкосновением работ об отчём крае с собственно художественными произведениями. Потому соперничества и сопоставления с «Гостиным Двором» тут не может быть изначально.

Радостно читать на страницах альманаха тексты примерно равного высокого культурного достоинства. И ты понимаешь: «Гостиный Двор» равен журналам Москвы и Петербурга, воронежскому «Подъёму», саратовскому журналу «Волга — XXI век», кемеровским «Огням Кузбасса»... Россия отражается в зеркалах своих литературных изданий. А они ведут с русским народом неторопливую, последовательную беседу. Пытаются найти с ним общий язык и поддерживать самые высокие чувства, которые может хранить в себе человеческое сердце.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Председатель Совета по критике Союза писателей России, заместитель главного редактора журнала «Подъём»

* Ныне журнал «Гостиный Двор»

«ЛУЧШЕ ВАС ЭТОГО НИКТО НЕ СДЕЛАЕТ...»

Беседа Петра Краснова с Сергеем Трахимёнком

— Сергей, что и как привело тебя, как писателя, опять на наш Урал — после того, как в далёком уже 1977 году окончил Свердловский юридический институт? Тем паче, из Беларуси, из-за государственной теперь границы?

— Я действительно имею диплом Свердловского юридического института. И в 1972 поступал в него в Свердловске, но мало кто знает, что этот институт имел в те годы структурное подразделение — факультет в Новосибирске. И я учился там. Второй раз в поле зрения уже не института, а Уральской юридической академии я попал после того, как получил литературную премию Уральского федерального округа. С той поры меня ежегодно приглашают для участия в Евроазиатском конгрессе юристов, который проходит в Екатеринбурге.

— Как можно понять из твоей биографии, ты принадлежишь теперь к высшей руководящей «касте» Республики Беларусь, являясь директором НИИ теории и практики государственного управления... Как это совмещается с твоей литературной

деятельностью, с писательством как образом жизни?

— Вряд ли это так, если иметь в виду некую касту. Просто элиты делятся на специалистов и руководителей, так называемый истеблишмент, к коему относятся вторые. Меня всё время представляют секретарём Союза писателей Беларуси или директором НИИ теории и практики государственного управления. Эти сведения черпаются из Википедии. Директором я перестал быть в 2007 году, а секретарём в 2011-м. И сейчас я являюсь свободным профессором, читаю лекции по теории права в ряде вузов Минска. Трудно сказать, как это в то время совмещалось с писательством, поскольку я никогда не был «на вольных хлебах». Можно только отметить — «выход продукции» в это время был меньшим, потому что приходилось много времени уделять работе организационной.

— Что ты считаешь самым важным и определяющим в писательском ремесле — и в своём, и в творчестве тех писателей, которых ты ценишь?

— Разумеется, меня что-то подтолкнуло к писательству,

иначе я бы не стал этим заниматься. И это что-то и является определяющим. Мой первый рассказ я написал, будучи взрослым человеком, мне было тогда 28 лет, написал ведомый некоей неудовлетворённостью, тем, что создавали в тот момент советские писатели. Я полагал, что это результат того, что они либо не знают жизни, либо не могут интересно об этой жизни рассказать.

Чуть позже я написал повесть «Заложники», в которой описал первые проявления того, что называют теперь терроризмом. В ней заложниками были не только те, кто был захвачен преступниками, но и те, кто по долгу службы должен был их освобождать, поскольку в те времена они не были готовы к этому...

Таким образом я пытался предупредить уж если не все человечество, то довольно значительную часть его о «наступающей гидре терроризма».

Но редакторы повесть отвергли: за «очернение действительности», за описание «спецназовских технологий», за неверие автора в светлое будущее, которое наступит вот-вот в виде «социализма с человеческим лицом». Напечатана повесть была только двенадцать лет спустя, в журнале «Криница», то есть когда её социальная актуальность была утрачена. Но именно с тех пор я понял, что существует промысел Божий, и если человечеству или какой-то его части суждено разбить нос на какой-то исторической кочке, так

тому и быть. С тех пор я просто пишу, чтобы поделиться своими мыслями с моими читателями.

— **Какова, скажем так, «идея фикс» в твоём творчестве, что бы ты хотел в первую очередь донести до своих читателей?**

— Кабы я знал, чего я хочу донести. Просто время от времени мне кажется, что мой читатель нуждается в моих рассказах, повестях и романах.

— **Чем, на твой взгляд, отличается белорусская литература, проза в частности, от собственно русской, и насколько глубоко это различие — если оно есть, конечно?**

— Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно не читать произведения белорусских авторов, а изучать и сравнивать с российскими. Поскольку я этого не делаю, то и ответить на вопрос не могу. Мне ближе то, что касается лично меня, а именно как меня «позиционируют» белорусские литераторы, критики и рецензенты. У них я «русский писатель из Беларуси», «белорусский писатель, пишущий на русском языке», «русскоязычный белорусский писатель», «русско-белорусский писатель». Попытки повесить на грудь того или иного писателя некую табличку, свидетельствующую о его принадлежности к той или иной касте, понятны. Это одна из разновидностей определения

своих и чужих. Иногда это делается, чтобы приблизить кого-либо к своей группе, иногда, наоборот, увеличить пропасть между чужими и своими. В моём же случае всё лежит на поверхности. Моя цивилизационная принадлежность определяется местом, где я родился и сформировался как личность. А это город Карасук Новосибирской области. Поэтому я русский писатель, живущий в Беларуси.

— Ты рассказывал, что встречался с нашим земляком-писателем Владимиром Васильевичем Карповым, написал сценарий телефильма о нём. Какие твои дальнейшие планы, продолжишь ли своё «писательское расследование» относительно личности этого своеобразного литературного деятеля?

— Владимир Васильевич действительно удивительный человек. В начале нулевых я работал над сценарием фильма «Любимец Сталина» о самом молодом командующем фронтом И. Черняховском. Сценарий имел полный формат неигрового, но на «Беларусьфильме» сказали, что могут позволить в плёночном варианте только двухчастёвку, то есть двадцать минут. Фактически из планируемого фильма вышел некий киноочерк «Вспоминая Черняховского».

И вместе со многими не был снят и уникальный в своём роде эпизод, когда командующий фронтом этот Бог на войне уделяет время для встречи с командиром взвода пешей разведки перед его выводом за линию фронта.

Но всё что не совершается, совершается к лучшему и уже на «Белвидеоцентре» мы с режиссёром В.Скворцовой, отталкиваясь от этого неснятого эпизода, сняли фильм о Владимире Карпове «Чуть смелее других».

Создать что-то подобное сегодня я уже не смогу: ушли из жизни В. Карпов и В.Скворцова.

— Как ты оцениваешь наш оренбургский литературный фестиваль «Красная Гора» по сравнению с другими писательскими встречами-мероприятиями, на которых приходилось бывать? Что, тебе кажется, нужно бы добавить в программу проведения, как улучшить его?

— Следуя прекрасному библейскому принципу «не суди», я не буду его оценивать, а просто скажу, что его формат вырос из объективных факторов вашего оренбургского пространства и оренбургской истории. «Красная гора» — плод творчества оренбургских писателей и мне не хотелось бы вмешиваться в их планы по дальнейшему его развитию, поскольку лучше вас этого никто не сделает.

Сергей ТРАХИМЁНОК

КРОШКИ

Рассказы

Сергей Александрович Трахимёнок родился в 1950 году в городе Карасуке Новосибирской области. Окончил Свердловский юридический институт. Доктор юридических наук, профессор. Член Союзов писателей России и Беларуси. Автор тридцати книг, вышедших в издательствах Минска, Москвы и Санкт-Петербурга, четырнадцати кино- и видеофильмов, снятых по его сценариям. Обладатель «Золотого купидона» – национальной литературной премии 2008 года (Беларусь), лауреат литературной премии Уральского федерального округа 2012 года (Россия), дипломант национальных кинофестивалей в Бресте (Беларусь-2007), «Бородинская осень» (Россия-2008), фестиваля спортивных фильмов в Липецке (Россия-2012). Живёт в Минске.

ВИТА

Проводница вагона — нерасчёсанная блондинка с заспанным лицом, посмотрев билет Глыбина, проворчала: «В нашем... До следующей?»

Поезд, в который садился Глыбин, относился к скорым. Пассажиры его в большинстве своём ехали до Москвы или, в крайнем случае, до Омска, поэтому намерение Глыбина добраться на нём до следующей станции было воспринято хозяйкой вагона как личное оскорбление. И она, сладко зевнув, ушла в служебку, предоставив возможность случайному в этом составе пассажиру устраиваться самому.

В самом конце вагона Глыбин нашёл свободное место. Соседями его оказались: пожилой мужчина, читающий газету на верхней полке, и молодая женщина лет двадцати пяти в длинном бордовом халате, с копной чёрных волос, небрежно заколотых на затылке.

Женщина сидела на нижней полке напротив Глыбина на только что заправленной постели. По всему было видно: в поезд она села недавно. У колен женщины, то и дело оглядываясь на Глыбина, крутится девочка лет четырёх-пяти, уменьшенная копия матери. В живых глазах ребёнка, похожих на две коричневые виноградинки, сквозило любопытство. Оно переполняло девочку и вскоре выплеснулось вопросом.

— Ты куда едешь? — спросила она.

— Нельзя так, — строго говорит ей мать и грозит пальцем, а затем обращается к Глыбину: — Извините нас, пожалуйста.

— Ну что вы, — отвечает Глыбин, — дитя века... У меня такая же дома осталась, может, чуть постарше. Вашей пять?

— Да, — отвечает женщина.

— Пять с половиной, — поправляет девочка мать и повторяет вопрос, изменив форму обращения:

— Куда едешь, дядя?

— В командировку.

— В командировку не ездят, в командировке живут, — назидательно говорит девочка. — Мой папа, например, живёт в командировке.

Женщина вопросительно смотрит на девочку. Так смотрят, когда хотят сказать: «Мы же договаривались...» Но девочка «не замечает» взгляда и произносит:

— Мой папа живёт в командировке уже три года.

— Что-то длинная командировка, — говорит Глыбин, чтобы не выглядеть букой и как-то поддержать разговор.

— Ми-нис-тер-ская, — скандируя, отвечает девочка.

Мать опять смотрит на неё, и девочка, умолкнув, взбирается на постель, устраивается так, чтобы крохотные туфельки не касались постельного белья, и продолжает рассказ.

— Мы с мамой живём на Урале, в Свердловске, теперь он иначе называется, а как, я ещё не запомнила. А папа наш живёт в Сибири, а раньше он с нами жил на Урале... Начальники не отпускают его домой, да, мама? И мы ездим к нему сами... Я уже два раза была у него...

— Вита, — укоризненно произносит женщина, — мы же договорились, да и дяде неинтересно.

— Ну что вы, — сказал Глыбин, — пусть говорит.

— Видишь, мама, дяде интересно, дядя в командировке никогда не был, — говорит Вита, продолжая беззаботно болтать, время от времени перебивая разговор мотанием головой и мычанием незнакомой Глыбину мелодии: «Мы-мы, мы-мы... мы-мы, мы-мы».

— Мы с мамой к нему больше не поедem, — говорит она, снова мотая головой из стороны в сторону так, что её маленькие ушки-пельмешки касаются плеч. — Через год он сам к нам придет... будет с нами жить.

Мать снова смотрит на неё, и она, словно вспомнив что-то, сбрасывает на пол туфельки, вскакивает на ноги и начинает с упоением прыгать по постели, пока мать не делает ей замечание:

— Вита!

После этого Вита вновь усаживается напротив Глыбина.

— Ты сильный? — спрашивает она и, не дожидаясь ответа, говорит: — А мой папа сильный. Он меня одной рукой поднять может. Он меня в общежитии до потолка подбрасывал и на шее катал... Он меня может одним пальцем поднять, одним мизинчиком...

Вита замолкает, словно давая Глыбину почувствовать глубже своё ничтожество перед её папой, и продолжает:

— А я скоро стану балериной... не скоро, а когда получим новую квартиру и мама меня в студию запишет, — тут она вздыхает и произносит с сожалением — а новую квартиру когда ещё получим, когда мой папа вернётся... А мой папа в лесу работает. Я не видела, как он работает. Когда мы к нему приезжаем, он с нами в общежитии живёт и не работает... целых три дня...

Женщина вновь настораживается, и Глыбин, который давно уже понял, что разговор с ребёнком чем-то неприятен матери, прерывает его.

— Пойду покурю, — говорит он, ни к кому не обращаясь.

Побыв в тамбуре минут десять, некурящий Глыбин перебрался в коридор и встал у окна.

Давно замечено, что вагонные окна имеют притягательную силу. Никто толком ещё не объяснил этого феномена. Люди стоят возле этих окон часами днём, когда за стеклом один за другим меняются пейзажи, и ночью, когда за окнами вообще ничего не разглядеть... Глыбин решил не возвращаться в купе: до его станции осталось ехать меньше часа — можно постоять в коридоре.

В это время из других купе стали появляться заспанные пассажиры. Они шли к умывальникам или в тамбур покурить, или располагались у окон. Всё это делалось неторопливо, с какой-то ленцией: куда спешить людям, у которых впереди несколько суток пути. Только теперь понял Глыбин смысл фразы проводницы о «нашем поезде».

А «наш поезд» мчался в плотной полосе защитных посадок, в основном это были тополя, реже попадались берёзы, а ещё реже — сосны, их коричневатые стволы были голы, и только верхушки венчали островерхие тёмно-зелёные шатры. Глыбин опустил раму, хотя солнце пригревало сквозь стекло, но воздух был ещё прохладен. Он приятно бил в лицо, шевелил волосы...

— Вита, Вита, — слышится предостерегающий голос из последнего купе, потом — детский смех и через секунду рядом с Глыбиным возникает его собеседница в жёлтом платице в горошек, с аккуратно расчёсанной полукруглой чёлкой,

похожей на кокетливую чёлку циркового пони.

Девочка, ухватившись ручонками за перекладину окна, вскакивает на выступ в полу и, дурачась, прижимается лицом к стеклу, расплющив в лепёшку свой нос. Затем (вот оно, женское непостоянство) поворачивает голову и смотрит в спину проходящего по коридору мужчины в пижаме. Проводив его долгим любопытным взглядом, она возвращается к Глыбину.

— А я скоро стану балериной.

— А я это уже знаю, — в тон ей отвечает Глыбин.

— Ничего ты не знаешь. Это я всё знаю. У тебя есть собака?

— Нет.

— А у папы в командировке есть. Я сама видела... большая... на волка похожая. И не одна. Только вот как звать, не знаю... А у дяди Коли тоже собака есть, большая, лохматая, её Найдой зовут. Мама говорит: «У дяди Коли — собака колли». Дядя Коля с мамой в одном цехе работает...

Вита внимательно смотрит на Глыбина, видит, что тот не настроен с ней говорить, и меняет тему:

— А ты знаешь, как я больно умею драться? — говорит она, заглядывая в глаза собеседнику.

— Меня в садике все мальчишки боятся, да-да...

В подтверждение своих слов она спрыгивает с выступа на пол, делает страшную рожицу и начинает самозабвенно махать крохотными кулачками.

Доказав Глыбину «как больно она умеет драться», Вита вновь маленькой обезьянкой повисает на перекладине.

За окном вдоль железной дороги мчит автофургон. Вита поворачивает к Глыбину свою мордашку, и тот догадывается, о чём она спросит.

— А ты можешь кататься на машине? — следует вопрос.

— Нет, — говорит Глыбин, не желая втягиваться в разговор, но девочку это не останавливает.

— А мой папа может, он до аварии шофёром работал... а потом его в командировку забрали... а когда его забрали, я не помню... я тогда, наверное, маленькая была... А мы с мамой квартиру поменяли, и мне в студию будет далеко ездить...

И тут Глыбин всё понял. Ему стало ясно, что за игру затеяли взрослые, чтобы не ранить душу ребёнка, и почему беспокоилась мать, опасаясь, что кто-нибудь, не знающий правил этой игры, может неосторожно открыть глаза девочке.

А Вита между тем продолжает:

— А я у папы опять солдат видела... много, они с ружьями были... Я мальчишкам во дворе говорила, а они не верят. Витька Савкин говорит, что солдаты в командировке не живут, солдаты в армии живут... много он знает...

Девочка на время умолкает, смотрит в окно, а Глыбин оглядывается по сторонам в надежде увидеть её ровесников, чтобы

переключить внимание ребёнка на них. Но в коридоре — одни взрослые, и Глыбин, чтобы не касаться больше разговора о командировке, переводит беседу в другую плоскость.

— А ты скоро будешь балериной? — спрашивает он.

И девочка, не чувствуя подвоха, проглатывает наживку и начинает тарыхтеть:

— Когда меня мама запишет в студию при Дворце культуры. А моя подружка Таня уже записана туда, но на занятия не ходит, потому что из нашего района туда далеко добираться. А балериной быть трудно, а скоро у неё будет газовое платье и туфли, как называются — забыла.

Во всём этом чувствовались высказывания взрослых, которые девочка воспроизводила почти дословно, но Глыбин слушал «с интересом», чтобы отвлечь Виту от впечатлений, вызванных у неё пребыванием в «командировке».

— А дядя Коля, у которого собака Найда, учился с мамой в техникуме, а баба дядю Колю хвалит, а папу ругает, а Витька Савкин, который «много знает», собирается работать шпионом, когда вырастет...

За окном замелькали конурки дачных домиков — верный признак приближающегося города. Глыбин облегчённо вздыхает: он не нарушил правил игры, установленных взрослыми для Виты, и мог быть доволен собой.

Взяв свой портфель в купе и простившись с женщиной, он вышел в коридор.

Вита всё ещё висела на перекладине.

— Уходишь? — спрашивает она. — Уже?

— Да... приехал, прощай...

— А тебя встречать будут?

— Нет.

— А нас будут... баба нас встречать будет.

После этих слов Вита, опасно поглядывая на дверь купе, доверительно шепчет Глыбину:

— Баба папу ругает, а меня жалеет... Она думает, что я маленькая и ничего не знаю, а я всё знаю, — заканчивает она хвастливо и на прощанье протягивает собеседнику крохотную ладошку...

Выйдя на перрон, Глыбин, не оглядываясь, пошёл к зданию вокзала.

Но чем дальше он уходил от поезда, тем больше хотелось ему обернуться. У входа в вокзал, словно подчиняясь непреодолимой силе, он оглянулся...

Из окна вагона, расплющив нос о стекло, вслед ему внимательно смотрела симпатичная мордашка с живыми, всё знающими на этой земле глазами, так похожими на две виноградинки.

КРОШКИ

К вечеру ветер изменился и подул со стороны Каспия. Он принёс долгожданную прохладу, запах моря и нефти.

быть, поэтому между окраинными и зареченскими не было особой вражды (отдельные стычки не в счёт). И те, и другие ходили купаться к мосту на песчаные отмели, лазали по торчавшим из воды треугольникам ледоломов, переплывали реку и загорали на противоположной стороне, не считая себя оккупантами и не испытывая холодка опасности.

Отец Градова в июле сорок первого ушёл на фронт, и Васька остался в доме единственным мужем. Потому, наверное, был он без меры самостоятелен и своенравен. В спорах со сверстниками никому не уступал, даже если соперник был сильнее. В заводилах не ходил, но и последним человеком среди зареченской братвы не значился.

С начала войны положение деревенских по сравнению с окраинными ухудшилось. Быт городской окраины в довоенное время мало отличался от сельского. Те же деревянные домики, пригоны, живность: коровы, свиньи, куры; огородики — с непременноми подсолнухами, огурцами, капустой и, конечно, картошкой. С лета же сорок первого всё изменилось. Зареченские пацаны с завистью наблюдали за «райской» жизнью окраинных.

При всём прочем равенстве у тех был хлеб, а колхозники его по карточкам не получали. В других сёлах это никого не удивляло, но они, сидевшие за одними партами с городскими,

глотали слюну, слушая разговоры об осьмушках и четвертушках, о карточках рабочим, слушающим, иждивенцам.

Пайка чёрного, тяжёлого, пополам с отрубями и жмыхом хлеба окончательно разделила их на городских и деревню, а толстая продавщица окраинного магазина Клавдия с её подручной Шуркой стали для тех и других вторыми после Бога людьми — они делили и продавали хлеб.

Прошла зима. Весной картошку стали приберегать на семена, и с едой стало совсем туго. Самое сильное воспоминание того времени — чувство голода. Это было страшное в своей постоянности ощущение, сосущее, казалось, не только желудок, но и мозг, не покидавшее Ваську ни в школе, ни на улице, ни дома. Оно ложилось с ним спать и с новой силой просыпалось по утрам. Оно не оставляло его даже во сне, распалая видениями жареной картошки, краюхи хлеба, кружки молока. Оно же заставляло думать и искать выход из положения.

* * *

В ту пору с фронта по ранению вернулся Фёдор. Он приходился дальним родственником Васькиному отцу. Фёдор служил во флоте. В первые месяцы войны был ранен, лежал в госпиталях, где ему ампутировали ноги. После лечения приехал к матери, бабке Харитинье в Заречное.

В городе, да и в сёлах встречались инвалиды, но моряков среди них не было. Как и большинство ребятишек сухопутного края, Васька бредил морем. Голубой гюйс, подаренный ему Фёдором, стал предметом зависти зареченских ребят.

Фёдор сидел дома, а с наступлением тепла — чаще всего во дворе. Передвигался на тележке — маленькой площадке с деревянными колёсиками, сделанной Митричем, колхозным конюхом, специалистом по таким коляскам ещё со времён первой войны с «ерманцем». Чтобы как-то помочь матери, Фёдор пытался сапожничать, но без особого успеха. Его удручала собственная беспомощность. Он никак не мог свыкнуться со своим новым состоянием и понемногу стал пить. Пьяный, пел песни, которых Васька никогда не слышал. Они были медленные, тягучие, но без слезы.

Мощный торс Фёдора со скрещенными на груди руками покачивался в такт песне, и сам он в этот момент был похож на богатыря, врытого в землю.

*Под толстым покровом
холодной воды
Подводная лодка лежала.
Весь корпус измят, от
бомбёжки следы, —
Не лодка, а груда металла.*

После этого Фёдор долго молчал и начинал следующий куплет:

*В той лодке остался один
лишь отсек,
Водой не заполненный —
целый.
В отсеке осталось лишь
пять человек,
Среди них был труп
посинельный.*

У Васьки волосы шевелились при этих словах. Он видел искорёженную глубинными бомбами металлическую громадину, матросов, оставшихся в единственном целом отсеке, и среди них, конечно, Фёдора — красавца моряка, ещё не обрубленного войной...

Однажды, набравшись храбрости, он спросил у Фёдора:

— Почему в городе больше нет моряков-инвалидов?

Тот усмехнулся невесело и ответил:

— Понимаешь, браток, моряки в море гибнут со своими кораблями, а меня на берегу зацепило...

* * *

На соседнюю лоджию гостиничного комплекса вышла молодая женщина в длинном вечернем платье, с ярким макияжем, делавшим её лицо похожим на кукольное. Женщина манерно держала сигарету и, видимо, намеревалась попросить огонька у соседа по лоджии. Однако, увидев крупного пожилого мужчину с усталым отсутствующим взглядом, остановилась, ловким движением спрянула сигарету в

кулачок и, подойдя к перилам, стала с любопытством смотреть вниз.

А внизу сновали люди, шла торговля соками, кофе, чаем, восточными сладостями; урчали моторы легковых автомобилей, владельцы которых настойчиво предлагали туристкам прокатиться по городу. Как всегда, особым успехом пользовались блондинки. Всё было, как и в других южных городах.

В турпоездку вообще, а в Баку в частности, Градов попал благодаря своей жене.

Весной, как и положено перед пенсией, он отлежал в госпитале, сходил в отпуск и летом был уже отставным. Лето в Сибири короткое: в начале августа — уже ночи холодные, в начале сентября — листья жёлтые. А осенью Градов, оставшийся не у дел, совсем затосковал, заметался...

Жена, видя это, купила ему путёвку по маршруту Махачкала — Баку.

— Езжай, — сказала она, — там сейчас жара, лето продлишь, развеешься, а то сидишь дома, как Илья Муромец. — И чтобы как-то разведелить мужа, добавила: — Да смотри у меня, не закрути там с какой-нибудь хохотушкой, ты у меня мужчина вон какой видный.

Градов ехать согласился, но не ради того, чтобы развеяться. Он не хотел, чтобы жена видела его в таком состоянии.

— Отлично, — думал бывший военком, — переморщимся

недельку, другую подальше от внимательных глаз, а там, может, и полегчает. Время всё выечит...

Женщина, насмотревшись на суету внизу, ушла в номер, а Градов вернулся в сорок второй...

* * *

Голодная жизнь и военная безотцовщина сделали Васькиных одиноким по-взрослому рассудительными и хозяйственными.

Один из зареченских, Сашка Мищенко — мальчишка с карими плутоватыми глазами, косою чёлкой, писклявым голосом и задатками менялы — рассказал ему, как несколько раз покупал в лавке хлеб.

Мищенко давно подбирался к Ваське, точнее, к его гюйсу, но не имея ничего для равноценного обмена, «готовил» его к обмену грабительскому...

— Запросто, — пищал он, — и без всяких там карточек...

Неожиданное появление военного корабля на их речке вызвало бы у Васьки меньше удивления, чем заявление Сашки. Хлеб!.. Сашка-колхозник покупал хлеб. И Сашка, поняв, что переборщил, дал задний ход. Ну, не совсем хлеб, конечно, — крошки. Понял? Когда Клавдия с Шуркой хлеб режут — крошки остаются. Они потом их на вес продают, без карточек. Крошки — это тот же хлеб... только не оформленный, — закончил он, ввернув слово, подслушанное, наверное, у эвакуированных.

Что ж тут непонятного? Крошки — это хлеб. Однако в лавку идти страшновато. Окраинные бабы и ребята постарше рядом с хлебом становились законниками ужасными: «Вам не положено», — и всё тут. А за попытку получить неположенную пайку можно было и по шею схлопотать.

Но хитрец Сашка «великодушно» разъяснил, как нужно покупать крошки. «Ты приди позже и стань в конце очереди. Бабы, когда им не мешают, на чужих не смотрят... а тебе всё одно ждать, пока хлеб разберут. Клавдия с Шуркой крошки продают, когда хлеб кончится. Понял?»

На следующий день Васька, с подобающей мужчине и добытчику степенностью, попросил у матери денег на хлеб. Та насторожилась, и было от чего. Озорник он был, и мать боялась, чтобы сын не попал в какую-нибудь нечистую историю.

— Ты что удумал, — сказала она. — С жульём связался, с базарными спекулянтами?

Васька выслушал её спокойно и только потом объяснил всё, приврав для верности, что договорился с Шуркой о покупке крошек. Скажи он матери, что договорился с Клавдией, — она не поверила бы. Клавдия не тот человек, чтобы опускаться до разговоров с мелюзгой. А так всё выглядело правдоподобно, и мать, чуть посомневавшись, дала ему несколько измятых трёшек.

Назавтра, зажав деньги в кулак, Васька пошёл за мост, но чем ближе он подходил к лавке, тем сильнее хотелось вернуться. Однако он дошёл и стал в конец не длинной уже очереди, стараясь не встречаться взглядами с женщинами, знающими всё и всех.

Сашка был прав. На него никто не обращал внимания. Да и верно: кому нужен мальчишка, стоящий в очереди последним?

Васька старался не думать о хлебе. Ему казалось, что даже мысли о предстоящей покупке выдадут его с головой, и он гнал их от хлеба, от магазинчика, думая о матери, которая ждёт его, о Фёдоре, которому похвастается покупкой. Он даже представил себе, как Фёдор скажет в ответ: «Молодец, браток, матери помогай надо».

О таком способе добычи хлеба Васька мог смело ему рассказать. Тут всё законно, он в чужой карман не залез, не обменял тайком от матери вещи на продукты, не выиграл в чикку наконец. Знал Васька, что Фёдор не любит «мудрых» людей, живущих за счёт других. Эта черта в его характере действовала благотворно и на Ваську, что было нелишнее при его задирности, упрямом характере, а также близости городской окраины и базара...

* * *

О базаре разговор особый. Располагался он за механическим заводом и представлял собой два

крытых деревянных торговых ряда и дощатый павильон для торговли продуктами.

Если смотреть на этот огороженный забором базарный мир «невооружённым» глазом, то можно было видеть довольно ленивый обмен вещей на продукты, торговлю кустарными изделиями и мечтой ребятишек — ржаными лепёшками. Но если взглянуть на базар внимательно, то просматривалась иная жизнь, в которой находилось место и для ребятни Васькиного возраста, чего особенно боялась его мать.

В той жизни у окраинных сверстников были другие ценности. Там считалось удалью украсть или отобрать у слабого карточки, надуть товарища, подсунув ему при обмене порченную вещь, а потом похвалиться этим, хлопая себя по ушам и приговаривая: «Не будь дураком, не будь лопоухим». Там можно было сыграть в чику, пристенок, орлянку. Там куском лепёшки загоняли в долги, заставляя должника красть у родителей вещи или отрабатывать жратву, стоя на стрёме...

В этой второй ипостаси базарной жизни существовала чёткая возрастная иерархия.

Первая ступень в ней — Васькин возраст, третья — взрослые. Они для вида торговали ерундой: гнутыми гвоздями, зажигалками, а на самом деле обжуживали простаков в карты

либо промышляли по-крупному — воровали.

Подростки в этой «структуре» занимали промежуточное положение. Они эксплуатировали и обирали представителей первой ступени и были на побегушках у третьей...

Из взрослых обитателей базара Васька знал только Блатяка. Так его звали деревенские, а в базарном мире у него была другая кличка, не такая громкая. Родом Блатяк был из реченских. Бабка Харитинья говорила, что он припадочный и поэтому его не призывают в армию. Может, это было и так, но Васька запомнил другое.

Мосластый, с длинными, по колено, руками, Блатяк, никогда не служивший в армии, «косил» под фронтовика. Носил сапоги, солдатскую шапку, шинель комсоставовского сукна. Днями он толкался на базаре, торговал лепёшками, а на самом деле играл в тройку и был наводчиком у воров.

У Блатяка имелся на базаре свой уголок, где он был полным хозяином. Там всегда толпились желающие обыграть его, а сам он, сидя на одном ящике, перекидывал на другом трёх тузов, один из которых был красной масти. «Красная играет, красная получает, — гнусавил он при этом, — а кто глаза пучит, тот ни хрена не получит». Угадать место красной карты удавалось редко кому, и Блатяк выигрывал.

В апреле того же года он стал захаживать к Фёдору. Точнее, зашёл один раз, посидел, поговорил — как-никак росли в одной деревне. Через день появился снова, с бутылкой.

В тот день Васька шёл в гости к Фёдору. Блатяка встретил во дворе дома бабки Харитиньи. Один клапан его армейской шапки был оторван, губы в крови, на лице непривычный для его наглой физиономии испуг. Столкнувшись с Васькой, Блатяк придал своему лицу выражение, соответствующее его рангу в базарном мире, и прогнусавил: «Ну, погоди, мореман...»

В избе не было живого места, казалось, что уцелела только керосиновая лампа, подвешенная к матице на цепочке. Харитинья, крестясь и вздрагивая, пыталась навести порядок. Фёдор был возбуждён, играл желваками. Васька понял, что ему не стоило заходить в дом, и, промямлив что-то, ушёл...

Вечером к матери пришла бабка Харитинья и рассказала обо всём.

Оказывается, Блатяк приходил к ним неспроста. Он предложил Фёдору стать компаньоном. Блатяк в воровском мире был сязкой и выбрать напарника среди сообщников не решался — внакладе останешься, обдерут как липку. Вот и остановил свой выбор на друге детства, рассудив на свой аршин: деваться некуда, жрать что-то надо — пойдёт.

Фёдору Блатяк обещал золотые горы, а главное — говорил, что у него есть кореш-профессор из эвакуированных. Тот хоть и без диплома, а такие протезы смастрячит, лучше ног будут. Беда только, очередь к профессору большая и деньги он любит.

Блатяк был человек деловой и много времени на обработку будущего напарника тратить не стал. Со второго захода приступил к делу — принялся втолковывать Фёдору секреты игры в карты с подсадным партнёром.

Тот выслушал его и мрачно сказал:

— Не понял.

— Ты чё, море, непонятливый такой? Котелок вроде большой, а не варит, — засуетился Блатяк, не чувствуя грозы, и начал объяснять второй раз, но закончить не успел...

— Хорошо, что Федя без ног, — причитала бабка, — а то б убил Блатяка, наверное, и как только тот вырвался...

Харитинья плакала и приговаривала, мол, Фёдор пропадёт... Мать её успокаивала, а Васька не мог понять, почему «хорошо, что у Фёдора нет ног» и почему он должен «пропасть»: убить его не могут, фронт далеко... и всё страшное для него позади...

* * *

Щёлкнул замок двери. Потянуло сквозняком.

— Входная открылась, — подумал Градов и не ошибся. На пороге возник сосед по номеру

Коля Шевцов. Коля — земляк Градова, шустрый малый двадцати четырёх лет, помещавшийся на колонках, кассетниках и прочих вещах, бывшему военному понятных.

— Семёныч, — сказал Шевцов, — пойдём на набережную, послушаем в последний раз, как тёплые волны плещут, завтра домой, а у нас, говорят, уже заморозки по ночам.

— Нет, — ответил Градов, — я находился сегодня.

— А где ты был? — спросил Коля. — В магазинах, наверное? Наушники к стерео не встречал?

На этот раз Градов не ответил. За тринадцать дней путешествия он изучил Шевцова. Ему ответишь — не рад будешь, на твой ответ он тут же двадцать новых вопросов задаст.

Градов действительно ходил по магазинам. Присматривал подарок жене. Было до одури жарко, но он упрямо обходил все магазины и лавочки, пока наконец не приобрёл блестящие, в прямом и переносном смысле, комнатные тапочки с загнутыми носками.

Ближе к вечеру, чтобы попасть на другую сторону улицы, он спустился в подземный переход. Там возле кафельной стены на засаленной кошме сидел рыжий мужик без ног и пропитым голосом гнусавил:

— Подайте, граждане хорошие, фронтовику-подводнику, здоровье в боях за Родину потерявшему.

Мужику было от силы лет сорок. От него несло потом и перегаром. Поток по-летнему одетых людей, чуть сторонясь его, двигался без остановок по переходу.

— Подайте фронтовику-подводнику, в боях за Родину пострадавшему, — продолжал рыжий.

И столько искренности было в его словах и одновременно столько безысходности, что не поверить ему было нельзя.

Градов, как обухом огулшённый, остановился... опустил руку в карман и бросил горсть мелочи в перевёрнутую кепку...

— Спасибо, браток, — сказал рыжий и только здесь сфальшивил, хитро скосив глаза на кепку.

Градова передёрнуло, он двинулся дальше, а рыжий, видимо, давно поверивший сам в то, о чём он всем неоднократно рассказывал, заорал вслед обиженно:

— Да фронтовик я, браток, подводник, — и, словно подтверждая это, запел хрипло:

*Под толстым покровом
холодной воды
Подводная лодка лежала...*

— Семёныч, ты где? — это Шевцов тронул Градова за плечо. — Наушники, говорю, к стерео не встречал?.. А то ребята из группы в «Бакы» купили, клёвые... с красными поролоновыми шариками, и самое интересное — наши они, бердские, а у нас их днём с огнём не сыщешь... а?

Градов опять не ответил, и Шевцов от него отстал. Он покопался в своих вещах, что-то переложил, что-то достал, сказал: «Я отчаливаю... буду поздно... Слышь, буду поздно», — и направился к выходу. Щёлкнул замок, и Градов остался один.

* * *

...До прилавка с весами оставалось человек семь, и в это время в магазин принесло Даму, так звали мать девчонок-близнецов Аллы и Риммы, учившихся с Васькой в одном классе.

Дама появилась в городе осенью сорок первого с эвакуированными. Муж её был каким-то комендантом, а она, видно, нигде не работала, так как часто бывала в школе и других местах, с пацанячьей точки зрения, не рабочих. Дама знала Ваську как одного из самых озорных мальчишек класса, в котором учились её девочки. Знала она и то, что он деревенский.

Дама была непохожа на женщин городской окраины: стройная, черноволосая, с чёткими линиями изогнутых бровей, огромными глазами, она могла бы прослыть красавицей, если бы не скверный характер и брезгливое высокомерие, которым она одаривала окружающих.

И одеждой Дама выделялась среди окраинных. В тёплое время года носила тёмные шерстяные платья с закрытым воротом — это придавало ей официальный,

начальственный вид. Зимой ходила в пальто с воротником из чернобурки. Ваську почему-то всегда смущал этот зверёк, пушистый, чёрный с серебришкой, хвост которого соседствовал на высокой груди Дамы с тощей мордочкой, смотрящей на мир пустыми глазницами.

В то время слово «комендант» звучало намного твёрже, чем теперь. Женщины в очереди при появлении Дамы приумолкли, а та, скользнув по ним равнодушным взглядом, увидела Ваську. Выражение её лица сразу изменилось — то ли ей не захотелось стоять в очереди, где на одного человека больше, то ли сказались её скверный характер и желание всё переделывать на свой лад, Васька не знал.

— А ты что тут делаешь? — спросила Дама. — Своё хозяйство имеешь и к куску горожан подбираешься...

То, чего больше всего боялся Васька, свершилось. Он знал, что будет дальше, и двинулся к выходу, стараясь проскочить побыстрее мимо Дамы, но та была начеку. Ловко, будто всю жизнь только этим и занималась, она поймала Ваську за ухо и вытолкнула за дверь. А за углом лавки добровольный помощник, из тех, кто всегда лягает упавших, дал ему на дорожку крепкого леща.

Чувство обиды привело Ваську в заросли едва зазеленевшего тальника, и там, вдали от людских глаз, он дал волю слезам.

Спустя час он успокоился, тщательно смыл водой следы своей слабости и поплёлся домой. Дома, вернув деньги матери, сказал, что Клавдии запретили продавать крошки, а в школе объявил войну близнецам...

В классе никто не знал истинных причин Васькиной нелюбви к этим девчонкам. Однако все были с ним солидарны. Близнецов не любили за отчуждённость, за странные, как всем казалось, имена, чистоту и опрятность, белые бантики и всезнайство.

Война, которую вёл Васька, была тайной... Он постоянно досаждал близнецам: обмакивал в чернильницу их бантики, крепко связывал их косички, доводил девчонок до слёз, бросая в них кусочками берёсты... выбрасывал из (единственного в классе) портфеля учебники и тетрадки, когда близнецы выходили в коридор на перемене. Но вершиной Васькиной изобретательности стал уж, обнаруженный однажды близнецами в портфеле и едва не сделавший их заиками...

Учительница Любовь Борисовна пыталась найти зачинщика травли, но наткнулась на стену детской круговой поруки.

Прошла неделя, другая... Васька вошёл во вкус. На него, как на человека, играющего с опасностью (родителей близнецов побаивались), с уважением посматривали сверстники, и это нравилось.

Но в конце концов тайное стало явным. Любовь Борисовна

узнала обо всём, и Васька, как принято сейчас говорить, имел с ней беседу воспитательного характера. После этого история травли близнецов стала известна матери, и она высекла его отцовским ремнём, не захотев даже выслушать.

Всё это озлобило Ваську вконец, и он с отчаянием обречённого продолжал преследовать девчонок. Всё сходило ему с рук, и только позже узнал он, почему. Близнецы ни о чём не говорили дома. Они стойко несли свой крест...

Как-то, возвращаясь из школы, налетел Васька на бабушку Харитинью. «Куда ты запропастился? — сказала та. — Федя тебя спрашивал, забыл ты его совсем».

Васька, не заходя домой, помчался к Фёдору. А тот без вступлений:

— Слышал я, что какой-то салага в школе эвакуированных обижает, а мать твоя говорит, что и ты в этом участвуешь. Я ей: быть этого не может. Васька хоть и пацан ещё, но в душе мужик и слабых обижать не станет. Так она не верит... Ясно дело... баба. Я-то в тебя верю. Ты это... того, заступись за них, им, наверное, несладко-то среди чужих живётся, да и ответить они местным не могут, а таких обижать, браток, — последнее дело. Ты, как будущий моряк, должен об этом знать...

Так закончилась Васькина месть...

* * *

«Да, — подумал Градов, — куда бы занесло меня, упрямого, озлобившегося мальчишку? К какому берегу прибило, как, в конце концов, сложилась бы моя жизнь, если б не было его — безногого моряка Фёдора, который мог бы обидеться на людей, озлобиться и подталкивать к этому других, однако он остался человеком несмотря ни на что».

Трудная судьба у таких людей.

Стал Фёдор к осени покашливать, к зиме пожелтел, на правой щеке его расцвёл альпий цветок, верный признак туберкулёза.

— Зачах совсем, — жаловалась матери бабка Харитинья, — хоть бы до лета дотянул, а там, глядишь, и... осилит хворь.

Но до лета Фёдор не дожил... Схоронили его весной бабы с Митричем и забыли быстрой обычной. Помогли этому похоронки, продолжавшие приходить в деревню до самого конца войны...

Да что говорить, на фоне тысяч смертей на фронте кончина Фёдора не очень тронула односельчан. Некоторые даже завидовали Харитинье: «Твой дома лежит, а наши где?»

...Два года назад Градов был проездом в Заречном. Впрочем, Заречного сейчас нет. В знакомой излучине расположился незнакомый Градову совхоз, выращивающий овощи для города.

Нет и в помине деревянного моста через реку, на этом месте

появился железобетонный его преемник.

Нет окраинных домиков, базара, лавки... Их места заняла вторая очередь завода, в десятки раз крупнее первой. Поэтому завод дошёл до реки и даже перешагнул её: два корпуса экспериментальной лаборатории разместились на бывшей колхозной земле, на самом высоком месте...

Из знакомых в деревне никого не осталось, если не считать Блатяка, который, по слухам, доживает свой век у родственников.

В центре села стоит стела с орденом Великой Отечественной войны и плита с фамилиями погибших односельчан. Но фамилии Фёдора там нет (и ему ли, бывшему военному, не знать, почему). Нет в селе и его могилы: корпуса экспериментальной лаборатории стоят на месте бывшего деревенского кладбища, где похоронены Фёдор и Харитинья, пережившая сына на год...

Давно затих вестибюль. Реже стал поток машин на проспекте. Погасли огни огромного здания напротив гостиницы, и оно стало похоже на сказочный дворец Аладдина, чудом выросший в ночи в самом центре современного города. Ветер стал дуть зло, порывисто.

Градов всё ещё сидел в кресле.

Щёлкнул замок входной двери. Потянуло сквозняком. Пришёл Шевцов. Было поздно.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

НЕРАЗЛИЧИМЫЕ СНЫ

Юрий Михайлович Кублановский родился в 1947 году в Рыбинске. Окончил Московский государственный университет. Работал экскурсоводом в музеях, в том числе на Соловках, дворником, истопником, сторожем в храмах. Эмигрировал, жил в Париже, в 1990 году вернулся на родину. Поэт, публицист, критик. Много лет работал в журнале «Новый мир». Сопредседатель Союза российских писателей. Лауреат премии А. Солженицына (2003), Новой Пушкинской премии (2006), Патриаршей литературной премии (2015) и др.

* * *

Россия, ты моя!
И дождь сродни потопу,
и ветер, в октябре сжигающий
листья...

В завшивленный барак,
в распутную Европу
мы унесём мечту о том, какая ты.

Чужим не понята. Оболгана своими
в чреде глухих годин.
Как солнце плавкое в закатном
смуглом дыме
бурьяна и руин,

вот-вот погаснешь ты.
И кто тогда поверит
слезам твоих кликуш?
Слепые, как кроты, на ощупь
выйдут в двери
останки наших душ.

...Россия, это ты
на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в
Кресты.
В края, куда звезда лучом не
доставала,
они ушли с мечтой о том,
какая ты.

в одночасье к милому порогу
из бессрочных странствий
нелинейных.

Ибо наше небо не могила
с брошенной наугад бутылкой,
а всё то — о чём ты говорила,
ночью мне по молодости пылкой.

ПАРИЖ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ

Над Сенной ива клонила гриву.
Дождь начинался раз сто на дню.
Народ стоял на ретроспективу
Дега: бега, балерины, ню,
оттенки от голубого к пиву
и дальше — к рыжему и огню.

По-катапультиовски раскрывался
мой зонт раскидистый, в меру
стар,
и плащ двубортный

пообтрепался.
А за углом — сохранился бар,
где к Эренбургу завербовался
в товарищи Элюар.

* * *

Путаньями путями
время пришло к концу

и провело когтями
с нежностью по лицу.

На родных бережках
я с солью в глазных мешках.

Тебя же юнит на редкость
слоистых одежек ветхость.

Будем учиться сами
тому, что забыли, снова,

обмениваться томами
Истории Соловьёва.

Тсс, перейдя на свист,
ветер взвихряет лист.

Над темнотой дворов
новый помёт миров.

Галактики нас, похоже,
способны заворожить.

Но что за ними — не можем
даже предположить.

До ближней живой звезды
тысячи лет езды.

ЦАРЬ

...Вдруг проснулся не у
пыльных полок,
а проникшим в полутёмный
терем,

на подушках Софьи Палеолог
полугосударем-полузверем.
И когда поднёс к губам,

намятым
за ночь заревую, ковш
долблённый,

быстротечной жизни склон
покатый
перелился в вал волны солёной.

Да, кажись, я правил этим миром,
где шумят леса до океана,
где зенит меняется с надиром
местом в толще белого тумана.

Нет, не помню, кем я был на
свете.

Нынче ж в положенье
переходном
я уже по щиколотку в Лете,
в мутном молоке её холодном.

ЕВРАЗИЙСКОЕ

Существую сам, а не по воле
исчисляемых часами дней.
А окрест — непаханое поле,
поле жизни прожитой моей.

Кое-как залеченная рана
непокойных сумерек вдали.
Визг лисиц в улусе Чингисхана,
вспышки гроз над холмами
земли.

Кто-то вновь растерянных
смущает
тем, что ждёт Россию впереди.
Кто-то мне по новой обещает
много-много музыки в груди.

Разгребал бы я костёр руками,
только дождь упорнее огня.
Воевал бы я с большевиками,
только червь воинственной меня.

Взятую когда-то для прокорма
нам тысячелетие спустя
языки стихающего шторма
возвращают гальку, шелестя.

А в степи, в солончаках всю зиму
не поймёшь средь копий и
корзин

то ль акын — соперник муэдзину,
то ль акыну вторит муэдзин.

ЦАРЬ (2)

Не в степном зачуханном улусе,
а в лесном московском эмпирее
поднесу к губам, заросшим усом,
золотую чарку романей.
Облачусь в парчовые доспехи,
за оконцем золотые пятна
потускнели листьев и помехи
увеличились тысячекратно.

Впредь ветрам в отместку
огрубелым
и путям их неисповедимым
я останусь тут последним Белым
памятным Царём непобедимым.
И покой моей берегая
родины, чьей гибели не емлю,
пусть альтернативная, другая
длится жизнь наследовавших
землю.

* * *

Сделалось с годами, допекая,
всё слышней дыхание в груди,
с ним таким теперь на пик Синая,
потакая звёздам, не взойти.

Кажется, что жизненная квота
вычерпана — но, наоборот,
из кармана заставляет кто-то
доставать затрёпанный блокнот.

Словно это юнкер темноокий
у себя в казарме налегке
спит и видит сон про одинокий
и мятежный парус вдалеке.

Дмитрий УРБАНОВИЧ

«МЫ УЖЕ В ВЕЧНОСТИ, БРАТ...», ИЛИ ОРДЕН ВИКТОРА ПЕЛЕНЯГРЭ

Что вообще такое — «куртуазный маньеризм»? Сталкивавшиеся с ним с понимающей улыбкой покивают головой. Для тех, кому пока не довелось познакомиться с этим поэтическим течением — один из множества примеров.

«Вы опрокинули бокал На светлый мой костюм; Я лишь глаза на вас поднял, Я был во власти дум. Застыли верные друзья, Прервав беседы строй. «Как смели вы, — подумал я, — Так поступить со мной?» Как допустил беду Господь, Небесный сея свет? Пылает, как живая плоть, вечерний туман... Здесь я учтиво произнёс, Смутившись, как всегда: — Костюм не стоит ваших слёз, Какая ерунда!»

И это ещё из невинных! (О, вот и каламбур! Ну, предмет разговора обязывает).

И здесь, чтобы не углубляться в литературоведение, я отсылаю читателя к Википедии — и думаю, что по прочтении статьи «Орден куртуазных маньеристов», ему захочется продолжить знакомство и продлить удовольствие. Впрочем, с основателем

Ордена, творчество кавалеров которого уже изучают в вузах (не только российских) и о котором уже написано немало критических работ, вы можете познакомиться прямо сейчас.

Милости просим: Виктор Пеленягрэ (процитированные выше строки — его). Беседовать с ним — мечта для журналиста: даже не надо задавать вопросов, достаточно задать направление. И он сам всё расскажет. И даже более того...

«КУРТУАЗНЫЙ МАНЬЕРИЗМ — ЭТО Я»

— Куртуазность — остаётся ли это в вас через десятилетия или с нею покончено?

— Куртуазный маньеризм — это я. Я придумал это последнее великое литературное течение. Как может быть покончено со мной? А все остальные — подражатели или замечательные интерпретаторы.

— А почему тогда титул «Великого магистра» был за Вадимом Степанцовым?

— Он прекрасный администратор и организатор. И в силу

того, что я ленивый, а он... пронырливый, скажем так. А мне это не очень было интересно. Мы написали совместный манифест для Ордена, а потом к нам присоединились и остальные кавалеры: Андрей Добрынин, Константин Григорьев, Дмитрий Быков, Александр Бардоным... Вот это золотой состав. Все следующие — инициатива человека, назвавшего себя «Великим магистром»... А я — Архикардинал и идеолог... и вдохновитель всех литературных побед.

«Кургуазный маньеризм» — одно из гениальных изобретений в литературном мире! Мы не уклонялись, не прогибались, не заблуждались. Я например, как ставил высоко женщин, как любил красивую жизнь, это, как говорят итальянцы, «божественное ничегонеделание», так и по-прежнему это культивирую. И считаю, что только так и создаются лучшие произведения в изящной словесности. Остальные кавалеры Ордена делали бесконечные попытки уклониться от моего могучего влияния, когда они создавали, например, «киберманьеризм» — это даже звучит смешно.

— **Что же, осталось лишь великое и могучее течение, а с Орденом покончено? Всякие поэтические объединения обречены на скорый распад — Лефы, Рефы, «Серапионовы братья», Евтушенко-Вознесенский-Рождественский и прочее? Пушкин прав — «ты царь, живи один»?**

— Ну, как это всегда бывает, все разошлись, это естественно. Только один кружок французских литераторов просуществовал 35 лет. Мы продержались вместе около семи, это долго. Всё начало рушиться в 1992 году, когда погиб Саша Бардоным. Это не значит, что когда погибает член экипажа, корабль перестаёт существовать. Как говорил Константан Григорьев, которого тоже уже нет с нами, — «Мы уже в вечности, брат...» Может, вы скажете, что те песни, которые я написал, не в вечности уже? «Как упоительны в России вечера»? Это ещё в восьмидесятые годы. Добронравов положил на музыку лет через десять.

«ПЕСНЯ ПИШЕТСЯ БЫСТРО — ИЛИ НИКАК»

— А первую песню свою я вообще написал за девять минут при условии, что управлюсь за десять. Для «Бригады С» Гарика Сукачёва, первого его магнитоальбома, «Ностальгическое танго» называется. Выиграл на этом споре бутылку коньяка и путёвку в бессмертие, ха-ха. Тут нужно отдать должное Степанцову, он тогда писал для какого-то ансамбля и говорил, что это долгое дело, а я сказал ему, что на самом деле песни пишут очень быстро — или никак.

— **Теперь, по прошествии лет, — что главное могли бы**

сказать о каждом из членов Ордена?

— Я всегда говорю, что нельзя предавать идеалы молодости. Мне было очень грустно, когда Степанцов, пленившись ничтожными личностями, впрочем, себе под стать, начал атаковать своих друзей. На меня обрушились, не выдержав славы, которая меня настигла после «Вечеров». Мы можем друг друга обижать, подначивать за пиришествным столом, в своей компании. Но нельзя открыто принимать сторону чужаков, ничтожных зоил-критиков. Какие бы они ни были, это друзья твои.

Я очень любил Сашу Бардодыма, самого чудесного нашего человека.

Добрынин... мама его всё время ему твердила — вот посмотри на Пеленягрэ, его все знают, а ты? Но вот как объяснить маме Добрынина? Он всю жизнь жил с мамой, никогда не отпиривлялся в свободное плавание.

В начале девяностых у меня одна за другой выходили книги. Некоторые — трёхсоттысячным тиражом. Появлялись песни, которые запела вся страна — «Девочка моя» Крылов исполнял, «Я вышла на Пикадилли», «Акапулько» — Вайкуле, «Хулиган» — Аллегрова, «Шарманка» — Басков...

И вот такие нападки от своих... Я вышел из Ордена один из первых, чтобы не травмировать их. Дима Быков тоже примерно в это же время ушёл в свободное

плавание — я его понимаю, потому что Степанцов без конца его третировал, посылал за водкой... И хотя это нормально, младших всегда посылают, но он не выдержал этого бесконечного унижения. Например, как-то зашли в «Московский комсомолец», быстро, прямо на коленке написали какую-то заметку, а наша подружка, Елена сразу отдала её в печать. А в ней что-то вроде — мы ездили в какой-то бордель, устроили там скандал, а Быков вступился за честь падшей девушки... А Дима в это время как раз женился... Он начал писать опровержение, топтать ногами, вышел из Ордена... Ну, в общем это была такая игра, хотя Быкову такая игра... Ну что, и обо мне такое писали, но я же спокойно относился.

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

— Поэт должен быть вне политики или как?

— Так скажу. Мне нравится Афанасий Фет, который печатался то в мракобесном каком-нибудь издании, то в суперлиберальном. И когда ему говорили «Вы же беспринципный», отвечал: «Если грубый сапожник Шмидт будет издавать листок под названием... (тут следовало неприличное слово), я всё равно бы там печатался. Стихи очищают».

Я был всегда поверх барьеров. Я вот написал гимны всем партиям. От «Союза правых сил» со

строчками «Олигархи, вперёд, а над Родиной дым, наше правое дело и мы победим» и «Единой России», который пело «Золотое кольцо» до замечательного гимна коммунистам... Там слова были «Речка за смородиной, пушки, кавалерия, До свиданья, родина, Красная империя». Ещё «зелёным» написал...

Поэт такого уровня, как я, должен объединять, а не разъединять.

— **Вас даже пытались записать в «куртуазные постмодернисты»...**

— Постмодернизм присутствует в любом творчестве! Это я говорю как человек с двумя высшими образованиями и каменщиком-монтажником четвёртого разряда. В моей училищной группе один сел за убийство, двое за вооружённое ограбление, четверо за изнасилование, остальные по хулиганке пошли. Это к тому, в какой среде я учился и где формировался.

Так что вся литература — это не что иное, как постмодернизм. «Дон Кихот» — вообще квинтэссенция постмодернизма.

О БРОДЯЧИХ СТРОКАХ

Меня, например, часто обвиняли то в плагиате, то в использовании чужих строк. По этому поводу я ответил в эссе «Разбойники с большой дороги». Вот у Пушкина самая знаменитая строчка какая?

— **Так... Если насчёт использования чужих строк... «Я памятник себе воздвиг...»? Державинские слова?**

— «Гений чистой красоты!» Это Жуковского строчка. А лермонтовское «Белеет парус одинокий»? Эта строчка Бестужева-Марлинского! У Пеленягрэ знаменитая строчка? — «Как упоительны в России вечера». Он сочинил её сам! А вообще — ещё Сенека как писал в «Нравственных письмах к Луциллию»? «Все, что сказано хорошо, — моё, кем бы оно ни было сказано».

— **Да, то же и со строками Андрея Туркина из стихотворения «Посмотришь на небо — там звёзды одне...».** Тогда Степанцов особенно негодовал. Хотя по мне, если честно, это обычный перепев, перифраз, который в поэзии используется сплошь и рядом, а уж в куртуазных-то целях... Да Лафонтен вообще переписывал басни Эзопа пачками, а дедушка Крылов потом перекладывал Лафонтена с французского на русский — и что? Шекспир, Мольер, Пушкин всюю пользовались «бродячими сюжетами». И чем хуже «бродячие строки»? Тем более это уж точно постмодернизм.

— Я вот никогда не прощу Солженицыну то, что он наехал на нашего великого Шолохова, усомнившись в его чистом авторстве «Тихого Дона». Якобы он у кого-то там списал! И вообще

Солженицын бодался не с дубом, а с нашей великой Родиной. И этого я ему тоже не прощу.

— Так критика, шире — литературоведение простому, обычному читателю, не филологу, нужны или нет? «Нравится-не нравится», вот и критерий...

— Конечно, нужны. Как можно без Тынянова, без блестящего Писарева? Главное назначение критика — обострять нашу любовь к литературе. Да я сам написал в пединституте дипломную работу о творчестве Пастернака, Рильке и Цветаевой. И мой замечательный профессор Елена Спиридоновна Себешко сказала: «Виктор, вы знаете, что вы написали?»

— Неужели докторскую?

— Да! Сказала — «А вы написали докторскую». Вот, и благодаря отрывкам из этой работы я потом помог нескольким девушкам поступить в Литературный институт, между делом...

ВСЁ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

— А что вы скажете о современной русской поэзии, постсоветской?

— У неё какой-то локальный, университетский масштаб. Поэтов много, но все как-то варятся в собственном соку. Мы всё-таки были нацелены на всенародную славу. У нас уже

не будет таких, как Евтушенко. Общество сегментировалось. Раньше стать знаменитым было гораздо легче: было одно радио и одно телевидение. Теперь в одной Москве ежедневно появляются тысячи песен. И редкие хорошие просто теряются, производится слишком много товара. При этом количество хороших песен за один год, начиная с «Шумел камыш, деревья гнулись», осталось одинаковым.

Россия — страна, где любят хорошие стихи. Если их не будет, никогда не будет и хороших песен. Вначале всегда слово! Вот и Раймонд Паулс написал музыку на моё стихотворение «Я вышла на Пикадилли» впервые в своей жизни. А так-то на его музыку пишут тексты.

Я всегда писал стихи, не целенаправленно песни. Но вот в 1992 году, чтобы не умереть с голоду, когда не было ни еды, ни жилья, ни денег, ни работы, ничего — наступил момент выживания. И я подумал, что выжить я смогу при помощи песен. В семнадцать лет я дал себе зарок никогда не работать — ну вот, и благодаря песням я и не работал никогда.

— А писание стихов нельзя разве назвать работой?

— Я могу, конечно, сказать — «о да-а, это большо-ой труд!» и что там ещё Маяковский говорил насчет тонн руды ради грамма радия... Но у меня язык не повернется назвать это работой.

Маяковский, конечно, прав, он гениальный поэт. И мы любим себя выставлять бездельниками. Но самое страшное зверство, навязанное человечеству — это ежедневный с девяти до шести труд. И я этого избежал!

Какое-то время, как мы развалились, был продажным репортёром. Пошёл в «Московскую правду», где были блестящие приложения к газете — «Новый взгляд», «Ночное рандеву». Евгений Додолев там ещё работал, Отар Кушнашвили, серьёзные ребята. Мне дали очень маленькую зарплату, и я подумал: а ведь не проживу на неё... И через неделю открыл себе рубрику «Летопись столичных ресторанций». И тут мне покатило! Тогда повсюду открывались рестораны. Я был лучший ресторанный критик, кабатчики меня обожали! Я приходил с оравой бездельников и девиц, мне растилали поляну... Это было прекрасно!

— **Что — всех прям так и хвалили?**

— Не-ет! На тех, которые меня плохо кормили, я обрушивал праведную ярость. Это, кстати, продолжалось довольно долго, года два. Я приходил и говорил: «Пацаны! У вас гениальный кабак! Но ведь о нём

никто не знает! Вот почему знаменит парижский кабак «Максим»? А кто там сидел? Там сидели бандиты в основном. Они спрашивали: Почему? А потому, отвечал, что у него есть пресса! Я могу вас прославить! Они спрашивают: сколько? Я говорю — ну, в этот номер уже тяжело... всё уже почти свёрстано... Они говорят: ну, десять тысяч? Говорю — четыреста! И мы сдвигаем всех! Брал тысячу долларов за небольшую статейку...

После ужасов голода я стал богат! Ну, по тем временам, конечно. Разъезжал в экипажах с дорогими красавицами и прекрасно себя чувствовал. Но потом понял, что это путь в никуда.

— **Рестораны кончились?**

— Нет. Начались песни, начался шоу-бизнес, и я перешёл в него.

— **Выгоднее показалось?**

— Показалось, что интереснее. Но при условии, что ты пишешь великие песни, и выгоднее. Я же не писал какую-то хрень типа «Ты морячка, я моряк»... И сколько ещё у меня стихов, на которые музыка не написана, о! Самые лучшие песни на стихи Есенина когда появились? Тридцать лет спустя после его смерти. А моя песенная судьба только начинается!

По весеннему небу плывут облака,
светлый вечер печалью согрет.
Он, конечно, приедет, —
но жизнь коротка,
и царевны давно уже нет.

Значит, можно обратно
отпрянуть во тьму,
значит, сказки не то говорят!
Тут и выйдут из леса навстречу ему
Светобор, Доброслав, Коловрат.

РОДНЯ

Не город детства моего,
а лишь его родня.
И без претензий на родство
мы жили здесь три дня.

Стоял короткий летний срок,
базар тонул в пыли.
Мы город вдоль и поперёк
три раза обошли.

А он зарылся от жары
в кленовый свой убор,
попрятал он свои дворы
за дровяной забор,

тонул в садах, в реке сидел,
ленился и скучал,
на посторонних не глядел
и нас не замечал.

И было сладко оттого
глазеть по сторонам,
что не должны мы ничего,
и он не должен нам.

Не город детства — но зато
двойник с его лицом.
Меня не держит здесь никто,
не ждёт перед крыльцом.

Пусть не причалю, уплыву
вперёд, как Одиссей, —
но здесь увижу наяву
прообраз жизни всей:

я думала — она моя,
я думала — родня,
но равнодушье бытия
царит вокруг меня.

Здесь незабудки между рам
наивные — хоть плачь,
на пустыре по вечерам
летает гулкий мяч.

И в тишине за час до сна
щемящий звук такой —
как бы натянута струна
в покосах за рекой.

МОЛЧАНИЕ

Голубого тумана завеса,
на сто вёрст по утрам тишина.
И в молчании ближнего леса
бесконечная повесть слышна.

Вот рябина ветвями качает,
вот неслышно кружится листва —
тот, кто жил, без труда
различает,
как молчанье слагает слова.

И бескрайние дали листая,
по равнине, слепой от дождя,
бродит смыслов безмолвная стая,
за предел бытия уходя.

Перелески, овраги да спуски,
безысходность заброшенных сёл...
Если ты понимаешь по-русски,
ты давно эту книгу прочёл.

Вовлечённый в поток поневоле,
 собеседник безмолвный всего,
 ты всё смотришь в широкое поле
 и не смеешь сказать ничего.

У ЦЫГАН

За тем перелеском багряным,
 в овраге, в ночи у костра
 привольно живётся цыганам,
 и можно гулять до утра.

Своей ли тоски тебе мало,
 чтоб слушать их вольный напев?
 Уж сколько здесь жизней
 пропало,
 последним огнём догорев!

Великая истины сила
 взойдёт, смертоносно близка.
 Тебя у цыган подкосила
 твоя же слепая тоска.

Спиралью вращается красной,
 стеной подступает к тебе
 жестокий рассказ о напрасной,
 загубленной русской судьбе.

И бьётся, и вырваться хочет
 бурлящего сердца поток.
 Цыганка поёт и хохочет,
 бросая под ноги платок.

Душа заплутавшая! Годы
 ушли на познание твоё.
 Но дети бездумной природы
 за миг прочитают её.

Как холоден путь до заставы,
 как чёрен просёлок во тьме!
 И только лишь месяц кровавый
 по левой встаёт стороне.

ВЕСНА В ЗИМНИКЕ

Владимиру Крутину

Нарождается праздник
 цветущей весны,
 и такое в природе творится!..
 Стоит солнцу взойти — и с
 любой стороны
 вылет пчёл на цветы состоится.

Потому что и яблони все зацвели,
 а куда от сирени деваться!
 И буравят листву золотые шмели,
 нагибая соцветья акаций.

Это школьный, старинный,
 раскидистый сад,
 это детства весенняя зона,
 где сияющий воздух до неба объят
 ровным гулом пчелиного звона.

Над бескрайней равниной побед
 и потерь
 голубые раскинуты сети.
 Вот и школьный звонок —
 и в открытую дверь
 на каникулы вырвутся дети.

На окне — позабытая кем-то
 тетрадь,
 жизни пройденной малая вежа.
 Улетели! Умчались! Ничем не
 сдержать
 беззаботного детского смеха!

И не веришь, что миг торжества
 преходящ,
 и забудешь, что праздник не
 вечен:
 стоит солнцу зайти — из
 берёзовых чащ
 вылет майских жуков обеспечен.

В темноте они мягко и густо
скользят,
зачарованный путь выбирая,
чтобы рушиться вниз и
стучаться, как град,
о дощатую крышу сарая.

ТРАМВАЙ ЖИВАГО

В тридцать лет мы не знаем,
когда мы умрём,
нам не стыдно слоняться без дела.
И в зените над городом, над
пустырём
неподвижное солнце висело.

Поднебесное облачко бросило
тьнь —
и опять безмятежна природа.
Как медлительно, сладостно
тянется день,
весь июль девяностого года!

Будут август, октябрь. И уже
не шутя,
с удивленьем, с восторгом,
с тоскою
ты насмотришься туч, дорогое
дитя,
ты увидишь ещё не такое!

Твой зенит приходился на
самый канун,
ты обратно не сможешь
вернуться —
лирик, физик, философ,
мятежный вещун,
жертва русских своих революций.

И уже погрузились в глубокий
склероз
ураганные чёрные годы.

И не всё ли равно, кто в
осколки разнёс
недопитую чашу свободы!

Ты пройдёшь, и тебя не узнают
в лицо,
ты и сам никого не узнаешь.
Как во сне, обручальное наше
кольцо
на мешок овощей поменяешь.

Донным илом покрыты колонны
и львы,
перепрели перо и бумага.
Ничего не прося, не подняв
головы,
ты проедешь в трамвае Живаго.

Из космических, дальних,
нездешних времён
звёздный свет, не дойдя,
замирает.

И безмолвно на твой
летаргический сон
многомудрая вечность взирает.

ПОЭТ ФОМЕНКО

Свершилась поколений
пересменка,
круги дождя распались на воде.
Мне вспоминается поэт
Фоменко,
который долго жил в Караганде.

Потом он в Шахматове пил
жестокую,
сторожки тёмной обживал углы.
Он выходил во двор — и образ
Блока
ему являлся из вечерней мглы.

И Блок смотрел с безмолвной
 укоризной
 секунды три из пелены дождя,
 и растворялся в небе над
 Отчизной,
 в её туман легко переходя.

Леса роняли жёлтое убранство,
 клонились долу жёлтые цветы,
 и было ливнем занято
 пространство,
 в которое рискнул вернуться ты.

Срывай, поэт, листы бездомных
 лилий,
 глуши вино в попутных
 поездах!
 Нам негде жить: мы слишком
 долго жили
 в Караганде и прочих городах.

Оглянешься на тёмное, пустое,
 за что тебе полвека зачтено, —
 и думаешь, что дальше жить
 не стоит.

Быть или не быть! Теперь уж
 всё равно.

Не тяжело в бесчувствии
 глубоком
 доматывать уже недолгий срок.
 Твоя судьба могла бы стать
 уроком,
 но никому не нужен твой урок.

ЦВЕТЫ

В.Е. Ковскому

Ты спишь в суеде новостей
 городских
 прижизненным сном суеты.
 А здесь, в стороне от потоков
 людских,
 цветут на газоне цветы.

Здесь осень сомкнула свои купола,
 здесь жилы Вселенной легли,
 и красная лава к ногам изошла
 из самого сердца Земли.

Плывет газон негасимым огнём,
 ничто ему ветер и дождь.
 И вечная тайна содержится в нём,
 которую ты не поймёшь.

Как будто, сойдя с иноземных
 орбит
 в единую точку тепла,
 неведомый разум безмолвно
 скорбит
 о жизни, что мимо прошла.

Отсюда ты в небо ночное взгляни,
 как в чёрный, погибельный ров,
 где светятся звёзд торговые огни
 пред самым крушением миров.

И может, давно уже небо мертво,
 и наша погибель близка,
 а ты не успел, не успел ничего
 за долгие эти века.

*Поздравляем
 Светлану Анатольевну с юбилеем!
 Желаем здоровья и новых
 непревзойдённых стихов!*

Марина САВВИНЫХ

«КТО Ж ЗА РУССКИХ ЗАСТУПИТСЯ?»

Марина Олеговна Саввиных родилась в Красноярске, окончила Красноярский педагогический институт (ныне – университет им.В.П. Астафьева). Печаталась в журналах и альманахах «Юность», «Уральский следопыт», «День и Ночь», «Москва», «Дети Ра» и др. Автор девяти книг стихов, прозы, публицистики, множества статей о творчестве современных русских писателей. Лауреат Фонда Астафьева (1994). Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лица (1998 – 2011). С 2007 года – главный редактор журнала «День и Ночь». Член Союза российских писателей, Южно-Русского Союза писателей и Международного Союза писателей Иерусалима, Президиума Международного Союза писателей XXI века. Лауреат литературной премии им. С.С. Бехтеева. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Живёт в Красноярске.

* * *

Я — Россия.
Над горькой землёй возревав,
Дым и пепел смиряют
имперский жар.
Я не дам в обиду моих евреев,
И мою Чечню, и моих татар...
Не без грешников в нашем
засечном стане,
Но попробуй изъять из моих
глубин
Голубиные рокоты Пиросмани
И лозы кахетинской живой
рубин...
Да, ладони мои — и нежны, и
грубы,
Но любовь так искренна и
чиста,
Что дробят мне дыхание ритмы
Кубы —
И огонь Хиросимы палит уста
До сих пор...
При петливой степной дороге,
Там, где братской рукой
уничтожен брат,
Льются слёзы мои, и мои
тревоги
Умножаются по миру во сто крат.

Так есть и будет: время
 обнимать,
 И время — уклоняться от
 объятий!
 Когда весь мир — театр и
 Колизей,
 Финал — открыт, но финиш —
 предсказуем,
 Бегу подобострастия друзей...
 Но ведь Распятый — в кротости
 своей —
 Ничьим не погнушался
 поцелуем?!

КОЙСУ

Миясат Муслимовой

Так реки Лакии — текут или
 поют —
 В пульсирующем каменном
 свеченье,
 И шёпоты садов — затишье и
 уют —
 И блянье отар — по склонам там
 и тут —
 Протяжные слова их стройного
 реченья...
 Застенок или путь — теснины
 этих гор?
 Под взорами орлов ты извилась
 тесьмою,
 Как будто впереди
 предсказанный простор,
 Неведомый твоим излукам до
 сих пор,
 Сулит проклятие или грозит
 тюрьюмою,

И голос твой дрожит —
 вселенский плач и стон
 Тебя преследуют предчувствием
 тяжёлым,
 Что на тебя с высот кренился
 царский трон,
 Вот-вот низринется обвал со
 всех сторон,
 И смертоносный сель
 прокатится по сёлам...
 Ты прячешься в камнях, ты
 замедляешь ход,
 Ты сводишь берега, как раненные
 плечи,
 И зимняя тоска тебе на грудь
 кладёт
 Неотвратимый снег и
 неделимый лёд,
 И еле слышатся тогда речные
 речи.
 Но сон твой короток... ведь
 рекам не до сна,
 Когда живая кровь толкается в
 истоках...
 Минуют холода, и новая весна
 До самого тебя распеленает дна,
 И ты воспрянешь — дело только
 в сроках!

* * *

В.А.

Капитан секретного фрегата,
 Пролагаю неуклонный курс...
 Соль столетий — чем душа
 богата, —
 Мой неисчерпаемый ресурс.

Где пристать крылатому не
мелко,

На зюйд-вест или норд-ост
идти?

Укажи, настойчивая стрелка,
Направленье верного пути,

Чтобы избежать соблазна
кривдой,

Чтоб, стремясь на еле слышный
зов,

Просквозил меж Сциллой и
Харибдой

Шёлк моих багряных парусов,

И когда, исчадьё брызг и пены,
Встанет смертный морок надо
мною,

Чтобы не сподобились сирены
Оплести сознание пленой

Умопомрачительного яда...

Мачта из архангельской сосны —
Это всё, что для опоры надо
Вестникам надежды и весны!

Вей, декабрьский ветер, вьюгой
рея,

Холоди тугие вены рей!
Пусть летит сквозь ночь путём
Боряя

Флот моих упрямых декабрей!

Где-то, на краю грядущей бури,
В гавани, далёкой, как рассвет,
Я ещё глотну твоей лазури,
Берег вдохновений и побед!

* * *

Я говорю себе: забудь!
Я говорю себе: прости!

Я говорю: свободен путь,
Свободны разные пути!

В огне плясать, гореть во льду,
Дождём долбить земную
твердь,

В раю терзаться и в аду,
Влюбляться в собственную
смерть:

В её сверлящие зрачки,
В бунтующую немоту,
В подвалы, свалки, чердаки,
В свет, не заметный на свету...

Забывать — забуду. Ерунда.
Не привыкать же — забывать!
Но нет дороги — не туда...
Не обогнуть... не миновать...

* * *

Не потому я изгнана из Рая,
Что к знанию осмелилась
припасть!
Свобода, бесконечно дорогая,
Во мне Твою предвосхитила
власть.

Ты прав, Господь, что не
вложил мне в руки
Готовых истин круглые плоды:
Души неисцеляемые муки
Не горше тех, что молча
вынес Ты.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Чертёж невозмутимой правоты —
Двуглавый византиец — здесь
и ныне.

Кость мамонта — точёные черты
В тебе сосредоточенной латыни.

Шаг эллинский. Чекан
монгольских сбруй.
Норд-вест, по скифской
вьющийся основе.
Кипение глубинных древних
струй —
В любом твоём созвучии и
слове.

Дышать тобою — или прахом
лечь,
Солончаковой горечью
бесплодной.
Понять тебя — из мрака свет
извлечь,
Судьбою становящаяся речь
Несокрушимой памяти
народной.

* * *

Меж нами — хаос или космос?
Растущее, как снежный ком...
Какая, друг мой, блажь и
косность —
Искать пристанища в другом!

Душа нетленная — комочек,
Меж нами дышащий... прости!
Соблазн рифмующихся строчек
Ты смог бы сам перенести?

Перевести сей вздох безмерный
На существующий язык?
Меня б согрел и спички серной
Чуть видимый дрожащий лик...

Но завтра — огненные горы
Сойдутся в круг у белых вод,

И что-то, лёгкое, как взоры,
От нас ещё произойдёт...

* * *

То ли там колодезь, то ли
банечка...
Ржавое ведёрко на цепи...
Только не жалея Кощея,
Ванечка...
Собственного счастья не проспи!
Это всё твои причуды русские —
Жля да Карна в сущности
вещей...
А Кощеи — сроду — долгорукие!
Что ни долгорукий — то
Кощей...
Не гляди на эти зенки впалые
И не слушай стоны да мольбы...
Видишь, милый, лапы
шестипалые?
Слышишь рёв отравленной
толпы?

Укrotи сердечное стеснение,
А не то — не избежать беды...
Даже за посмертное спасение
Не давай проклятому воды!

* * *

*Мы живём, под собою не чуя
страны...
О.М.*

Мы живём в атмосфере
тотальной войны,
И достанется всем на орехи!
Наши лица друг другу за шаг
не видны,
А видны лишь грехи и огрехи.

То копыто, то хвост в
непроглядном чаду —
Приглядеться и стыдно, и
жалко.
Выгорает страна как болото
в аду
Или как подожжённая свалка.

И припомнить-то нечего — не
разговор,
А долбёжка неписанных правил:
Кто смолчал — не солгал, кто не
пойман — не вор,
Кто юлил — тот следа не
оставил.

И не знаешь, которая рожа
мерзей, —
То ли враг, размалёванный
краской,
То ли пёстрые глазки недавних
друзей
Под небрежно наброшенной
маской...

И откуда-то сверху —
с вершины греха —
С окровавленной скользкой
арены —
Раздаётся «ха-ха»... и даёт
петуха
Виртуоз императорской сцены.

* * *

*«Наш имперский микроб...»
Виктор Ерофеев*

Боль моя, удушье окаянное,
Нет простора для души и
глаза...

Но встаёт, как облако туманное,
Надо мной святилище Кавказа —

В первом сне, в сосуде звона
гулкого —
Колоннады Божьего чертога...
Через Домодедово ли, Пулково —
Всё равно... осталось так

немного!
Где без кисти, без резца и
шпателя —
Дерзновенным чадам в
наставленьё —
Запечатлены рукой Создателя
Канувшие в бездну поколения,

Где трава и камни — начертания
Тайных иероглифов завета,
Где вода бормочет причитания,
Где не знает тень пределов
света, —

Помня ли, во сне ль за правду
ратуя,
Вижу их, горянок в платях
длинных,
Строгих, словно мраморные
статуи
На забытых миром Эсквилинах —

Их сердца — испытанные
бедами —
Болью изливаются, как песней...
Наши судьбы связаны обетами,
Родиной земною и небесной.

Вдох — как целованье...
псалмопение —
Так дышать, как эти горы
дышат!

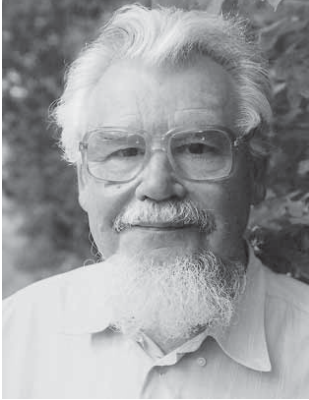
Попроси прощенья и терпения —
И Господь приткнет и
услышит!

Потому что истинного знания
За века не потемнела смальта,
Рвётся жизнь из-под руин
страдания,
Как трава сквозь трещины
асфальта!

О, Кавказ, тоску вражды и
мщения
Утолив на переправе дальней,
Русский дух взыскует очищения
В роковой твоей исповедальне.

Верю: не всесилен бес
растления —
Он твою крепостью преткнётся!
Вот моё имперское мышление —
Было и доселе остаётся.

Владислав БАХРЕВСКИЙ

ПЕРОВСКИЕ

Роман

Владислав Анатольевич Бахревский родился в Воронеже в 1936 году. Окончил Орехово-Зуевский педагогический институт, работал литсотрудником в сакмарской районной газете «Путь к коммунизму». Известный прозаик, член Союза писателей России, соредактор журнала славянских народов «Берега Тавриды» в Симферополе (Крым), лауреат премии Госкомиздата РСФСР за лучшую книгу года, региональной литературной премии им. П.И. Рычкова, всероссийских Пушкинской «Капитанская дочка» и им. Александра Невского «России верные сыны», премии им. А.Грина, Международной литературной премии им. В. Крапивина, премии Международного кинофорума «Золотой витязь» (2012). Живёт в Подмоскowie.

Командир корпуса¹

Уже на другой день по прибытии в Петербург, утром 12 июля Кутузова пригласили на секретное заседание Комитета Министров.

— Господь Бог послал нам тебя! — признал от лица министров фельдмаршал Николай Иванович Салтыков, он же Председатель Государственного Совета и Комитета Министров.

Было видно, радуется искренне, но в глазах тревога.

— Петербург совершенно защищён. Михаил Илларионович, дали бы тебе армию, но где взять её? Прими под команду Нарвский корпус. Все силы, какие есть в Петербурге, под Петергофом — твои.

Министры смотрели на Кутузова, ожидая ответа. Поклонился в пояс:

¹ Окончание. Начало в «Гостином Дворе» № 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56

— Служить всегда рад. Для старого солдата служить и жить — одно. Пиши приказ, Николай Иванович, моё дело — исполнять.

В апартаментах Комитета Министров словно бы потеплело. Министры ожили. Ждали капризов от старика, запросов. А он, как учёный вол — голову в ярмо, и безнадёжно недвижимый воз уже одним его согласием сдвинулся с места.

Причина неловкости, сквозившей в предложении Салтыкова Кутузову, обнаружилась уже через полчаса. Северную столицу предстояло загородить от наполеоновских полчищ пятью батальонами драгун, девятью — пехоты и тремя артиллерийскими ротами. Со всякими вспомогательными службами набралось восемь тысяч человек.

Сделав распоряжения о смотре личного состава корпуса, Михаил Илларионович поехал в Казанский собор.

Обедню служил протоиерей Иоанн. Вместо проповеди прочитал Манифест Священного Синода. Слова сего манифеста дышали Небесною грозой.

— «С того времени, как ослеплённый мечтою вольности народ французский испровергнул Престол единоподержавия и алтари христианские, мстящая рука Господня видимым образом отяготела сперва над ним, а потом, через него и вместе с ним, над теми народами, которые наиболее отступлению его последовали».

О России в манифесте сказано было сурово, но достойно:

— «Богом спасаемая Церковь и Держава Российская доселе была по большей части сострадающею зрительницею чужих бедствий... Ныне сия година искушения касается нас, россияне! Властолюбивый, ненасытимый, не хранящий клятв, не уважающий алтарей враг, дыша столь же ядовитою лестию, сколько лотою злобою, покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолепие храмов Божиих ещё издавеча простирает хищную руку. Сего ради взываем к вам, чада Церкви и Отечества!»

— Господи, дай сил послужить России! Пошли воинству православному остановить зверя! — Слова молитвы заслонили всё и вся.

Народ пошёл к Кресту, и Михаил Илларионович встал в очередь. По знаку протоиерея церковные служки взяли генерала под руки, поставили первым.

— Да достигнут молитвы наши Престола Господня о воинстве русском. Михаил Илларионович, на мышцу твою уповаем, на мудрость твою. Ты есть щит Господень от супостата.

Кутузов поцеловал Крест, поцеловал руку пастыря, пошёл из храма, чувствуя на спине, на затылке глаза, смотрящие на него.

Сердце ужаснулось: с восемью тысячами чудо-богатырей, как говаривал Суворов, только погибнуть со славою. Побить

зверя, в клетку загнать — вся Россия надобна.

Граф Кутузов от коляски своей двигался с великою осторожностью, будто ноги у него были не свои, не привычные.

Однако, завидя генерала, унтер-офицеры прибавили голоса и строгости. Шла учёба людей, к оружию непривычных.

— Дубину, что ли, на плечо завалил?! — кричал унтер на благообразного, далеко не молодого человека. Выватил у неумехи ружьё, проделал виртуозный каскад приёмов.

— Молодец, братец! — похвалил Кутузов унтера.

Подождав, пока подойдут офицеры, сказал, не напрягая голоса, но так, чтоб рядовые ополченцы и командиры слышали:

— Прошу вас, господа, обучить воинов из всех артикулов ружейных двум обязательным: заряду и способности действовать штыком. Не к параду приготавлиемся.

Пошёл вдоль фронта, ласково улыбкай ободряя каждого ополченца:

— Время пришло трудное, братцы! А то хорошо, что вот стоят плечом к плечу крестьянин и чиновник, приказчик и грузчик с баржи. Отечество одно на всех.

Повернулся к офицерам:

— Господа! О ружье сказал. Теперь о премудростях строя. Учите волонтёров маршировать фронтом, взводами, отделениями, но искать в сих маршах

красоту — запрещаю. Будут ступать в одну ногу — значит, учёны главному. Фронт не должен иметь волнования, кое приводит к расстройству линий.

Ещё раз обошёл строй, и все чувствовали — отец.

— Спасибо, братцы! — И Кутузов вдруг поклонился фронту. — Это я вам говорю, генерал, всю жизнь прошедший на войнах. Великое дело свершили, ставши в строй. Моими устами благодарность вам монаршья и всей земли русской. Коли вы здесь, в строю, — стало быть, храбрые люди. А храбрость — запомните сие — оружие, такое же, как пушки, как штыки. И мой совет вам: примите сердцем нашу военную науку. Строй — залог победы, но строй и — спасение. А посему каждый из вас должен знать своё место в шеренге. Вот и вся наука: место своё знать! Место знаешь — хорошо. А другое хорошо — тебе пусть милее родни станет солдат, который перед тобою в ряду и который позади тебя. Особенно же кто в твоей шеренге по правую да по левую руку. Без этой науки — все мы толпа, а коли место своё знаем — регулярное войско. — И так улыбнулся — вся шеренга просияла в ответ.

— Дел у меня много, братцы. Поеду. Но из всех дел моих вы — самое главное. Не подведите старика.

Обаял граф Михаил Илларионович и рядовых, и унтеров, и офицеров. А дел у него и впрямь было много. Корпус предстояло

вооружить, обмундировать, обеспечить довольствием.

Ежедневно приходилось ездить к Вязмитинову, к Салтыкову: генерала тревожила малочисленность корпуса, но ещё более — резервы для отступающей армии.

Фельдмаршал Салтыков почитал своим долгом выказывать государственное спокойствие. Потому и Кутузову рисовал картину самую утешительную.

— Не на бумаге, на конях, — показывал он доклады губернаторов, — у нас уже сидят девятнадцать полков башкирских, уральских пять, пять оренбургских, два мещерякских — иначе говоря, татарских. Сие на востоке. На юге — сведены и уже выступили двадцать шесть донских казачьих полков! В Полтавской, в Черниговской, в Киевской, Подольской губерниях вооружено и грядёт на неприятеля шестьдесят тысяч ополченцев! Неделю тому назад мы усилили третью армию Торماسова четырьмя казачьими полками. Весьма вовремя. Австрияки и саксонцы Шварценберга и Ренье вглубь Малороссии не отваживаются наступать. Даже за Стырь не идут.

Кутузов одобрительно кивал поникшей головою.

— Что с тобою, Михал Илларионович?! — удивился фельдмаршал.

— Слух по Петербургу идёт... Невероятный, но для нынешнего состояния дел весьма нездоровый, даже опасный.

— О Константине? — прямо спросил Салтыков.

— Я ушам своим, разумеется, не верю, — Кутузов смотрел на ладонь, будто на ладони записал сие сомнительное известие.

— Его высочество посчитал нашу армию разгромленной, нынешнее русское воинство не способно-де противостоять гению императора Наполеона. Его высочество якобы даже торопил государя, покуда есть видимость сопротивления, начать переговоры о мире. — Кутузов слушал фельдмаршала бесстрастно. И молчал бесстрастно. Бесстрастность сия была неприятная, брезгливая, но Салтыкову в радость. — Императрица Мария Фёдоровна тоже весьма желает мира.

— Ничего не остаётся, — всё так же бесстрастно и брезгливо сказал Кутузов. — Ничего не остаётся, как побить Бонапарта.

— Бонапарт невероятно силен! — вырвалось у Салтыкова потаённое.

— А для чего переть силой на силу? — Кутузов прикрыл веком здоровый глаз. — На сильного есть хитрость, на хитрого — простота. Вот наши козыри.

Салтыков порывисто поднялся, встал и Кутузов. Обнялись.

Избранник

16 июля, в воскресенье графиня Екатерина Ильинична обедала дома с мужем, с дочерьми. За столом сидели Прасковья,

её супруг, Матвей Фёдорович Толстой — камергер, тайный советник. Екатерина, жена полковника Кудашева. Племянник графини Александр Александрович Бибииков. Чуть припоздав, примчалась красавица Дарья, фрейлина государыни, привезла своего Опочинина.

— Как давно я не был с вами! — порадовался Михаил Илларионович. — А что за праздник у нас сегодня?

Слуги разливали по бокалам шампанское.

Тут-то и грянули пушки. Залп. Залп.

Графиня Екатерина Ильинична поднялась с бокалом, чёрные глаза сверкают, головка поднята задорно. Крикнула, как когда-то полковнику крикивала:

— Ура! Ура нашему герою миротворцу! —хватила бокал единым духом. — Ура!

Дочери, их мужья, их дети кричали «ура», пушки палили залп за залпом.

Матвей Фёдорович объяснил вопросительно улыбающемуся Михаилу Илларионовичу:

— Простите, что скрыли от вас, батюшка! Петербург празднует мир с турками. Выходит, салют в честь и славу вашего сиятельства.

Именинник торжества поднялся, показал на грудь, где сверкал алмазами портрет императора Александра.

— Сие — за Руцук. За взятие лагеря визиря — графское достоинство, за устроение мирного

договора — громы победы. Хорошо, да всё это для Отечества — прошлое, пережитое. Мне бы корпус собрать, обучить. Град Петров нынче можно голыми руками взять, а у француза полмиллиона ружей. — Поклонился Бибиикову. — Зову тебя, друг мой, себе в помощники. Без денег войска не соберёшь. Деньги тоже воюют, да ещё как воюют. Нужно организовать сбор средств, нужно уговорить петербургское дворянство — пусть дадут людей, хотя бы по мужику со ста человек.

— Танцевать! Танцевать! — потребовала графиня Екатерина Ильинична.

И все пошли в залу.

Наутро, спозаранок, Кутузов занимался писаниною. В двенадцатом часу графиня отбыла на службу во дворец — и вдруг назад прикатила.

Застала своего генерала среди доброй дюжины священников.

— Похлопочу! Похлопочу! — обещал Михаил Илларионович батюшкам. — Уж больно радостные хлопоты сии. Благословите раба Божьего Михайлу и рабу Божью Катерину.

Пошёл целовать благословляющие руки. Пришлось и графине благословиться.

Батюшки наконец ушли, и Екатерина Ильинична тотчас приказала командирским голосом:

— Мундир вели подавать! Да тотчас! Тотчас!

— Что за спешность?! — удивился Михаил Илларионович. — У меня бумаг целая гора.

— К тебе делегация вот-вот будет. От дворянства.

И верно. Пожаловали. Повезли в дом графа Безбородки. А там вся слава, весь цвет Петербурга и Петербургской губернии.

Граф Илья Андреевич — генерал-поручик, действительный тайный советник, а с ним Алексей Алексеевич Жеребцов, предводитель Петербургского губернского дворянства, — встретили Кутузова во дворе. Повели в залу, и всё собрание встало и тотчас поклонилось призванному спасти от нашествия Наполеона — Петербург, жён и детей, само имя русское.

За всех сказал Жеребцов:

— Ваше сиятельство! Михаил Илларионович! Позвольте объявить вам общую просьбу дворянского собрания: примите начальство над всеобщим ополчением Санкт-Петербургской губернии.

Воцарилась тишина.

Кутузов приложил руку к груди, но голову не склонил, а поднял.

— Вот лучшая для меня награда в моей жизни.

Крикнули: «Слава».

Но Михаил Илларионович поклонился, коснувшись пола.

— В нынешней войне думать надобно не о славе, о жизни. Дабы не замедлить отказом ревностных действий ваших, я принимаю и возлагаю на себя командование ополчением. Но я, господа, на службе его величества.

Ежели император призовет меня к иной комиссии, должность сию принуждён буду оставить и передать избранному вами человеку. И сразу спрошу, почитая себя приступившим к исполнению новых моих занятий: какую силою предстоит мне командовать?

Михаилу Илларионовичу тотчас показали решение собрания: «Положили со ста человек брать четверых. Вооружить, одеть, но оставить при бородах. Провиантом снабдить на три месяца. Собрать деньги. С домов пятидесятых по два процента».

У купечества было своё собрание: дали два миллиона. От дворян пожертвования ожидаются добровольные. Александро-Невская Лавра обещает серебряный сервиз, митрополит Амвросий приносит в общую казну все драгоценные жалованные вещи.

— Есть у меня ещё один вопрос, — сказал Кутузов собранию. — Где будет и когда начнёт действовать Устроительный комитет ополчения?

— Здесь, в моём доме, — объявил граф Безбородко. — Запись в ополчение начнётся тотчас.

— Пусть мои помощники приступают к делам! — объявил Кутузов. — А я пойду помолюсь. За царя, за Отечество готов пролить кровь до последней капли.

Крикнули «ура», а Кутузов слёзы с глаз отёр:

— Кровь придётся проливать вьявь. Свою, горячую... Нешумное сие дело. Господи, не оставь.

Дела командирские

Дел на командующего корпусом обороны Петербурга, начальника Петербургского ополчения навалилось множество.

Просил генерал-лейтенанта Горчакова, управляющего военным министерством, отпустить из арсенала двадцать четыре трёхфунтовых единорога для формирования двух конных артиллерийских рот.

Рапортовал императору Александру о знамёнах. Предлагал завести по два на батальон, «под коими бы новопоступившие воины приводились к присяге». Знамёна были белые, с красными крестами, с надписью «Сим знаменем победиши».

Требовал выделить из Петербургского гарнизона и войск, находящихся в Финляндии, семьдесят унтер-офицеров, которые стали бы основанием Земского войска.

Не забыл и о батюшках, коих Екатерина Ильинична застала у себя дома. Приходили проситься в ополчение. 22 июля Кутузов писал митрополиту Петербургскому и Новгородскому Амвросию:

«Благословением Правительствующего Синода разрешено вступать в военную службу всем духовного звания людям, в служение церковное непостриженным, а потому я прошу покорнейше, Ваше Высокопреосвященство, приказать объявить желающим вступить в С.-Петербургское

ополчение, чтобы они являлись в Устроительный комитет ополчения всякий день с 10 часов утра, в доме барона Раля, что на Мойке».

Ополчение Михаил Илларионович разбил на восемь пеших дружин, каждая из людей одного уезда. В дружине четыре сотни, в сотне — двести воинов.

Разрешено быть одетыми в крестьянское платье, но не длинное — на вершок ниже колена.

Дружиннику полагались ружьё со штыком, а ежели штыка не было, то пика, ранец и сума. Для белья, для запасных сапог, для сухарей на три дня.

Пришлось испрашивать у государя ружья. Из арсенала выделили десять тысяч, патроны — по шестьдесят штук на ружьё.

Через посредство Экономического комитета приобрёл пятьдесят четыре барабана.

Обращался к предводителю дворянства Жеребцову, чтобы тот предложил с.-петербургскому дворянству и другим сословиям пожертвовать 1200 лошадей.

Были и чисто воинские заботы.

Для прикрытия Петербурга Кутузов советовал Александру учредить один лагерь возле Нарвы, другой между Лугой и Пороховым — на дороге к Новгороду.

Видный столичный сановник Иван Антонович Пуколов писал в эти дни в Москву Аракчееву: «От Риги и Дриссы тревожат часто слухами. Никто ничего не знает. В людях большой у нас недостаток, но герой Кутузов с нами...

Пламенная во всех русских любовь к Отечеству произвести может чудеса!»

Большинство народа из чиновников, купечества, из мещан были в обиде за Кутузова. Расшедрились, командиром над мужиками поставили.

Большой чиновник Петербургского почтамта Оденталь писал личному секретарю Ростопчина Булгакову:

«Граф Гол.-Кутузов здесь. Опять повторяю мольбу: продли токмо Бог жизнь его и здравие! Его выбрало здешнее дворянское сословие начальником вновь набираемых защитников Отечества... Но ежели не последует по высочайшей воле полезнейшего для него, а следовательно, и для России, назначения, то покажет праведный и всемогущий Судия тех, которые отъемлют у нас избавителя. Вчерась на сего почтенного, заслугами покрытого мужа не мог я взирать без слёз!.. Исторгли у него меч, а дают вместо того кортик. А вить у него меч в руках так же действует, как у Михаила Архангела».

О Кутузове говорили, писали. Всем стал нужен.

От вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны явился в Устроительный комитет курьер, привёз пятьдесят тысяч серебром на ополчение и письмо её величества:

«Граф Михаил Ларионович! Основываясь на Манифесте от 6 числа сего месяца, я предполагала из моих вотчин поставить

соответственно оным число ратников, их одеть, вооружить и во всё продолжение войны содержать собственным моим иждивением».

— Так-то лучше! — сказал Кутузов Бибикову.

В свете ходили слухи: вдовствующая императрица требует от царствующего сына заключить мир с Наполеоном.

Знамение

Стыдно, когда тысячные толпы взирают на тебя с восторгом, когда тебе кричат «ура», а ты — беглец, без боя уступивший врагу целые страны.

Император Александр прибыл в Москву ночью 11 июля, отбыл тоже ночью, с 18-го на 19-е.

Езда государя уж и не курьерская — бешеная. Что ни прогон — заморенная насмерть лошадь. Лошадей царственный ездок жалел, но куда деться от высших, от скорейших обязанностей.

Александр Семёнович Шишков принуждён был гнаться столь же резво, дабы не отстать от его величества. Ночью, слава Богу, не отстал, но утром царский поезд прыги прибавил, и вознице Государственного секретаря пришлось нахлёстывать изумительную четвёрку коней без жалости, без стыда, без рассудка.

— Угомонись! Лошадь сдохнет! — закричал адмирал извергу на козлах. Коренная драгла голову, её шатало.

У изверга, хозяина четвёрки, лицо было мокрым от слёз, жалко родимых, но не смел ослушаться, не велено отставать от царя.

— Да я тебя самого кнутом! — расвирипел Александр Семёнович, и возница покорился. В коляске тоже ведь большой человек.

В Твери государь остановился на два дня.

Великая княгиня Екатерина Павловна представила брату батальон егерей, собранный из мужиков собственных имений, вооружённый, одетый, обутый и, главное, обученный. Её супруг, принц Георг Ольденбургский, образовал Комитет тверской военной силы и, как главный его попечитель, докладывал государю о делах с полной серьёзностью:

— В губернии по последним сказкам числится 174 тысячи душ. Рекрутов из мужиков набрано — 3480. Дворян в ополчении, на нынешний день, 634 человека.

Александр благодарил шурина, но ему иное было нужно. Он приехал посмотреть в глаза Екатерине Павловне. И только.

Уединиться удалось за час до обеда. На обед приглашены Председатель Комитета тверской военной силы Кологривов, начальник ополчения генерал-лейтенант Тыртов. Люди нужные, но не близкие.

В первые же мгновения, как остались одни, Екатерина Павловна в порыве тревоги, счастья, нежности целовала и целовала руки брата.

— Александр, твоё мужество прекрасно!

Её склонённая головка, родная, единственно родная, показалась ему беззащитной.

— Ты помнишь? Ты помнишь? — спрашивал он.

— Помню! Помню каждое дыхание наше.

Они знали, о чём говорят. О первой, о тайной их встрече в Павловске, на острове, когда им открылось... Когда им открылось...

Он затаил саму жизнь в себе. Ждал — глаз. Она подняла голову, и о беззащитности — речи не могло быть. Он смотрел в синеву глаз её, в синеву бездонную, в синеву, в которой Бог, но как в зеркало. В этом зеркале его собственная синева не отражалась, сливалась с её синевой.

— Я верю в тебя, — сказала Екатерина Павловна. — Только ты! Я знаю о письмах нашей матери, она и мне писала. Я знаю о Константине. Ты не примешь послов того, кто желает быть властелином земли. Он — супротивник Богу и разуму. Мир признаёт над собою не власть, но любовь.

— Я слушаю, я слушаю! — прошептал Александр.

— Что бы ни произошло, о тебе будут молиться, тебе принесут сердца, полные благодарности.

— Баркляя армия ненавидит, — сказал Александр.

— Ненавидят немцев. Русские всегда спешат умереть, а твои немцы не дают им быть такими скорыми.

— Но кого поставить? Генералов-героев? Багратиона? Он не уступит поле боя, покуда у него останется хоть один солдат. Раевского? Ты слышала — сей герой попёр на пушки с обоими сыновьями, а младшему — одиннадцать! Остермана?! Точно такой же. Его любимая команда: «Стоять». Это когда по каре бьют картечью.

Оба подумали о Кутузове и промолчали.

— Ты поступил мудро, покинув армию.

Александр улыбнулся виновато, горькая складка обозначилась под нижней губой:

— Мудрец — мой ритор. Мой дубоватый Шишков.

Екатерина Павловна вдруг рассмеялась.

— Твой дар оценят через века. Когда-нибудь из миллиона возможностей единственную будут высчитывать машины — оракулы времён грядущих. Но ты, имея перед собой наилучшее, выбираешь изумительной интуицией своей вернейшее. Всем понятно: Государственным секретарём должен быть блистательный Карамзин. Ты тоже в этом убеждён! И отдаёшь должность — смешному, глупому Шишкову. И что же! Всякий манифест, сочинённый этой ходячей древностью — возбуждает в твоих подданных чувство любви к тебе, стремление идти и победить.

— То, что нынче я с тобою — старания, и весьма отважные, нашего адмирала. Он написал

письмо, где обосновал: государь в грозный час для Отечества должен быть опорой всему народу. Настойчивый старик. Подсылал ко мне Аракчеева, подсылал Балашова. Три подписи под его пространственным посланием.

Екатерина Павловна смотрела на Александра чуть покровительственно, и были в её взгляде недоумение и вопрос.

Он положил руку себе на грудь. И вдруг поцеловал её височество в височек.

— Адмирал думает, его взяла! А моё смирение вот где, — и, отрывая глаза от глаз Екатерины, продекламировал: — «Ради Бога, не поддавайтесь желанию командовать самому!.. Не теряя времени, надо назначить командующего, в которого бы верило войско, а в этом отношении Вы не внушаете никакого доверия!»

Память у него была потрясающая.

Он достал из потайного нагрудного кармана её письмо. Екатерина Павловна побледнела, порозовела, реснички у неё захлопали:

— Ваше величество! Любовь, одна любовь — движитель моей дерзости.

Он опустился на колени перед нею.

— Господи! Не карай Россию за грех любви моей.

Она ласкала его волосы, до трагивалась пальчиком до бровей, до губ.

— Ты была жестока, но права. В Москве, когда я сходил с

Кремлёвской лестницы, полы моего мундира были зацелованы до мокроты. И не то дорого, что мне кричали: «Ангел ты наш!» Катенька, это надо было пережить: они обнимались, совершенно чужие друг другу. Они целовали друг друга. Они любили друг друга — меня ради.

Екатерина Павловна отёрла платком испарину на его божественно прекрасном челе.

— Катенька! Этой любви нужно быть достойным. А у нас — Боже Ты мой... Наполеон идёт на Москву, потому что до Москвы пятнадцать переходов. И не идёт на Петербург, ибо переходов двадцать девять...

— Ты победишь его! — Екатерина Павловна поднялась.

— Подожди! — Он смотрел и смотрел в её глаза. — Ты веришь в мою победу?

Её лицо просияло. И он вдруг спросил, краснея:

— Нет ли у тебя какого старца?..

Екатерина Павловна нахмурилась. Поняла и не приняла. Заглядывать в будущее царям пристало, но это — малодушие.

— Есть баба.

У бабы были за час до полуночи. Не монастырь, не скит. Справный крестьянский дом. Пахнущие чистотою полы, половик через горницу. В углу иконы, освещённые лампадой. Под иконами — баба. О таких русские говорят: яблочко наливное.

— Генерала привела? — спросила баба Екатерину Павловну.

— Царя.

— Ишь ты!

Взяла с угла свечу, зажгла от лампы, поднесла к лицу Александра и всё поднимала, поднимала, вытянувши руки, привставши наконец на цыпочки. Вдруг попросила:

— Ты опустишь чуток. Уж больно подняло-то тебя! — и головой покачала. — Глаз моих не хватает лица твоего углядеть. Ну, да ладно! Чему быть — не миновать.

Поставила свечу к иконе Спаса, села, опустила голову.

Екатерина Павловна нашла руку брата, пожалала, повела за собой.

— Сумасшедшая? — спросил уже в коляске.

— О нет! — и быстро поцеловала брата руку.

Александр Семёнович Шишков выехал из Твери в одно время с государём. Однако ж в гонках участия не принял, приехал на сутки позже, 23 июля.

Тише едешь — больше видишь. Дни стояли жаркие, ясные. И два облака, одинокие на огромном небе, привлекли внимание путника.

Одно облако на удивленье было похоже на рака. Усагая голова, членистое тело, раздвоенный хвост, лапы и разверстые клешни. Другое облако, наплывавшее на небесного рака, было ещё более причудливое,

прямо-таки дракон. Дракон догнал рака, изогнулся — напасть, поглотить. Но рачья клешня отхватила вдруг драчуну голову. Облако-дракон побледнело, расплозлось, растаяло.

Тут Александра Семёновича осенило радостно: рак не иначе, как символ России. И там, и там — «р». К тому же рак пятится, и войско русское пятится.

С лёгкою душой катил Государственный секретарь в стольный Петербург: знамение о схватке с драконом было ему утешительно.

Светлость

Чиновный Петербург встретил Александра с лёгким сердцем. Истинное дело чиновника и особенно царедворца — радовать государя.

Было чем! Под Клястицами граф Витгенштейн разбил корпус маршала Удино. Опасность немедленного нападения французов на Петербург стала призрачной. Наполеон, спасая Удино от полного разгрома, прислал на помощь корпус баварцев под командой маршала Сен-Сира. Оторвал от своей армии, шедшей к Смоленску, тринадцать тысяч солдат!

Удивил Александра и старец Кутузов. Назначенный командовать после армии гарнизоном — не оскорбился умалением в должности, но действовал с таким рвением, что из разрозненных частей создал боеспособный

корпус; а избранный начальником ополчения не только удивил числом, призвав под ружьё 29 420 человек, но обучил вчерашних мужиков азам военной науки, вооружил, обеспечил провиантом, лошадьми, построил в батальоны, названные дружинами.

Александр был на учениях ратников и, видя достаточную готовность оных, приказал направить корпус на усиление Витгенштейна.

Уже через несколько недель ратники от сохи выказали в сражениях под Полоцком природную русскую храбрость и крепко побили солдат, французов и баварцев, закалённых в походах, знавших победы во многих сражениях.

Вернувшись после инспекции ополчения на Каменный остров, Александр повелел Государственному секретарю подготовить две бумаги. Первая — благоволение императорского величества Кутузову и его сотрудникам по Устроительному комитету. Вторая — указ Сенату о возведении генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова за добытый мир с Оттоманской империей, с почетом, в княжеское Всероссийской империи достоинство, с присовокуплением титула светлости, с правом присутствовать в Государственном Совете.

Александр Семёнович с радостью повёз указ в Сенат и нашёл там Кутузова заседающим в гражданской палате.

Михаил Илларионович поставил перед властями вопрос о

сохранении казённых запасов хлеба. В случае военной угрозы предлагал сплавить хлеб по Волге в губернии, далёкие от театра войны.

Шишков огласил указ и первым приветствовал Михаила Илларионовича князем.

Все присутствующие в палате приняли высочайшую милость полководцу и дипломату со счастливым воодушевлением, ибо правда всё-таки есть на земле.

Вместе с поздравлениями посыпались вопросы. Спрашивали, какую оценку его светлость даёт победе Витгенштейна под Клястицами.

— Се, господа, есть полная победа! — ответил Кутузов. — Граф Витгенштейн сделал хорошо! Очень хорошо! Едва ли бы кто другой сделал лучше.

Коли генерал радуется удаче другого генерала, это большой генерал. Отрадно было слышать похвалы Кутузова.

Спрашивали, как избавиться от Наполеона.

— Да как иначе — побить! — Михаил Илларионович уж этак просто сказал сие, что иные задохнулись от благодарности душевной.

— Возможно ли?! — спрашивали люди реалистические. — Наполеон навёл на Россию всю Европу. Гений войны.

— По-русски с ним надо, — сказал Кутузов без тени сомнения. — Коли победить злодея невозможно, его надобно перехитрить.

Александр Семёновичу после встречи с Кутузовым захотелось говорить с Державиным. Пора знатному пииту громыхнуть словом, аки грозою.

Примчался к сердечному другу, а Гавриил Романович в отъезде. Будучи новгородским дворянином, призван в Новгород.

Уже на другой день, 29 июля, когда указ о Кутузове вошёл в силу, Шишков составлял рескрипт Новгородскому ополчению, кое передавалось в ведение командующего корпусом Петербургской обороны.

Просматривая бумаги, относящиеся к Новгородскому дворянскому собранию, Александр Семёнович с удовольствием обнаружил следы участия Державина в делах ополчения.

Новгородцы поставили в Торопец за свой счёт сто пятьдесят тысяч четвертей муки, овса, круп. Набрали десять тысяч ратников, одели, накормили. Оставалось получить от правительства ружья и пушки.

Но Державин — он Державин. Через принца Георга Ольденбургского прислал государю письмо. Поминал о своём плане, представленном государю в 1806 году, в коем просил заблаговременно изготовиться к большой войне с Наполеоном, уверял, что сей завоеватель Россию в покое не оставит. План состоял из необходимых мер по защите Отечества. Неуёмный искатель правды с горечью напоминал государю, что его обещали призвать и

выслушать, но пренебрегли, сочли пламенные предупреждения о грядущих бедах — стихотворческой горячкою.

Укоризны его величеству в столь опасное для России время вряд ли были полезны. Попридержал письмо друга Александр Семёнович. Поберёг.

Дела текущие

Узнавши об указе государя ещё 28-го, Михаил Илларионович дома о радости не сказал.

Но 29-го, когда указ был объявлен всенародно, взяв с собой дежурного полковника штаба Паисия Кайсарова, поехал доложить Екатерине Ильиничне, что отныне она, их дочери, внуки и внучки — князья, княгини, княжны, светлости. История Российской державы.

По дороге Михаил Илларионович был весел.

— Как славно, друг ты мой, Кайсаров, что сыскал я тебя, получил твоё согласие служить в ополчении, мужиками командовать.

— А кто народ? — улыбался Паисий. — Разве не мужики, ваша светлость?

— Ты про светлость почаще мне говори. С непривычки подумаю, к кому другому обращаешься.

— Быть нужным Кутузову — то же, что быть нужным России! — чуть посмеиваясь, но глаза-то серьёзные, сказал Паисий.

— Уж не знаю, кого ты похвалил больше, меня али себя? — засмеялся Михаил Илларионович и ворчливо, но ласково прибавил: — О чём хочу сказать-то... Паисий Кайсаров всего третий день на службе, а я уже отхватил благоволение его величества, титул князя, чин командующего Новгородским ополчением!

Оба хохотали, тихонько, но уж этак товарищески: всю Молдавскую кампанию были бок о бок.

Заехали в церковь, пригласили священника — молебен благодарственный отслужить в доме их светлости.

Александр Семёнович Шишков видел — государю не по себе. Уж больно дружной радостью встретили в свете, не говоря о базарных площадях, царские милости Кутузову.

Какой-нибудь Тыртов — начальник ополчения, и Кутузов — начальник ополчения. А ещё надобно поспешить с ответом московскому дворянству. Москва избрала своим вождём опять-таки Кутузова. Кутузова в народе видят командующим ополчения всей России.

О таких предметах искать решений у советников неприлично.

И 31 июля Александр подписал сочинённый Шишковым рескрипт Кутузову о поручении ему командования всеми сухопутными и морскими силами Петербурга, Кронштадта и Финляндии.

Устраняя возможные трения между сухопутным генералом и адмиралами, в рескрипт Шишков вставил важную для дела оговорку, с коей государь согласился. О морских силах было сказано: «...Дабы Вы, имея оные в единственной своей команде, могли в случае надобности употреблять и соединять оные, имея в то же время наблюдение, дабы распоряжения Ваши о морских войсках деланные, были не иначе, как по сношению с морским министром, дабы предписания Ваши не были вопреки делаемым им распоряжений».

Свет принял указ и рескрипт с насмешкой. Один сановник писал другому: «Кутузова сделали светлейшим, да могли ли его сделать лучезарнее его деяний? Публика лучше бы желала видеть его с титулом генералиссимуса. Все уверены, что когда он примет главное начальство над армиями, так всякая позиция очутится для русского солдата превосходною. Продлят козни — так и Бог от нас отступится».

Сам Михаил Илларионович титулом светлости ничуть не обольстился, новое назначение принимал спокойно. Не до чувств! Дела большие и малые в очередь.

У Горчакова запрашивал тысячу пар пистолетов.

Искал и находил казармы и конюшни...

Благодарил духовенство: внесли в армейскую казну семьсот пятьдесят тысяч рублей.

Собирал данные о запасах

продовольствия. Торопил сборщиков. Армию прежде всего кормить надобно. В Вышнем Волочке сделали хлебный запас в 138 470 четвертей, в Твери вдвое меньше — 72 092 четверти.

Посылал курьера в Нарву с приказом собрать под команду коменданта крепости все частные обывательские суда на реке Нарве, на Чудском озере, «дабы неприятель при случае ими не воспользовался».

Представил государю прошение: все штаб- и обер-офицеры ополчения должны получать награды за храбрость и мужество противу неприятеля точно такие же, какие определены в армиях действующих. Увечные офицеры получают от государя чин или орден и приличную по смерти пенсию.

Шишков обрадовал. Прислал копию письма шведского принца, коим был отправленный на пенсию Наполеоном маршал князь Понте-Корво Бернадот. Принц-маршал утешал императора Александра в неудачном ведении войны с Наполеоном. «Возможно, что он выиграет первое сражение, потом второе и даже третье, — предрекал человек, знающий силу и слаботу гения войны. — Исход четвертого будет неопределённым. Однако если Ваше Величество проявит стойкость, то оно, несомненно, выиграет пятое!»

— Ну что, Паисий? — Михаил Илларионович прищурил здоровый глаз. — Есть ли нам резон проигрывать три битвы кряду?

— Согласен на неопределённую, а потом разметать его — по косточкам, по кусочкам! — Полковник озорно щёлкнул каблуками.

— Я вот о чём думаю. Бернадот нам не враг. А коли сие истинно, мы можем взять корпус, стоящий в Финляндии, и отправить на подкрепление Витгенштейну. Это надолго успокоит Удино и Сен-Сира. Садись, Кайсаров, пиши письмо государю.

Письмо передали через Шишкова, и Александр совет принял. Корпус — одиннадцать тысяч солдат — пошёл к Дриссе, где стоял, заперев французов в Полоцке, граф Витгенштейн.

Их величества, их высочества

Александр приехал в Павловский дворец по настоящему приглашению вдовствующей императрицы.

Зелёное царство, недвижимые зеркала прудов, ослепительно синее небо — повеяло юностью. И пришлось перебороть в себе омерзительную досаду на происходящее в России. На проклятый Тильзит, на собственные глупости — демонстрировал Европе свою миролюбивость, когда Европа — Наполеон.

Он направился в кабинет матушки, но его провели в Старую гостиную.

Императрица сидела в лёгком кресле у шахматного столика.

Во всю стену гобелен «Азия» с леопардом, напавшим на прекрасного коня. Великолепное зеркало в раме светлого золота, золотистые полы, потолок голубой, с белым, прочерченным золотом орнаментом.

Мария Фёдоровна, не поднимаясь с кресла, подставила щёку для поцелуя, указала на тронный стул.

— Матушка! — улыбнулся Александр. — Я помню, кто я.

Сел напротив, на свету, как ей хотелось, но на стул попросе.

Она видела на его лице утомление, но не пощадила:

— Не пора ли Вам назначить мне и Вашим юным братьям место, вполне безопасное для укрытия?

Вопрос уколол, но Александр улыбнулся обезоруживающе.

— Петербургу ничто не угрожает. Маршал Удино о наступлении даже мечтать не смеет. Наш славный Витгенштейн отогнал французов к Полоцку. Тормасов в Кобрине пленил две тысячи солдат Саксонии. Австрийцы под водительством Шварценберга после нескольких стычек отошли к Стыри, это река, — и бездействуют.

— Но Барклай де Толли? Ты всё ещё доверяешь этому умельцу убежать от врага?

Александр положил перед матушкой листовку, напечатанную Андреем Кайсаровым. Это было открытое письмо командующего двумя армиями губернатору Смоленска.

— Прочитайте отчёркнутое.

Мария Фёдоровна поднесла листок к глазам, прочитала вслух:

— «Уверяю Вас, что городу Смоленску не предстоит ещё ни малейшей опасности, и невероятно, чтоб оный ею угрожаем был... Вы видите из сего, что Вы имеете совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо кто защищает двумя столь храбрыми войсками, тот может быть уверен в победе их!» — Глянула на сына. — Обывателей сия афишка, написанная дурным русским языком, возможно, успокоит, верите ли Вы двум армиям, столь беззаботно утратившим завоевания великих государей Российской империи?

— Я убеждён в конечной победе! — Александр выдержал материнский взгляд.

— В конечной? Упуете на русского Бога?.. Святейший Патриарх Гермоген, я думаю, молился истово, сидя в Кремлёвской тюрьме, а его уморили голодом.

Александр молчал. Четверть часа этакой беседы ввергли его в изнеможение.

— Вас очень ждут ваши братья, — сказала Мария Фёдоровна, отпуская сына.

Их высочества Николай и Михаил были в комнате военных игр.

Николай изросся, подурнел. Ноги и руки, как у соломенного человечка. Михаил тоже подрос, но именно подрос. Само очарование.

«Керубино», — улыбнулся про себя Александр.

Комната, с рельефом из папье-маше, была заставлена солдатами.

— Каталаунская битва, — объяснил Николай. — Мы читали об Аттиле.

— Сегодня дежурит наш дивный Ушаков. Он дал нам полдня, — сказал Михаил.

— Каталаунская? Очень жестокая, сколь помню.

— Величайшая в истории! Полмиллиона на полмиллиона. — У Николая глаза блеснули, но смотрел на государя с недоумением. Не знать Каталаунскую битву? Возле Орлеана сошлись гунны Аттилы и римляне Аэция Флавия.

— Всё это великолепие, — Александр показал на солдатиков, — подарил вашему дедушке граф Ростопчин.

— Ростопчин? Мы читали его Корнюшку Чихрина! — вспомнил Михаил. — Смешно.

— Кто у вас кто?

— Аттила — он, конечно! — Михаил кивнул на брата. — Вот мои римские когорты. Это вестготы короля Теодорика. Здесь галльские аланы Сангибана. Отряды бургундцев, франков, в заезде венецы Поморья.

— Посмотрим гуннов. — Александр взял Николая за локоть.

Тот показывал кавалерийским хлыстом:

— Это всё остготы. Отряды Велемира, Тотмира, Видимира. Король Ардарик с гепидами. Дружины герулов, свевов. Это руги, хазары...

— Славяне! — узнал Александр. — Я смотрю, Теодорик уже повержен?

— Сражён стрелой Андакса! — поднял одного из воинов Николай. — Андакс — остгот.

— Расстройства в войсках вестготов не было! — Михаил тоже поднял солдата с короной на голове. — Это Торисмунд, сын Теодорика. Его провозгласили королём на поле боя.

— Ему тоже досталось! — усмехнулся Николай. — Получил рану, бродил ночью среди мёртвых тел.

— А твой Аттила?! — крикнул Михаил. — Вестготы загнали Аттилу в табор, и он собирался заколоть себя мечом.

— В истории написано: победил Аэций. Но, ваше величество! — У Николая ноздри гневно раздулись. — Что же это за победа? Сам Аэций с остатками когорта бежал с поля боя! Бежал Торисмунд. Причём отправил Аттиле в заложники своего племянника. Франки дали в заложники Хагена, князя Троцкого...

Александр вздохнул, тяжело, устало:

— Писания историков такая же неправда, как и сама политика.

— Карамзин пишет неправду?! — Николай глаза вытаращил.

— Карамзин — человек чести. Но он — русский. Он — любит русских, любит Россию...

— Как жалко Кульнева! — Николай даже рукой взмахнул. — Его сразила пуля?!

— Он повёл свой гусарский

полк на конницу французов. Сражался и получил саблей по горлу. Спасти его было невозможно.

— Ваше величество! Вы наградили генерала от кавалерии Тормасова Георгием II степени... — Михаил замялся, не зная, как спросить, так ли велика заслуга командующего 3-й армией.

— К ордену мною дадено пятьдесят тысяч, — сказал Александр. — Тормасов уничтожил отряд генерала Клингеля. Две тысячи из четырёх сдались в плен. Для столь чудовищной войны победа небольшая, но враг не только потерял дивизию. Генерал Шварценберг, а он принуждён политикою служить Наполеону, прекратил наступление. Австрия, таким образом, хотя и участвует в войне на стороне Наполеона, но не воюет!.. — Вдруг зевнул, ещё раз зевнул, виновато улыбнулся. — Родные мои, мне пора на галерею. Я на этой галереи и кормщик, и гребец, прикованный цепью.

Засмеялся своей невесёлой шутке. Николай шагнул к брату.

— Ваше величество! — задохнулся от волнения.

Александр покачал головой.

— Вам только шестнадцать. Вы оба матушкины. Обещаю, через год вы будете мои.

Николай даже зажмурился, чтобы смолчать, и всё-таки сказал:

— Ваше величество, я из пушки на двести саженой поражаю четыре мишени из пяти.

— Через год вы будете мои, — повторил государь.

И быстро вышел.

— Война будет долгой, — сказал Михаил.

— Мы могли бы сражаться за Смоленск. За твердыню русской земли.

В голосе Николая дрожали слёзы.

Пловец

Когда божески прекрасное, любовью рождённое невозможно, Бога отстраняют.

Время молитв для Василия Андреевича осталось в прошлом. Он молился, заранее благодарный, молился с неумирающей надеждой, с верой, что всё, что есть в нём и в Маше бесхитростного, беспомощно детского — защитит, спасёт.

«Господи! Сделай по-нашему! — молился Василий Андреевич. — Мы просим о соединении сердец».

Были молитвы отчаянья, когда душа вскрикивала от боли: «Господи! Господи!»

Были молитвы в никуда. С глазами сухими, с пустой грудью.

Время текло, да не лечило. Приходили стихи. Стихи во славу любви — это ведь тоже молитвы.

Теперь они остались один на один: Екатерина Афанасьевна и Василий Андреевич. О милосердии всё сказано, о жестокости говорить не надобно. Екатерина Афанасьевна знает, сколь она жестока, но права. Дивный пастьер митрополит Московский

Филарет принял сторону любви: разрешил брак, но на стороне Екатерины Афанасьевны тысячелетний закон предания. Машенька — племянница Васеньке. Пусть только по одной линии, отцовской, но родня самая близкая. Несчастный пытался загораживаться от правды щитом канцелярщины, но что они, человеческие ухищрения? Правда крови для Бога — правда.

Третьего августа Василий Андреевич был в Черни. Приехал на день рождения Александра Алексеевича Плещеева. Как вставал рано, так и гостем был ранним. Не обременяя хозяев, едва только пробудившихся, занятых последними приготовлениями праздника, отправился на речку Нугрь. На воду поглядеть.

С Александром Алексеевичем обнялся, вручил ему подарок — часы с фигурой русского витязя, циферблат был ему щитом, — и перекинулся словечком о положении русских армий.

— Ундино побили, но Кульнев сражался, как лев.

— Кульнев — первая ласточка наших грядущих побед. — Плещеев посмотрел в глаза другу. — Ты всё-таки едешь.

— Хочу попеть в Москву раньше Наполеона. Пойду прогуляю.

В Москве о вторжении Наполеона узнали 24 июня, через двенадцать дней.

В Муратове ещё дней через пять, когда 1-я Западная армия и царь уже стояли в Дрисском

лагере, в капкане, для самих себя устроенном. Теперь сведения приходили куда быстрее, и не потому, что курьеры скакали прытче: расстояния сокращались.

На террасе, на столе лежали срезанные ради праздника розы. Анна Ивановна расцеловала Василия Андреевича. Одарила самым прекрасным цветком и прочитала:

*— Раз в Крещенский вечерок
Девушки гадали:*

*За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали.
На дороге снежный прах;
Мчит, как будто на крылах,
Санки, кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу
идёт...*

Кто?.. Жених Светланы.

— Васенька! Драгоценный ты наш! Чудес на белом свете люди насчитали семь. В русской литературе твоя «Светлана» чудо пока что — первое.

— Побойся Бога!

— Друг мой! Идёт война, а все помещики, соседи наши — кто грамотен — читают наизусть твою поэму.

— Спасибо за розу. Поставь её отдельно.

— Пошли завтракать.

— Я на реку. На Нутре так хорошо всегда.

Беседка была пуста, но Василий Андреевич прошёл мимо и сел на крестьянскую лавку — два столбушка и доска.

Всё изящное, изощрённое раздражало. Пришла пора быть русским. По жизни — русским, по слову — русским. Господи! Дай сыскать в себе и взлелеять русский дух! Всё это пронеслось в голове, и Василий Андреевич поморщился — лжеумничанье. Идёшь на войну — будь народом. Народ жив правдой. Народ живёт, бере — жизнь свою выдумывают. Выдумывать — мозги нужны, а посему — обезьянничают.

Василий Андреевич опустил лицо в ладони; Господи, опять то же. Словеса. Господи! Мы, просвещённые и просвещающие, — жить не умеем. Молиться не умеем.

Ему стало горько и стыдно. Решив идти в ополчение, на войну, он молился... Но каждую молитву приходилось повторять и повторять, ибо всякий раз уплывал мыслями: то Маша вставала перед глазами, то Екатерина Афанасьевна. Или же Сашка Тургенев, приславший письмо... Карамзин, благодушно тучный Пушкин... Даже Шишков! Старец теперь в армии, при государе.

И Василий Андреевич покраснел, вспомнив, что написал Пете Вяземскому: «Хочу окурить свою лиру порохом». Господи! Как стыдно!

Перед отъездом в Чернь открыл Библию, где открылось. Прочитал неутешительное. Пророк Исайя рассказывал о Божьем повелении сбросить вретиче с чресл, сандалии с ног. И, сделавши так, ходил три года нагой,

босой, и всё это было пророчеством: царь Ассирийский поведёт пленников из Египта, посрамляя Египет, молодых и старых, нагим и босыми.

Василий Андреевич испугался, перевернул страницу и прочитал о Дамаске: «Вот, Дамаск, исключается из числа городов и будет грудой развалин».

Гадать Василий Андреевич не собирался. Хотел прочитать на дорогу библейскую мудрость, чтоб о высоком думалось.

Смотрел за Нутрь. Русская земля. Быть ли ей Францией? Немыслимо! Точно так же и Франция вовеки не станет Россией... Вот ежели духом?.. Господи, зачем России быть Францией, Третьим Римом? Зачем Господу Третий Рим, когда Он назначил России быть Россией!

Так и подскочил с лавки. Боже мой! Никуда не уйдёшь от себя. Опять в голове история, сравнения, сдвигения... Как же мужики-то ходят на войну? Оторвут от себя воющую бабу, разгребут выводок детишек — и пошли. За землю Русскую.

Возле господского дома к нему кинулась, расцеловала солнцевласая Сашенька. Ей это было позволено... Екатерина Афанасьевна с Машей... за руку стояли возле крыльца и смотрели на Василия Андреевича. Машенька совершенно погасшая, Екатерина Афанасьевна — непроницаемая, как судьба.

Затрубили трубы, из парка на дивных рысаках выехали

гарольды, явился рыцарь. В кирасирской каске, но одетый в рыбачью сеть. Праздник начался.

Война ахала орудийными залпами, но от Петербурга, от Москвы, тем более от Черни, Муратова, Белёва — была невообразимо далеко. Всё равно, что турецкая.

Говорить говорили: Наполеон, нашествие Европы. Армии разделены. А всё же, пусть отступая, побеждаем. Витгенштейн побил Удино. Блистательно сражались и победили Платов, Пален.

Началось представление. Народное.

Плещеев исполнил с крестьянами «Бой с врагом Божьим Наполеоном». Наполеону надавали пинков и подзатыльников на радость дворне и гостям.

Алёша и Саша Плещеевы, как всегда, были при Жуковском, объявив себя его адъютантами.

— Ах, какое это несчастье, что я мал! — воскликнул Алёша, ему было двенадцать. — Ещё бы три годика, или даже два, и я бы сражался подле вас... В великом сражении мы бы спасли жизни друг другу.

Саша был моложе, но суровее:

— Василий Андреевич, надо так устроить, чтобы вы пробрались к Наполеону и кончили бы его. Я уверен, вопреки правилу, государь пожаловал бы вам орден Георгия Победоносца первой степени и чин капитана.

Отец возразил:

— Георгий первой степени — орден главнокомандующих. Что

же ты расщедрился на капитана? За уничтожение Наполеона не жалко и фельдмаршала.

Праздник продолжился в парадной зале. Чествование Александра Алексеевича начали концертом. Пела, как ангел, Анна Ивановна. Урождённая Чернышова, она была в ореоле дипломатических подвигов флигель-адъютанта государя, родного своего брата Александра Чернышова. Пел виновник торжества.

Василий Андреевич, когда вошли в гостиную, увидел в вазе подаренную ему розу. Взял и, смалодушничав в последнее мгновенье, вручил Саше. Но пришёл черёд его номера.

Александр Алексеевич написал к его «Пловцу» музыку. Композитор за рояль, автор слов к роялю. Бурный каскад звуков, изобразивших бушующее море. Пауза. Ласковое пришлёпыванье волн и бархат баритона пловца:

— *Вдруг — всё тихо!*

мрак исчез;

Вижу райскую обитель...

В ней трёх ангелов небес.

Василий Андреевич смотрел, сияя карими, молящими глазами на Екатерину Афанасьевну и на её дочерей.

И уже только Саше и... с бесконечной мукою к Машеньке:

*Неиспытанная радость —
Ими жить, для них дышать,
Их речей, их взоров сладость
В душу, в сердце принимать...*

И заплакал. Безмолвно, но слёзы катились по его лицу. Гости встрепенулись, быстрые взгляды на белую, как полотно, Машу, на величавый столп — Екатерину Афанасьевну.

Властная дура — все властные в конечном-то счёте дураки — поднялась с места, дочерей за руки и, швыряя ногами длинное, ставшее помехою платье, вышла из залы. Тотчас в экипаж, укатила. Все окружили Жуковского. Знали его трагедию.

— Спасибо, господа! — сказал он, не стыдясь сочувствия. — Спасибо, господа! Война — лучший лекарь от сердечных ран.

Через вой

Рыцарь Гюон отправился на войну с оруженосцами. Оруженосцы пребывали в счастливом волнении: наконец-то обыденная жизнь сорвана со своих вечных цепей и, будто корабль, плывёт в неведомое, в великое, в славное.

С Василием Андреевичем Жуковским в Москву отправились его верные товарищи по играм в Мишенском Авдотья Петровна Киреевская с сёстрами Анной и Екатериной.

Не могли наглядеться на Васеньку. К тому же героя красила его печаль.

— Рыцари, слава Богу, не ревелись! — вырвалось у Авдотьи Петровны.

— Дуня! Какие рыцари, когда в мир пришёл Наполеон!

— Жуковского огорчало высокословье.

— Но давно ли молодое дворянство, сам государь были в восторге от Наполеона? Корсика для Франции ещё меньше значит, чем Тула для Петербурга, но корсиканец — император. Даже не Франции — Европы.

— И весь мир внимает слову тирана, — продолжил Василий Андреевич и посмотрел Авдотье Петровне в глаза. — Ради чего пожирает корсиканец государство за государством? Ради свободы, равенства, братства, как учила его революция? Только ради себя. А что это такое — «ради себя»?.. Пруссию не съешь, в Италию не оденешься, не напаялишь на голову Австрию... Ради славы!.. Будут писать истории, поставят памятники, напечатают тысячи портретов. Неужели это и есть высшее в предназначении человека? А подумай об оружии Наполеона? Шпага, пушки, дивизии?.. Прежде всего ложь. Он наводняет страны, на которые нацелился, шпионами. У него множество газет, созданных только для того, чтобы лгать.

— Тебе надо в Штабе служить! — решила Авдотья Петровна.

Остановились в большом селе напоить, накормить лошадей, отдохнуть от дорожной тряски.

Вдруг — вой. Невыносимо страшный, невыносимо нескончаемый.

— Кого-то убили?! — ужаснулась Анна, а Екатерина схватила Василия Андреевича за руки:

— Надо что-то сделать, только не ходи в одиночку!

Быть спасителем не пришлось.

С крестьянского двора вышла странная толпа. Мужик, одетый в армяк — уезжает, стало быть, — жена, дети, домочадцы. Выла жена. Перебивая вой, выхватывала то одного дитягю, то другого. Поднимала, тыкала личиком в лицо их батюшки:

— Цалуй! Ца-а-алуй! Бог помилует цалованного младенцем.

Хозяин постоялого двора сказал:

— На войну мужиков гонят.

Поспешили отбыть, но дорога шла посреди села, и ехали через бабий вой, от которого каждая клеточка в теле дрожала.

— А ты говоришь — рыцарство, — сказал Авдотье Василий Андреевич. — На смерть отправляют. Будет Господь милостив, воротятся кто без ноги, кто без руки... Современная война убивает и калечит издали: гранаты, ядра, пули... Вот только было ли гуманнее, когда резали друг друга. До победы.

Совместный поход был недолгим. Сёстры задержались в Туле, а Жуковский покотил навстречу судьбе, имея в поводу добрую верховую лошадь.

Сестрицы отправлялись в Москву тоже отнюдь не праздности ради. Василий Иванович Киреевский поручал супруге вникнуть в положение и привезти прогноз, что ждать, как будут развиваться события, каким образом разумнее приготовиться к

неминуемому нашествию Наполеона на Москву.

Москва под водительством Ростопчина выглядела ужасно героической и бестолковой.

Жуковского удивило: едва он въехал в город, мужики в армяках — должно быть, извозчики — окружили как бы ненароком его коляску, а предводитель их, положив руку на вожжи, спросил:

- Откель, ваше благородие?
- Из Белёва.
- В ополчение?
- В ополчение.
- С Богом, барин!

Расступились, но кто-то из мужиков сунул Василию Андреевичу напечатанную крупными буквами афишку:

- Почитай нам.

Пришлось встать в коляске.

— «Слава Богу, всё у нас в Москве хорошо и спокойно! Хлеб не дорожает и мясо дешевлеет...»

— Без обману! — согласились мужики.

— Главнокомандующий! Сам Ростопчин! — уважительно сказал заводила.

— «Одного всем хочется, чтоб злодею побить, и то будет. Станем Богу молиться, да воинов снаряжать, да в армию их отправлять. А за нас перед Богом заступники Божия Матерь и московские чудотворцы; перед светом — милосердный государь наш Александр Павлович, а перед супостаты — христолюбивое войско, а чтоб скорее дело решить, государю угодить и Наполеону насолить,

то должно иметь послушание, усердие и веру к словам начальников, и они рады с вами жить и умереть». — Василий Андреевич дочитал наконец до точки и перехватил грудью воздуха.

— Дело говорит?! — спросил заводила поручика, он, мужик, знал: всё правильно сказано.

— А ещё-то есть чего читать? — кричали те, что были дальше.

Василий Андреевич снова поднёс афишку к глазам:

— «Когда дело делать, я с вами, на войну идти — перед вами, а отдыхать — за вами».

— Московской земли человек! — восхитился Ростопчиным один из армяков.

— Чти, ваше благородие! Чти!

— «Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы её отдуем; всё перемелется — мука будет!»

— Перемелем! В муку сотрём ихнего Бонапарте! — восторженно провозгласил заводила.

— Чти! Чти! — кричали Василию Андреевичу.

— «А берегись одного: пьяниц да дураков; они распустят уши, шатаются да и другим в уши врасплох надувают. Иной вздумает, что Наполеон за добром идёт, а его дела кожу драть; обещает всё, а выйдет — ничего. Солдатам сулит фельдмаршалство, нищим — золотые горы, народу — свободу; а всех ловит за виски да в тиски и пошлёт на смерть: убьют либо там, либо тут. И для сего прошу: если кто из наших, или из чужих станет его выхвалять и сулить, и то, и другое, то какой бы он ни был, за хохол, да на съезжую».

Тут Василий Андреевич удивился:

— Неужто есть такие, кто Наполеона хвалит?

— Барин, а шпионы на что? Как крысы рыщут! Чти, коли есть чего.

— «Тот, кто возьмёт — тому честь, слава и награда, а кого возьмут, с тем я разделаюсь, хоть пяти пядей будет во лбу; мне на это власть дана; и государь изволил приказать беречь матушку Москву, а кому же беречь мать, как не деткам! Ей-Богу, братцы, государь на вас, как на Кремль, надеется, а я за вас присягнуть готов. Не введите в слово. А я верный слуга царский, русский барин и православный христианин. Вот моя и молитва: «Господи, Царю Небесный! Продли дни благочестивого земного царя нашего. Продли благодать Твою на православную Россию, продли мужество христолюбивого воинства, продли верность и любовь к Отечеству православного русского народа! Направь стопы воинов на гибель врагов, просвети и укрепи их силою Животворящего Креста, чело их сохраняющая и сим знамением победиша!»

Молитву слушали, скинув шапки. Дослушав, расступились. Как свой въехал в Москву поручик Жуковский.

Московские толки

Николай Михайлович Карамзин был зван отобедать у

Ростопчина. Трапезу с главнокомандующим Москвы и с государевым историком разделили князь Юсупов и Сергей Глинка, хозяин и редактор журнала «Русский вестник», поэт, сочинитель патристических пьес, голова, пламенеющая от государственных забот, и великий выдумщик.

Майор в отставке, Глинка с 1807 года был в Московском ополчении и теперь явился к Ростопчину с запискою «О лесном вооружении». Создать сие «вооружение», по мысли прожектёра, надобно прежде всего в смоленских лесах и во всех прочих до самой Москвы. В лесные дружины предлагал набирать помещичьих псарей, ловчих, стрелков. Днём они должны были отсиживаться в лесах, а по ночам стремглав набегать на тылы и фланги Наполеоновской армии.

Ростопчин решал дела с лёта. По великой занятости прочитал записку уже за столом.

— Жду завтра. Явитесь за подорожной. — И признался гостям: — Боюсь повального бегства дворян из Москвы. Народное возмущение страшнее Наполеона. Умудрись Наполеон освободит крестьян от крепостной зависимости — вся Россия зашатается. Моё главное теперь дело: обеспечить удаление дворян из уездов. Удалить причину и, так сказать, образ ненависти.

— Но наш народ не приемлет нашествия! — воскликнул Глинка.

— Сергей Николаевич! Фуржиров Наполеона крестьяне

лупят, потому что это враги, грабители, но, отведав крови, добрые молодцы обращают взоры и на своих господ. Не токмо смотрят насупясь, но убивают...

— Граф, не пугайте! — твёрдо сказал Юсупов. — Если злое случается, то подобное всегда было и будет. Злом наказывают зло... Давайте о чём-нибудь не столь близком, ибо близкое — война, а война — это война. Я ведь на сию чуму поспел из благословенной Италии. И знаете, что мне довелось видеть во Флоренции перед самым отъездом? Доверительную грамоту епископу Исидору на Флорентийском соборе!

— Документ измены! — воскликнул горячий Глинка.

— Ну, почему же измены? Попытки примирения православия с католичеством.

— Примирение предполагает равенство сторон! — Глинка вызывал недоумение своей независимостью, своей показной свободой: быть равным в кругу особенных. Разил Юсупова без зазрения совести. — Князь! Беда в том, что Исидор принял верховенство папы, подставил шею под хомут догматов, противных православию. Рассуждая о смуте, не должно забывать о раскрытой щучьей пасти католического Рима. Сия щука так бы и проглотила русский народ.

— Ваша пламенность замечательна, но она же доводит вас, милейший Сергей Николаевич, до казусов, — сказал Ростопчин, защищая Юсупова.

— Вы имеете в виду, Фёдор Васильевич, происшедшее в Дворянском собрании?

— Вот именно! Мне передавали, и подробнее: ваша речь была сам огонь, покуда с вашего, потерявшего контроль языка, не сорвалось предсказанье о том, что Москва будет сдана злодею.

— Я сказал: «Мы не должны ужасаться: Москва будет сдана». И я привёл причины: отсутствие природной, а также инженерной преграды сильному неприятелю. Обратимся, господа, к историке. Николай Михайлович! Разве я не прав, утверждая: из отечественных летописей явствует — Москва вечная страдальца за Россию. И вот третий мой довод: сдача Москвы будет спасением России и Европы. Мою речь прервал ваш приход, граф. Именно после моей речи было решено выставить в ратники десятого.

— Но кто вам сказал, что Москву сдадут? Я, главнокомандующий, генерал-губернатор древней столицы России, этого не говорил! Может быть, вы списывались с Барклаем де Толли? Господи! Не государь ли присылал вам нарочного с предложением объявить сие перед самым своим приездом в наш дивный град? — Глаза Ростопчина потемнели. — Пока что я выслал из Москвы Ключарёва и Дружинина — обожателей Сперанского и, стало быть, кумирню Наполеону.

Сказано было жёстко и открыто. За столом воцарилась тишина.

— Будет Наполеон в Москве, или его побьют, но я отправил семейство и один список «Истории государства Российского» в Ярославль, — объявил Карамзин.

— Если бы не отправили, я о том просил бы вас уже сегодня! — весело откликнулся Ростопчин. — Сокровища Оружейной палаты, Государственный архив непозволительно подвергать опасности утраты, ежели подобная угроза возможна даже в десятой доле. И, скажите, кому Ростопчин запретил покинуть Москву? Но, господи! Бережёного Бог бережёт... Мною запрещается одно: производить панику.

Поднял бокал с вином, чокнулся прежде всего с Глинкой:

— За твоё предприятие, партизан! Но полезная сия мысль не должна стать главенствующей в сражениях с Наполеоном... В партизанстве есть нечто от русского юродства. Пусть нас завоюют, а мы, притворно покорясь, будем убивать французов в тёмных улицах, резать сонными, грабить их обозы, уничтожать фуражиров. Николай Михайлович! Что же вы молчите? Один я нынче говорун. Что сказали бы прашуры, окажись в нашем положении?

На лице Карамзина печать нездоровья, но говорил горячо:

— Евпатий Коловрат слов по себе не оставил, но хан Батый горевал, что сей русич — не монгол. Святой князь Александр Невский, бывший шведов и немцев, героическому истреблению

собственного народа предпочёл братание с предводителями нашествия. Увы! Чтобы перетерпеть Батыев плен, потребовалось две с половиной сотни лет. Сегодня другое. На нас пришли не тьмы неведомого народа, но сотни тысяч солдат. Они не ведают, зачем здесь. Это неведение станет одной из основных причин их гибели.

— Николай Михайлович, а вы знаете, что Жуковский в Москве? — спросил Ростопчин.

— Первый раз слышу!

— Истинный патриот. Сначала о Родине, потом о друзьях. Прибыл и сразу — в Комитет ополчения. Зачислен в Первый полк к Мамонову.

— Я запишусь в последний, — сказал Карамзин. — Буду среди тех, кто хоть на что-то согдится.

По гостям

Москва, встретив и проводив царя, то ли по инерции, то ли наперекор несчастию, закатывала сумасшедше щедрые обеды и ужины.

По дороге в Петровское, куда была звана «вся Москва», Вяземский и Жуковский заехали к Николаю Михайловичу. Он был им рад.

— Вот моя кручина! — повёл рукою по стеллажам с книгами. — Чтобы это вывезти — нужен обоз. С Виельгорских за девять подвод взяли чуть ли не пятьсот рублей. И это от Москвы до имения — не более тридцати

вёрст. Переправить библиотеку в Ярославль или в Арзамас, где у меня деревенька, — просто денег таких нет.

— Может, обойдётся? Витгенштейн прямо-таки разгромил французов! — утешил Вяземский. — Платов имел успех...

— А Наполеон идёт себе, и никто точно не скажет, где он нынче. В Витебске, в Могилёве, в Орше? Скорее всего, и в Витебске, и в Орше с Могилёвом.

— Необходимо соединить армии. — Князь Пётр Андреевич повторял сие общее желание.

— Принесёт ли пользу соединении? — Карамзин поглядывал на Жуковского. — Платов по службе самый старший, а над ним и Барклай, и Багратион. Вся Москва об этом судачит, перебирая армейское начальство. Не токмо Платова и Багратиона, военный министр младше по старшинству ещё двенадцати генерал-лейтенантов. И каждому обидно... Надежда на Смоленск... Исконная крепость.

— Дюжина командующих в одной армии — это дюжина армий, — сказал Жуковский.

— Двоевластие губительно, — согласился Карамзин. — Государю надобно на что-то решиться. Фельдмаршалы — старики. Беннигсен? Багратион? Багратион чрезмерно горяч. Кутузов победил турок... Но ведь турок! И ему, и Беннигсену — под семьдесят. Тогда кто?

— Кого Бог даст, — сказал Жуковский и спросил о тревожащем:

— Николай Михайлович, а где рукопись вашей истории? Об этом нельзя не думать.

— Нельзя, — согласился Карамзин. — Один экземпляр я сдал в Иностранную коллегию Московского архива. Тут уж пусть государство позаботится. Другой в Остафьеве спрятал. Третий экземпляр уехал в Ярославль вместе с нашими супругами, — поклонился в сторону Вяземского. — Сколь будут хранимы наши семейства, столь и тома писаний. В свою очередь позвольте спросить, а где ваша «Светлана»? У Ломоносова случались столь лёгкие стихи, но как редкость. Прелесть «Светланы» в том, что с первого до последнего слова — это русская речь, русская плавность. Где вы, друг мой, храните ваше чудо?

— В голове.

— Но это же скверно! Вы собрались подставлять свою голову под ядра, под пули.

— Рукопись у сестёр. — Жуковский с восторгом смотрел на высоченные стены, покрытые флиантами. — Меня изумляет всеобщее лёгкое спокойствие дворянства. Неделю тому назад получил два письма. Одно от Батюшкова: на погоду гневается. Послание сие из Вологды, из глубины России. Другое из Петербурга от Тургенева: влюблён и кроме своих чувств ни о чём знать не хочет. В Москве — сегодня зовут пировать к Разумовскому, завтра мы едем на холостяцкий ужин, послезавтра обед у друга Петра Андреевича... Один Мамонов озабочен военными приготовлениями.

— И Ростопчин! — засмеялся Вяземский. — Вот уж народный вития. В своих афишках мужик мужиком, хотя и зовёт себя русским баринном. Между прочим, в Тюфелевой роще, на даче Бекетова, сотворяет нечто невероятно таинственное и весьма губительное для Наполеона.

— Что же это?! — разом спросили Карамзин и Жуковский.

— Тайна за семью печатями. Но все знают — клеют воздухоплавательный шар. В шар сядут пятьдесят воинов, и воины эти полетят и уничтожат французские дивизии. Может, самого Наполеона прибьют.

— А почему так называемые афишки сочиняет Ростопчин? — удивился Жуковский. — Николай Михайлович, это ведь ваше дело.

Карамзин улыбнулся:

— Услуги были предложены и отвергнуты. Впрочем, граф благодарил, сожалел, что ещё не пристало время воспользоваться словом, достойным римских Цицеронов. Так и сказано было: «С подлым сословием надобно говорить подлым языком. До печёнок пробираться». А мы-то всё о сердцах печёмся. Впрочем, Фёдор Васильевич заботливейший человек. Пригласил меня на житьё в свой дом. Я ведь даже без слуг. Предложение принято.

Расстались не без горечи. Главное, как всегда, не было сказано... очень важного, очень нужного, возможно, что и сокровенного.

— А почему бы нам не отправиться к графу Льву Кирилловичу

вместе? — обрадовался Жуковский столь очевидной мысли.

— О нет! — вырвалось у Карамзина. — Не хочу участвовать в поспешном проедании Москвы.

А Москву и впрямь проедали. О князе, друге Вяземского — имя у Жуковского выпало из головы, а напрячь мозги, тем более спросить сил не было. Так вот об этом князе говорили, что за последнюю неделю он хлопнул на ужины сто двадцать тысяч! Мамонов вооружал, одевал-обувал, снабжал лошаадьми и провиантом полк, а все эти Сологубы, Гагарины, Голицыны, Валухевы — развратничали, играли в карты и, что называется, бесились.

В Петровском Василия Андреевича поразило умиротворённое барство.

Князь Пётр повёл друга на третий этаж дома показать кабинет графа Льва Кирилловича.

Античные мраморные статуи, чудовищно огромные картины в чудовищно массивных рамах. Монеты Рима, гривны времён Киевской Руси. Должно быть, бесценные книги и манускрипты.

— Счастлив ли счастливцев, обладающий такими сокровищами человеческого гения? — Пётр Андреевич погладил мраморную головку.

— Вот жизнь во всех временах сразу. — Жуковский показал на мрамор. — Эта улыбка вызвана для нас неведомой радостью. Этого, отчего вспыхнула улыбка, не существует вот уже две тысячи лет. Самого чувства не

существует. Но улыбка не только сохранилась, она отражением на наших лицах.

Глаза у Петра Андреевича потемнели, взял за руку Жуковского.

— Как хорошо, что ты не женат. Мне невозможно не быть там, где будешь ты, где будут все... Я боюсь за Веру. Беременность даётся ей трудно, а тут ещё это... Жизнь беженки... Не понимаю князя Андрея! Для него война, поход — избавление от тягот бытия возле жены, когда ей придёт время родить. Он болтает об этом с беззаботностью. И, разумеется, до его очаровательной жены brave высказывания супруга доносят беспощадно.

— Кто этот Андрей?

— Князь Гагарин.

Вяземский — добрая душа, но круг его знакомых — высокородные шалопаи. В ушах Василия Андреевича явственно звенели вопли баб, провожавших на войну своих мужей, кормильцев. Для народа война — не поле чести. Несчастье. Сиротство. Смерть от голода детишек, смерть юных вдов от тоски.

На ужин была дичь, подливы с трюфелями. Вина благоуханные. Десерт изысканнейший, фрукты из оранжерей...

Вяземский показал Василию Андреевичу сестрицу графа Льва, знаменитую Наталью Кирилловну Загряжскую. Наталья Кирилловна была любимицей императора Петра III... При матушке Екатерине избежала

немилости дружбою с Потёмкиным. Любой каприз красавицы властелин исполнял беспрекословно и даже наслаждаясь причудливостью желаний. Император Павел пожаловал Наталью Кирилловну в кавалерственные дамы и собирался вытурить из Петербурга за чрезмерные вольности. Было за что. Свою племянницу Марью Васильчикову Загряжская посмела обвенчать с вице-канцлером графом Кочубеем, Виктором Павловичем. На Кочубея у императора были свои виды. Взъярясь, Павел послал сказать Загряжской, что более не намерен терпеть невежества у себя дома (Наталья Кирилловна не кланялась статс-даме Лопухиной). И вот на балу, при всём дипломатическом корпусе, гроза петербургских салонов отвесила Лопухиной нижайший земной поклон и объявила:

— «По именному его величества приказанию, мною сегодня полученному, честь имею поклониться вашей светлости».

Приказ покинуть Петербург последовал без промедления, но князь Волконский, посланный проверить, как исполняется монаршая воля, нашёл в доме Загряжской многолюдный беззаботный праздник. Волконский перепугался, но его подвели к окошку на задний двор и показали карету с кучером на козлах.

Павел, боявшийся неисполнения его государевой воли, обрадовался докладу и послал Волконского сообщить Наталье

Кирилловне, что она получает отсрочку высылки.

Уехать всё же пришлось, в Батурин, в Киев, в Париж. А в Париже Наталья Кирилловна имела беседы с Наполеоном, с Талейраном. Её принимали монархи немецких княжеств, император Австрии.

Теперь дама-легенда сидела за карточным столом и по обычаю выигрывала. Играли в бостон, ставки были несерьёзные, а в партнёрах сам граф Лев, Апраксина, юная Волкова, родственница Валуевых, Виельгорских, Кошелевых.

Брат Волковой Николай поделился своей радостью с Вяземским: начальник штаба в армии Багратиона генерал Сен-При согласился взять его в адъютанты. Вяземский тоже ожидал адъютантства от Милорадовича.

— А мне нужен слуга. Да такой, чтоб не дрейфил на войне, — сказал Жуковский.

— Слуга будет, — пообещал Вяземский.

В уютной гостиной с гобеленами дамы, собравшиеся вокруг графини Ростопчиной, сокрушались о несчастье Мухановой. Её муж отличился в жесточайшем сражении под Салтановкой. Пять дивизий наполеоновских маршалов Даву и Мартье нападали на корпус Раевского. Думали, перед ними Багратион с армией. Николай Николаевич десять часов сдерживал французов, позволяя Багратиону переправляться через Днепр. Раевского и раньше

любили, теперь же о нём и его сыновьях говорили со слезами благоговения. В момент полного изнеможения одного из полков генерал повёл на французов своих сыновей. Они шли, взявшись за руки. Младшему, Николеньке, то ли десять, то ли одиннадцать. И полк смёл французскую атаку.

Супруг несчастной Мухановой был представлен за этот бой к ордену. Тем же вечером на рекогносцировке, переодетый в мундир французского офицера, он был смертельно ранен казаком.

— Я сегодня была в лазарете! — У Ростопчиной слёзы заблестали в глазах. — Боже мой! Боже мой!

Раненых привозили теперь каждый день. Офицеры-гусары, офицеры егерских полков, лейб-гвардии, офицеры-артиллеристы. Иные изуродованы жесточайше.

Дамы высшего света, принося в жертву своё время, целыми днями трепали корпию — ветошь для перевязок.

Была ещё одна животрепещущая тема: обнищание богатейших. Прасковья Кутузова, выданная за Толстого, нарожала ему восьмерых детей, но все имения его в Белоруссии, у Наполеона. Оставшегося состояния — три сотни душ в рязанских, очень бедных деревнях.

— Ужас! Ужас! — сочувствовали вполне искренне.

— Дамы-то наши даже по-человечески, то есть по-русски, и о

насущном могут разговаривать, — горько посмеялся Вяземский.

А Василий Андреевич никак не мог отойти от чудовищно дорогого ужина, от изрядно вырядившихся дам, от юных офицеров, ожидавших адъютантских мест при самых видных генералах.

— Я бы очень хотел проснуться лет на пять назад, в Белёве. А коль надобно идти на войну, так поскорее бы, но ополчение, по-моему, больше на языке, чем на деле.

Война, пришедшая в театр

Вяземский, не получая ответа от Милорадовича, поехал вместе с Жуковским к графу Матвею Александровичу Дмитриеву-Мамонову. Вяземский и Мамонов женаты на сёстрах, свояки. За князем Петром Вера Гагарина, за графом Матвеем Надежда.

Граф был в свойстве и с Жуковским, по музе. Родственник Ивана Ивановича Дмитриева, граф с юношеских лет писал стихи, публиковал в московских журналах.

Встретил Матвей Александрович гостей дружески и даже восторженно.

— Василий Андреевич! Я счастлив! Сама русская литература в моих пенатах.

— Уж больно ты красиво говоришь! — засмеялся Пётр Андреевич. — Жуковский — казак твоего полка. Стало быть, твой подчинённый.

— Отнюдь! Я дал на полк деньги, но полк — не собственность. Буду в нём такой же поручик.

— Ты обер-прокурор департамента! По крайней мере — полковника отвалят.

Граф был красив и, к удивлению Жуковского, застенчив.

Батюшка графа — имя историческое для России. Вот только при всей честности, при доброй памяти — смущающее. Предмет позора Российской монархии.

В конце уже царствия Екатерины Великой всесильный Потёмкин привёз к матушке государыне своего адъютанта. Мамонов был красавец и удостоился чести читать государыне на сон грядущий. Наутро — сто тысяч на карманные расходы и высшая государственная должность. Фаворит. Оказалось, предпоследний.

— Что Вера? — спросил князь Вяземского.

— В Ярославле, с семейством Карамзина... Я к тебе по делу. Записывай в полк, в команду.

— Ты поручик?

— Поручик.

— Поручик в очках.

— Остерман-Толстой тоже в очках, но генерал!

— Что ж, иди на первый этаж. Там тебя запишут, и, пожалуйста, получи форму полка... А вам форму выдали? — обратился граф к Жуковскому.

Тот улыбнулся виновато:

— Я думал, обмундирование за личный счёт.

— О нет! У нас форма! Идите с Вяземским. И возвращайтесь.

Через полчаса оба стояли перед Мамоновым в синих чекменях, с голубыми обшлагами, в косматых киверах, обтянутых медвежьим мехом, с высокими султанами, в руках по баулу. В баулах полукафтаны, две смены нижнего белья, по две рубахи, запасные штаны, сменная пара сапог.

— Витязи! — оценил друзей граф. — Однако ж извольте переоблачиться. Отобедаем и в Большой театр, покуда война всё ещё далеко от Москвы, у меня — ложа.

Давали оперу «Старинные святки».

— Я был бы счастлив присутствовать на премьере оперы «Светлана», — сказал Мамонов. — У вас в поэме столько прелестного, Жуковский.

*— С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.*

Или это:

*— Сели... Кони с места враз,
Пышут дым ноздрями,
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.*

Картины! Картины русской жизни.

— Мамонов! А кто будет командовать полком?.. Не прошибь! — Вяземскому не нравились разговоры о стихах.

— Думаю, не прошибся! — ответил граф. — Князь Святополк-Четвертинский устраивает?

— А какой Четвертинский? Ежели брат Марии Нарышкиной, то — весьма.

— Именно Борис Антонович.

Жуковский не знал князя Святополка-Четвертинского, не знал Нарышкиной.

— Саша плюс Маша, — шепнул Вяземский непонимающей деревне.

— Саша плюс Маша? — переспросил Василий Андреевич, и — осенило: речь об Александре. — А-а!

— Именно-а! — засмеялся Пётр Андреевич. — Вы посмотрите, сколько бриллиантов! Пора бы в землю закапывать, а тут — на показ. Последний день Помпеи.

— Но сколько мундиров! — мягко возразил граф.

— Мундиров, как всегда.

— Не зловредничай! — улыбнулся Мамонов. — Сегодня поёт Сандунова. Голос редкостный. Одна беда — русская. Была бы француженка — тоже бы вся сверкала.

Началась опера. Оркестр звучал прекрасно. Голоса доставляли удовольствие. И вдруг по сцене пошло пугливое движение, будто актёры смешались.

Торжествующий хор умолк. Через сцену к рампе, в странной тишине поражённого, ничего не понимающего театра, прошла Сандунова. Запела без оркестра...

— Слава! Слава! — Голос у неё дрожал, прерывался. — Слава генералу Кульневу, положившему живот свой за Отечество...

Уронила руки, заплакала.

И зал тоже заплакал.

Жданный рескрипт

Перед Александром лежала очередная листовка походной типографии майора Кайсарова, подписанная Барклаем де Толли. Обращение к обывателям Пскова, Смоленска и Калуги. Опять про две храбрые армии, кои грудью противостоят врагу на древних рубежах. О зверствах и неистовствах французов, об осквернении Божьих храмов. И похвала смолянам. Пробудились-де от страха, «вооружась в домах своих, с мужеством, достойным имени русского, карают злодеев без всякой пощады». Заканчивалась листовка призывом:

— «Подражайте смолянам все любящие себя, Отечество и государя!»

Александр поморщился. Он посылал Барклаю рескрипт, требуя решительных действий. И главнокомандующий обещал остановить неприятеля, разгромить, перейти в наступление. Досадливо захлопнул папку с бодрой афишкой.

Оба командующих, Багратион и Барклай, устроили театральное действие перед солдатами. В орденках, в лентах, а Багратион, кроме сюртука, другой одежды не признаёт, — перед фронтом выказывали радость соединения армий, на виду у всех обменялись рукопожатием. Единодушные соратники! На совете Барклай отдал столь жданный всеми приказ о подготовке к генеральному сражению. Согласился наступать.

Правда, помянул о данном ему наказе: «Покидая армию, его величество изволили предупредить: «Не забывайте, у меня нет другой армии. Пусть эта мысль никогда вас не покидает».

Наступали обе армии на следующий день несколько часов. Потом трое суток стояли в бездействии и — занялись более привычным делом — отступили.

Тогда-то и взорвался Константин.

Его высочество был лёгок на помине: вошёл без доклада, спросил от двери:

— Когда же ваше величество изволит сменить главнокомандующего?

— На кого? — спросил Александр.

— У тебя много достойных многоопытных: Беннигсен, Багратион, Тормасов, коего ты увенчал Георгием II степени.

— Вопрос о назначении главнокомандующего поставлен мною перед Чрезвычайным комитетом. — Александр смотрел как ангел, не замечая грубости. — Как решат, когда решат — спрашивай с них.

Чрезвычайный комитет собрался 5 августа.

Фельдмаршал, Председатель Комитета министров Салтыков (76 лет), генерал от инфантерии, главнокомандующий Петербурга, министр полиции Вязмитинов (68 лет), председатель департамента военных дел Государственного совета, генерал от артиллерии граф Аракчеев

(43 года), генерал-адъютант Балашов (42 года), князь Лопухин (59 лет), реформатор, член Негласного совета, ближайший друг царя граф Кочубей (44 года).

Все шестеро знали, кто будет рекомендован ими на пост главнокомандующего всеми армиями Российской империи. Однако ж начали обсуждение с кандидатуры графа Беннигсена, следующими в их списке были Багратион, Торماسов, граф Пален. Последним назвали Кутузова. И без оговорок согласились: Кутузов.

Александр посмотрел присланную из Чрезвычайного Комитета бумагу. Никаких чувств не отразилось на его лице. Против Кутузова сестра, её высочество Екатерина, против Кутузова императрица-мать, против Кутузова брат, его высочество Константин. Сам он, его величество — Кутузова ненавидел.

Утром 6 июля, в великий праздник Преображения Господа Бога и Спаса Иисуса Христа, император Александр пригласил князя Михаила Илларионовича к себе, на Каменный остров.

Кутузов поцеловал икону Преображения Господня, приложился к образу благоверного князя Александра Невского — икону прислал ему в подарок митрополит Петербургский и Новгородский Амвросий — и поехал, куда повезли, заперев голову от всяческих предположений, а сердце от предчувствий.

Александр выглядел естественным, принял просто.

— Чрезвычайный комитет избрал вашу светлость главнокомандующим всеми нашими армиями. Я разделяю мнение комитета. — Лицо строгое, но благожелательное. — Вы показали себя полководцем и дипломатом в турецкой войне. Вы устроили в две недели Петербургское ополчение. Да не оставит вашу светлость Господь в сражениях с неприятелем.

— Где теперь армия? — спросил Кутузов.

— В Смоленске.

— Ежели Смоленск удержим...

— А ежели не удержим?

— Ключи от Москвы в Смоленске... — Князь поклонился с такою учтивостью — статс-даму Ливен перещеголял. — Ваше величество! Я вхожу в командование, понимая, с каким неприятелем предстоит дело иметь. Не могу обещать вашему величеству немедленных побед, но будучи в ответе перед Богом, перед престолом вашего величества, перед Отечеством, намерен уничтожить армии нашествия.

— Мне предстоит вскоре встреча с принцем Швеции, рескрипт ещё не готов... — солгал Александр.

Кутузов откланялся, вышел из кабинета и тотчас вернулся:

— Ваше величество! У меня нет ни копейки денег на подъем.

Император благожелательно склонил голову:

— С рескриптом вы получите десять тысяч серебром.

Молитвы

Единственную месть за Аустерлиц, какую мог себе позволить Александр в отношении Кутузова, — тянуть с официальным назначением.

Рескрипт Государственный секретарь Шишков составил в тот же час, как пришла бумага Чрезвычайного комитета: «Нашему генералу от инфантерии князю Кутузову Всемилостивейше повелеваем быть Главнокомандующим над всеми армиями Нашими с присвоенными к сему званию преимуществами последними узаконениями».

Стихи не писал с таким восторгом. Оставалось число поставить и получить подпись.

Только 8 июля Александр изволил совершить росчерк на рескрипте. Опять-таки в день для России знаменательнейший, в день явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани.

С рескриптом государь вручил Кутузову письмо, переписанное с текста Государственного секретаря монаршею рукою:

«Я нахожу нужным назначение над всеми действующими армиями одного общего Главнокомандующего, которого избрание, сверх воинских дарований, основывалось бы и на самом старшинстве... Избирая Вас для сего важного дела, Я прошу Всемогущего Бога да благословит деяния Ваши к славе Российского оружия и да оправдает тем счастливые

надежды, которые Отечество на Вас возлагает!»

Александр оправдывался перед Барклаем де Толли, перед Багратионом, Беннигсеном, Платовым и прочими генералами — Кутузов назначен верховным начальником по причине старшинства, и только.

— С праздником, ваша светлость! — поздравил Шишков, выходя вместе с Кутузовым из кабинета царя. — Казанская — день благословения русского оружия.

— С праздником, Александр Семёнович! — поклонился главнокомандующий. — Где мой Кайсаров?

— Я здесь, ваша светлость! — Паисий показал мешок с деньгами.

Михаила Илларионовича обступили придворные.

— Ваша светлость, вы от государя сразу к армии? Это правильно! Пора повести дивных наших воинов на разбойника!

— Нет! — покачал головою главнокомандующий. — Нет, господи! Пока не воздам Божиего Боговию, до тех пор не думаю аз, грешный, о Кесаревом. Мне предлежит многотрудный подвиг спасти Отечество: могу ли я совершить сие дело без благословения Божиего!

Исполняя свой обет, Михаил Илларионович от царя помчался в Казанский собор, успеть на службу.

Желанную весть о новом вожде русских войск, должно быть, скорые ласточки разнесли по Петербургу.

Народу было о чём Бога молить, было за что образ Богородицы, обретённый в Казани, почитать спасительным для России. Петербуржцев в собор притекло великое множество, но перед Кутузовым — а к государю он ездил при всех орденах — широко расступались.

— Господи! — радостно ужаснулось сердце воителя. — Что за бармы на плечи мои стариковские возложил Ты, Святой?

Расступившийся народ указал своему вождю место перед алтарём, против соборной иконы. Михаил Илларионович снял мундир, отдал Паисию и опустился на колени.

— «Всех нас заступи, о, Госпоже, Царице и Владычице, иже в напастех и в скорбех и в болезнях, обременённых грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе», — пели хоры, пели прихожане. А он вспомнил вдруг приговор разбойнику в Молдавии. Подписывая, плакал, да ведь подписал.

— Господи! Богородица! Простите мне все мерзости мои, ибо не имея в душе чистоты, не снести бремени, возложенного на меня царём, Твоею Волей, Господи, Твоей Молитвой, Благодатная!

Пели:

— «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному...»

— Христос, Бог мой! — рвалось из сердца молящегося. — Богородице Дево! Одного прошу —

наградите здоровьем на все страшные дни сражений и воинских дел. А как будет Россия спасена, так пусть станется, как писано в книге судьбы моей.

— «Величаем Тя, Пресвятая Дево, Богоизбранная Отроковице и чтим образ Твой святой, им же точиши исцеления всем с верою притекающим». — Величание заполняло весь огромный собор. Кутузов пел со всеми и, крестясь, молил Богородицу:

— Пошли мне, зело грешному, не пролить крови русских солдат, солдат неприятельских, коя не востребована будет за грехи мира. Господи! Богородица! Пошлите мне, недостойному, сберечь землю народа православного от посягательств! Пошлите мне, недостойному, сберечь матерей, чад, стариков. Юность румянощёкую! Сколько их в армии, бесстрашных мальчиков!

Священники окропили Михаила Илларионовича святою водою, благословили.

И, провожаемый тысячами любящих глаз, прошёл Кутузов в коляску, покатил в военный департамент за генеральскими картами, за самыми свежими известиями от командующих.

На другой день в старенькой каретке, дабы не бросаться в глаза, вместе с Екатериною Ильиничной Михаил Илларионович ездил в придворные слободы. В храме иконы Владимирской Божией Матери молились. Плакал, как ребёнок несчастный, слезами тихими, неудержимыми.

Уже в коляске, по дороге домой, сказал Екатерине Ильиничне:

— Меня посылают на Зверя, а может, на самого Аввадона! У лжеимператора все маршалы в венцах королевских, как у саранчи из Апокалипсиса. «И вышел... конь рыжий. И сидящему на нём дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга».

Екатерина Ильинична припала головою к плечу генеральскому.

— Мне бы опять в полковницы. В Луганск, в Мариуполь. Бригадирству твоему радоваться, ехать за тобою в Бугский егерский корпус.

Улыбались. Радовались свету, наполнившему их в церкви, а приехали в свет, в суету. Подходила знаменитая писательница де Сталь говорить с русским полководцем. Подходили Надежда Никитична Голенищева-Кутузова и Фёдор Петрович Толстой, знаменитый медальер:

— Ты уж побей Изверга. Этак прямо и побей! — посоветовала тётюшка. — Фёдор Петрович твою победу в медалях утольёт.

— Я собираюсь увековечить великие деяния нашего воинства в бронзе. Заветная моя мечта! — признался медальер.

— Уж больно много хотите от меня! Уж больно много! — вздохнул Кутузов, без игры, без светского жеманничанья. — Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона. Не победить, а дай Бог — обмануть.

Подходила очень милая дама, застенчивая, непривычно искренняя.

— У меня сыновья в казаках. Три сына — и все в казаках. Младшему, Васеньке, — семнадцать.

Утешил:

— Казаки воюют умеючи. Казаков я люблю. Дуром головы под пули не подставляют.

И, приблизив лицо, шепнул доверчиво:

— Мне живые нужны. Бога молю — побережь солдатшек, а молодых-то офицеров — сугубо... Как фамилия-то сыновей?

— Перовские.

— Перовские... — Было видно, не вспомнил.

— Дети графа Алексея Кирилловича Разумовского.

— Разумовских знаю, — улыбнулся Кутузов. — О сыновьях молиться будете и меня помяните. На молитвы более всего уповаю.

Отъезд

Война для полководцев с бумага начинается.

10 августа, назначив отъезд на 11-е, Кутузов диктовал Кайсарову письма.

Губернскому предводителю дворянства в Петербурге Жеребцову. Благодарил за выбор, которым почтили его дворяне, и выражал надежду, «что тяжкий путь, мне предлежащий, будет сопровождён молитвами их обо мне Богу, который Один может устроить его».

Предписывал командиру 2-го резервного корпуса Эртлю сообщать «о всём, могущем с вами произойти, равномерно и о том, что может случиться с генералом Тормасовым, недалеко от вас находящимся».

Отправил копии рескрипта Тормасову и Горчакову о «всемиловейшем назначении главнокомандующим действующими армиями» и просил извещать «о всём, до армии касающемся».

У Горчакова в другом письме спрашивал:

«1-е. О всех рекрутских депо, ныне в наличности находящихся, о числе и вооружении оных.

2-е. О регулярных войсках, которые внутри империи формируются; где и какой успех сего формирования происходит».

Написал письмо к Барклаю де Толли, но попросил Кайсарова тотчас уничтожить.

— Покуда доедем, много воды утечёт. Пусть действует без вмешательства. Тем более что нам мало чего известно и об армии нашей, и о противнике.

В день памяти равноапостольной великой княгини Ольги, в воскресенье 11 августа Кутузов вышел из дому и сел в карету.

Ехать пришлось шагом. От Гагаринской пристани до Пращешного моста стоял народ.

Михаил Илларионович время от времени выходил из кареты, кланялся и, осеняя себя крестным знаменем, командирским голосом просил провожающих:

— Молитесь обо мне, православные! Меня посылают на великое дело.

Наконец карета добралась до Казанского собора.

Михаил Илларионович приложился к чудотворному образу. Священники окропили его святою водой, поднесли медальон с иконою Казанской Божией Матери в золотой ризе.

— Клянусь! — провозгласил Михаил Илларионович, чтоб все слышали. — Клянусь! Первая отнятая у врага добыча будет украшением сего храма.

Встал перед Царскими вратами, отдал земной поклон святому престолу:

— Господи! Донеси меня здоровым до места моего назначения.

Заплакал и, не отирая слёз, пошёл к экипажу.

К нему тянулись руки. Его трогали, он кланялся и просил:

— Молитесь обо мне! Молитесь обо мне!

Девочка, крошечка, дала ему цветы:

— Дедушка, возьми! Освящённые.

— Голубушка! — Цветы принял, нёс перед собою и, когда карета наконец тронулась, всё держал цветы перед собой. Три-четыре василька, три-четыре колокольчика и ромашки.

Причастие

Двенадцатого августа на ночь глядя в Москву приехали Авдотья

Петровна Киреевская с сёстрами, с Анной, с Екатериной. Василий Андреевич спал... Пробудившись в монашеский свой час, встретил всех трёх одетыми скромнейше, в платках.

У Авдотьи Петровны на донышке глаз алмазики.

— Василий Андреевич! Нам твой новый слуга — какой он у тебя страшный, калмык, что ли? — сказал: вы отправляетесь с армией чуть ли не завтра.

— Завтра нет! Но, видимо, на днях.

— Вася, мы в церковь. Пошли с нами, тебе надобно причаститься. Без этого нельзя, Вася, без этого нехорошо!

Василий Андреевич развёл руками.

— Как можно без приготовления? Я по гостям ездил. Чуть было в оргию не угодил. Без поста?

— Вася! Всё это скажешь ба-тюшке. Он твои грехи на себя примет... Ты же на войну идёшь.

В приходской их церкви, всегда просторной, было тесно.

Мужики, бабы, прислуга всяческая чуть ли не плечо в плечо с барышнями, со старушками помещицами. Разве что кущцы. Стояли особью, едино у левого клироса.

Перед Царскими вратами место занимали два-три семейства из аристократов.

Василий Андреевич уловил необыкновенность службы. Впрочем, всё шло своим чередом. Священник, старичок за семьдесят,

возгласы подавал негромко, и молитва или только призыв к молитве звучали одиноко и словно бы повисали в хрустальном воздухе, хотя надышано, и от обилия свечей тепло над язычками пламени покачивалось густою волной.

Василий Андреевич смотрел на семисвечник в алтаре и страшился: как бы какая из лампад не погасла вдруг. Нет, он не видел голубя над алтарём, не ощущал в себе какой-либо благодати, чуда, тяги к божеству, но он был как все здесь. И все были не ради забот своих, коим нет конца, не обид ради, амбиций, желаний, просьб, чаяний. Никому не было дела, как служит нынче причт, как поют на клиросах. Люди были с Богом. Перед Богом. Единственное жило теперь в их душах: как Господу угодно, то и претерпим.

Будущее отлетело прочь за ненадобностью. Что мужику об урожае молиться, когда быть ли завтра? Что дворянину о чинах, об именах, о наследствах мечтать, коли быть ли завтра? Придёт негоданное, и проживи его, претерпи — как Бог даст.

Священник причастил воина Василия. И, может быть, впервой Жуковский принял — кровь жизни и хлеб жизни.

Авдотья Петровна, блистая глазами, слёзы у неё не проливались, но и не просыхали, благодарно взяла его за руку, подвела к иконе Матери Божией «Умягчение злых сердец».

— Вася! Дай мне слово, что не будешь искать геройства. Вася, не гневи Господа, ибо тебе иное дано. Не шпага, не пушка... Слово-то, Вася, — Бог!

Священник начал молебен, заказанный супругами: они стояли, держась за руки, капитан с седеющими висками и юная женщина с явственно обозначившимся животом.

Авдотья Петровна подала дядюшке свечу. Поставил перед иконой.

На улице к Жуковскому подошли молодые люди.

— Василий Андреевич, нас недавно посетила мадам де Сталь. Как вы относитесь к её сочинениям?

— Господа, что судить нам знаменитостей? Для знаменитостей, как и для всех прочих, судья — Время.

— Мы считаем, что восторги, щедро даримые её безбожным, безнравственным романам, — искусственны, — сказала красавица. — Слава Богу, писательша явилась в Россию в такое время, когда нам нет дела до иностранных сочинений, нам Наполеона достаточно.

Василий Андреевич стоял в растерянности: затевался разговор серьёзный и непростой.

Авдотья Петровна взяла дядю под руку.

— Господа, Василий Андреевич после причастия.

— Простите нас, Жуковский! — поклонилась поэту юная особа

серьёзно и почтительно. — Мы любим вашу «Светлану» и вас.

— Василий Андреевич! — быстро сказал один из молодых людей. — Вы слышали, главнокомандующим назначен Кутузов!

— Слава Богу! Спасибо за доброе известие! — Жуковский поклонился.

— Война идёт на русской земле, значит, и война русская! — В голосе юной особы звенели, должно быть, слёзы. — Русских солдат русским командирам вести на бой.

Замахи быть в Париже

14 августа Москва читала очередную афишку Ростопчина.

«4-го числа император Наполеон, собрав все свои войска, в числе 100 000 человек, пришёл к Смоленску, где был встречен в шести верстах от города корпусом генерал-лейтенанта Раевского. Сражение началось в 6 часов утра и с полудня сделалось кровопролитнейшим... С нашей стороны урон убитыми и ранеными до 4 000 человек, в числе первых два храбрых генерала Скалон и Балла».

Ростопчин извещал о начале сражения, а всё уже было конечно более недели тому назад.

Москва паниковала. Заставы запрудили обозы с беженцами. Уже 15 августа великосветская львица Мария Волкова писала петербургской великосветской львице Варваре Ланской. Воен-

ные неудачи требовали хоть какого-то объяснения.

«Если так легко было нашему доброму царю уничтожить порядок, существовавший испокон веку, с другой стороны, не легко будет нашим генералам свыкнуться с порядком, по которому вчерашний начальник сегодня поступает под команду к своему подчинённому. Такие правила невыносимы для нас, русских, тем более что они взяты у французов. — Автор письма как-то не приметил, что при всеобщей ненависти к французам, к французскому, письмо она пишет на французском языке. — ...Так как отдельные корпуса действовали несогласно и каждый хотел делать по-своему, то мы и потерпели страшное поражение под Смоленском. Французы провели наших, как простаков. Была бы возможность поправить дело, если бы друг другу помогли или бы нашёлся человек, который, заботясь обо всех, никого не обрекал бы на неизбежную жертву. Но дело повели таким образом, что город, который в состоянии был сопротивляться шесть месяцев, взят в три дня, и вот теперь наше войско в 300 верстах от Москвы, и оба войска на расстоянии 7 вёрст друг от друга. Теперь тебе должно быть ясно, почему мы так радуемся назначению Кутузова».

Письмо Волковой писано в праздник Успения Пресвятой Богородицы, но в нём ни слова о празднике, о богослужениях, о Боге некогда помянуть.

Волковой известно: Главная квартира Кутузова в Дорогобуже, а это всего лишь в двадцати верстах от имения её дяди Кошелева. Власть обрекает крестьян на полное разорение, а то и на гибель, но крестьяне верят царю и покорны его царским повелениям. А велено сидеть на месте, не бросать изб, откуда французы не придут. Волкова негодует: «Посуди, до чего больно видеть, что злодеи, вроде Балашова и Аракчеева, продают такой прекрасный народ. Но уверяю тебя, что ежели сих последних ненавидят в Петербурге так же, как в Москве, то им несдобровать впоследствии».

Впрочем, оптимисты не перевелись. Почтарь Оденталь писал Булгакову, секретарю Ростопчина: «С тем числом регулярного ополчения, каковое мы теперь имеем, должны мы через год быть в Париже».

Улицы Москвы стали тесными от повозок. Жуковский пришёл попрощаться с Карамзиным пешком, но уже в форме ополченца. Медвежий кивер с крестом, серый полукафтан поверх чекмена, на поясе сабля.

Николай Михайлович исхудал, лихорадка замучила. Нервными стали прекрасные его руки, всё чего-то искали, трогали.

— Собрался писать Дмитрию — не могу! — признался Николай Михайлович. — Сесть на своего серого конька и — вместе с вами... Так ведь сляжешь, не добравшись до французов.

Вывозить библиотеку? Но далеко ли уедешь по таким запруженным толпами дорогам? Будь как будет! Конь у меня, слава Богу, в холе, резв, здоров. В случае чего — унесёт... А вы-то когда?..

— Позавчера назначили на 17-е, вчера — на 19-е...

— Всё-таки определённости....

А я не знаю, куда себя деть, чем себя занять. Кинулся просматривать Светония. Открыл нынче «Божественного Тита». И обнаружил в нём множество черт, сходных с чертами характера и даже внешности — нашего государя. Телесными и духовными достоинствами блистал с отроческих лет... Правда, был невысоким ростом и писал стихи. Будучи человеком редкостной доброты, просителей не отпускал, не обнадёжив. И когда его упрекали, что он обещает больше, чем может выполнить, говорил: «Никто не должен уходить печальным после разговора с императором». И ещё одно. Правление Божественного Тита не миновали бедствия: извергался Везувий, поражала народ моровая язва, три дня, три ночи пылал Рим. Но всем обездоленным в пожаре Тит сказал: «Все убытки мои!»

Николай Михайлович всплеснул руками:

— Да что это я! Всё говорю, говорю! Идёмте, у меня есть сёмга и прекрасное вино. Господи! Прочитайте стихи. Вы теперь пишете?

— Николай Михайлович, мне чудится, что тот невидимый,

неощущаемый орган, творящий стихи, засох в моей душе.

— Жуковский! Побойтесь Бога.

— Не война мой тиран. Близкие мне люди. Убили, в который раз, даже не само счастье, а надежду на счастье. Слава Богу, отправляюсь в поход... Желанное всем нам «завтра» совершенно безболезненно, не пугая, перестало существовать.

— Всё переменится! К лучшему! К лучшему! — Карамзин выставил блюдо перед гостем. — Сёмюшка серебряно-розовая, со слезою, и мы её съедим.

20-го, заканчивая письмо Ивану Ивановичу Дмитриеву, Карамзин напишет: «Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил отсюда, навстречу неприятелю».

Проводы

Все три племянницы наседками сидели перед своим ненаглядным дядюшкой — и от их жалости, от их любви он и впрямь чувствовал себя цыплёнком. Вот только цыплёнку предстояло идти с мечом и защитить наседок от супостата.

Слуга Василия Андреевича, нанятый по совету Вяземского, не показывая ревности, служил верно, а главное, исправно. Калмык по крови, он был крещён в Андрея, прошёл Аустерлиц, был на турецкой войне. Снарядил он своего хозяина в поход прилежно

и быстро. Лишнего ничего не взял, нужного не забыл. Все пожитки и пропитанье в телегу, боевую лошадь к телеге — поручик Жуковский принял решение идти в пешем строю.

Авдотья Петровна, Аннушка, Катенька сидели с Василием Андреевичем на диване перед обычною голландкою, смотрели на огонёк. Топили не ради тепла, ради уюта. Впрочем, вечера были холодные. Июльская жара осталась за порогом августа. Принесло дожди. Свежесть обернулась холодными сквозняками.

Авдотья Петровна ездила поутру с визитами и вместе с новостями доставила очередную афишку, самолично писаную Ростопчиным. Дали Василию Андреевичу огласить.

— «Здесь есть слух и есть люди, — голос у чтеца был бархатный, бунинский, — кои ему верят и повторяют, что я запретил выезд из города».

— Мне Альмовы говорили — выезжать не велено! — вставила словечко Аннушка.

— Не слушай Альмовых, слушай Ростопчина! — назидательно сказал Василий Андреевич. — Чёрным по белому: «Если бы это было так, тогда на заставах были бы караулы и по несколько тысяч карет, колясок и повозок, во все стороны не выезжали бы».

— Вся Москва поехала! — огласилась Авдотья Петровна. — Я смотрела на сие движение, и мне чудилось: дома тоже движутся. Выходит, мы боимся Наполеона.

Не верим Кутузову, а он обещает не пустить французов в Москву! Не верим Ростопчину, у которого сто тысяч наготове. Не верим нашим офицерам, солдатам, государю наконец.

— Верить надобно Богу! — Василий Андреевич разгладил замятый листок. — Ну, что ещё скажет нам градоначальник? «А я рад, что барыни и купеческие жёны едут из Москвы для своего спокойствия. Меньше страха, меньше новостей, но нельзя похвалить и мужей, и братьев, и родню, которые при женщинах... отправились без возврата. Если по их — есть опасность, то непристойно, а если нет ея, то стыдно. Я жизнию отвечаю, что злодей в Москве не будет!..» Слышите, дорогие мои, — не будет! Генерал убеждён, а вот историк на свою библиотеку, оставшуюся в Москве, смотрит как на пропащую.

Катенька вдруг обняла чтеца.

— Василий Андреевич! Вас-то куда ведут? Множество из ваших не были на войне, не обучены... Такое войско годно разве что на растерзанье.

— Господь милостив! Я, узнавши о вторжении, по огурцам в Мишине стрелял. Без единого промаха!

— Франсузы не огурцы. Вся Европа им покорилась, — по-совиному глянула Авдотья Петровна на дядюшку. — Я молюсь за испанцев и за нас. Испания и Россия одни во всём мире Богу молятся с верою, потому и не сдались на милость антихриста.

— Господин Ростопчин не на Бога, на силу уповаёт. — Василий Андреевич снова расправил афишку. — Вот его расклад и ответ, почему Наполеону в Москве не быть... «В армиях 130 000 войска славного, 1800 пушек и светлый князь Кутузов истинно государев избранный воевода русских сил и надо всеми начальник. У него, сзади неприятеля, генералы Торماسов и Чичагов, вместе 85 000 славного войска; генерал Милорадович из Калуги пришёл в Можайск с 36 000 пехоты, 3 000 кавалерии и 84 пушками пешей и конной артиллерии. Граф Марков через три дня придёт в Можайск с 24 000 нашей военной силы, а остальные 7 000 — вслед за ними. В Москве, в Клину, в Завидове, в Подольске — 14 000 пехоты. А если мало этого для погибели злодея, тогда уж я скажу: «Ну, дружина московская, пойдём и мы!» И выйдем 100 000 молодцов, возьмём Иверскую Божию Матерь да 150 пушек и кончим дело все вместе. У неприятеля же воих и сволочи 150 000 человек, кормятся пареною рожью и лошадиным мясом. Вот что я думаю и вам объявляю, чтоб иные радовались, а другие успокоились, а больше тем, что и Государь Император на днях изволил прибыть в верную свою столицу. Прочитайте! Понять можно всё, а толковать нечего».

— И толковать нечего! — улыбнулся Жуковский, взял в руки кивер.

И всякая кровинка в нём затосковала. Великий воин Гюон отправляется поразить врага. Только гоонов-то — сто тысяч. И ни магии, ни волшебства... Наполеон, разумеется, мистик, ему служит его невероятное счастье. За Кутузовым великих побед не числится, за Кутузовым — одно: русский человек.

Авдотья, Аннушка, Катенька окружили дядюшку, прижимались, и он чувствовал, какие они все тёплые, какие они — женщины.

Зарницей пыхнуло в голове: вот что будет меня хранить. Тепло женщины, а сие не что иное, как материнство. Любовь — Ангел Хранитель.

— С Богом, Вася! С Богом! — Он чувствовал на щеках, на руках их слёзы.

— Ну, что вы, право! — пошёл, и они пошли следом.

Обернулся, засмеялся:

— Мы — Скуфь! Наполеон-то не знает сей тайны.

— Вася! — загородила дорогу Авдотья Петровна. — Надо же посидеть. С молитвой!

Они были уже в прихожей. Чтобы не возвращаться, сели на лавки. Он прочитал про себя «Богородицу». Трикратно поцеловал каждую и пошел из дому.

Калмык Андрей посадил барина в коляску — к сборному пункту подвезти.

Женщины кинулись к лошадям, но калмык взмахнул плёткой:

— Но! Но! Кутузов дожидается!

Несостоявшиеся генеральные сражения

Михаил Илларионович Кутузов ехал к армии, не отпуская с колен карту.

На коротких остановках диктовал Паисию Кайсарову срочные письма.

13 августа известил наконец Баркляя де Толли и Багратиона о своём назначении главнокомандующим. Просил выслать фельдъегеря в Торжок, «через которого мог бы я получить сведения о том, где ныне армии находятся, и который указал бы мне тракт из Торжка к оным».

Стояла жара. В поезде Кутузова было двадцать карет и несколько возов. Пыль до небес.

Заворачивали по дороге к храмам Божиим. Михаил Илларионович ставил свечи, прикладывался к мощам, но молитва у него была единственная:

«Господи! Сохрани Русскую армию до приезда моего в целости, а меня донеси до войск в здравии. Об одном только молю Тебя, благоволи мне застать ещё Смоленск в руках наших — и врагу России не бывать тогда в первопрестольном граде ея!»

Кайсарову не казалось, как иным, не любившим Кутузова, что в его поезде столько лишних людей. Ехали какие-то горничьи. Ехали — в карете! — казаки. Целая канцелярия. И никто пока что не был востребован.

Переночевав в малой деревеньке, Кутузов дал себе роздыху,

выспался, завтракал не в каретке, кое-как. Мужичья изба была просторная, полы скрёбаны ножом. Обошлось без клопов, без тараканов. Одного было много — детишек. Сидели на печи, как в гнезде. Таращили глазки на генерала, но помалкивали.

— Паисий, дай конфеток детишкам, — распорядился Михаил Илларионович, сам же баловал себя хорошо сваренным, душистым, крепким кофеом. Кайсаров и варил.

Воротился дежурный по всем вопросам со двора не только с коробкою сладостей, но и со справно одетым молодцом.

— Расскажи генералу, где ты был и что слышал, — попросил Кайсаров.

— За товаром ездил, я торгового сословия, — Купчик поклонился Кутузову. — Был в Вязме. В Вязме великая суета. Смоленск французу отдали.

Михаил Илларионович даже встал.

— Смоленск, говоришь?

— Ваше высокопревосходительство! — перепугался купчик. — Я сам не знаю. Но, кто побогаче, из Вязьмы бегут.

— Где же армия наша?! — закричал Кутузов в сердцах.

— Люди бают — в Дорогобуже. Собираются бой французам задать.

— Поехали! — Кутузов чуть не бегом кинулся из дому.

Обедали в тот день наскоро, далеко за полдень, на постоялом дворе. Михаил Илларионович

всю дорогу опять-таки не расставался с картой, будто ждал от неё неких важных указаний и, должно быть, сии указания углядел.

Обедая, продиктовал письмо в Дунайскую армию адмиралу Чичагову, в бывшую свою: «Я по воле его императорского величества еду командовать армиями и думаю, что сие моё отношение застанет Ваше высокопревосходительство ещё у Днестра. Должен теперь сказать положение дел: неприятель, соединивши почти все свои силы, находится уже между Смоленском и Москвой; наши две армии, 1-я и 2-я, по последним известиям, около Дорогобужа. О точном положении армии генерала Торماسова я ещё не сведал. Из сих обстоятельств Вы усмотреть изволите, что невозможно ныне думать об отдалённых каких-либо диверсиях, но всё то, что мы имеем, кроме 1-й и 2-й армий, должно бы действовать на правый фланг неприятеля, дабы тем единственно остановить его стремление. Чем долее будут переменяться обстоятельства в таком роде, как они были поныне, тем сближение Дунайской армии с главными силами делается нужнее».

Письмо более краткое по неопределённости местонахождения 3-й Западной армии было отправлено и к Тормасову.

— Во всю прыть надобно сии послания доставить! — попросил Кутузов, и даже взял Паисия за руку. — Неужто и впрямь Смоленск отдали? Что за дивное

положение! Пятый день в дороге, и не ведаем, где ходят-бродят сто тысяч наших солдат, с конницей, с пушками!

15 августа добрались до Вышнего Волочка.

Михаил Илларионович, показывая на лоно водохранилища, сказал Кайсарову:

— Труды матушки императрицы. Император Пётр собирался канал копать. Здесь близко сходятся три полноводных реки: Тверца, Мста, Цна. Великий Пётр мечтал соединить Волгу с Балтийским морем, но сделать успел запруду. Великая государыня обошлась водохранилищем. Коли Бог даст России третьего великого государя — тогда и каналу быть.

Из Вышнего Волочка Михаил Илларионович решил ехать в Вязьму, но местный исправник не посоветовал:

— Возле Вязьмы отряды французов шастают!

То ли в отчаянье, то ли не желая доверять слухам, главнокомандующий приказал взети себя в Смоленск! Домчались до Торжка, а в Торжке Беннигсен.

Вконец рассорившись с Барклаем де Толли, граф бросил армию и ехал к царю.

— Леонтий Леонтьевич, у кого Смоленск? — спросил Кутузов чуть ли не со слезами на глазах. — Положение нелепейшее! Главнокомандующий посреди России ищет две армии. О неприятеле смутные известия имеются, о своих — ничего!

Леонтий Леонтьевич на откровенность ответил откровенностью.

— Барклай де Толли — посредственность, способная погубить русскую армию. Под Смоленском сей полководец умудрился потерять Наполеона! Позволил обмануть себя ложными показаниями пленных французских офицеров. Двинул армию к Поречью. Три дня ждал. Приказал и Багратиону идти за собой, но князь — не промах, не поверил французам, а чтобы избежать прямого неповиновения главнокомандующему, отошёл от деревни Приказ-Выдра под предлогом, что там для армии большой недостаток воды. Отошёл к Смоленску. Барклай из Поречья, скрытно, по ночам бросился к Рудне. И опять ошибся. Ждал от Наполеона удара по дороге Витебск — Рудня — Смоленск, а Наполеон имел при нашем командовании шпионов. Сосредоточил войска в Орше. Это направление Багратион как раз и предвидел!

Беннигсен был искренен в негодовании.

— Дальше — хуже. Началась истерика генеральных сражений. Сначала избрали Усвяту на реке Уже. Слава Богу, позиция, указанная полковником Толем, была отвергнута и Багратионом, и Барклаем. Толь ещё и нагрубил командующим. Самонадеянный господин: «Лучшей позиции быть не может. Извольте объяснить, что вы требуете от меня». Вот как нынче полковники с полными

генералами смеют разговаривать! Багратион не сдержался, пообещал разжаловать нашего главного колонновожатого в солдаты... И чуть было не исполнил обещание. В Дорогобуже Барклай приказал Толью поставить войска для генерального сражения. И тот поставил 1-ю армию лицом к Москве, спиной к Наполеону! Багратион потребовал уже не разжалованья, а расстрела. Этого я не выдержал. Знаю одно: очередным местом генерального сражения названа Вязьма.

На уговоры Беннигсена вернуться к армии Михаил Илларионович потратил две-три минуты. Граф в должности и.о. начальника Главного штаба ехал с главнокомандующим в одной карете.

На следующей станции наконец-то явился адъютант от Барклая де Толли. Сообщил неутешительное.

Армия сдала Вязьму и направляется в Царёво-Займище, где будет дано генеральное сражение.

— Знает ли армия о моём назначении главнокомандующим? — спросил Кутузов адъютанта.

— О сём объявлено 15 августа.

— Леонтий Леонтьевич! Нынче 16-е. Завтра — генеральное сражение. Без корпуса Милорадовича. Без московской силы Ростопчина!

— Спешит Михаил Богданович! Ему же доказать надобно — смещение с должности — ошибка государя! — Беннигсен был беспощаден.

— Карту! — приказал Кутузов.
Беннигсен презрительно кри-
вил губы:

— Леса, кустарники. Батальо-
на в каре не поставишь, не то что
полка... В тылу армии река!

— И болота! — подсказал адъ-
ютант.

— Кто выбирал позицию? —
спросил Кутузов.

— Главнокомандующий, ваше
высокопревосходительство. Пол-
ковник Толь умолял главнокоман-
дующего переменить позицию.

— А его расстрелять хотели!
— буркнул Кутузов и подошёл
к адъютанту Барклая де Толли
— чуть ли не грудь в грудь. —
Друг мой! Получите у дежурно-
го офицера приказ. Мой приказ
— немедленно отвести армию к
Можайску для соединения с кор-
пусом генерала Милорадовича
и с Московским ополчением. С
вами поедет мой адъютант. Воз-
лагаю на обоих ответственность
крайнюю: войска его император-
ского величества в опасности.

Изнемог, сел на лавку.

— Боже мой! Ты оставляешь
меня под конец дней моих. Вот
ведь, Леонтий Леонтьевич! Пер-
вую ошибку сделал я за долгую
мою жизнь! Никогда сей ошиб-
ки не прощу себе. Но, Господи!
Она будет последней. Надобно
было ехать прямо на Москву, а я
дорожил Смоленском, дорожил
временем. Куда нам теперь, Ле-
онтий Леонтьевич?

И в отчаянье не забыл поль-
стить Беннигсену.

— Видимо, в Гжатск?
— В Гжатск! — приказал Ку-
тузов.

Найденная армия

На следующий день, 17 авгу-
ста, подъезжая к Гжатску, Ми-
хаил Илларионович и Леонтий
Леонтьевич встретили обоз како-
го-то генерала и полк солдат, об-
ходивший обоз по обочинам.

Кутузов вышел из кареты.
Приказал:

— Обоз убрать с дороги! Сол-
дату в походе каждый шаг дорог.
Скорее придёт, больше отдыхать
будет.

— Кутузов! — ахнули солда-
ты, наливаясь силой и бодро-
стью, будто заново родились. —
Приехал наш батюшка!

Обоз убрали, солдаты постро-
ились на дороге. Михаил Илл-
арионович обошёл строй.

— Боже мой! Кто бы мог меня
уверить, что враг наш устоит пе-
ред штыками таких молодцов!

Молодцы исхудали, оборва-
лись, но Кутузову поверили: на
штыках? с ними? Будет карачун!

В Гжатске стоял 4-й пехот-
ный корпус Остермана-Толстого.
Весть о прибытии Кутузова оза-
ряла лица солдат и генералов.

Кинулись чиститься, поправ-
лять амуницию. А главнокоман-
дующий уже вот он.

Сказал солдатам:

— Не надо ничего этого! Я
приехал посмотреть, здоровы ли

вы, дети мои. Солдату в походе надобно не о щегольстве думать. Ему надобно отдыхать после трудов и готовиться к победе.

Узнавши, где стоит командир корпуса, сам приехал к графу Александру Ивановичу. Расцеловал по-родственному. Остерман-Толстой приходился Михаилу Илларионовичу племянником. Его багюшка Иван Матвеевич был женат на Аграфене Ильиничне Бибиковой, сестре Екатерины Ильиничны.

— Ну, что, как? — спросил дядюшка.

— Бежим!

— Сколь я слышан, под Островно мой племянник не бежал, а стоял.

— Солдаты стояли. На нас шёл Мюрат с двумя корпусами конницы, пехотный корпус вице-короля Богарне. Пришлось командовать: «Стоять и умереть». Господь был милостив, не всех нас взял к Себе.

— Умирать мы умеем, — согласился Кутузов. — Надо научиться оставаться живыми.

— Под Островно мы были 13 июля, а 17 августа — в Гжатске. Багратион к Витебску не пробился, пришлось отступить к Смоленску. В Смоленске мы имели две недели и, премудростью Барклая де Толли, потратили драгоценное время на ночные марши. Солдат вымучили, и только.

Михаил Илларионович рассказал графу, как его назначали главнокомандующим.

— Против меня, по секрету тебе скажу, императрица-мать, её высочество сестрица и ещё некоторые. За меня — Ляксандр Семёныч Шишков и весь народ. Вот я и не оробел. С помощью Божией надеюсь успеть в нашем деле.

— Отступаем однако? — глянул Остерман на дядюшку не без удивления.

— Гжатск для сражения не пригоден. Солдаты утомлены. Милорадовича с корпусом всё ещё нет. Марков с ополчением даже к Можайску не пришёл. Корпусу Остермана требуется значительное пополнение, корпусу Раевского и того боле.

Взявши графа с собой осмотреть ещё раз позицию у Гжатска, Михаил Илларионович заехал в Главный Штаб справиться о важных и срочных новостях.

В Штабе главнокомандующего ждали двое: адъютант его императорского высочества полковник Шульгин и наблюдатель союзнического правительства Великобритании генерал Роберт Вильсон.

— Мало у меня забот! — шепнул Михаил Илларионович Остерману. — Прислали в одном лице английского шпиона и государева согладатая.

Шульгин порадовал. Привёз поздравительное письмо от Константина: ненавистный ему Барклай де Толли хотя бы от Главной квартиры отставлен. Это раз, а два — Шульгин выказал мужество и привёл в Гжатск собранных на дорогах две тысячи

мародёров. Судить разбойников перед неминуемым генеральным сражением — недосуг. Да ведь и в людях нехватка.

Кутузов пополнил сим сборищем корпус Остермана. В амуниции, в строю человек всякого сословия — дворянского, духовного, купеческого — солдат. И разбойник — солдат.

Вильсон пустился в разговоры, делясь с главнокомандующим встревожившим его наблюдением.

— Я проезжал селом, в котором французские разведчики собирались пополнить запасы продовольствия и фуража. И что бы вы думали, ваша светлость? Я видел десять трупов и видел десять мужиков с карабинами, с саблями и на французских конях! — Лицо у Вильсона было истинно британское, весь в себе, а ум всё же напоказ. — Не кажется ли вашей светлости, что перед Российским государством возникает более серьёзная опасность, нежели Наполеон? Многочисленное крестьянское сословие, познав свою воинскую силу, может стать необычайно опасным для России, ибо народ пребывает в оной в рабском состоянии.

— Господин Вильсон! — взмолился Кутузов. — Моей головы хватает токмо на одного Наполеона. А то, что крестьяне бьют французов, так и слава Богу! Враг, пришедший в Россию, должен бы знать, чего у него здесь не будет. А не будет у него — тыла.

Спровадив англичанина, Михаил Илларионович наконец-то

выслушал донесения разведки. Французы сожгли Вязьму. В Царёво-Займище Коновницын, назначенный Барклаем де Толли командующим арьергардом, — атаман Платов был отставлен — сумел остановить конные корпуса Мюрата и Понятовского, пехоту Даву. Отличились три пионера² 1-го полка — Никифор Поносов, Онуфрий Тимошенко, Никита Яковлев. Под ружейным огнём опередили французов, забежали на мост, зажгли. Кинулись к плотине и умеючи спустили воду. Хлынул мощный поток, смёл с реки деревенские лавы, затопил и без того болотистые берега.

— Всем троим кресты! — распорядился Кутузов.

Война будничная

Наконец-то возле главнокомандующего объявилась свита. Два казака, прибывшие с Михаилом Илларионовичем из Петербурга, они были с ним и в Молдавской армии, подали белого коня, поставили скамеечку, и с этой скамеечки светлейший тяжко ухнул в седло.

В седле же держался воистину главнокомандующим. Даже тучность не портила картины: русский богатырь на заставе, на месте взорном.

Возле Кутузова были Беннигсен и Остерман. За чертой

² Солдат инженерных войск

города встретили полковника Толя с юными квартирьерами.

— Кутузов! — первым увидел главнокомандующего Муравьев 5-й. — Конец побегушкам!

Толь строго глянул на дерзкого мальчишку, но промолчал. Поехал навстречу, доложил:

— Квартирьеры присланы командующим 1-й армией для обозрения местности и возведения оборонительных позиций, прикрывающих Московскую дорогу.

— Никаких позиций позади армии нам не нужно, — сказал Кутузов негромко начальнику квартирьеров и во весь голос юным прапорщикам: — Мы и без того уж слишком долго отступали.

И опять Толю и Беннигсену:

— Место для сражения надобно искать возле Можайска. Обратите внимание, полковник, на Колоцкий монастырь.

Очередной отход, но уже по его приказу, Михаил Илларионович за отступление, должно быть, не считал.

Возвращаясь в Гжатск, встретили на крайней улочке баб. Поймали двух мародёров.

— Большой начальник! На жарь злодеев! — дорогу загордили. — На жарь, чтоб ни сесть, ни лечь не могли!

— Кутузову мужик нужен в здравии, — сказал для всех нежданное главнокомандующий и повернулся к Остерману: — Генерал, прими оных в свою команду. Ходатайствую! На жарят Наполеона — вот им прощенье.

— Кутузов! — ахнули бабы, расставаясь со своею добычей. — Самый важнецкий енерал!

— Паисий! — подозвал Кутузов своего дежурного полковника. — Надо послать лёгкую кавалерию по окрестностям. Мародёры — угроза престижу и армии, и солдатскому званию.

— Ваша светлость! В Гжатске и по дороге к Гжатску 1-я армия. А в 1-й армии лёгкой кавалерии нет.

— Как нет?! — Главнокомандующий смотрел на генералов и обер-офицеров, не умея взять в толк, что ему сказано.

Начальник канцелярии полковник Скобелев ответил за всех:

— Казаков Платова ещё на границе отсекли. 1-й кавалерийский корпус генерала Уварова тоже принуждён был отступить ко 2-й армии.

Михаил Илларионович поднял руку, заслоняя здоровый глаз от солнца.

— Вот они, казаки.

К Гжатску подходил один из шести полков генерала Карпова.

Команды были отданы. И три эскадрона развернулись и пошли вспать.

— Сам Кутузов приказ дал! — сказал казак Парпара Василию Перовскому.

— Ах, посмотреть бы!

— Дело исполним, он тебе ещё и крестик на грудь прицепит! — пообещал добрейший Харлампий.

А Кутузову пришлось выслушать в тот день первый укор.

Прощаясь, Остерман сказал, опустив глаза:

— Выходит, опять отступаем.

— Друг мой! — Кутузов пожал племяннику руку сильно, до боли — могучий старец. — Ты знаешь, над кем поставлен командовать? У тебя две дивизии, 11-я и 23-я. Командуют Николай Николаевич Бахметьев и Александр Николаевич Бахметьев... А вот я, главнокомандующий, ведать не ведаю не токмо, где у меня 3-я армия, но где Багратион и сколько у него людей, где Барклай де Толли. Не знаю, сколько ведут к нам воинства Милорадович и Марков и как скоро пришлёт резервные корпуса князь Лобанов-Ростовский. Я только сегодня армию сыскал, а из армии одного тебя.

И поцеловал Остермана.

Поздно вечером, при свечах Михаил Илларионович продиктовал Паисию Кайсарову письмо главнокомандующему Москвы графу Ростопчину.

«Не видевшись ещё с командовавшим доселе армиями господином военным министром и не будучи ещё достаточно известен о всех средствах, в них имеющихся, не могу ещё ничего сказать положительного о будущих предположениях насчёт действий армий. Не решён ещё вопрос, что важнее — потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, с потерю Москвы соединена потеря России...»

Кайсаров ужаснулся, но даже пера от бумаги не оторвал.

Кутузов глянул на железного своего полковника и сказал:

— Тебе писать сие не вмоготу, а мне надобно выбор делать.

И продолжил диктовку.

Покончив с письмом к Ростопчину, попросил взять ещё один лист.

— Коновницыну приходится весьма туго. Отпиши Багратиону. Пусть князь Пётр Иванович прикажет послать в помощь арьергарду 1-й армии пятнадцать эскадронов. Солдатам необходим отдых, а главное, надобно время для устроения войск перед сражением.

Жизнь на колёсах сменилась на жизнь бивачную. Но стряпухи и горничьи Михаила Илларионовича умудрились подать отменный ужин и постель приготовили чистоты ослепительной.

Михаил Илларионович в изысканной еде себе не отказал, а вот спать улёгся без сапог, но в одежде. Уж так у него было заведено.

Казачи, посланные ловить мародёров, напоролись на отряд французов.

Конные французы обступили малую рожицу, спешились, дали залп и пошли приступом. Тут на них и бросилась визжащая по-бабьи ватага с косами. Схватка вышла короткой, французы отхлынули. Снова дали залп. И опять пошли.

— Вот мужичьё! По-бабьи визжат! — изумился Василий Перовский.

— Да это ж бабы и есть! — У Парпары заходили желваки на скулах, выхватил саблю со свистом, глянул на хорунжего.

Французов было сотни полторы — на полусотню многовато.

— Не побьём, так напугаем!

И казаки помчались на врага.

Верно. Напугали. Французы бросились к лошадям, бабы за ними. Ушли наполеончики, на оставших не оглядываясь.

Казаки подъехали к месту боя. Бабы, окружив нескольких французиков, неистово размахивали косами, увеча и убивая.

— Остановитесь! — приказал хорунжий.

Остановились, да не сразу. Один уцелел.

— Отдайте этого нам! — сказал бабам хорунжий. — Где ваши мужики?

— Пошли обоз громить! — ответила молодка с серпом в руке, вся забрызганная кровью. — Нашу деревню два раза грабили. Мы в лес, а эти и в лесу нас нашли.

— Пленный — офицер. Он весьма сгодится командованию, — сказал бабам Василий.

— Узнаем, какие войска на нас идут.

— Придут, так и узнаете! — Лицо молодки перекосило злобою, и она всадила вдруг серп в живот несчастного.

— Сука проклятая! — закричали казаки.

Но бабы, щетинясь косами и серпами, заслонили молодку.

— Матушку у неё из ружья порешили.

Показали на лежащую в траве убитую богатыршу:

— Евдокиюшка-душа! Если б не она, не отбились.

Василию горячие сумерки кинулись в голову, пустил коня прочь.

— Поделом лягушатникам! С бабами не сладили! — крутил огромной своей башкой Харлампий.

— А ты бы сладил? — спросил его Парпара.

— Медведицы!

— Чего же им не быть медведицами-то? В лесу, чай, детишки у них.

Василий на три дня разговаривать разучился. Поглядела на него война. Уж так поглядела. Во всю жизнь не забыть³.

³ Последняя глава романа «Перовские» была опубликована в альманахе «Гостинный Двор» № 41

Валерий МИХАЙЛОВ

«МОЯ РОДИНА - РУССКОЕ СЛОВО...»

Валерий Фёдорович Михайлов родился в 1946 году в Караганде, внук крестьян-спецпереселенцев, неволей судьбы ставших шахтёрами. Окончил геофизический факультет Казахского политехнического института. Работал редактором газеты «Казахстанская правда». Известный русский поэт, прозаик, критик. Член Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей Казахстана. Автор более двадцати книг поэзии и прозы, множества публикаций в российских изданиях, антологиях стран ближнего и дальнего зарубежья. Главный редактор ведущего русскоязычного литературно-художественного журнала «Простор». Лауреат международных премий «Алаш», Лермонтовской (2014), кавалер ордена «Парасат». Живёт в Алматы.

* * *

Я дошёл до разгадки земного,
Но к земле ни к одной не
привык.
Моя родина — русское слово,
Моя родина — русский язык.

Мне судьба даровала чужбину,
Слава Богу и неча тужить.
Не размыкать родную кручину,
Только душу свою положить.

Словно Китеж, ты в родину
канешь,
Словно песня, ты в небо
уйдёшь.
Слово русское ты не обманешь,
Бог велит — вместе с ним
пропадёшь.

* * *

Зачем мы родились на свет, —
Нас разве только Бог рассудит, —
В стране, которой больше нет
И никогда уже не будет.

И в этой мировой ночи
Неужто нам ещё не ясно,
Что мы последние лучи
Звезды, которая погасла.

Летим всё дальше, кто куда,
Другие светят нам светила,
И догорает в нас звезда,
Которая давно остыла.

* * *

Только под утро становится тихо...
То ль на земле поубавилось лиха,
То ли нездешний проклонулся
свет...
Всё — настоящее. Прошлого —
нет.
Вот что сознанию под утро
помнилось...
Словно бы облако с неба
спустилось,
Где мы очнулись и снова живём
И никогда ни за что не умрём.

ПОКРОВА НА НЕРЛИ

Ты плывёшь, плывёшь в тумане
По-над Нерлью, по-над лугом,
Изнутри собой светяся
Светом, что себя светлей.

Этот камень словно пламень,
Этот облик что молитва,
Ты как парус, Божий парус
В небесах и на земле.

* * *

Земля становится пустыней.
Стою у неба на краю,

И то, что было сердцем, стынет:
Кому повем печаль мою?

Глаза открою ли, закрою,
Они не видят никого.
И то, что было мне душою,
Не в силах молвить ничего.

* * *

Отсыревшею спичкой о небо
ночное
Кто-то чиркнул опять...
Загадать бы желание, что ли
какое —
Да не знаю, чего загадать.

Промельк света напрасный,
бесшумный,
Оцарапавший глаз —
И мерцающий морок безумный,
Поглощающий нас.

То ли падшие ангелы с неба
слетели,
Не коснувшись земли,
То ли думы мои, как мгновенье,
сгорели
В этой звёздной пыли.

* * *

Тень от жизни ползёт по дороге.
Не пойму, это что за страна?
Вдрызг разбиты упрямые ноги,
А судьба ничему не верна.

Разве только неслышимой песне,
Разве только незримой крови,
Разве только неведомой вести,
Разве только негласной любви.

Ни ответа тебе, ни привета
 В этой неотвратимой глуши,
 Где летит лёгкой бабочкой света
 Тень твоей понадмирной души.

* * *

Помнишь душу свою дословесную,
 Неземную ещё, поднебесную,
 Как она ощущеньем жила,
 Слово чуяла и не лгала?..

На земле тихо ягоды спеют
 И зарёй изнутри розовеют,
 И по лугу плывёт налегке
 Земляника в парном молоке.

Эта память о млечном тумане,
 Ране жизни и совести ране...
 Это слово зарёю во мгле,
 Как последняя искра в золе...

Земляника давно отоспела,
 И землёю становится тело,
 И душа возвращается вспять,
 Чтоб родное на небе обнять.

* * *

С небес берёзы льются зыбчато
 Листами юными, зелёными,
 А я гляжу куда-то дымчато
 Глазами будто бы влюблёнными.

Даль жизни синяя колышется,
 Мелькает в пятнах солнца
 вешнего...

Что мне увидится, услышится
 Земного или же нездешнего?

И синь зелёная качается,
 И что-то ведь недаром чудится,
 Слепит, сверкает, обещается,
 И хоть не верится, но сбудется...

* * *

Да, собственно, кто ты такая!
 Любить я тебя не любил.
 По имени даже не знаю,
 А если и знал — то забыл.

Безумная бабочка лета,
 Летела ты мимо меня
 Обманкою тени и света,
 Бенгальскою искрой маня.

Что было, давно уже сплыло.
 Вовеки теперь не понять
 Того безнадежного пыла, —
 С чего б мне тебя вспоминать?

Так! лезет в башку что попало,
 Как будто бы цел белый свет,
 Как будто бы ты не пропала,
 Как будто бы времени нет.

* * *

Война против нас не кончалась,
 Война эта будет всегда.
 Одна ты, Россия, осталась,
 Как в небе пред Богом звезда.
 От края судьбы и до края
 Лежит заповеданный путь.
 Гореть же тебе не сгорая...
 От ада до светлого рая
 Недолго, немного, чуть-чуть...

Николай БОРСКИЙ

ОГЛЯНИСЬ В ПЕЧАЛИ

Николай Алексеевич Борский родился в 1947 году в селе Борское Куйбышевской области. Окончил Куйбышевский авиационный институт им. С.П. Королёва и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор тринадцати стихотворных книг, большого числа публикаций в периодике, в антологиях и альманахах. Член Союза писателей России. Многократный призёр и лауреат отечественных и международных литературных конкурсов. Живёт в Подмосковье.

БЕРЕЗНЯК

Ольге

Мы войдём в березняк, в
кислородный сквозняк его
острый,
В звоны горлышек птиц и
гортаней ручьёв и листвы —
Чтобы голос любви наполнял
этот праздничный остров
Посреди пустырей, на
невзрачных задворках Москвы.

Друг мой светлый, о чём мы с
тобою в слезах горевали —
Там, где внешняя тьма и где
скрежет зубовный во тьме?..
Отчего мы вдвоём в
беспросветные русские дали
Обернулись, вздохнув по своей
коммунальной тюрьме?

Новый вержеса див, плещет
крыльями дева Обида,
Грохот, ужас и кровь, ответ
пламени в мёртвых очах.
От железной пяты ни закон, ни
Господь не защита,
Ни высокий забор, ни
укромный семейный очаг.

Друг единственный мой, мы
ведь чудом с тобой уцелели
На разломе пластов, в
тектоническом сдвиге времён.
Четверть века уже — ни страны,
ни надежды, ни цели,
Да и этот массив, говорят
лесники, обречён.

Эта смута при нас, убиенных
московские тени,
Злое время потом, стыд на
мусорном подлом ветру!..
Унесём хоть детей в край
свободно цветущей сирени,
Уведём в березняк, к диким
яблоням в чистом цвету!

Ныне вновь никому нас не
нужно — и, значит, не жалко.
Нам другие огни могут быть. И
другие пути.
Но — дрожанье осин. Но —
плакучие вѣтлы у свалки
И дымок от неё (дым отечества,
как ни крути)...

Да и то: сквозь листву — вновь
сиротские русские дали,
К бесприютной земле сизый
дождичек льнёт окладной.
Мы прошли березняк, наугад
пробрели, миновали —
И шумит он, как жизнь, за
твоей и моею спиной.

КРАСНОЗОРЬЕ

Белозёрье. Белостволье. Белый
свет благословенный.
Краснозорье. Краснолесье. Лето
красное в трудах —

С пылью мелкого помола на
дороге суховеёной,
С чешуёю частой ряби на
заливах и прудах.

Отчего такое в мире и в моей
судьбе вершится:
Лодка лёгкая у плёса, в лодке с
удочкой рыбак,
Берег с просыпью песчаной,
птиц пролётных вереница,
Тополиный пух щекотный,
голубеющий ивняк?

Незаслуженная радость, даровое
счастье это —
Разговор прекраснословный с
земляками затевать,
Спать в палатке беззаботно, над
рекой бродить с рассвета,
Аромат лесной вдыхая, пенью
иволги внимать.

Всё приемлю... Хоть природу,
может, вовсе не заботит,
Кто здесь дышит, кто с рассветом
взглядом трогает звезду.
Люди новые приходят, люди
старые уходят.
Так и я когда-то летом в эту
местность не приду.

Хоть, по сути, человеку всякий
возраст точно впору:
Сколько б он ни жил на свете,
горько чувствовать — пора...
Краснолесье. Краснозорье.
Средневожские просторы.
И река Самарка в блеске
рассыпного серебра.

Здравствуй, жизнь — в любых
обличьях! Ты поверь —
совсем не лишней

В пути на неё набредёшь ты лет
 двадцать спустя,
 Хоть сам птицелюб, меломан,
 стихоплёт, отщепенец —
 Каденция всхлипнет, как в
 горьком сиротстве дитя,
 И выбьет слезу череда
 беззащитных коленец.

Созвучной фамилией втайне и
 всуе гордясь
 И кровью причастный, хотя и с
 иной юдолью...
 Но та же стальная с российской
 словесностью связь —
 С любовью фатальной, с
 летальной сердечною болью.

Твой выбор дороги — монеткою
 вверх и строкой?
 Да кто бы ты ни был — дорога
 тебя выбирает,
 Любовь принимает — невзгодой,
 шутя, отдаряет
 И спать постилает, как скоро
 прибудешь домой.

Но это в конце. А пока за рулём
 ты, бедняк,
 Вскользь чувствуешь, как под
 закатным малиновым светом
 Вдоль трассы рифейской летит
 березняк-молодняк
 Сквозным миражом, розовеюще-
 люминесцентным!

Пока ностальгия с дорогой
 твоей заодно.
 Заря западает, и ты поспешаешь
 к ночлегу.
 С тобою семья. На стоянке есть
 хлеб и вино.
 И что ещё надо в закатной поре
 человеку?

Несбывшихся роз у тебя, словно
 грёз — миллион,
 Непрожитых радостей, видимо,
 тоже с лихвою.
 Вся жизнь, будто песня,
 которой зовётся твой стон,
 Когда бурлаком прошлый век
 волочишь за собою.

Былое — как в пропасть.
 Ветшает палата ума.
 К прогрессии скорби ведёт
 умноженье познания.
 Повинностей много у нас,
 особенно — сума да тюрьма,
 А право одно — пребывать
 производной страдания.

Летать высоко — и закопанным
 быть далеко.
 С режимом дуэль — а ргіогі твой
 выстрел последний.
 Малиновке Бродского петь в
 наших рощах легко.
 Легко, что угодно — но только,
 к прискорбью, посмертно.

И нам, как всегда, запоздало
 рыдать над ней тут,
 Вцепившись в страну — а зачем,
 не ответим и сами —
 Так прочно, что если с неё за
 бугор сволокут,
 То лишь изувечив — и с русской
 землёй под ногтями.

ПРОЩАНИЕ

Вновь сентябрь развернул над
 землёй паруса листопада...
 Сладкой болью разлуки
 вскормлю я грядущие дни
 От отчизны вдали. И листва
 монастырского сада

Облетит без меня. Станут дали
сквозь рощи видны.

Дар забвения мне боги, видно,
отмерили скупо —
Хоть сто лет проживи, не
отлюбишь такое вовек:
Перелесок простой, осокоря
трепещущий купол,
Заповедной реки чуть заметный,
неслышимый бег.

Скоро, скоро зима — говорят
календарь и погода.
И отъезд под Москву — как
потеря, болезнь и беда.
Слава Богу, теперь не совсем, а
всего на полгода —
Снег пока и пока хмуры дни и
длинные холода.

Я в апреле вернусь — не прошу
и не требую больше.
Потому что любовь. А любовь,
словно сердце — одна.
Год от года она безответней,
бессильней и горше.
Но чиста, как слеза. И давно,
как слеза, солона.

И пусть ветер раздул паруса
листопада по лугу,
Им не плыть в небесах над
родной беззащитной землёй...
Скоротать бы скорей
неизбежную нашу разлуку,
Зимний морок степной,
монотонный замот городской.

ПОСЛЕДНИЙ ЖУРАВЛЬ

Мне приснился к утру одинокий
журавль в небесах —
В непроглядных, пустых,
по-осеннему серых, размытых.
Палой бурой листвой вздохи
ветра шуршали в лесах,
В опустевших ольхах, в
оголённых прозрачных ракигах.

Не отстал, не отбился, а просто
— последний в живых
В бесприютном краю. Ни
друзей, ни подруги, ни стаи...
Грустным кликом своим в
вышине поминающий их,
Улетал он, пока холода на Руси
не настали.

Далеко улетал — может статься,
уже навсегда —
И рыдал над страной,
разорённой, поверженной,
нищей,
Где темнели вдали дымовой
пеленой города,
Сиротели внизу деревенские
наши жилища.

И приречье моё, радость сердца
мальчишеских лет,
На котором с отцом запускал я
воздушного змея...
И глядел я во сне журавлю
одинокому вслед,
На жестоком пути уберечь его
жизнь не умея.

*Поздравляем Николая Алексеевича
с юбилеем!
Здоровья и творческого вдохновения!*

Василий КИЛЯКОВ

ЗАПИСКИ ПОЖИВШЕГО ЧЕЛОВЕКА

Василий Васильевич Килияков родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Наши современник», «Юность», «Октябрь», «Литературная учёба», «Подъём» и других изданиях. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция», литературной премии им. Б. Полевого, премии «Умное сердце» им. А. Платонова, премии «Дойче Велле» (Берлин) и др. Живёт в городе Электросталь Московской области.

Ребёнок, девочка неполных двух лет, ещё не говорит отчётливо, только слогами. Мызгает во рту кусок пирога и с высокой лавки закидывает на стол обеденный то одну, то другую ножку в кожаной пинетке. Она закидывает и смотрит испытующе на реакцию родителей. Глаза любопытные, синие, озорные, словно спрашивают: «А что вы сделаете, если я так?..» Глядя на неё, думал: сколько ей, этой девочке, придётся ещё перетерпеть, понять, почувствовать. И воспитания, и огорчений, связанных с воспитанием и испытаниями... Сколько ей ещё наживать опыта, а главное — зачем? Ведь всё кончается одним и тем же для каждого из нас... Это «наживание опыта» и сочувствия, умения сострадать через свою боль и сопоставление с другими — было бы никчёмной глупостью, если бы душа не могла бы относить

этот опыт туда, в небытие, в пакибытие своё...

Нет, тут, верно, важен даже не сам опыт, а именно «изделие», полученное от всей жизни. И именно выковка этого «изделия», выковка души человеческой. Бог — кузнец, горшечник? Куёт и лепит. Думать так было бы примитивно, конечно. Что Бог — скульптор душ, но больше даже именно через чужие руки работает Он. Порой враждебные нам руки. Мы обижаемся на молоток и напильник в Божьих руках, — так, как обижались бы именно на руки Творца. И все мы незаконченные изделия — незаконченные, пока ещё живём и дышим, пока в силах хоть что-то менять в себе по своей воле и воле Демиурга... Он держит нас, Он работает над нами. Мы податливые изделия, над которыми трудится Бог неустанно, обваливая нас в песке и тлене и притирая друг к другу. Обкатывая нас, как морские гальши, друг о друга. И именно море, океан — вот что наиболее, как стихия, идентично самой жизни, образу нашего бытия... Море, стирающее наши (друг о друга и каждому) бока.

Что же из этого следует? Зачем мы, «обкатанные», Ему? Неужели только такие мы и сможем продолжать бытие в «ином мире»... Иногда этакое «притирание» трагически и внезапно, конечно. О чём это говорит? Лишь подтверждает то, что «у

Бога все живы». Для Бога нет никакой разницы, дышишь ты или ушёл к Нему. Плоть — во все не подтверждение этой жизни. Так скульптор или кузнец после того, как затвердеет изделие, доводит его напильником или молотком, сбивая лишнее.

...Девочка, присмирив, забросив ножку на стол, смотрела на взрослых. Стояла на другой и смотрела мне в глаза. Наверное, была удивлена, почему я не ругаю её и не удивляюсь, не поучаю её... Она, верно, кое-что уже понимает. А я думал о том, желал бы я снова стать вот таким первоизделием, глиной, самородком — и вновь испытать боль приобретения опыта, зачатков нравственности? Желал бы я оказаться на её месте и, испытывая этот мир, баловаться в нём? Какое же изделие пожелает вернуться в скалу, в глину, в ничто?

* * *

Судя по обилию боли и всяческих перипетий в жизни человека, — одна из главнейших целей жизни — в воспитании именно воли. Терпение и смирение — качества, о которых так много говорит церковь. Не податливость и слепая покорность, во все нет, даже напротив: следствие воспитанной, готовой уже воли к Божьим приказам, к приятию Промысла, к отсечению своей воли — вот величайший героизм и цель жизни. Не «прыжок

веры» как абсурд, а именно высота духа...

Главная ошибка «волонтиристов» (Ницше, Шопенгауэр, Макиавелли...) — в том, что они полагают меру великой силы воли в проявленных победах над другими. Главный же показатель созревшей воли — способность побеждать именно себя: «Победа из побед — победа над собой».

Но для чего Богу волевой человек, — или это значит, что Богу нужен воин? Не генерал, не майор, а именно солдат. Но в таком случае, каковы же условия существования «там»? Если не мягкотелость, а именно жёсткость по отношению к себе и воля — как первейшие качества, необходимые для жизни с Богом, в «иномире»? Значит, благолепие и беспечность рая — пустые выдумки? В «иномир» необходим только сложившийся, крепкий человек. Не расслабленный и благодный «нюня», но кремень, истый воин, твёрдо верящий своему военачальнику в духе. Это обстоятельство хорошо понимали первые святые, именно отсюда — тяжкий ежедневный их труд, вериги («Гнету гнущего мя»), юродство, стояние на камне, бдения. И смерть наконец — как последний экзамен, самый жёсткий и бесповоротный. «Без права на пересдачу».

Тогда становится понятно, почему самоубийство — то есть несдача экзамена, отказ, бег-

ство с поля боя — не прощается Главнокомандующим. Часовой, покинувший пост, потому что было холодно или дождливо, нестерпимо морозно или страшно от приближения врага, — такой солдат не годен и на следующую ступень. Ступень, следующую для жизни души, может перешагнуть лишь мужественный. А эта жизнь по ту сторону, несомненно, есть, и несомненно, что бытие здесь — лишь подготовка в мир иной. Все рассуждения о том, что «мир абсурден» и ему нет до нас никакого дела, как ветру до цветочной пыльцы, — наивность. А значит, настоящая борьба — не здесь, а именно там. Именно там бой, а здесь лишь подготовка. И борьба «там» — она много сложнее, чем испытания здесь, раз «туда» отбирают лишь избранных, достойно выдержавших первые трудности здесь. Отсюда и вывод, что духи злобы поднебесные — вовсе не выдумка досужих бездельников.

Не случайно святые в Православии не только выдерживали бои уже в реальном мире, но даже и усложняли его: носили вериги до крови, и пост, и бдения, и постоянная молитва (то есть внимание к голосу Главнокомандующего, угадывание его святой воли).

* * *

Говоря об «архетипах» наций... «Странность», «непонятность» русского человека для

иностранцев — хлебосолье, широта души, искренность и по-иски искренности — всё это объясняется просто: русский живёт не этим миром, не только видимым миром живёт. Отсюда и непонятный для них героизм русских в войнах. И это генетически и кровно давно усвоено русскими и свойственно им. Так же, как оптимизм, хитрость, находчивость евреев в торговле, в делах денежных, ростовщических, как тяга к порядку, построению и легендарная храбрость немцев, замешанная на древней тяге к коллективному самоубийству, как некая петушиная спесь, иронизм французов и т.п.

И вот, если уж он, русский, срывается в другую сторону — к воровству, к тратам — тут тоже нет никакого удержу. Нет меры ни в чём. Потому что для него глубинно нет идеи самосохранения, им не ценится бытие этого мира, потому что он предполагает (и не без основания), что здесь это бытие его души не окончится, не погаснет. Ни один представитель никакого другого народа не кутит так безрассудно, часто — необъяснимо пышно и даже глупо, не «пыжит» так, как русский. Тут уж и цыгане, и «режь последний огурец», и много-много ещё чего. И эту оторванность, внушаемость русского хорошо понимают западные (с основательно поломанными генетическими кодами) народы, вернее, их предводители. Оттого и яростное навязывание

нам, внедрение «бородатых Кончит», и «свобода» ЛГБТ-сообществ, и пляски юных «пчёлоч» на европейский манер, истоки которых в американских публичных домах...

Насаждение страсти к имуществу, к деньгам, к потреблению, к индивидуализму (в пику соборности) обрело невиданные масштабы. Всё, что разобщает, индивидуализирует, ослабляет Россию, всё, что тащит в иную сторону от соборности, сплочения и взаимной приязни, прививают правдами и неправдами. Уничтожение крестьянства, войны и революции, внедрение доллара в Россию — всё это несканозно ослабило страну. Принуждённая страсть к доллару девальвировала победу СССР во Второй мировой, сегодня долларское пространство сжирает и Россию, и русский характер, «глобализует» их...

* * *

В метро, в вагоне подземной электрички, девушка лет двадцати-двадцати двух. Сидит она, стиснутая со всех сторон, прижавшись к не старому ещё, живому и бодрому своему соседу. Она прильнула к нему справа и так обхватила его правую руку, обвила её, как обвила бы лиана дерево. Так забирает она всю руку его себе, обвив своими руками, как можно было бы прильнуть только к очень любимому человеку, на которого надеешься

беспредельно, в котором уверен. Так кто же он? Отец? Муж?

Мы в детстве, мальчишками, так обхватывали гладкие белоснежные и белящиеся как известью стволы берёз, когда влезали на них. Что-то её ждёт, эту девушку... Что ждёт этого её отца? Мы, мальчишки, так были уверены в том, что жизнь — бесконечно ценный дар. Мы были счастливы полагаться в этом уповании своём даже и на деревья...

Вот встали и вышли они, эти двое, на станции Курская, а я долго ещё помнил их взаимное друг к другу тепло, нежность, доверие и преданность, такую очевидную для меня, пожилого, и редко встречающего теперь нечто подобное.

* * *

...С какой яростью, живостью и с каким отвращением Иван Алексеевич Бунин писал книги о революционной и послереволюционной России, книги по беспощадному исповедальному тону, пронзительности и остроте, равные которым едва ли можно отыскать. И по язвительной наблюдательности ничего похожего не знаю. Его повесть «Деревня» и та меркнет в сравнении с дневниками.

Вот слова, названия по отношению к ставшей социалистической России: «Под серпом и молотом», «Окаянные дни»... Это шедевры, образчики великой

и праведной ненависти (если только можно назвать шедеврами яростные заметки от весьма наблюдательного и памятливого писателя, с отлично «набитой» рукой, с точным и органическим чувством слова). Но вот что приходит на память: отчего же родного брата и своего учителя Юлия с проклятиями Бунин не упрекает нигде. Он любил и уважал его безмерно. Безмерно переживал его безвременную кончину... А ведь именно Юлий, этот не последний в своём значении «чёрнопеределец», народник и революционер, арестовывался не раз и даже ссылался.

Между ссылками учил Бунина французскому, учил журналистике. Сам был отменным журналистом. Разрабатывал и печатал программу революционных действий на будущее под выдуманным псевдонимом Алексеев. Был допрошен дознавателями и арестовывался, отбывал три года в Озерках. Основатель журнала «Среда», он печатал и работы Ленина, Плеханова. Уж коли быть объективным, то начинать бы Ивану Алексеевичу если не с себя, то со своей родни. Когда узнаёшь это, по-другому видишь попытки советской власти «уплотнить» Бунина, обыски его матросами, бесцеремонные вторжения, которые так ранили писателя, выводили его из себя, мучили нестерпимой обидой и бессильной яростью до «трясущихся рук» и перебоев в

сердце. Как огненно он записывал ощущения, обиду и ярость свои, «бьющееся сердце» своё, унижение до обидных слёз.

А вот запись его в 1918-м году: «Андрей (слуга Юлия) всё больше шалает, даже страшно. Служит чуть ли не 20 лет и всегда был неизменно прост, мил, разумен, вежлив, сердечен и мил. Теперь точно с ума спятил. Служит ещё аккуратно, но, видимо, уже через силу, не может глядеть на нас, уклоняется от разговора с нами, весь внутренне дрожит от злобы, когда же не выдерживает молчания, несёт какую-то загадочную чепуху <...> У него (слуги. — **В.К.**) вдруг запрыгали руки: «Да, да, летит (Россия в тартарары). А кто виноват? Буржуазия! И увидите, увидите, как её будут резать, увидите и вспомните тогда вашего генерала Алексеева». Как точен слуга, поразительно. И даже фамилия генерала и псевдоним Юлия-революционера вдруг совпали. Но вот диво дивное: Бунин, повторяю, вовсе не винит ни родного брата, ни его друзей, ни отца своего... А ведь именно они, дворяне, так заморочили головы себе и своим слугам, и самим себе — от безделья, что ли, от своей спеси? И уж точно — именно от беспечности, от «большого ума». От сочувствия той народной массе, которая впоследствии разнесёт, разорвёт свою же страну вдребезги.

Не дворяне ли испортили жизнь и себе, и России? И не однажды. Этот героизм и самоотверженность героическая очаровали даже Толстого. Вспомним, с каким рвением Лев Николаевич взялся за роман о декабристах. Трех из декабристов он отыскал и лично расспрашивал. И, изучив многое, вдруг проникся таким отвращением к событиям на Сенатской площади и их предыстории, что роман его о декабристах перерос в «Войну и мир», и мысль ушла совсем в иное русло. Страдавшие родственники Бунина, изучи они предмет и предысторию, тоже, пожалуй, разочаровались бы. Ведь князья ходили с красными бантами в петлице, а Синод поддержал Февраль... Вот и Бунин — кажется, как ему не сочувствовать? Но кто, как не сами дворяне растревожили «Михрютку», зарядили злобой и завистью? Кто, как не они сами — воспели «Двенадцать»?

А вот за год до того запись, в 1917 году: «Чуть не с детства я был под влиянием Юлия, попал в среду «радикалов» и чуть не всю жизнь прожил в ужасной предвзятости ко всем классам!» Предвзятость такова, что Бунин всю жизнь гордился своей дворянской кровью, а любимое словцо у него «барин», «барчук». И вот результат: уже через три года такие строки в дневнике: «Сон, дикий сон! Давно ли всё это было — сила, богатство,

полнота жизни — и всё это было наше, наш дом — Россия!» (1921 год).

* * *

А вот каковы были чаяния и заботы купцов и дворян накануне революционных событий? У того же Бунина читаем в дневнике запись от 1911 года. Обстановка уже предреволюционная. Пять лет назад опубликован рассказ Л. Андреева «Губернатор», три года назад «Рассказ о семи повешенных», наделавший много шума, одобренный Горьким и многими... А Иван Ильин с его на то время приверженностью к анархизму, его «Бунт Стеньки Разина» — бомба при обыске в 1906 году. А ведь это Иван Ильин, впоследствии шесть раз арестованный и наконец высланный из России, оставленный в живых лишь по личному указанию Ленина, в библиотеке которого хранилась его работа (лучшая, на взгляд Ленина, работа о Гегеле). Многие другие — Бердяев, Шестов... И многое с предреволюционным запахом крови, гари печатал уже и сам А.М. Горький. Вот в дневниках Бунина: «Юлий привёз новость — умер ефремовский дурачок Васька. Похороны ему устроили ефремовские купцы великолепные. Всю жизнь над ним потешались, заставляли др...чить и покатывались со смеху, глядя, как он «старается», — похоронили так, что весь город дивился:

великолепный гроб, певчие... Тоже «сюжет».

Да, «сюжет». И впрямь, кто и что видел, и как видел — даже чрезвычайно наблюдательный и дальнзоркий Бунин. И всего через пять лет — около восемнадцати миллионов убитых и умерших от голода в Первой мировой и в гражданской войне. И затем сданная, видимая уже победа над немцем, проигранная война, которая должна была закончиться в Берлине парадом русских войск, и уже пошиты были и будёновки с кителями из кожи для этого парада.

И будёновки, и кожанки наденет впоследствии ЧК, и — расстрелы, аресты, пытки... Даже миллионам, «сочувствующим» революции, и «попутчикам» — смерть. Бунин и попутчиком не был. Вынужден был прятать записки своих дневников за подоконник с уличной стороны, чтобы не нашли при обыске. Впоследствии недалеко от дома, где он жил в Москве, на Поварской, недалеко от последнего его пристанища, откроют Дом литераторов.

«Русский колокол» И. Ильина и «Окаянные дни» зазвучали слишком поздно...

* * *

Перечитывал антологию русских поэтов и думал о величии Православия. Все эти поэты, даже позиционирующие себя как атеисты, всё-таки православные

по самой внутренней сути своей. Величие их поэзии объясняется одним: это искренний плач об утерянной жизни души с Богом, сожаление об этом. Плач о великой утраченной Любви слышен, даже если и не называется напрямую в их строках. Эта «тоска по Богу» — в подтекстах, и она свойственна только русским национальным поэтам. Именно это ставит нашу поэзию выше очень многих и многого. Эта экзистенция, эта способность русских поэтов к созерцанию так очевидна...

* * *

Теперь я многое повидал и думаю, что жизнь любого человека, сама по себе, уже подвиг. Доказать это просто. Каждый, если вспомнит самые свои трудные и неудобные в этом мире дни, обратит внимание на то, что теперь, когда прошло некоторое время, те дни вспоминаются гораздо легче, даже и не без удовольствия, не без ностальгии по давней, страшной жизни. И это при том, что сегодня, при воспоминании о тех тревожных днях, нам всё-таки комфортно. Уже это одно доказывает, что минувшее, ушедшее — всегда лучше настоящего, каким бы оно ни было. И, в свою очередь, подсказывает нам, что жизнь — всегда и любая — есть нелёгкий труд. И труд немалый. Если бы не свойство нашего мозга стирать из памяти страшное, негатив, жить было бы невозможно.

Порою на судьбу нашу выпадают будничные, незаметные, но великие подвиги, о которых так никто никогда и не узнает. По прожитым годам мы смотрим на эти труды наши как бы с берега в бурю на тонущие корабли...

«Настоящее уныло <...> Что пройдёт, то будет мило», — гениально заметил А.С. Пушкин. То же понимают и напоминают нам о том же и святые Православия. О том, что жизнь — великий труд, знают именно они, и лучше многих из проживших.

Силуан Афонский, когда у него диагностировали рак, пустился в пляс. Старцы благодарили Бога, когда чувствовали отпуст. И это не слабость. Они понимали, что отработали уже свою страду в этой жизни, что Бог отзывает их из мира заслуженно. Бог призывает, значит, пора и отдохнуть. «Нет, нет, пора костям на место...» — говорила моя бабушка по матери, прожившая длинную жизнь, оставшаяся вдовой в двадцать лет после войны с детьми... «Нет, нет, пора, пора... под тополя».

Но человек, едва ли не каждый, старея, держится, хватается за ветхое своё жилище, за брненное тело своё. Ему, этому человеку, приготовлены уже хоромы светлые на высоте, в Свете, в Покое и в Радости. А он — нет, мёртвой рукой вцепляется-держится за то, что есть, за убогое, старое, больное и нищее. «Но крепко вцепались мы в нищую суму...»

— писал Есенин, который и в двадцать был уже по-крестьянски умудрён талантом от рождения, как бы впитал опыт поколений крестьян-«христиан».

Нельзя отказываться от жизни в духе. Конечно, вряд ли убедит это рассуждение, но подумать есть над чем...

* * *

Язычество Европы окончательное, полное уже. Возврата нет, точка невозврата пройдена. Шаржи на Христа и на Магомета — легко, и чтобы отстоять это странное право сумасшедших карикатуристов похабными рисунками оскорблять миллиарды людей, за это «право» выходят правители европейских государств и выводят тысячи ошалевших в Париже единомышленников... А и всего-то требуется не задевать того, что свято для других, зачем? Разве мало тем для шаржей? Какие это странные рельсы «цивилизационной демократии», которую они постоянно экспортируют всем, навязывают, внедряют по всему миру, странам, которые их вовсе не просят об этом экспорте атеистических и релятивистских идей. И вот доэкспортировались уже до того, что и у самих ничего не осталось, никакой демократии в том виде, в котором её понимали бедные древние греки, сочинившие это государственное устройство.

Репортаж по ТВ о покупках в Европе ёлочных игрушек. В Европе, где, празднуя Рождество Христово, никто даже не упоминает уже, что Рождество это именно Христа, спасшего, спасающего мир от тлена и разложения уже при физической жизни. Только один из нескольких продавцов упомянул в Германии об этом, а упомянув, сказал: «Он воскрес!» — и стремительно, точно скрываясь с места преступления, убежал в свой европейский магазин. Оказалось впоследствии, что это грек-эмигрант, и именно потому он так эрудирован и храбр.

Говорят, что в Америке-де больше верующих: из протестантов, католиков. На Пасху — вечеринка с Бараком Обамой, Анджелиной Джоли, Клинтонами и другими известностями, без упоминания даже словом о Пасхе Христовой, с плясками дикарскими, аттракционами и крутой попойкой.

Америка — это какая-то онаглевшая вконец железно-громадная деревня, с утвердившейся плебейско-языческой цивилизацией, раненой психикой, истинно «железобетонный Моргород», вечно чем-то обиженная, недовольная деревня, выстроенная ввысь. Целая страна с психологией глубокой провинции. Не оттого ли там вечно доказывают (и себе, и другим) собственное превосходство? И утверждают, как только могут

утверждаться вечно неуверенные в себе подростки или стареющие, недалёкие сумасшедшие. Поразительны их вечно улыбающиеся, всем будто бы довольные физиономии и настрой: кому-то неведомому всё время доказывать свою состоятельность, отменную дееспособность и подчеркивать, что всё у них будто бы «о'кей».

Срамные пляски-канкан, всегда оскаленные «приветливо» зубы и пожирание напоказ килограммами и поштучно то червей, то саранчи, то горы бургеров, то огромных тараканов... И всё за доллары, всё за бумажку, на которую, сожрав какую-нибудь тварь, чтобы тебя стошнило, ты приобретёшь ещё один пылесос или ещё одну блузку и всю жизнь потом будешь сотрясаться от брезгливых и унижительных воспоминаний о той холодной и шевелящейся во рту мерзости, которую ты был принуждён жевать под камеры, под хохот и крики. Вспоминать этот несмыслимый позор перед собственной совестью, эту алчность, эту подлейшую дурь свою — всю оставшуюся жизнь!

Что это за «менталитет»? непонятно. Смотрю на «празднование» их Пасхи — праздника «без названия» и укрепляюсь в своей уверенности, что эти точно уже не успокоятся, пока не наделают чего-то действительно страшного в окружающем мире. Пришла их пора: в Ливии ли, в

Сирии, в Грузии, на Украине, какая разница — не успокоятся, пока не запнутся о порог до крови... Они, эти янки, так и остались нацией подростков-дикарей, сбежавших от родителей и мстящих им за свою умственную и духовную несостоятельность, неполноценность. Акселераты, умственно не созревшие, с огромными горами мышц, с атомной бомбой, семьдесят процентов мировых ресурсов пожирающие для прокачки этих мышц, но не знающие совершенно, что такое совесть и Бог. Даже напротив — регистрирующие и позволяющие сектам сатанистов быть и называться религией наряду с христианством.

Эта никогда не воевавшая на своей территории общность, никогда, по сути, не голодавшая (Великая депрессия не в счёт, она не сравнится с потрясениями и войнами, которые настигали Европу и Россию) — общность авантюристов в пятом колене, сбежавших от суда и войн из Англии, убеждённых глобалистов и узников собственного мнения о своей сверхдержавной акселерации, занятая лишь приобретательством, связанная лишь длинным долларом... Эта общность не может и никогда не сможет ни воспринять, ни почувствовать Божьего замысла о мире, о каждом из рождённых в этот мир, потому что не ищут они следов и намёков на этот замысел, на промысел, на само бытие Божье.

А без таких поисков ничто и сама жизнь человеческая, горсть пепла, не более того.

Стоит только взглянуть на их атаки магазинов в дни «Благодарения», когда снижаются цены — они сметают с витрин всё подешевевшее, бьют, давят друг друга. И здесь — самая суть их бытия, а ведь это — сытое общество с самыми высокими доходами на душу населения!

Нравственные инвалиды от рождения. И что ни скажи об этой стране — будет истинной правдой. Зачем же им и Пасха Христова? Они изгнаны были не только из Рая Богом, но убежали и от традиций, и от обязанностей, и от совести. И теперь кичатся своей «самобытностью» — хотя какая самобытность в стране без корней. Большой театр в Москве — ровесник Америке!

* * *

Подмосковьем на электричке. Октябрь. Вечерет, и время от времени капли косым пунктиром чертят стекло. Проезжаю посёлок, который отчасти строили итальянцы ещё в XVIII веке. Теперь и не верится, что было когда-то время, и европейцы почитали за честь подзаработать в России. Строителями, гувернёрами — и работали (с большой благодарностью!) за рубли.

Еду полями, когда-то заповедными, а теперь сплошь застроенными коттеджами, иные

— до того безвкусной планировки, похожие на каменные мешки или камеры-изоляторы.

Мужичок с рюкзаком тяжело вышел на платформу, силясь, скинул рюкзак на плечи. Дачник. Вскидывая тяжесть, от усилия и старания топнул ногой в резиновом сапоге прямо в луже. Лужа расплескалась, и тут же голуби на платформе вспыхнули белым исподом крыльев, захлопали, поднялись к небу. Три сизаря. Лужа пролилась в ручеёк, подхватила белое голубиное перо, потащила куда-то, как судьба тащит брэнную жизнь человеческую...

Мужичок шёл, щурясь, глядя в жёлтые дали осенних берёз, в гущу лимонно-жёлтой и уже начинающей багроветь листвы, в пятнистую заросль осин. Низкие заброшенные дачки под трещавшими кронами и «коронами» разряда в сыром воздухе высоковольтных ЛЭП, заброшенные хибары и сараюшки, если только можно назвать сараюшками навесы из неструганного горбыля в пять-шесть досок, кое-как отгороженные от бомжей ржавой колочей проволокой и ржавыми же остовами панцирных кроватей и тут же вбитыми брёвнами, досками. Это огородики вдоль железной дороги под ЛЭП. Видно, забраны они самозахватом, чтобы хоть как-то прокормиться простому люду: под посадку картошки. Работы в подмосковных городах нет

никакой. Утренние электрички — битком в Москву. Там местный русский люд соперничает в наёмной дешёвизне рабочих рук с приезжими из дальних краёв вахтовиками. Контролёров-ревизоров по десять человек на вагон электрички. А где на всё про всё денег взять? А пенсионерам? Пенсии едва ли хватит самому прокормиться. Вот и «самозахваты» под огороды. Смешные, с горькими слезами от взгляда на эти огородики-имения впечатления и думы.

И тут — тронула электричка, и навес над платформой вдруг распахнулся, открылся вширь, в самую даль и в небо: не дом, а усадьба новоиспечённого дворянчика-олигарха. Дворец с башней рыцарских времён, с лифтом, бассейном, мансардой (теперь это модно называть «пентхаусом») — в четыре этажа. С гаражами, со скатами под землю, с фонарями в виде круглых шаров в одном метре от земли — по европейской моде. А по периметру дома-дворца какие-то голые гипсовые Дианы с кувшинами на плечах у фонтанчика, а за ними следом — ещё дачка. И ещё — какого-то пресыщенного, вероятно, проворовавшегося человечка с натянутым на заборе объявлением: «Продаётся».

Так и живём: и за Сирию имеем право вступить против американской военщины, и «результаты приватизации

пересматривать не будем». Что же ждёт нас, страну, где всё на виду, но ни честь, ни право не действуют?

И не боятся они, эти новоявленные «дворянчики», ничего. А между тем ровно сто лет тому назад изголодавшийся люд взялся за вилы. Сто лет тому, как Россия покатила под откос из-за безмерной пропасти между богатыми «барчуками», гнавшими по Москве в Яр, и голодными, замерзающими семьями рабочего люда. Сто лет прошло. Ничему не учит история, и вот опять бездна между «классами». Камеры видеозаписей, звонки с предварительным оповещением хозяйчиков, лампы на светодиодах, чтобы разом вспыхивали. Нет, брат, всё это не поможет тебе, не поможет и охрана в пятнистой форме на КПП, если голодный люд заскучает по твоим погребам и твоему сверхдостатку. Кто не желает делиться малым, тот теряет всё...

Так что же они, или так глупы навеки, или, напротив, умны? А может быть, близоруки? Или мудры, но как-то не по-русски? Я вышел вслед за мужичком на платформу, а вокруг этих «дворцов» — ни-ще-та-а! Голимая, кромешная. А ведь это не какая-то сибирская глушь, не пермские пустынные просторы, это почти что Москва!

Мужичок скинул рюкзак, долго стоял, прищурившись, на платформе, глядя из-под руки

вдаль. Потом загнул голенища сапог и полез в болотину. Выломал там себе батог на дорожку и вдруг крикнул мне, оглянувшись, крикнул властно, как пристало бы и самому Пугачёву (что меня удивило, крикнул незнакомому как родному): «...Эй, милый, пособи-ка с рюкзачком, кажись, лямка оторвалась!» И мы, закинув рюкзаки повыше, потопали мимо забора-дворца-фазенды какого-то «нового» русского, каждый по своим делам...

По дороге, словно себе самому, но так, чтобы я слышал, он говорил:

— А я не завидую им. Пятиметровые заборы, боязнь за жизнь... Скучно, страшно...

И ещё немного пройдя, то ли этим дворцам, то ли самому себе:

— Так, господа, знать, поживём ещё? А? По-жи-вём-ом!..

И столько силы, плотоядной какой-то злобы было в этих словах, сказанных вразяг: «По-живём-ом!» Не зависти, а именно злобы, что я невольно подумал: «Да уж не Пугачёв ли и впрямь это, не Степан ли Разин или сам Болотников воплотился?» Коллективное бессознательное страшно оживает на полях моей страны. Слышат ли хруст орясины, в болоте выламываемой, во дворцах, на Манежной? Ох, вряд ли...

* * *

Необычное, неординарное влияние творчества, творческого

процесса — на людей, обладающих настоящим даром, людей, носящих в себе искру Божью. Она или сжигает (эта искра Божья), изнашивает и нередко калечит, убивает человека (Ван Гог, Моцарт...), или, напротив, способствует долгожительству, придаёт смысл, стать и даже вкус бытию творческого человека (тоже, конечно, не без срывов и терзаний), охраняет и поддерживает существование творца и художника в этом бренном мире (Толстой, Леонардо да Винчи, Тициан).

* * *

Все люди, каждый из нас, приходят на эту землю, чтобы решить свои задачи. Найти свои ответы через боль и скорбь, холод и отчаяние. Но ответ на решённые задачи должен совпасть с ответами Божьими. А чтобы сошлось с ответом Божьим, указанным в конце задачника, необходимо задачник дорешать до конца, от корки до корки. У кого-то нет ума. У кого-то воли, у кого-то — и того и другого. Третий не даёт труда себе даже и задуматься. А между тем многие, даже и до глубокой старости в полном умственном здравии дожившие, не только не в состоянии успешно решать свои задачи, но даже и просто не в состоянии понять сам смысл того или иного вопроса. «Что требуется отыскать?» (Не говорю уже, что принять за неизвестное

и обозначить: «икс, игрек, зет»). Но как же это странно! Не может же у жизни, этого строгого и большого явления, не может же быть таким низким «КПД» по осуществлению Божьего замысла о человеке.

И вот ноябрь. И листья, и яблоки в саду под окнами опали. Деревья голые, сиротски продуты и костяно, мёртво качаются под ветром. Но наверху болтается одно яблоко, штрифель. Как же и почему лишь оно одно и не упало? Непонятно.

Птицы, подлетая, проклевали это яблоко насквозь. Но оно не падает. Болтается от ветра, как теннисный мячик, скачет, как привязанное, но не падает... Какова его задача? Кормить ли собою, телом своим птиц? Или это дело случая: дожить, довести до невероятных заморозков? Или не зависит ни от чего? Или это яблоко — оно этакий «Прометей» растительного мира, бунтарь, саможертвенность которого очевидна? И уж тем более вопросы: так счастье ли вот такое долгожительство, когда клюют и используют многочисленные замёрзшие птицы ли, дети ли, внуки, правнуки — благо ли? Решение ли это итоговой Божьей задачи, даже и практический экзамен? Не яблоком ли, таким же проеденным, доживали и философы многие, и ослепший А.Ф. Лосев, и В. Шаламов, и Д. Лихачёв? А во многих семьях

старики? Но это примеры и приметы всем нам: «Держаться за ветвь жизни до последнего», по непостижимой для нас воле самого Создателя.

* * *

Какое несчастье для человека его душа! Эта субстанция — удивительнейшая сущность, сколок Бога, божественного зеркала, вживлённая в плоть живого. Но вживлён этот «сколок» необработанным осколком. Колючим. Стекланным. Острым. Не дающим покоя. Постоянно напоминающим о себе острой болью, присутствием совести, неудобствами размышлений. Сравнениями. Рефлексией.

Невероятное смешение человека и животного. Этот кентавр, постоянно мучимый сомнениями и поисками высшего порядка, и — самыми низкими плотскими желаниями. Какие сомнения по поводу Любви Божественной в этой боли от осколка и смешения сущностей посещают людей! Какие страсти терзают их по системе координат «свой-чужой» и по их «животной» сущности... Есть у Шопенгауэра метафора о человеческой воле — в виде терзающего самого себя великана, наносящего самому себе увечья. Я бы добавил, что он, этот великан (и даже именно кентавр!), терзает себя, пытаясь вырезать и вырвать этот драгоценный, острый и болящий осколок из своей плоти.

* * *

Ребёнок трёх лет, девочка, внучка. Прибежала ко мне, просит развернуть карамельку. Дала и ждёт. Я разворачиваю эту карамельку, освобождаю от слипшейся бумаги и вижу столько счастья от ожидания гостинца, что мне вдруг становится чрезвычайно, почти до боли жаль её! И сердце моё вдруг разогревается таким сочувствием к ней, к её простоте и безобидной радости от сущего пустяка, от конфетки. Я осознаю вдруг, какая дорога «из жёлтого кирпичика», дорога длиною в жизнь ждёт её, сколько всего и всякого ей суждено пройти, что становится так мучительно-нестерпимо... Я нахожу ещё конфетку и угощаю её ещё раз. И вновь столько счастья и столько невыразимой радости! Как же мало, ничтожно мало надо для счастья

вот этим маленьким безобидным и трогательно-наивным людям, детям. Конечно, и огорчить их может тоже любой пустяк, и огорчить невероятно глубоко...

А ведь и я (теперь в это даже и не верится, так это было давно!) был таким же простым и наивным. Что и куда делось?..

Послушайте, я точно знаю, что все мы и каждый из нас вот так же просили у Бога благословения родиться на этой земле, как она, эта девочка, ждёт от меня конфетку. И мало того, мы ждали от Него этого подарка: прийти в эту жизнь — точно так же, как моя милая и маленькая Соня ждёт конфетку из моих рук... И мы Ему разве не казались наивными до слёз, до трогательного жаления нас? И не от этого ли «воспоминания» души так защемило моё бедное сердце много пожилого уже человека!

Георгий САТАЛКИН

СРАЖЕНИЕ

Киносценарий

Георгий Николаевич Саталкин родился в 1938 году в селе Малая Горка Минской области в семье военнослужащего. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт. Служил в армии, работал лесорубом, матросом, учителем, фермером, корреспондентом на областном радио. Член Союза писателей России. Печатался в журналах «Москва», «Октябрь», «Роман-газета», в коллективных сборниках. Автор нескольких книг прозы. Инициатор создания общины «Оренбургское казачье войско» (1990). Лауреат премии имени Валерисана Правдухина альманаха «Гостинный Двор» (2009), Всероссийской Пушкинской литературной премии «Капитанская дочка» (2013). Живёт в Оренбурге.

Эпизод 1

Северная Корея. 1951 год. Идут кадры корейских пагод, городов, природы под национальную корейскую музыку. Но вот нарастает гул американских самолётов «Б-29» и сопровождающих армаду «Сейберов». Свист бомб, взрывы, руины, пожарища, плач женщин, детей. Трупы мирных жителей. Вдруг откуда-то налетают советские «МиГи». Идут переговоры двух американских лётчиков:

БИЛЛ: Джон, это ещё откуда? Кто такие?

ДЖОН: Это, Билл, Советы!

БИЛЛ: Какого чёрта! Их тут не должно быть!

ДЖОН: А их тут и нет. Они под видом китайских добровольцев. Мне полковник Картер в штабе дивизии говорил.

БИЛЛ: Какое коварство! Ну я сейчас русским покажу «китайских» добровольцев!

Американские «Сейберы» сбивают несколько советских

«МиГов». Бомбёжка корейских городов продолжается.

Эпизод 2

Аэродром «Аньдунь» в Китае. Советский командный пункт. Генерал Лобов в форме китайской армии. Приземляются кое-как три советских «МиГа». Дежурный офицер докладывает.

ОФИЦЕР: Товарищ генерал, три вернулись... Виноват, четвёртый приземлился только что. Из десяти.

Генерал Лобов сжимает кулаки, запрокидывает голову вверх. Потом отдаёт распоряжение.

ЛОБОВ: Лётчиков... уцелевших — ко мне! (Кусает губы, думает). В чём тут дело? Почему такие потери? Как в первые дни войны с немцами...

Эпизод 3

Москва. Кабинет главкома ВВС СССР маршала авиации Жигарёва. Адьютант кладёт на стол перед ним сводку.

ЖИГАРЁВ (Читает сводку): Не может быть! Они что там — пьяные? Такие потери! Как я товарищу Сталину докладывать буду? Перепроверить! Быть такого не может! Это вам не 41 год! Не верю!

АДЬЮТАНТ: Слушаюсь! Есть перепроверить.

Эпизод 4

Кремль. Кабинет Сталина. Идёт совещание. Генералы авиации, авиаконструкторы, начальники военизированных НИИ.

СТАЛИН: Нам продолжают поступать сведения о наших потерях в воздушных боях с американской авиацией. Почему у нас такие большие потери?

ЖИГАРЁВ: Товарищ Сталин, американские самолёты превосходят наши.

СТАЛИН: Конкретнее.

ЖИГАРЁВ: «Сейберы» заходят с хвоста и расстреливают «МиГи». Наши лётчики их не видят, товарищ Сталин. Как из засады.

СТАЛИН: Наши не видят, а американские видят — почему так?

ЖИГАРЁВ: У наших самолётов нет прибора обнаружения самолётов противника.

СТАЛИН: Почему же мы не работаем над решением этой проблемы? У нас созданы конструкторские бюро, радиотехнические научно-исследовательские институты — чем они занимаются? Чем занимается НИИ-17 военно-воздушных сил СССР?

ГАЛЕРИН: Разрешите, товарищ Сталин? Главный конструктор НИИ-17.

СТАЛИН: Я знаю, кто вы. Не будем тратить время на представления. Продолжайте.

ГАЛЕРИН: Наше КБ сконструировало станцию обнаружения самолётов противника. Дальномер. Под рабочим названием «Позитрон».

СТАЛИН: Так в чём же дело?

ГАЛЕРИН: Идёт доводка, товарищ Сталин.

СТАЛИН: Вы понимаете, что это вопрос не только технический, но и главным образом политический?

ГАЛЕРИН: Понимаю, товарищ Сталин.

СТАЛИН: Вы здесь пытаетесь нам внушить, что успешно работаете над станцией обнаружения самолётов противника на расстоянии. Доводкой можно заниматься бесконечно (раскуривает трубку). Опасное непонимание проблемы руководителями НИИ-17 (раскуривать продолжает). Какой вес вашего прибора обнаружения?

ГАЛЕРИН: Сто двадцать килограмм.

ЖИГАРЁВ: Товарищ Сталин, боевой самолёт не может дополнительно взять ещё центнер с гаком груза. Каждый грамм веса на «МиГ» просчитан — грамм! Каждый!

СТАЛИН: А дальность обнаружения?

ГАЛЕРИН: До 800 метров.

СТАЛИН: Это одна-две секунды, чтобы нашему лётчику принять необходимое решение (Качает головой). Достаточно ли это? Сомневаюсь.

ЖИГАРЁВ: Это ещё без учёта того, товарищ Сталин, что прибор цепляется за наземные источники локации. Как репы на собаку!

СТАЛИН: Мне продолжают докладывать: наши лётчики гибнут. Каждый день.

ГАЛЕРИН: Мы всё делаем

для того, чтобы станция обнаружения как можно скорее была поставлена на наши самолёты.

СТАЛИН: Не уверен. Я читал ваши рапорты. В них вы большим специалистом себя проявили. А на деле — враньё. Мы создадим комиссию. Она выявит истинное положение дел в НИИ-17. Мы узнаем, кто виноват в том, что наши замечательные лётчики гибнут не в честном бою, а из-за засад, из-за коварных подкрадываний, как это умеют делать империалисты.

Эпизод 5

Московские улицы конца сороковых — начала пятидесятых годов прошлого столетия. Редкие легковые, ещё реже грузовые автомобили. Звуки танго: «Мне бесконечно жаль моих несбывшихся мечтаний»... Среди редких прохожих идёт лейтенант Завальнев. Идёт с опущенной головой. Ему иногда козыряют встречные военнослужащие. Он эти приветствия не замечает. Ноги его заносят в полуподвальную пивную. Пиво из бочки качает толстенькая продавщица Катька. Очередь подходит к лейтенанту. Он стоит углублённый в себя.

КАТЬКА: Угу. Молчит. Это значит — опять в долг? (Завальнев поднимает на неё глаза). Воевали, воевали... Молодой, погоны золотые на плечах. Куда деньги деваешь, офицер? Или тебе в армии не плотят?

КТО-ТО ИЗ ОЧЕРЕДИ: Ой, смотри, Катерина! За такие слова

знаешь, куда загреметь можешь? И надолго.

КАТЬКА: У меня медаль тоже, между прочим, имеется. И ничего такого я тут не говорила. Я только: платить нужно сразу хоть кому! (Но наливает кружку лейтенанту и вежливой язвой): Пожалуйста, товарищ лейтенант, пейте на здоровье!

ЗАВАЛЬНЕВ: Я забыл деньги в столе у себя на работе. За чем я их выложил — понять не могу. Я завтра же вам отдам!

Бормоча эти слова, лейтенант берёт кружку и несёт её в самый дальний, сумрачный угол, к столу, за которым в одиночестве сидит инвалид с костылём. Перед ним на столе пустые и чуть недопитые пивные кружки. Завальнев садится.

Инвалид (подвигая к лейтенанту пустую чью-то кружку): Плесни, командир, чуток. Я тебя тоже отоварю. (Показывает бутылку водки во внутреннем кармане пиджака. Лейтенант отливает из своей кружки пива инвалиду, тот подливает водки в обе кружки). Не узнаёшь? 88 авиационный полк, полевые авиаремонтные мастерские, ПАРМ, сержант Онищенко.

ЗАВАЛЬНЕВ: Пармская обитель! Онищенко, Сашка, ты?!

ОНИЩЕНКО: Так точно, лейтенант. Только вот на трёх ногах теперь.

ЗАВАЛЬНЕВ: Живой! А я ведь думал, что ты после той бомбёжки... Ты как? Ты что? Ты где?

ОНИЩЕНКО: Ни живой,

ни мёртвый... Примусы на базаре чиню. Головки примусные — я их прочищать иголки делаю... Всё делаю, что попросят.

ЗАВАЛЬНЕВ: У тебя же золотые руки! Ты же лучшим был специалистом по радиоаппаратуре в ПАРМе. Почему же примусы?

ОНИЩЕНКО: Долгая история. И скучная. Кто нас бомбил, не знаешь? Война ведь уже кончилась, а ПАРМ гвозданули, за чем, кто?

ЗАВАЛЬНЕВ: Не знаю. Самолёты были немецкие, но, по-моему, американцы в них сидели. Меня вскоре в институт, НИИ одно забрали...

ОНИЩЕНКО: Ты всё ещё лейтенант, а тебе по уму твоему давно капитана надо бы или даже майора... Ты ведь прибор тогда начинал делать, чтобы «мессеров» издали засекать — сделал?

ЗАВАЛЬНЕВ: Нет, не удалось... Характер у меня дурацкий какой-то...

ОНИЩЕНКО: Вопрос ясен. Напрасно старушка ждёт сына домой...

ЗАВАЛЬНЕВ: Помнишь майора Ковалевского?

ОНИЩЕНКО: Ну ещё бы! Он меня про тебя всё выпытывал. Удивлялся, зачем ты иностранные языки изучаешь. Как уставится... глаза такие... не свернёшь в сторону от них.

ЗАВАЛЬНЕВ: Он меня преследовал.

ОНИЩЕНКО: Зачем?

ЗАВАЛЬНЕВ: Всего меня

перемолол. Тысячу раз об одном и том же — кто, где, когда, зачем? И всё не отстаёт. Мне уже стало казаться, что я его притягиваю, что ему не сведения обо мне и от меня нужны, а что-то другое, что отстать от меня он уже просто не может... Чёрт его знает, мне кажется, что я притягиваю к себе всяких подонков, мразь всякую, дрянь вроде майора Ковалевско-го... Нет, сержант, не довёл я до конца тогда свой дальномер. Извини, я всё о себе и о себе...

ОНИЩЕНКО: О майоре.

ЗАВАЛЬНЕВ: Это всё равно, что о себе. Я работаю в одном НИИ. Бьёмся как раз над таким же прибором. Ты вот мне о «хейнке-лях» напомнил. Может, теперь я дотяну свой дальномер. Хочешь, я тебя к нам, в институт?

ОНИЩЕНКО: Нет.

ЗАВАЛЬНЕВ: Лаборантом. Или ещё кем-нибудь. Скажем, слесарем-испытателем.

ОНИЩЕНКО: Ещё чего! Нет.

ЗАВАЛЬНЕВ: Понимаешь, сержант, наши ребята, лётчики, пачками в Корее гибнут. Во многом как раз из-за того, что нет дальномеров, радиовизора, лока-тора... То нужно, что мне не дал сделать тогда майор Ковалевский. Сейчас такая штука просто позарез нужна... Я не то чтобы струсил тогда, но... всё равно сдался... Помоги мне. Я её вижу, эту РЛС: небольшая вот с пачку папирос. Мы с тобой в два счёта её сляпаем.

ОНИЩЕНКО: Кого?

ЗАВАЛЬНЕВ: Дальномер на наши «МиГи».

ОНИЩЕНКО: Ты — тише. Вон какой-то хмырь ухо на нас оттопырил.

ЗАВАЛЬНЕВ: Ерунда! Пойдём?

ОНИЩЕНКО: Сколько уже прошло после войны лет, а ты где сидел, там и сидишь. Тебе бы хотя бы для приличия или, скажем, для порядка старшего лейтенанта кинули. Ты для драки... как бы тебе сказать... слишком прост, слишком честен. Извини — не пойду с тобой.

ЗАВАЛЬНЕВ: Злым ты стал.

ОНИЩЕНКО: А ты нет? Плохо. Мы думали, война кончится и наступит совсем другая жизнь. Какая? А другая! Но я уже давно понял: война, лейтенант, она никогда не кончается и жизнь другою никогда не будет. Нигде! Никогда! Сражение идёт везде, по всем фронтам. Что, не согласен? Ну ладно, ну и хорошо. А как у тебя, кстати, с женой?

ЗАВАЛЬНЕВ: Денег мало-вато. Дочь часто болеет. Тут я виноват.

ОНИЩЕНКО: В коммуналке проживаешь?

ЗАВАЛЬНЕВ: Да. Комната. Но без куска хлеба не сидим.

ОНИЩЕНКО: Сколько вас? В комнате?

ЗАВАЛЬНЕВ: Я, жена Лиза, Наташка, дочь, теща ещё.

ОНИЩЕНКО: Ну, хана, значит, тебе, товарищ лейтенант! А я — разоружился. Живу один. Баба бросила: калека. И не только из-за ноги. Примусы чиню, керосинки всякие. Паяю,

лужу кастрюли. Пацанам радиодетекторы варганю... бесплатно, для души. Но больше всего для души — примусы. Иголочкой ему горлышко прочистишь, дашь воздуху, пламя — голубое, если керосинчик чистенький попадётся. Помнишь, в самом конце войны у нас реактивный сел? Картина: фигура какая, мощь, голос! Мне примус авиацию заменил: пламя как из сопла. Слушаю я примус... (Онищенко с досадой прерывает себя). Нет, не пойду я к тебе, всё!

Эпизод 6

Воскресенье. Библиотека. Читальный зал. Лейтенант Завальнев читает иностранные журналы. Когда он их сдаёт, то попадают они в руки какого-то безликого серого человека. Он сидит, тупо листает журналы, затем спрашивает у библиотекарки:

БЕЗЛИКИЙ: Это что, он всё читает? Или есть ещё и другие?

БИБЛИОТЕКАРЬ: Берёт и другие. Технические. В основном по радиотехнике.

БЕЗЛИКИЙ: Дайте мне его формуляр.

Библиотекарь приносит карточку Завальнева. Безликий делает записи у себя в блокноте.

БЕЗЛИКИЙ: И это всё что — на иностранных языках?

БИБЛИОТЕКАРЬ: Как видите. (Но, встретив мёртвый взгляд водянистых глаз Безликого, поспешила поправиться). Французские он читает со словарём. Английским и немецким владеет прилично.

БЕЗЛИКИЙ: Когда же он их успел выучить? А главное — зачем?

БИБЛИОТЕКАРЬ: Не знаю. Видимо, для своей работы.

БЕЗЛИКИЙ: Да? (Листает журнал). Какой работы? Иностранные издания. Сам чёрт ногу сломает в них. Ревю какие-то (В раздражении бросает журналы на стол). Да-а. Ну-ну... У вас тут, товарищи, целое гнездо космополитизма!

БИБЛИОТЕКАРЬ: Это научная литература. Она не запрещена.

БЕЗЛИКИЙ (не слушая библиотекаря): А лейтенант Завальнев А.И. — главный, выходит, у вас тут космополит. Он где работает?

БИБЛИОТЕКАРЬ: Он — военнослужащий. Вот (берёт карточку Завальнева). Его рукой написано. Вы же смотрели...

Эпизод 7

Радиотехническая лаборатория НИИ-17. Стены заставлены блоками приборов, столы с деталями, приборами. За одним из них в самом дальнем углу сидит Алексей Завальнев. Кто-то вошёл в лабораторию, хлопнув дверью. Услышав этот звук, Завальнев поспешно прячет небольшой, чуть меньше папиросной коробки прибор. Затем, убедившись, что это не к нему пришли, углубился в своё дело. И вдруг перед ним неизвестно откуда появляется инженер-капитан Мерзлякин. Некоторое время он наблюдает

за увлечённым работой Завальневым.

МЕРЗЛИКИН: Вы так, товарищ, увлечённо работаете...

ЗАВАЛЬНЕВ (поражённо): Вы... что, зачем? Как вы тут... И не слышно... Я думал, я один в лаборатории...

МЕРЗЛИКИН: Я за вами наблюдаю. Пунктик у меня такой — наблюдательный. Вы так вкусно, с аппетитом таким работаете. Не пойму, с какой такой стати, с таким энтузиазмом.

ЗАВАЛЬНЕВ: Вы как призрак какой...

МЕРЗЛИКИН: Я даже завидую вашему аппетиту. Я, сказать откровенно, вообще всем завидую. Вы правильно только что сказали: призрак. Я, говоря откровенно, как бы призрак зависти, который с библейских времён бродит — нет, не по Европе, по всему миру. А вам, товарищ, я завидую особенно остро.

ЗАВАЛЬНЕВ: Мне? Вы? Вы?

МЕРЗЛИКИН: Правильно: «Вы». Мне уважение, как хлеб, необходимо. Говоря по правде, я его не заслужил. Нет у меня никаких талантов и других ему подобных достоинств: ума, деловой хватки, организаторских на худой конец способностей — ничегошеньки нет! А уважения — хочу. Страшная жажда у меня к уважению, больше того, к почестям. Но в голове у меня — пусто, в душе — шаром покати. Я словно бы в пустыне. Раскалённой. И вот — жажда. И утолить её может только

человеческое уважение. Не так ли, а, товарищ?

ЗАВАЛЬНЕВ: Что-то я вас не пойму. Зачем вы мне это говорите?

МЕРЗЛИКИН: Ты изобрёл прибор? Я тоже изобретаю. Я разрабатываю законы человеческих отношений.

ЗАВАЛЬНЕВ: Не понимаю. Какая-то ерунда. Законы чего, зачем? Не мешайте мне.

МЕРЗЛИКИН: Все понимают. Один вы не понимаете.

ЗАВАЛЬНЕВ: Зачем вы всё время вокруг себя воду мутите?

МЕРЗЛИКИН: Я очень тихий, я очень скромный, я совершенно незаметный человек. А вы — талант. Вы почти гений. У вас, товарищ, тернистый путь. Но вы сами не знаете, отчего он такой тернистый. А я знаю. Нет, не только потому, что вы почти, но всё-таки не гений. Дело в том, товарищ, что вы не знаете самого главного в жизни — людей. А я, опять говорю, знаю... Вот хотите, я пойду к Борису Александровичу и расскажу ему, чем вы тут в нерабочее время занимаетесь? Наш главный конструктор ревнив — просто ужасный, он бледнеет, когда при нём кого-нибудь из подчинённых хвалят. Он соперничества не допустит. Он даже убить может, да-да-да! А вот вы — нет.

ЗАВАЛЬНЕВ (убирая инструменты в свой стол, а прибор — в портфель): Зачем вы мне всё это говорите?

МЕРЗЛИКИН: Вы какой-то такой человек особенный: вот

хочется вам какую-нибудь гадость сделать и всё. Я стопроцентно знаю, вы в ответ меня не ударите, не пойдёте жаловаться, а главное — доносить на меня не пойдёте. Но это как бы шутка. А если серьёзно, то я в нашем с тобой случае — исследователь. Я исследую человеческую природу.

ЗАВАЛЬНЕВ: Да? Зачем?

МЕРЗЛИКИН: Мне даже смешно на этот вопрос отвечать. Ну, допустим, я хочу продвижения по службе... Скучно с вами, лейтенант.

ЗАВАЛЬНЕВ: Вы как майор Ковалевский.

МЕРЗЛИКИН: А-а, это тот, о ком вы недавно в шалмане как-то безногому говорили. Нет, я не майор Ковалевский, я — другой. Майор неуклюже просто выполнял приказ, он животное. А у меня — призвание, у меня осознанная, осмысленная цель. Цель жизни.

Эпизод 8

Поздно вечером, точнее уже ночью, лейтенант Завальнев возвращается домой. На общей кухне, наощупь, он находит кастрюлю и, не зажигая свет, жадно хлебает из неё остатки варёва. Утром — скандал: перепутав столы в общей кухне, съел чужой суп. На крик собираются жильцы коммуналки.

ДАМА В ХАЛАТЕ И БИГУДЯХ: Это что же такое, это как назвать? Я не понимаю! Как хотите, но это воровство! Изошрённое! Я буду жаловаться!

СОСЕДКА НЮРА: А ещё

офицер, а ещё лейтенант называется! Советской Армии, а? Ну ни в какие ворота.

ЛИЗАВЕТА: Алексей, ты что — съел чужой суп?

ТЁЩА ЗАВАЛЬНЕВА: А что я тебе говорила, когда ты замуж за этого человека выходила!

ЗАВАЛЬНЕВ: Ну ошибся я в темноте. Свет забыл включить. Голова у меня другим занята. А тут ещё разговор совершенно дурацкий перед... супом этим. Наваждение какое-то, а не разговор с капитаном одним... Мерзлякиным.

СОСЕДКА НЮРА: За капитана прячется... Он, товарищи, в ванну, когда я вся голая мылась, забыл постучать! Как вам это нравится!

ДАМА В БИГУДЯХ: Вот вам, пожалуйста: воспитание!

ЛИЗАВЕТА: Надо двери в ванной на крючок закрывать.

СОСЕДКА НЮРА: А там крючка нет. Два сапога пара. Я, может, мужа твоего хочу отбить! А-а, испугалась? Не плачь, кому он нужен, твой муж? Даром не хочу! Я сама скоро майора займею. Или, что уж шибче, подполковника.

СОСЕД ЛОШАКОВ: Полполковника ты займешь, шалава!

СОСЕДКА НЮРА: Молчи, алкаш, лошадиное рыло!

Эпизод 9

Заседает правительственная комиссия. Присутствуют Главком ВВС маршал Жигарёв, директора радиозаводов, члены комиссии.

В уголке — инженер-лейтенант Завальнев. Докладывает председатель комиссии генерал Старков.

СТАРКОВ: ...таким образом, выполняя поручение товарища Сталина, наша комиссия, досконально изучив положение дел, пришла к выводу: радиолокационная станция «Позитрон» на данный момент не может быть принята на вооружение. Она требует значительной, я бы сказал, глубокой переработки.

ГАЛЕРИН, главный конструктор НИИ-17: Мы снизили боевой вес дальномера...

МАРШАЛ ЖИГАРЁВ: Я читал, читал рапорты вашего заместителя, Борис Александрович. Это же действительно, как верно заметил товарищ Сталин, художественная литература, а не документ государственной важности! А на деле выяснилось: воз и ныне там (трясёт пучком бумаг). Сто двадцать килограмм, вес РЛС неподъёмный, а у меня лёгчики гибнут — лучших кровей летуны! Асы! Мне каждый день генерал Лобов рыдает в телефонную трубку!..

ЗАВАЛЬНЕВ: Разрешите?

ЖИГАРЁВ (машет рукой: сиди!): И всё из-за того, что мы не можем обеспечить наши самолёты техникой дистанционного обнаружения врага. Это всё на вашей совести, товарищ Галерин, это вам не рапортами заваливать вышестоящие инстанции. Работать надо, гайки потуже закручивать. Думать и ещё раз думать! Искать решение!

ГАЛЕРИН: Эти отчёты подпisyвал мой заместитель.

ЗАВАЛЬНЕВ: Разрешите?

На лейтенанта в пылу препирательств никто не обращает внимания. Привстав, но так и не получив разрешения на вступление, он садится на место.

МИШКИН А.Л., зам. главного конструктора НИИ-17: В порядке самокритики... Я должен со всей откровенностью сказать: критика, прозвучавшая здесь в наш адрес, совершенно справедливая, на принципиальной основе. Мы примем меры, можно сказать, что они уже принимаются. Найдено оригинальное техническое решение, позволившее нам уже сегодня снизить вес «Позитрона» до ста килограмм.

По кабинету — гул насмешек и раздражения.

ЗАВАЛЬНЕВ: Товарищ маршал, разрешите?

ЖИГАРЁВ: Ну что там у тебя?

ЗАВАЛЬНЕВ: Ещё когда на фронте, в ПАРМЕ, мы искали средства обнаружения на расстоянии немецких самолётов, в частности «Ме-110»...

ЖИГАРЁВ (перебивая Завальнева): Когда, когда?

ЗАВАЛЬНЕВ: Я сегодня... сегодня я те давние принципы... я тогда не довёл, не дотянул до конца... отвлекли... а тут и война кончилась. Словом, я эти военные ещё принципы использовал применительно к американским «Сейберам». Параметрические данные «Сейберов»...

ГАЛЕРИН: А вы откуда знаете о них?

ЗАВАЛЬНЕВ: О них свободно пишут в технических авиационных журналах...

ГАЛЕРИН: «Свободно». «В журналах». Это каких же таких журналах, наших, советских журналах?

ЗАВАЛЬНЕВ: Нет. Заграничных... Да, меня вызывали. Меня обвиняют в космополитизме. Два раза вызывали. (Шум, возбуждённый говор. Кто-то даже вскакивает и что-то выкрикивает о борьбе с безродным космополитизмом). Но я только ради дела, ради науки слежу за иностранной специальной литературой. Она открыта. Я не космополит. Это не бездумное подражание Западу, это поиск решения... (Кто-то вертит пальцем у своего виска. Отчётливо слышен насмешливый возглас: «Какой дурак!») Я смонтировал прибор, способный обнаружить «Сейберов» на расстоянии 8-10 тысяч метров!

Внезапная тишина. Молчание всеобщее. Затем дружный смачный хохот.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС: Кто позвал этого чудака сюда?

ДРУГОЙ ГОЛОС: Ну что за прелесть этот НИИ-17! Туфта за туфтой! Это же надо: за десять километров! А вес, извините, вашего прибора какой? Сколько тонн? А размеры — уж позвольте полюбопытствовать?

ЗАВАЛЬНЕВ (достаёт из кармана небольшую, размером

с папиросную, коробку): Вот. Вот такой, примерно. Вес? Килограмма три... от силы. Где-то в этих пределах.

ЖИГАРЁВ: Лейтенант! Смирно! Кругом! Шагом марш из моего кабинета! И чтоб ноги, чтоб духу твоего гнилого здесь не было!.. Как он сюда попал?!

Эпизод 10

Конец рабочего дня. Сотрудники НИИ-17 быстро покидают кабинеты, лаборатории, выключают приборы, запирают сейфы, сдают под расписку ключи. Лейтенант Завальнев один в лаборатории, паяет, режет пилой по металлу дюраль, сверлит отверстия, словом, полностью увлечён работой. И тут опять незаметно появляется инженер-капитан Мерзликин.

МЕРЗЛИКИН: Нет, я ничего плохого о главкоме ВВС, маршале Жигарёве сказать не могу: воевал, отличный лётчик, до мозга костей лётчик, бил немцев. В небе майор Жигарёв — ахтунг, ахтунг! К звёздам товарищ летел стремительно. На Дальнем Востоке в войне с японцами он командовал Десятой воздушной армией. И вот уже маршал.

ЗАВАЛЬНЕВ: К чему это вы? Опять?

МЕРЗЛИКИН: С удовольствием «опять», именно! Мне, товарищ, необходима некая компенсация, такое своеобразное «мне отмщение, и аз воздам». Впрочем, ни вы, ни я этого «опять» толком не понимаем... А к чему вы спрашиваете? Ну к

тому, например, что этот человек со звездой маршала на погонах тебя, как последнего дурака из своего кабинета выгнал. В небе товарищ Жигарёв такие пируэты, такие фигуры закладывал! Пальчики расцелуешь!.. А тут — пинком гения вышиб.

ЗАВАЛЬНЕВ: Да уж, начальство меня почему-то не жалует.

МЕРЗЛИКИН: А всё потому, что вы — антипод. Таким и должен быть человек порядочный и талантливый. А они — не такие! И они это подспудно чувствуют! И собак на вас спускают, и третируют вас, потому что вы слабый, беззащитный и притягиваете всяких мерзавцев, чтоб они на вас душу отвели, клыки свои на вас поточили. Мерзавец на мерзавце кое-где сидит, а плох, оказывается, весь в отрицательных знаках — вы, лейтенант Завальнев. Кто-то там и на сумасшествие ваше намекнул. Или я ошибаюсь? Говорили они, намекали на некоторое ваше несоответствие? Молодцы! Вы извините, но я откровенно: никто вас не жалеет, никому вы не нужны. Такие, как вы, предназначены на общественное заклание. Во все времена таких, как вы, приносили в жертву. И когда я это понял, мне вас стало искренне жаль. И вот я ради вашего блага стал потихонечку внедрять слухи о вашем несоответствии и даже... даже сумасшествии.

ЗАВАЛЬНЕВ: Ну спасибо!

МЕРЗЛИКИН: Благодарить будете потом, когда увидим, что

из этого получится. Если получится. Я сомневаюсь. Маршала окружают дураки. Вы думаете, Галерин сделает РЛС? Он же бездарь. Никакой он не конструктор и не был им по-настоящему никогда! А его заместитель, радиотехнический поэт? А полковник Скиба, тупица и непроходимый солдафон? Вы, товарищ Завальнев, умница, честнейший, порядочнейший человек, но судьба ваша — в их грязных руках.

ЗАВАЛЬНЕВ: Послушайте!.. Хватит!

МЕРЗЛИКИН: Поднимите голову, товарищ! Кто нами руководит, в чьей безраздельной власти мы все находимся? Кто усатому дал такие громадные, нечеловеческие права?

ЗАВАЛЬНЕВ: Так. Всё! Меня уже вызывали насчёт космополитизма, и я предупреждаю вас, что если меня вызовут туда ещё раз, я всё расскажу — все ваши характеристики, все ваши высказывания передам!

МЕРЗЛИКИН: Те-те-те! Нет, миленький вы мой! Нет, не станете вы доносить на меня, ни за что!

Эпизод 11

Пустынными ночными улицами лейтенант Завальнев идёт домой. Какая-то шпана в подворотне толкает его, материт, но и это не выводит Завальнева из глубочайшей задумчивости. Наконец он дома. Его встречает жена Лиза.

ЛИЗА: Наташа заболела.

Завальнев молчит, морщится.

ЛИЗА: Температура 39,4.

Завальнев молча трёт горло.

ЛИЗА: Как мне трудно с тобой, Лёшенька! Пожалел бы ты хоть раз в жизни меня, дочь свою, всех нас...

ЗАВАЛЬНЕВ: «Пожалел»... Это значит, мне сдаться. Это значит — мне примусы чинить, слушать, как они шумят и думать, что это самолёты, сопла голубым пламенем свистят.

ЛИЗА: Алексей, что с тобой? Что такое ты говоришь? У твоей дочери температура под 40! А ты о каких-то примусах с соплами!..

ЗАВАЛЬНЕВ (бормочет): Все на меня, со всех сторон... мерзлякины окружили... ковалевские... А я ничего не могу! Он меня по рукам и ногам связал, меня мною же душит. Зачем я живу? Зачем я вообще на белый свет явился?

Лиза изумлённо, со сдавленным страхом смотрит на мужа.

Эпизод 12

Кабинет начальника Управления по испытательной работе НИИ-17 полковника Скибы Н.Ф. Перед его столом стоит инженер-лейтенант Завальнев.

СКИБА: Что у тебя? В двух словах. Мне некогда: масса дел.

ЗАВАЛЬНЕВ (показывает изготовленный им прибор обнаружения «Сейберов» величиной чуть меньше папиросной коробки): Вот. Сделал. Против «Сейберов».

СКИБА: Ты что?! Да ты...

(Трясёт перед носом лейтенанта его прибором). Ты хочешь этим... этой... Американцев на такую хреновину не возьмёшь! (Вертит перед своими глазами прибор Завальнева). А у них такая хреновина есть?

ЗАВАЛЬНЕВ: Нет, товарищ полковник, у американцев такой «хреновины» нет.

СКИБА: Все говорят, что ты с ума спятил... Ну что ты всё в одиночку возишься? Выдумал какую-то хреновину, всерьёз работать не хочешь.носишься со своими бреднями, как с писаной торбой. Позоришься сам и весь институт позоришь — целый институт! Лучшие специалисты — все-все в один голос: дальше восьмисот метров объект обнаружить невозможно! А ты тут мне какую-то коробочку припёр! Брось, лейтенант, эти свои глупости!

ЗАВАЛЬНЕВ: Это не глупости!

СКИБА: А если там, кроме «Сейберов», другие самолёты окажутся? Союзников американских? «Тайфуны», «Метеоры»? Или другие какие-нибудь? А?! Наши доблестные лётчики будут думать, что они этим твоим прибором будут защищены, а их — тррр, бац-бац и нету! Это что тогда получится такое? Это, лейтенант, получится обман. Преступный обман! Сознательный!!

ЗАВАЛЬНЕВ: Нет там, товарищ полковник, никаких других самолётов — ни французских, ни австралийских. Я проанализировал обстановку.

СКИБА: Что такое ты «проанализировал»? Как это ты смог, откуда, где взял данные?

ЗАВАЛЬНЕВ: Передачи «Голоса Америки» я взял. Составил многодневную сводку и по ней аналитическую справку.

Полковник Скиба тяжело поднимается из-за стола и с удивлением, страхом, болезненно смотрит на лейтенанта, медленно качает головой.

СКИБА: Мало тебе, дураку ненормальному, космополита — во враги народа голову съешь?

Эпизод 13

Лаборатория НИИ-17. Сотрудники собираются и уходят домой, как только стрелка на стенных часах показала 6 часов. Лейтенант Завальнев один делает свои коробочки. Рядом с ним сидит Мерзликин и то один инструмент подаёт Завальневу, то другой, паяльник канифолит, олово плавит для лейтенанта.

МЕРЗЛИКИН: На прошлом нашем политчасе мы говорили, товарищ, о том — да, о чём мы говорили? А мы говорили о том, мы на том, товарищ, остановились, что вы ни за что не пойдёте доносить на меня. Что бы я здесь вам ни говорил и кому бы ни давал свои, так сказать, характеристики.

ЗАВАЛЬНЕВ: Это почему же?

МЕРЗЛИКИН: А вот я на вас с доносом постучался. К Борису Александровичу. Он очень зол на вас.

ЗАВАЛЬНЕВ: Да? С какой такой стати?

МЕРЗЛИКИН: Когда я ему сказал, что лейтенант Завальнев подпольно клепает свои примитивные РЛСки, то Борис Александрович скрежетал зубами и рвал на лысине свои последние волосёшки.

ЗАВАЛЬНЕВ: То-то светлее стало.

МЕРЗЛИКИН: Вы шутите. А между тем, положение ваше хуже некуда. Почти катастрофическое. Вы, разумеется, мне не верите.

ЗАВАЛЬНЕВ: Чем вы занимаетесь, Мерзликин? Как вы вообще попали в этот институт? Меня, например, проверяли до седьмого колена. И в диплом мой заглядывали не раз и не два, наверное.

МЕРЗЛИКИН: Как я попал в это закрытое богоугодное заведение? Очень просто, до такой банальности просто, что даже говорить об этом противно: по сидел в «Праге» с нужным товарищем. Стол, правда, соорудил отменный. Живописнейший стол, красавец. А вот что я в шараге этой делаю? Хороший вопрос. Для всех — участвую в теме, для себя — изучаю людей.

ЗАВАЛЬНЕВ: То вы были откровенны до безобразия, с ног до головы оголялись, а то вдруг — шмыг за ширмочку.

МЕРЗЛИКИН: Нет, я действительно экспериментирую, то есть изучаю людей. Вы на собственном примере должны

были бы уже в этом убедиться. Я, например, вас, товарищ, изучил вдоль и поперёк, как вы, например, американские «Сейберы». И оттачиваю свою безошибочность, свои снайперские возможности. Кроме вас, я изучил досконально Галерина, Скибу, генерала Данилина. Я даже на маршала Жигарёва замахнулся, знаю его повадки.

ЗАВАЛЬНЕВ: Зачем? Это же рискованно!

МЕРЗЛИКИН: Как зачем? Какой же вы, право... У меня нет никаких талантов и даже простейших способностей нет. Обидели меня папа с мамой. Только вот фамилию дали, и я, благодарный сын, даже за этот пустяк воздаю им должное. Впрочем, я всё чаще, товарищ, думаю, что и это не пустяк, что именно она, моя фамилия, есть моя путеводная звезда. Мерзликин — это не тот, кто мёрзнет, а тот, кто мерзавец, то есть человек совершенно без принципов, без набора ваших чувств, ну-у... без того, что вы называете моралью. Я это своё маленькое открытие сделал ещё подростком и долго боролся с этим биографическим обстоятельством. Пока не понял, что как раз в этом — моё преимущество. Я, товарищ, полностью аморален. Что мне оставалось делать? Только одно: карьеру. Вот что я делаю в НИИ-17.

ЗАВАЛЬНЕВ: Какой же вы...

МЕРЗЛИКИН: Мерзавец?

ЗАВАЛЬНЕВ: Дурак.

МЕРЗЛИКИН: Согласен.

Согласен! Но согласитесь и вы, ведь вот же: я узнал, я понял, я вычислил, перед кем мне в нашем коллективе можно безнаказанно потроха свои вывернуть. До полного бесстыдства, до скотского безобразия. А это... это такое, знаете ли, необыкновенное удовольствие, это такое громаднейшее наслаждение!.. Я ликую: вы не пойдёте доносить на меня! И не выгоните из своей лаборатории...

ЗАВАЛЬНЕВ: Да, пожалуй, что...

МЕРЗЛИКИН: Я наслаждаюсь тончайшей своей властью над человеком, пусть даже и таким, как вы. Моя власть — это знание подноготной сути человека. Вот моё, товарищ лейтенант, поприще. Вот увидите, я проникну, я проползу в верха.

Эпизод 14

Кабинет главного конструктора НИИ-17 Б.А.Галерина. Перед ним на столе прибор Завальнева. Перед столом стоит автор нового дальномера.

ЗАВАЛЬНЕВ: Я не люблю, не умею говорить высоким слогом, но дальше мириться с тем, что происходит в Корее, нельзя. Пусть даже американцы в пропагандистских целях привирают в два раза, всё равно потери наших самолётов огромны.

ГАЛЕРИН: Нет, отчего же, говорите вы хорошо, и высокий стиль вам даже идёт. Говорите, говорите.

ЗАВАЛЬНЕВ: Вот я сделал... РЛС. Маленькая станция на

наши самолёты. Да вы возьмите, посмотрите.

Галерин брезгливо смотрит на лежащую перед ним станцию и не берёт её в свои руки.

ГАЛЕРИН: По вашей милости уволен мой заместитель. А он, понимаете ли, не из последних в нашем институте был!

ЗАВАЛЬНЕВ: Его государственная комиссия уволила. Он такой же...

ГАЛЕРИН: Ну, ну... что же вы? Договаривайте!

ЗАВАЛЬНЕВ: Извините.

ГАЛЕРИН: Полковник Скиба вам что сказал? Бросьте вы свои глупости. А вы не бросаете, а вы вдобавок ещё и оскорбляете лучшие умы института, которые работают над актуальнейшим изделием!

ЗАВАЛЬНЕВ: Я не оскорбляю... Я только говорю, что и по замыслу, и по исполнению ваш аппарат — верх технического безобразия! Вес только один чего стоит — 120 килограмм!

ГАЛЕРИН: Сто. Уже сто.

ЗАВАЛЬНЕВ: А антенна на самолёте, если хоть кому-нибудь удастся этот ваш центрер рассовать на боевом «МиГе» — это же какая-то мегла Бабы-яги! Смех! К тому же ваш «Позитрон» цепляется за каждый наземный источник...

ГАЛЕРИН (вскакивая): Да как вы смеете говорить это мне?! Вы что — с ума спятили?! Мне говорил о вас кое-кто — я не поверил. Теперь вижу — он прав. Я, главный конструктор института...

ЗАВАЛЬНЕВ: Вы? Конструктор?!

ГАЛЕРИН: Так, хорошо. Я не конструктор. А вы знаете, что я, такой-сякой и даже не конструктор, стоял у истоков нашей отечественной радиоэлектроники? Я с самим Павлом Кондратьевичем Ощепковым сотрудничал! Начинал! Мы в московское небо фашистов не пустили. А он, Ощепков, ещё в 33-м году радиолокацию называл электровидением. Радиолокацией она стала называться потом, а вначале мы называли новые приборы электровизорами. К сожалению, к моему огромному сожалению, Ощепков оказался врагом народа. В 1937 году его пришлось арестовать в связи с делом маршала Тухачевского. А термин «радиолокатор», говоря откровенно...

ЗАВАЛЬНЕВ (мучительно собиравшийся с духом во время речи Галерина и наконец перебивший его): Это всё слова, слова, красивые слова из отчётов вашего заместителя. Это всё не по делу!

ГАЛЕРИН: А-яй-яй! Да что вы говорите? Вы просто у нас какой-то электровизор: пронизываете в самую суть. Не с помощью ли вот этой самодельной корбочки? Заберите! Я к ней даже притрагиваться не хочу. Вы свободны... Погодите, один вопрос: как вы относитесь к инженер-капитану Мерзликину?

ЗАВАЛЬНЕВ: Никак.

ГАЛЕРИН: Но чем-то же вы

ему досадили? Где-то даже ему дорогу перешли? Он мне про вас короб всяких гадостей наговорил. Вы что, с женой разводитесь? Бросила она вас и оставила с больной дочерью и сумасшедшей тёщей?

Эпизод 15

Кабинет полковника Скибы. Идёт совещание. Рассуждают о том, как разместить стокилограммовую станцию «Позитрон» на боевом самолёте. Развешены чертежи и схемы.

СКИБА: С такой компоновкой, с таким хвостом дополнительных антенн самолёт утратит необходимую маневренность.

ГОЛОСА ОППОНЕНТОВ: Тут ещё что... (К Скибе). Григорий Никифорович, разрешите? Тут, кроме всего прочего, не решается главный вопрос. Дальность обнаружения по-прежнему 600 метров.

ГАЛЕРИН: 800. Твёрдые восемьсот метров.

ОППОНЕНТ: Это ничего не меняет. Необходимой нам радиолокационной станции — нет!

ЗАВАЛЬНЕВ: Товарищ полковник, разрешите?

СКИБА: Ты тут зачем? Кто тебя сюда звал?

ГАЛЕРИН: Да никто. Он сам. В самоволке, так сказать.

ЗАВАЛЬНЕВ: Нет, ваша секретарша мне по телефону приглашение передала.

ГАЛЕРИН: Этим секретаршам ну ничего поручить нельзя.

Вечно они что-нибудь напутают. Уволью к чёртовой матери!

СКИБА (Завальневу): Ну, что там у тебя ещё? Опять «Голоса Америки» наслушался?

ЗАВАЛЬНЕВ: Товарищ полковник, можете доложить генералу Данилину: десять станций обнаружения самолётов противника готовы. Дальность — 10 тысяч метров, вес — не более 3 килограммов.

СКИБА: И что?

ЗАВАЛЬНЕВ: Пошлите меня с моими радиолокационными станциями в Корею.

СКИБА: Куда?

ЗАВАЛЬНЕВ: В Корею. Где наши самолёты гибнут. Из-за нас.

СКИБА: Что-что? Повтори. (Завальнев молчит). Я же просил тебя прекратить эти твои фаршированные глупости!

ЗАВАЛЬНЕВ: Почему «фаршированные»? Это как?

СКИБА: А так! «Голосом Америки» они фаршированы, журнальчиками разными, не нашими. Все вокруг над тобой смеются. Ты сейчас отсюда уйдёшь, а в кабинете моём все будут валяться от хохота. Нас спросят: что это за смех, понимаешь, такой бурный? Над кем смеётесь, товарищи? А над тобой укатываемся, ответим мы, потому что вот таким, как ты, лейтенант, позволяем нам, государственным людям, морочить голову. Всё! Хватит! Пора кончать с этим... этим произволом!

ЗАВАЛЬНЕВ (Уходя — Галерину): Ваша секретарша мне

не звонила. Это я сам пришёл.
Не увольняйте её.

ГОЛОС 1: Какой честный!

ГОЛОС 2: «Честный», как же... Он просто дурак. И нахал.

ГОЛОС 3: Так-то оно так...
А может, всё-таки послать его в Корею с дурацким его «изобретением»? И чёрт с ним, пусть он там провалится.

Эпизод 16

Доска объявлений в институтском фойе. Крупно — приказ: «...инженер-лейтенанта Завальнева А.И. 4 отдела НИИ-17 вывести за штатное расписание института...» Толпится народ, подходит Завальнев, читает.

ЗАВАЛЬНЕВ (ни к кому не обращаясь): За что? Не понимаю ничего. Почему?

КОЛЛЕГА 1: За Соединённые Штаты он выведен за штаты.

КОЛЛЕГА 2: Полечиться бы тебе, Лёшенька, надо. Слухи о твоём здоровье нехорошие ходят.

КОЛЛЕГА 3: Слухи-то они слухи. Но ведь дыма без огня, как известно, не бывает.

Эпизод 17

Отдел кадров НИИ-17. Седой майор за столом. Входит инженер-лейтенант Завальнев.

ЗАВАЛЬНЕВ: Разрешите?

МАЙОР: Жду.

ЗАВАЛЬНЕВ: Разрешите, товарищ майор, вопрос.

МАЙОР: Знаю твой вопрос.

ЗАВАЛЬНЕВ: За что меня уволили?

МАЙОР: Упрямый какой... Как тебе сказать? Ты хороший парень, Алексей, и я против тебя ничего не имею. По гражданским меркам увольнять тебя нет никаких оснований. Но и мы тебя не увольняем из рядов вооружённых сил. Мы тебя просто вывели за штат.

ЗАВАЛЬНЕВ: Фактически я уволен. У меня отобрали пропуск!

МАЙОР: Тебе, лейтенант, надо пройти медкомиссию.

ЗАВАЛЬНЕВ: Медкомиссию? Это ещё зачем? Ничего не понимаю, бред какой-то! Как бревном по голове... У меня, товарищ майор, остаётся только шестьсот рублей за звание, а зарплата — две четыреста — накрылась! Это вы понимаете? Как же мы с женой жить будем? На какие шиши?

МАЙОР: Понимаю, товарищ лейтенант, сочувствую. Но ничем тебе в данной ситуации помочь не могу. Медкомиссию пройди. Это приказ свыше.

Эпизод 18

Завальнев проходит медкомиссию. Один кабинет за другим: окулист, хирург, невропатолог... Наконец начальник госпиталя испытательного аэродрома «Чкаловский» полковник медицинской службы говорит в телефонную трубку.

НАЧАЛЬНИК: Нет, я сказал — нет! Не дам я вам справку о том, что инженер-лейтенант Завальнев А.И. — сумасшедший. (Пауза). Потому что я не один

уже год пишу в его медицинской книжке о его полной готовности к полётам в качестве инженера-испытателя радиоаппаратуры. И вот тебе на — ни с того, ни с сего — сумасшедший! Да какой же он, понимаете, чокнутый, если (в трубке прерывают), если (опять прерывают), если он совершенно нормальный! (Пауза). Вы мне не верите? Ну тогда везите его куда хотите... Да хоть в поликлинику Генерального штаба!

Эпизод 19

Поликлиника Генерального штаба на Арбате. С двумя сопровождающими офицерами лейтенант Завальнев заходит к ведущему психотерапевту генералу медслужбы Абросимову М.Л. — к старичку сухонькому, седенькому, суровому. Все трое входят в кабинет.

АБРОСИМОВ (К одному из сопровождающих офицеров): Вы кто, откуда? По какому вопросу пожаловали?

ОФИЦЕР 1: Товарищ генерал, капитан Смирнов. Из политдела НИИ-17.

АБРОСИМОВ: Так (ко второму офицеру). А вы?

ОФИЦЕР 2: Из особого отдела, товарищ генерал медицинской службы.

АБРОСИМОВ: Оба — кругом! Шагом — марш! Вы тут больше не нужны. До свидания!

Сопровождающие лейтенанта Завальнева уходят. Абросимов какое-то время перебирает на столе у себя сопроводительные

бумаги. Читает их. Машет, не отрываясь, рукой лейтенанту: садитесь! Затем встаёт, ходит по кабинету, остро вглядывается в молодого человека. Наконец говорит.

АБРОСИМОВ: Молодой человек, то, что вы совершенно нормальный, это вы и сами лучше всех нас знаете. Но вот поступаете вы... неразумно, неправильно! Если вы что-то хотите доказать своё, то ходить по низам — только шишки себе набивать. Надо, чтобы кто-то сверху заинтересовался и поддержал вашу идею, ваш этот самый ...радиолокатор.

ЗАВАЛЬНЕВ: Товарищ генерал, у меня нет никого «наверху». Как и внизу, впрочем. Разве что к товарищу Сталину обратиться?

АБРОСИМОВ: К товарищу Сталину вас, конечно, не пустят. Но если вы хотите спасти самолёты Артёма Ивановича Микояна, то к нему и обращайтесь. Я его, кстати, лечил недавно. Это... непростой человек, да-с ...Очень! Но вам именно к нему следует попасть. И немедленно! Сегодня же вы должны быть у Микояна и рассказать ему о ваших дальних номерах. Иначе... Сейчас 11 часов 15 минут. У вас впереди ещё целый день, пробейтесь к Микояну обязательно, иначе ваши недруги расправятся с вами беспощадно!

ЗАВАЛЬНЕВ: Товарищ генерал, доктор, но мне к Микояну... Это же генеральный конструктор КБ! Как я к нему прорвусь, если я его не только лично не знаю,

но и видел-то его пару раз издали. Я всего-навсего лейтенант!

АБРОСИМОВ: Ну не знаю... не знаю, не знаю. Здесь вы уж сами раскиньте умом. Голь на выдумки богата.

Эпизод 20

Испытательный аэродром. Садятся и взлетают самолёты. Переговоры с лётчиками по связи с диспетчерами. Перед входом на аэродром лейтенант Завальнев покупает в военторговом ларьке плавленый сырок и ест на ходу. Через проходную — его узнают и пропуск не спрашивают — идёт к домику, где располагаются лётчики-испытатели. После обеда они отдыхают. Войдя в домик и постояв немного у двери, чтобы перевести дух, Завальнев стал в страшном волнении, сбивчиво рассказывать о своём приборе, о том, что вот без этой коробочки гибнут лётчики в Корее. На него с недоумением, удивлением, насмешливо поглядывают испытатели, не понимают, о чём это лейтенант толкует. И тут открывается одна из дверей и входит майор Г. Береговой со Звездой Героя Советского Союза.

БЕРЕГОВОЙ: Ну-ка, ну-ка... Так ты говоришь, что эта маленькая штучка может предупредить о подходе «Сейберов»?

ЗАВАЛЬНЕВ: Да, товарищ майор, может.

БЕРЕГОВОЙ: Любопытно. Ну-ка... (Берёт коробочку, разглядывает). А дальность — она какая у тебя?

ЗАВАЛЬНЕВ: Десять километров.

БЕРЕГОВОЙ: Да ты что! Вот этот вот коробок?

ГОЛОС ЛЁТЧИКА, КОЛЛЕГИ: Жора, Береговой! Оставь. Оно тебе нужно? Пусть лейтенант к конструкторам идёт.

БЕРЕГОВОЙ: Аж целых десять тысяч метров?! Ни хрена себе! Да это же... Это же всё, что нашим летунам надо, чтобы на мушку не попасть! Слушай, лейтенант, эту твою штучку, РЛСку твою, надо немедленно принимать на вооружение!!!

ЗАВАЛЬНЕВ: Ещё совсем немного, товарищ майор, и меня из-за этой вот штуковины не только за штат института выведут, но и из рядов вооружённых сил попрут. С треском!

БЕРЕГОВОЙ: У тебя одна такая станция?

ЗАВАЛЬНЕВ: Нет, я десять штук сделал.

БЕРЕГОВОЙ: Да ты что! А испытания лётные она у тебя прошла?

ЗАВАЛЬНЕВ: Да я рвусь в Корею! Христом богом прошу: пошлите! Пошлите, я испытаю сам РЛС в боевой обстановке.

БЕРЕГОВОЙ: А сколько одна такая коробочка стоит?

ЗАВАЛЬНЕВ: 150 рублей.

БЕРЕГОВОЙ: Сто пятьдесят рублей! А самолёт... (лётчики-испытатели, поначалу вполуха слушавшие этот разговор, оживлённо сгрудились вокруг майора и лейтенанта) наш

самолёт, «МиГ», стоит примерно 800 тысяч. И они гробятся, и наши ребята — лучшие! — гибнут: нет таких вот дальномеров. И главное, нет же никакого риска. Ставь коробочку РЛСки на боевой самолёт и — проверяй её в деле, проводи испытания в реальных условиях боя. Ну, если ты так уверен, товарищ лейтенант, в своём приборе, то немедленно отправляйся в Корею. Там — беда!

Завальнев стоит с опущенной головой, опущенными руками. Молчит.

БЕРЕГОВОЙ (остро вглядывается в него): Так это о тебе тут слухи всякие ползут? Жена тебя якобы с ребёнком бросила... Извини. Я не о том. Вот что. Подожди. (Смотрит на часы). Сейчас Степан вернётся из полёта, мы с ним что-нибудь придумаем. Степан Микоян, знаешь его?

ЗАВАЛЬНЕВ: Разрешите... Я сяду. Ноги что-то не держат. Лётчики понимающе смеются. Прямо в меховой куртке, унтах входит Степан Микоян. Расстёгивается, видны погоны майора. Со спокойной и даже отчасти стеснительной улыбкой слушает Берегового, излагающего суть прибора Завальнева. Микоян время от времени удивлённо поглядывает на лейтенанта.

МИКОЯН (Береговому): Ты на машине? Едем!

БЕРЕГОВОЙ (кивая на изнемогшего Завальнева): И он?

МИКОЯН: Конечно! А как же! И он — как без него?

Эпизод 21

Без 12 минут 17 часов вечера. Кабинет генерального конструктора КБ Артёма Ивановича Микояна. Очень скромная, почти аскетического вида комната: голые стены, стол, стулья, зашторенные чертежи. Степан Микоян коротко рассказал Генеральному о приборе Завальнева. Сам Завальнев с трудом держится на ногах.

АРТЁМ МИКОЯН (Завальневу): Слушай, дорогой, с завтрашнего дня тебе не нужно будет ничего просить. С завтрашнего дня они будут спрашивать тебя. С завтрашнего дня они вернут тебе всё, что отобрали: должность, пропуск, зарплату. Представь себе такую картину: ты прилетаешь на любой аэродром Советского Союза, а на всех самолётах установлено твоё изобретение.

ЗАВАЛЬНЕВ: Мне, товарищ Микоян, отказано в авторском свидетельстве на это изобретение.

АРТЁМ МИКОЯН: Не беспокойся и на этот счёт. Вернёшься из Кореи и получишь авторское свидетельство прямо из моих рук. Сколько тебе нужно времени, чтобы изготовить хотя бы с десяток станций?

ЗАВАЛЬНЕВ: Они уже готовы. Как раз 10.

АРТЁМ МИКОЯН: Как ты их делал? На чьей базе?

ЗАВАЛЬНЕВ: Я использовал детали НИИ-108. Готов лететь в Корею хоть сейчас.

АРТЁМ МИКОЯН: Это хорошо, что ты готов. Хотя вид у

тебя... Ну да ладно. Тут такое дело. Ты сам понимаешь — необходимо некоторое время, чтобы проработать оптимальное размещение станции на самолётах. Непосредственно. Понимаешь? Надо всё-таки облетать твой прибор, в воздухе посмотреть на него, с компоновкой определиться. Так что, товарищ лейтенант, давай мы отложим твою командировку в Корею недельки на 2-3. Хорошо? Договорились?

Эпизод 22

Коммунальная квартира. Комната семьи Завальнева. Он, жена, дочка сидят за столом под абажуром, пьют чай. Вдруг дверь распахивается и полупьяное какое-то мурло орёт на Елизавету.

МУРЛО: Лизавета! Ты когда научишься в унитазе воду спущать? И кран давеча на кухне не закрыла, а вода течёт! А я порядок люблю, мне чтоб везде сияло!

ЛИЗА: Какой кран?

МУРЛО: Свидетели имеются!

ЗАВАЛЬНЕВ (к жене): Кто это?

ЛИЗА: Из четвёртой комнаты. Гришка Лошаков — забыл?

ЛОШАКОВ-МУРЛО (разглядывая лейтенанта): А-а, офицер заявился. Вставай! Смирна! С тобой генерал Водопьянов стоя разговаривает!

Лиза с трудом выталкивает Лошакова в коридор. Оттуда слышен его пьяный хохот.

ЛИЗА (возвращаясь к столу): Сколько раз я участковому жаловалась, заявление даже писала.

Напьётся и лезет ко всем, а к нам почему-то больше всего. Ты бы, Алексей, поговорил с ним. Хоть раз. По-мужски.

ЗАВАЛЬНЕВ: Я в Корею лечу.

ЛИЗА: Куда?

ЗАВАЛЬНЕВ: Вот только мой локатор облетаем и полечу.

ЛИЗА: Ты всё летаешь. Когда только на землю спустишься? На твои шестьсот лейтенантские и мои восемьсот библиотекарьские... А Наташа растёт, ей питание необходимо... кроме хлеба и сахара что-нибудь... разнообразное. На картошке с постным маслом трудно расти. Иной раз и на хлеб ничего, ни копейки...

ЗАВАЛЬНЕВ: Лиза, миленькая... Ну, потерпи. Я всё отдаю тебе до копеечки. Ноги уже еле таскаю. Верь, всё у нас с тобой наладится. Потерпи.

ЛИЗА: Терплю. Что ж мне ещё остаётся делать?

Эпизод 23

Лаборатория НИИ-17. Рабочее утро. В своём углу сидит Завальнев. В помещение врывается полковник Скиба, подбегает к лейтенанту, топает ногами и кричит.

СКИБА: Ты кто? Ты что такое есть?! Что ты себе позволяешь? Ты у нас за штат выведен, а тебя — тебя! — вызывает сам Главком ВВС СССР Маршал Советского Союза товарищ Жигарёв! Нажаловался? Достучался?! Да я тебя... я тебя по одним только медкомиссиям затаскаю, погоны с плеч твоих сорву...

Добьюсь! (Вытирает лицо платком. Говорит уже спокойнее, тяжело и угрюмо). К 12 часам дня приказано тебя доставить к Главкомандующему. Что ты ещё натворил... вдобавок к прежним своим сумасбродствам? Все тебе говорят, что твоя идея-фикс — форменное сумасшествие. Почему ты никому не даёшь покоя? Зачем будоражишь весь институт? Хочешь из-за чёрной своей зависти сорвать работу над «Позитроном»? До маршала уже добрался?! Чтоб тебя черти побрали! Ну почему ты такой упрямый? (Завальнев молчит). Собирайся. Да сапоги почисть хорошенько, а то... Какой ты, к чёрту, конструктор!

Эпизод 24

12 часов дня. Приёмная Главкома ВВС СССР маршала авиации Жигарёва П.Ф. Толпа генералов, два-три полковника. Наконец всех приглашают в кабинет маршала. Когда все уже расселись по местам — генералы за столом, полковники — на стульях вдоль стены, входит инженер-лейтенант Завальнев. Никто не приглашает его сесть. Нависая над столом, упёршись кулаками в столешницу, Жигарёв вдруг стал гневно кричать.

ЖИГАРЁВ: Смотри! Видишь? Это всё специалисты не чета тебе, высшего класса: профессора, генералы, директора радиотехнических предприятий! И все они в один голос говорят: твоё изобретение — бред сивой

кобылы, чушь зелёная! Ты на Чкаловском лётчикам-испытателям, Герою Советского Союза майору Береговому мозги закоптил своими бреднями — коробочку какую-то показал. Тут серьёзные институты бьются над тем, чтобы снизить вес станции и дальность обнаружения хотя бы до двух километров увеличить. За каждый метр, за каждый килограмм бьёмся, а он, видите ли, сделал какой-то спичечный коробок и утверждает, что за 8-10 километров обнаружит супостата! Только кто? Только — да, вы меня правильно поняли — только человек с вывихнутыми мозгами может нести такую ахинею, невзирая на приказы, распоряжения, увещевания, увольнение наконец! За штат вывели, а он всё продолжает донимать всех своими бреднями...

ЗАВАЛЬНЕВ (сквозь зубы): Примусы чинить я не пойду.

Кто-то как от зубной боли сморщился, кто-то застонал даже. Кто-то злорадно ухмыльнулся, но кое-кто серьёзно, заинтересованно взглянул на бледного лейтенанта.

ЖИГАРЁВ: Что? Какие ещё «примусы»? Вот вам, товарищи генералы, пожалуйста: он и здесь, в моём кабинете — кабинете Главкома ВВС! — отнимает у нас всех время! И сделать с ним уже ничего нельзя! За ним сразу два Микояна стоят! Генерал Данилин, вы как начальник НИИ-17 плохо работаете. Вы воспитали непроходимого упряма.

Мне в войну под Москвой... мне командовать десятой воздушной армией на Дальнем Востоке в борьбе с самураями и то было проще (Вытирает бритую голову платком).

ОДИН ИЗ ГЕНЕРАЛОВ: Да уволить его надо из рядов вооружённых сил. Такие, как этот лейтенант, в армии не нужны!

ЖИГАРЁВ: Поздно! Пусть он делает — мы дадим ему такую возможность — свои коробочки и провалится с ними. Других аргументов у нас с вами тут нет. Пусть Микоян отправляет его в Корею, к генералу Лобову. А перед вылетом сделайте этому упрямцу прививку сразу от всех корейских...

КТО-ТО ИЗ ГЕНЕРАЛОВ: Аэродром Лобова — в Китае.

ЖИГАРЁВ: Правильно: и китайских инфекций. Двойную, значит, порцию, авось поумнеет, ха-ха-ха!

Кто-то смеётся, кто-то кисло хмыкает, кто-то что-то чиркает у себя в блокноте.

ДРУГОЙ ГЕНЕРАЛ: Всё-таки добился своего. Ну, орёл!

ЖИГАРЁВ: Скажу тебе, лейтенант, одну простую вещь, она же и главная: начальство своё нужно уважать. И слушаться его. Тебе, я вижу, простая эта наука даётся с трудом. (Пауза). Ну ладно. Будем заканчивать с тобой, у нас тут и без тебя дел невпроворот. Перед тем, как ты пойдёшь готовиться к Корее, скажи откровенно, кто для тебя высший, так сказать, авторитет в вопросах радиолокации?

ЗАВАЛЬНЕВ: Для меня? Лично?

КТО-ТО ИЗ ГЕНЕРАЛОВ (на ухо другому участнику совещания): Ай да Павел Фёдорович! Смотрите, как он сейчас эту выскочку срежет.

ГЕНЕРАЛ, КОТОРОМУ ШЕПТАЛИ: Тактика!

ЗАВАЛЬНЕВ: Для меня... Адмирал Берг, председатель радиокомитета и начальник НИИ-108.

ЖИГАРЁВ: Да знаем мы, кто он!

ЗАВАЛЬНЕВ: Выше авторитета для меня нет.

ЖИГАРЁВ: Генерал Данилин, вы с товарищем Бергом говорили?

ДАНИЛИН: Так точно!

ЖИГАРЁВ (нажимает на кнопку связи): Адьютант! Соедините меня с адмиралом Бергом (Бергу). У меня тут идёт совещание по дальномеру. Присутствует и инженер-лейтенант Завальнев. Скажите, может ли что-то получиться из всей этой затеи лейтенанта? Он тут нас всех затерзал со своей коробочкой! (Слушает). Погодите, Аксель Иванович, я сейчас передам трубку нашему новатору. Вы у него в радиолокации выше Бога.

БЕРГ (Завальневу): Позитивный результат маловероятен. Я говорил на эту тему с генералом Данилиным, руководителем вашего института, и высказал ему своё мнение. Ваша станция будет срабатывать не только на «Сейберы», но и на излучения наземных и корабельных передатчиков и

даже станций подводных лодок. А этих всяких разных станций у американцев видимо-невидимо! У наших лётчиков голова будет трещать от беспрерывных сигналов.

ЗАВАЛЬНЕВ: Товарищ адмирал! Наземных РЛС там действительно много. Но наша РЛС дальнего действия работает на десятисантиметровом диапазоне, а американские АЭН дробь АПКю-30 — в трёхсантиметровом, то есть у них совершенно другой диапазон. Так что моя станция на их наземные источники срабатывать не станет!

БЕРГ: Вы уверены?

ЗАВАЛЬНЕВ: Испытания показали. Результаты задокументированы.

БЕРГ: Но там, в Корее, около 200 бомбардировщиков «Б-29» и на всех, как мне известно, установлены бомбоприцелы АЭН дробь АПКю, и уже на них-то ваше устройство непременно станет срабатывать.

ЗАВАЛЬНЕВ: Истребители, «МиГи», сражаются с «Сейберами», когда...

БЕРГ (перебивая Завальнева): Нет, инженер, вы меня не убедили. Всё равно что-нибудь да будет мешать. Ваша станция — не решение задачи. Надо создавать активные радиолокационные станции.

ЗАВАЛЬНЕВ (кричит в отчаянии): Они весят 100 килограмм! Минимум! А дальность? Восемьсот метров!

БЕРГ: Но данные её достоверные.

ЗАВАЛЬНЕВ: Это вопрос!

И потом: сто килограмм груза безнаказанно разместить на действующем самолёте нельзя!

БЕРГ: Это не вопрос. Это дело технологии. Извините, у меня нет времени вести с вами, лейтенант, дискуссию. Всё!

Отстранив трубку, Завальнев какое-то время смотрит оцепенело на неё.

ЖИГАРЁВ (Завальневу): Ну что?

ЗАВАЛЬНЕВ: Ничего.

ЖИГАРЁВ: Отказался с тобой дискутировать?

ЗАВАЛЬНЕВ: Адмирал Берг не прав. Он не понял...

ЖИГАРЁВ: Вот так-так: выспе Бога и вдруг — «не прав!» Видите, товарищи, каков фрукт? С кем воевать мне приходится? И ведь его даже адмиралом не прошибёшь: за ним горой стоит Генеральный конструктор «МиГов» Артём Иванович Микоян. Вот что теперь прикажете делать с таким увёртливым изобретателем? То, понимаешь, авторитет, то хлоп — и нет авторитета!

КТО-ТО ИЗ ГЕНЕРАЛОВ: Гнать в три шеи таких изобретателей!

ЖИГАРЁВ: Нет, товарищи дорогие, мы не можем обойти мнение Генерального конструктора, чьи самолёты воюют в Корее. Дадим лейтенанту три недели на испытание станции в условиях реальных полётов. Это тебе (к Завальневу) не дискуссии устраивать. Действительность — суровая, неподкупная наша действительность — будет твоим судьёй.

Или ты теперь, после того, как адмирал Берг дал тебе по носу, откажешься от своей галиматьи?

ЗАВАЛЬНЕВ: Я при своём остался мнениии.

ЖИГАРЁВ (генералам): Видите: «при своём!»

Эпизод 25

Сквер. На скамеечке одиноко сидит инженер-лейтенант Завальнев в глубокой задумчивости, отрешённости даже. Вдруг какой-то человек обращается к нему.

НЕКТО: Разрешите прикурить?

ЗАВАЛЬНЕВ: Я не курю.

НЕКТО: Разрешите, я в таком случае присяду.

ЗАВАЛЬНЕВ (подняв голову): А-а, это вы... Вы же тоже не курите. От вас табаком даже не пахнет.

МЕРЗЛИКИН: А это, товарищ, по обстоятельствам: то курю, то не курю. Иногда просто человека папироской угостишь и уже в приятелях у него пребываешь.

ЗАВАЛЬНЕВ: Разумеется, нужного вам человека.

МЕРЗЛИКИН: Что значит «нужного»? Ненужных людей не бывает. Это мой принцип. Кредо. Философия. Вот вы, например...

ЗАВАЛЬНЕВ: Оставьте меня в покое... Знали бы вы, как я устал.

МЕРЗЛИКИН: Мне один нужный человечек шепнул, что вы обломали самого товарища Главкома ВВС! Вернее, Главком ВВС вас обломать не смог. Что вы самому адмиралу Бергу

противоречили... Вы думаете, что они вам спустят ваше вопиющее упрямство? Вашу, так сказать, самостоятельность? Как бы не так! Они вам хоть чем-нибудь, да оплатят. Человек везде одинаков: хоть наверху, хоть внизу (достаёт коробку «Казбека», протягивает её Завальневу. Тот жеста этого не замечает. Мерзликин прячет «Казбек» в карман). И всё-таки, я вас, товарищ, не понимаю! Ваш, товарищ, личный интерес во всей этой катавасии — он в чём?

ЗАВАЛЬНЕВ: Моего личного интереса тут нет.

МЕРЗЛИКИН: Но прибор-то ваш! Вы своё, кровное, сквозь такие стены проламываете!

ЗАВАЛЬНЕВ: Но меня уже выгоняли из института! Я одними плавленными сырками питаюсь... один сырок! В сутки! Это мой интерес?!

МЕРЗЛИКИН: Как это глупо! Просто несусветная глупистика! Живёшь в коммуналке, жена — библиотекарь, тёща — сумасшедшая, дочь болеет, того и гляди помрёт... Не-ет, ты не герой, ты преступник! Ты хуже меня: я-то, по крайней мере, осознаю, что я мерзавец, а ты — нет!

ЗАВАЛЬНЕВ (после долгого молчания): Вам почему-то меня утопить хочется. И даже не во мне одном дело — всех вам нужно в болото утащить, всех уравнивать под одну гребёнку, чтоб были, как вы, по вашему образцу и подобию.

МЕРЗЛИКИН: Bravo! Зрелые речи слышу!

ЗАВАЛЬНЕВ: Но это же самоубийство!

МЕРЗЛИКИН: А вот тут вы ошибаетесь, товарищ!

ЗАВАЛЬНЕВ: Почему?

МЕРЗЛИКИН: Тут ваша логика не действует.

ЗАВАЛЬНЕВ: Но почему?

МЕРЗЛИКИН: Да вы сами подумайте.

ЗАВАЛЬНЕВ: За что вы меня ненавидите?

МЕРЗЛИКИН: Я? Вас? Ненавижу? Что вы! Это слишком мелко — «ненавижу». Я с вами рядом жить не могу, мне дышать нечем!

ЗАВАЛЬНЕВ: Вот уж неправда!

МЕРЗЛИКИН: Это правда, и вы её должны знать (Пауза). Вы думаете, побеждая зло, добро торжествует? Нет, не торжествует: добра становится в мире меньше. Надеюсь, вы знаете, что такое Пиррова победа? И почему о ней всё время помнят?

Эпизод 26

12 июля 1951 года. Корея. В небе тьмущая тьма американских «Б-29». Они летят бомбить северо-корейские города, дороги, мосты. Их прикрывают штурк 200 «Сейберов». Наш аэродром в Аньдуне. Командный пункт. Приборы, за ними — операторы. Боевая тревога. Взлетают наши «МиГи». Треск, вой, мешанина эфира. Генерал Лобов у микрофона.

ЛОБОВ: ...и звено капитана Щукина, пусть он им Шопена сыграет. Лучшие силы бросаю.

Но Сутягина не могу... И Пепелева тоже (слушает в наушниках). Да потому, что этих ребят хоть самих выжимай. Они с ног валятся! Слышишь меня? Капитана Щукина — в воздух!

Эпизод 27

Воздушный бой с американцами. Фонарь самолёта капитана Щукина — вдребезги. Кровь на приборной доске. Лётчик катапультируется. Кислородная маска сорвана, рану на лице встречным воздухом разодрало. Щукин спускается на парашюте. Его атакуют два «Сейбера», но промахиваются. Щукин грозит им кулаком.

Эпизод 28

Приземлившегося капитана привозят корейцы на аэродром. Перевязывают ему лицо. Щукин возбуждён, переживает бой, показывает руками свои манёвры.

ЩУКИН: ...и вдруг слышу — по фонарю как градом сыпнуло! Фонарь — на куски! Ручка управления — мертва. Приборной доски ни хрена не вижу: глаза кровью залило!

ВРАЧ: Товарищ капитан, дайте же вас наконец перевязать!

Подъезжает генерал Лобов.

ЛОБОВ: Жив? Ну, капитан! Серьёзное что-нибудь?

ЩУКИН: Так, чепуха. Царапнуло.

ВРАЧ: Кажется, осколком кость задета. Нужен рентген.

ЩУКИН: Ерунда! На мне как на собаке!

ЛОБОВ: Двух ты ещё завалил. И с земли подтверждают, и твой ведомый, Остаповский, тоже... Дай я на тебя полюбуюсь!

ЩУКИН: А Серёга Писарев?

ЛОБОВ: Нет его. И Веденева тоже. И Омельченко. В море упал.

Эпизод 29

Испытательный аэродром под Москвой. Идёт испытание радиолокационной станции Завальнева. Садится один из «МиГов». Лётчик заходит в диспетчерскую. Говорит инженер-лейтенанту Завальневу.

ЛЁТЧИК: Слушай, лейтенант, тут ерунда какая-то. Третью неделю обкатываю твою «малютку» и всё вроде бы хорошо было, а сегодня — понимаешь какое дело? — сегодня — хреново: сигналы еле слышны, забивают их радиосвязь!

ЗАВАЛЬНЕВ: Не может быть!

ЛЁТЧИК: Я сам удивляюсь. Вон Иванченко приземлился — может, у него нормально, а только у меня одного барахлит.

В диспетчерскую вваливается Иванченко, стаскивает шлемофон, отдувается.

ИВАНЧЕНКО: Ни черта тебя, лейтенант, не слышно! Как комар пищит. Не разберёшь. Труба дело!

ЗАВАЛЬНЕВ: А до Кореи осталось три... нет, уже два дня. И вот так у меня всегда: в самый последний момент подянка какая-нибудь! (Стаскивает голову кулаками и сквозь зубы). Что же делать? Что мне теперь делать?!

ЛЁТЧИК: Искать! Ищи, лейтенант. Она же тебе родная, эрлеска эта. Ищите и обрящите.

ИВАНЧЕНКО (смотрит на часы): Ого! Обед уже. Ты пойдёшь?

ЛЁТЧИК: Ему, по всему видать, не до обеда.

Завальнев не отвечает. Испытатели уходят в столовую. Завальнев идёт к одному из «мигов», забирается в кабину, где установлена его крохотная радиолокационная станция. По лесенке за ним взбирается молодой технарёк — из любопытства.

ЗАВАЛЬНЕВ (то ли себе, то ли технарю): Станция питается от бортовой сети с напряжением 20 вольт. Так? При такой величине анодного напряжения на лампах... сигнал может быть не больше 15-20 вольт. А сигналы на телефонах лётчиков, в которых питающее анодное напряжение под 250 вольт, достигает 60-80 вольт и... и глушат — они сильнее! — сигналы моей станции. Но почему же всё это обнаружилось только теперь? Ничего не понимаю! (Технарю). Дай отвёртку. (Работает ею). Во-от, вот он, враг — блок радиоприёмника...

ТЕХНАРЬ: Товарищ лейтенант, тут уж ничего не изменишь.

ЗАВАЛЬНЕВ: Совершенно верно — это ты здорово подметил. А вот подумаем и нашего врага превратим в друга. Ну, не в друга — в помощника. А?

ТЕХНАРЬ: Так, товарищ лейтенант, не бывает!

ЗАВАЛЬНЕВ: Так один мой надоедливый коллега у нас в

институте делает. Кредо у него такое. Вот и мы... и мы так пробуем.

ТЕХНАРЬ: Что вы делаете! Тут — пломба, опечатано! Её только в специальных мастерских решается снимать, при комиссии!

ЗАВАЛЬНЕВ: Не шуми. Мы и есть комиссия. И чёрт с ней, пломбой — где наша не пропадала! Сколько у меня этих комиссий было — знаешь? Я брат, огни и воды и медные трубы (работает отвёрткой, плоскогубцами, зубами) и Крым, и рым-пески... Корея вот осталась.

Бормоча всё это, Завальнев вскрывает блок, перебрасывает провода станции к усилителю низкой частоты и слышит в своём шлемофоне сильные предупреждающие сигналы, идущие от его РЛС.

ЗАВАЛЬНЕВ: Вот, на, послушай. А ты говоришь, что надо на башню лезть, где АЭН дробь АПЭКю — тридцать установлен. Он, дескать, барахлит.

ТЕХНАРЬ: Товарищ лейтенант! Я говорил? Когда? Ничего я не говорил. Я вам только отвёртку дал и пассатижи. Выдумываете вы всё!

Эпизод 30

После обеда в диспетчерскую возвращаются лётчики-испытатели, в том числе и тот пилот, в машине которого Завальнев сделал поправку в своей РЛС.

ЗАВАЛЬНЕВ: Товарищ капитан, на рулёрку и — поехали. По маршруту, как в задании.

ЛЁТЧИК: Я-то взлечу. А толку?

ЗАВАЛЬНЕВ: Толк будет. Под завязку.

ЛЁТЧИК: Уверен?

ЗАВАЛЬНЕВ: Через два дня вылетаю в Корею!

ЛЁТЧИК: Ну-ну! Что ты сделал?

ЗАВАЛЬНЕВ: Всё гениальное просто!

ЛЁТЧИК: Ого!

Самолёт взлетает. Сигналы отчётливо слышны на расстоянии 5-7, а затем и 10 километров. На других самолётах, где было подведено усиление звучания сигнала РЛС Завальнева, результат такой же.

Эпизод 31

Подготовка к командировке в Корею. Упаковываются все 10 РЛС Завальнева. Он прощается дома с женой. Прислонившись к дверному косяку, та беззвучно плачет. Дочь машет худенькой ручкой. Медкомиссия. Завальневу делают укол. Прививка очень болезненная.

ВРАЧ ВТОРОЙ: Вы что ему, сразу всё?

ВРАЧ ПЕРВЫЙ: Полковник Скиба приказал, говорит — сам маршал ВВС распорядился. Потребовал, можно сказать.

ВРАЧ ВТОРОЙ: Н-да, дела-а... Долетит?

ВРАЧ ПЕРВЫЙ: Упрямый парень. Как говорится, сильный духом. Кое-что я о нём слышал. Таких людей, коллега, не то что лошадиным уколом — пулей не

свалишь. Какой-то немец в прошлом ещё веке сказал: русского мало убить, его ещё и повалить надо. Про таких вот. Бисмарк, кажется, его характеристика.

Эпизод 32

Кабинет полковника Скибы. Входит инженер-лейтенант Завальнев. Чувствует себя плохо, но виду не показывает.

ЗАВАЛЬНЕВ: Разрешите?

СКИБА: Входи, лейтенант. Документы все оформил? В спецчасти разрешение? Угу. Прививки сделал?

ЗАВАЛЬНЕВ: Так точно (болезненно морщится).

СКИБА: Вот не военный ты человек. Надо отвечать «Так точно, товарищ полковник!» Служишь давно, а выше лейтенанта подняться не можешь. Ну — просто никак! Нет, ты не сумасшедший, напрасно тебя по профессорам таскали. Ты умный. Ты умный, да, но — дурак! Понимаешь? Вот есть такая редкая, а, значит, никому не нужная порода людей. Всем она мешает нормально жить. Умные дураки... Что ж, лети! Чёрт с тобой. Может быть, эта командировка станет последней твоей глупостью. По крайней мере, сюда, к нам в институт, ты уже не вернёшься.

ЗАВАЛЬНЕВ: Почему?

СКИБА: Да-а... И он ещё спрашивает «Почему». А потому! Потому ещё, что там, в боях, твоя затея, твоя самостоятельность лопнет и ты со своим прибором обкакаешься! И все

наконец увидят, что ты сбиваешь с курса целый научно-исследовательский институт! Целое направление в радиоэлектронике, и поймут, что ты — враг, а не изобретатель — вот чего ты добьёшься своей командировкой в Корею! Это ты можешь понять?

ЗАВАЛЬНЕВ: Никак нет, товарищ полковник, не могу!

СКИБА: Честно хочешь? Откровенно? Убьют тебя или загремишь ты в мантульные края — я буду рад. За тебя буду рад. Я же вижу: для тебя самого твоё изобретение... не жизнь у тебя — ад. Ты со всеми воюешь и всех поднимаешь против себя. Как ты выдерживаешь такое?! Всем нам воздастся когда-нибудь по делам нашим. А тебе — в первую очередь. Ступай.

Эпизод 33

Поздняя ночь. Коммунальная кухня. Двое на кухне — Алексей Завальнев и его жена Елизавета.

ЛИЗА: Лёшенька, миленький, идём в комнату.

ЗАВАЛЬНЕВ: Анна Сергеевна не спит.

ЛИЗА: Ну и что? Пусть!

ЗАВАЛЬНЕВ: А сегодня нарочно спать не будет. Лекарства станет пить. Вздыхать, ворочаться.

ЛИЗА: Пусть!

ЗАВАЛЬНЕВ: Я так не могу.

ЛИЗА: Стеснительный ты какой... до сих пор. Знаешь, в войну мне легче было тебя ждать... Войны давно нет, а ты всё лейтенант, тебя по-прежнему нет дома, ты летишь, тебя могут убить, а я всё жду, всё жду (плачет).

ЗАВАЛЬНЕВ: Артём Иванович Микоян сказал, что меня восстановят в штате и зарплату вернут.

ЛИЗА: Когда?

ЗАВАЛЬНЕВ: Ждать и верить — самое трудное, наверное, дело на земле. Я бы орден Терпения и орден Веры учредил и тебя бы этими орденами, родная моя, наградил.

ЛИЗА: А они большие, эти ордена?

ЗАВАЛЬНЕВ: Нет, они скромные. По природе своей они большими быть не могут.

ЛИЗА: Ты даже утешения ради врать не можешь.

ЗАВАЛЬНЕВ: Ты их уже носишь, эти два ордена.

ЛИЗА: Вот они какие! Я их даже и не заметила.

Эпизод 34

Аэродром Аньдунь в Китае. Здесь находится командный пункт генерала Лобова, он же — командный пункт китайских добровольцев. Приземляется самолёт из Москвы с группой полковников — комиссией Генерального штаба. Последним, пошатываясь, по лесенке спускается инженер-лейтенант Завальнев. И прямо на глазах прилетевших разгрызается в аньдунском небе трагедия. Два наших «МиГа» возвращаются с задания и вдруг сзади их настигают «Сейберы» и открывают стрельбу по краснозвёздным машинам. Один «МиГ» подбит, загорается и свечой уходит в землю. Взрыв. Из другого самолёта лётчик капитулирует.

ЛОБОВ: Видали?! Нет, вы видали?! Это же расстрел, а не бой! Что хотят, то и творят. Так и доложите в Москве. И пусть они мне комиссии даже из полковников Генерального штаба не шлют! Мне нужны радиолокаторы, дальномёры. Полковник Ершов, вы мне их привезли?

ЕРШОВ (показывая на свою группу): Вот...

ЛОБОВ: Что «вот»? Очередная комиссия для изучения обстановки? А она — на ладони перед вами — изучайте! Вы только что видели «обстановку» во всём её безобразии!

ЕРШОВ (отодвигая одного из полковников): Вот инженер-лейтенант Завальнев, автор сконструированного им прибора специально для обнаружения американских «Сейберов». Прибыл с нами для испытания своего изделия в боевой обстановке.

ЛОБОВ: Да ну? Ну-ка, идём на командный пункт. Покажи! С собой оно?

Эпизод 35

Командный бункер генерала Лобова. На столе карты, бумаги. Лобов отодвигает их. Сбивает фуражку на затылок.

ЛОБОВ: Ну-кось, давай, лейтенант, показывай, что ты там привёз. Ну-ка, ну-ка, не копайся.

Завальнев достаёт из портфеля и кладёт на стол свою коробочку-прибор. Тишина в бункере, слышны отдалённые переговоры по радиосвязи.

ЛОБОВ (указывая осторожно на коробочку РЛС): Это что? А?

ЕРШОВ: Товарищ генерал, лейтенант Завальнев утверждает, что эта штукавина отловит американца за восемь, а то и за все десять километров.

ЛОБОВ: Как... как, говоришь, фамилия твоя?

ЗАВАЛЬНЕВ: Лейтенант Завальнев, товарищ генерал.

ЛОБОВ: Ты чей, откуда?

ЗАВАЛЬНЕВ: НИИ-17. Правда, из штаба института меня вывели.

ЛОБОВ: Это обнадёживает. Дайте ему стул (Завальнев садится, вытирает рукавом гимнастёрки пот со лба). Ко мне тут не так давно прилетали из твоей конторы, припёрлись с бандурой в центнер весом, так я их вместе с этой бандурой... (Завальневу, рассматривая его коробочку). А ты не врешь? Неужели за 10 километров засекает?

ЗАВАЛЬНЕВ (вставая): Устойчиво.

ЛОБОВ (обводит взглядом присутствующих и когда сталкивается взглядом с глазами полковника Ершова, тот слегка pokrutil пальцем у виска и пожал плечами): А? Вот эта коробочка — и десять километров? Ведь 98 процентов наших потерь в воздухе — это не обнаруженные своевременно атакующие американские самолёты. Так-так-так... А углы какие? (Завальнев шепчет на ухо генералу углы дальнотемера). Вот так малютка! Это же, ну это же просто удивительная станция! (Ершову). Полковник,

даже если это и соломинка, мы за неё — ох! — уцепимся! (Завальневу). А сколько, браток, времени нужно, чтобы твоё замечательное устройство установить на «МиГах»?

ЗАВАЛЬНЕВ: Часа три, не больше.

ЛОБОВ (по телефону): Начальника штаба ко мне! Ты? Немедленно поставить в третий ангар, да, ремонтный, самолёты лучших лётчиков корпуса! Как кого? Героя Советского Союза полковника Шевелёва, командира полка подполковника Банникова, капитана Шкодина, капитана Щукина... Так, да. И других, таких же орлов — десять машин. Выполнять! (Завальневу). А ты, лейтенант, ты, голубчик, немедленно отправляйся в ангар под номером 3 и приступай к установке своих станций на мои самолёты. Без перерыва, днём и ночью, немедленно! Обед тебе туда привезут. Пойми, каждый день, каждый час мои летуны подвергаются огромному риску. Гибнут! А вы (полковникам из Генштаба) занимайтесь своим делом.

Эпизод 36

Огромный ангар. На одном из «МиГов» идёт установка дальнотемера Завальнева. Завальнев в азарте, счастье дела. В кабине в кожаной куртке, унтах и гражданской фетровой шляпе сидит один из пилотов со свежим шрамом на лице — это капитан Лев Щукин. Спрашивает у Завальнева.

ЩУКИН: Это что? А это вот?

ЗАВАЛЬНЕВ: Простая, товарищ капитан, вещь: регулятор громкости сигнала.

ЩУКИН: К усилителю подпрят?

ЗАВАЛЬНЕВ: Соображаете. Я о вас ещё в Москве слышал.

ЩУКИН: Да ну? Нас ведь здесь нет. Мы — китайские добровольцы. Слышал анекдот? Про Лисицина (смеётся). Очень мне охота с одним американским субчиком спшибиться в небе. Счёт ему предьявить для оплаты.

ЗАВАЛЬНЕВ (показывая на шрам на лице Щукина): Его отметина?

ЩУКИН: Скорее бы утро наступило.

Работа кипит и на других самолётах.

Эпизод 37

Утро. В небо один за другим взлетают «МиГи». Настигают армаду американских «Б-29» и прикрывающих их «Сейберов», летящих бомбить северо-корейские города. Наши самолёты врезаются в построения американцев. Советские лётчики отчётливо слышат сигналы дальномеров, бросают машины то в штопор, то свечой взмывают вверх. Загораются и падают и «Сейберы» и «Б-29», эти летающие крепости.

Снова наш аэродром. Один за другим приземляются «МиГи». Молоденький сержант в комбинезоне считает.

СЕРЖАНТ: два... четыре... семь... А вот и Лев Кириллович Щукин (Завальневу). Все,

товарищ лейтенант, все до одного вернулись! Ур-ра! Победа!

ЗАВАЛЬНЕВ: Погоди, сержант, раньше времени торжествовать... того, чревато. Обжечься можно. Что сами лётчики скажут.

СЕРЖАНТ: Да не волнуйтесь вы так, товарищ лейтенант, не волнуйтесь! Уж я знаю! У меня — чутьё. Теперь порядок! Честное слово... Что с вами?

ЗАВАЛЬНЕВ: Лихорадка какая-то... Слабость накатила. Ноги... не держат.

СЕРЖАНТ: Ур-ра-а! (Бежит навстречу лётчикам).

Эпизод 38

Идут лётчики в специальных костюмах, смягчающих перегрузки, человека четыре-пять пока что. Отстраняют сержанта и бросаются к лейтенанту Завальневу. Обнимают его, тормозят, смеются.

ЛЁТЧИК 1: Ну, лейтенант, ну, дорогой!..

ЛЁТЧИК 2: Да ты не знаешь даже, какой ты гений!

ЛЁТЧИК 3: Разогнали ораву к чёртовой матери. По своим они отбомбились. И насшибали штук девять, точно пока не знаю. Наш — ни один не задымил, ни один!

ЛЁТЧИК 1: Я на вертикали — аж в глазах черно! Как дал — и в сторону сразу, вниз свалился, выхожу из штопора...

ЛЁТЧИК 3: Слышу — сигнал. Крадётся как всегда! Ну, я заложил вираж и сам у него на хвост сел. И — на гашетку!

Подходят остальные лётчики,

участвовавшие в этом бою. Все возбуждены, делятся впечатлениями, смеются.

ЛЁТЧИК 4: Представляешь? Я ему сам свой хвост подставляю: бери меня — я вся твоя! Не-ет, не лезет, быстро они смекнули.

ЩУКИН: С американцами варежку не разевай. Серьёзные ребята, драться они умеют.

В это время подъезжает на «Виллисе» генерал Лобов.

ЛОБОВ: Все целы? И не ранен никто? Ну, молодцы, здорово им по зубам дали! Спасибо, спасибо, братцы!

ЛЁТЧИК 3: И ведь что главное, товарищ генерал, как этакая малюточка отличает в такой круговерти «Сейберы»? Там же каша, всё кишмя кишит! И — пожалуйста: как «Сейбер», так сразу — нюх, как у собаки-ищейки!

ЛОБОВ: А где наш герой? (Завальнев встаёт, он сидел чуть в сторонке). Отощал? На плавленых сырках.

ЗАВАЛЬНЕВ: А вы про них откуда знаете?

ЛОБОВ: Я теперь о тебе всё знаю. Такие, как ты... Не люблю высоких слов, не умею! На-ка вот, прими (достаёт плоскую фляжку). Наша, русская. Но — на китайском женьшене. Хлебни. Говорят, такую настойку сам товарищ Мао уважает. Да ещё жгучим перцем закусывает!

КАПИТАН ШКОДИН: Товарищ генерал, разрешите обратиться?

ЛОБОВ: Ну?

ШКОДИН: Почему только 10

станций? Нам, товарищ генерал, и сто мало. Если б не эта малютка, я бы с вами не разговаривал сейчас. Вот, смотрите (показывает на свой самолёт — левое крыло всё в ключьях). Сам виноват: плохо ещё РЛС освоил, поздновато обратил внимание на регулятор громкости. А когда услышал сигнал — вниз ухнул, тем и спасся!

ЛОБОВ: Ещё несколько боевых вылетов — не для меня, мне и так уже всё ясно — для штабистов, и отправим заявку (Завальневу). Взбодрился? Садись в машину, поедешь со мной.

Эпизод 39

Командный пункт. Входят генерал Лобов и инженер-лейтенант Завальнев. Здесь же начальник штаба и полковники, прилетевшие из Москвы.

НАЧШТАБА (идёт к Завальневу с распростёртыми руками): Ну! Ну! Ну! Какой эффект: шесть сбитых «Сейберов» и четыре «Б-29»! Всё, теперь бандитизм в воздухе прекратится! Ну, лейтенант!..

ЛОБОВ: Сегодня же доложу министру обороны товарищу Булганину.

ЗАВАЛЬНЕВ: Товарищ генерал! Ради бога, не надо, не говорите обо мне. Мне в Москве перед отлётом сюда... одним словом, либо отсюда меня в тюрьму, либо в могилу. Не хочу, снова чёрная волна эта поднимется.

ЛОБОВ: Ладно, ладно! Я знаю, что и кому сказать. Так что ты не бойся. У нас тут,

кстати, и комиссия из Генштаба. Полковники. Они тоже докладывают будут, подтвердят. Да и орлы мои, вон они (показывает на окно, через которое видна группа идущих лётчиков) в обиду теперь тебя не дадут. Для вас, в Москве, статистика, боевая сводка потерь, а мы тут горькими слезами обливались, когда наши товарищи, братья гибли один за другим. А теперь мы живём! (Берёт телефонную трубку). Москва мне! Немедленно! Москва? Приёмную товарища Булганина.

Эпизод 40

Командный пункт генерала Лобова. Утро. Завальнев, вымытый, подстриженный, переодетый в форму китайской армии, входит в бункер. Генерал Лобов склонился над картой.

ЗАВАЛЬНЕВ: Товарищ генерал, инженер-лейтенант Завальнев по вашему приказанию явился!

ЛОБОВ: Доброе утро, капитан!

ЗАВАЛЬНЕВ: Товарищ генерал, я лейтенант (ощупывает себя). Это форма на мне другая, а я по-прежнему лейтенант.

ЛОБОВ: А Николай Александрович Булганин говорит, что ты — капитан. Так что не возражай министру и генералу — я тоже считаю, что ты капитан. А то привык, понимаешь, попереёк идти: никто ему не указ — ни маршалы, ни адмиралы. Так что сделай божескую милость — не возражай. Тебе сам министр обороны СССР капитана присвоил.

За инициативу, за ум, за верность делу — цени! Но, капитан, есть у нас с тобою одна сложность, одно, понимаешь ли, препятствие...

ЗАВАЛЬНЕВ: Как, опять?!

ЛОБОВ: Запомни, изобретатель, ты от них никогда не избавишься. Они у тебя будут, как звёзды на погонах. И чем крупнее звёзды, тем крупнее препятствия. Ты это всегда имей в виду... Как назовём твою станцию?

ЗАВАЛЬНЕВ: Не знаю... Может быть — «Сирена»?

Эпизод 41

Кабинет Сталина. Идёт большое совещание по проблеме изготовления радиолокационной станции Завальнева. За столом сидят директора крупнейших радиозаводов страны, маршал Жигарёв, министр обороны СССР Булганин.

СТАЛИН: Товарищ Булганин нам доложил, что найдено наконец средство борьбы с американскими самолётами. Радиоэлектронная станция предупреждает наших лётчиков о появлении противника за 8-10 километров. Первые испытания проводились в условиях реальных боёв. Они дали положительный результат. Мы пригласили директоров крупнейших радиозаводов из Москвы, Ленинграда, Горького, Киева и других городов. А также профильных научно-исследовательских институтов. Мне сказали, что новая радиолокационная станция небольших размеров.

Примерно с папиросную ко-
робку. Так?

ЖИГАРЁВ: Совершенно верно, товарищ Сталин. Я сам её в руках держал. И устанавливается на «МиГах-15» за полтора-два часа. Этим устройством парализуются дорогостоящие электронные прицелы американцев.

СТАЛИН: Это хорошо... Как называется эта станция?

БУЛГАНИН: У неё ещё нет названия. Экспериментальные образцы. Автор ещё не дал своему детищу наименование.

СТАЛИН: Какой скромный автор. Кто он? Откуда?

ЖИГАРЁВ: Лейтенант Завальнев, товарищ Сталин. Из НИИ-17.

БУЛГАНИН: Он уже капитан.

СТАЛИН: НИИ-17... Нам пришлось снять с должности заместителя директора института, большого любителя победного вранья. Здесь делали станцию, которую нельзя было разместить на истребителях. Так её и не довели до ума, кажется? А капитан, насколько я помню, один выполнил работу научно-исследовательского института.

ЖИГАРЁВ: Товарищ Сталин, мы оказывали всяческую поддержку тогда ещё лейтенанту, а теперь капитану Завальневу. Послали его в Корею. Он сейчас у генерала Лобова. Повысили в звании.

СТАЛИН: Вы хотите сказать, что, даже не согласовав с нами, сделали это? Что ж, иногда обстановка требует незамедлительных

решений. Вот и нам с производством РЛС медлить нельзя. Мне говорил Генеральный конструктор «МиГов», что пришлось вытерпеть изобретателю. Времени упущено достаточно. Его нам придётся навёрстывать. Сколько потребуется радиозаводу, чтобы изготовить необходимое количество станций предупреждения? Кстати, какое их количество потребуется на первое время, пока мы не наведём порядок в радиоэлектронной промышленности?

БУЛГАНИН: По нашим прикидкам, товарищ Сталин, по предварительным расчётам — 450-500 единиц. И не только в Корею на «МиГи»...

СТАЛИН: Хорошо. Сколько времени необходимо, чтобы наладить их производство?

МИХАЙЛОВ Н.И. (директор Московского радиозавода): Потребуется технологическая проработка, изготовление рабочих чертежей, изготовление необходимого оборудования, инструмента, наладка, пуск линии...

СТАЛИН: Так сколько?

ГАВРИЛЕНКО М.Г. (директор радиозавода из Киева): Это всё займёт... Не меньше года, товарищ Сталин.

ЛЕСКОР А.Е. (директор радиозавода из Горького): В год не уложишься. Полтора-два года.

СТАЛИН: Нам нужно уложиться за два, максимум три месяца. Идёт война. Мы несём неоправданные потери. Мы не хотим назначать исполнителя в

приказном порядке, понимая, что задание трудное. Для этого вас сюда не нужно было собирать. Пусть каждый из вас хорошо всё взвесит и сам на свои плечи под свою ответственность задание это возьмёт. В Корею воюют китайские добровольцы. Вот и здесь, у нас, пусть советские добровольцы помогают китайским добровольцам. Есть у нас такие?

Всеобщее гнетущее молчание. Сталин раскуривает трубку.

СТАЛИН: Неужели мы так быстро разучились преодолевать трудности и выполнять невыполнимое? (Пауза). Так кто же возьмётся за выполнение этой чрезвычайно важной государственной задачи?

Опять долгая тишина. Затем поднимается адмирал А.И.Берг.

БЕРГ: Разрешите, товарищ Сталин?

СТАЛИН: Мы вас слушаем, товарищ Берг.

БЕРГ: Перед отлётом лейтенанта Завальнева в Корею, я говорил с ним о его крошечной РЛС по просьбе маршала Жигарёва.

ЖИГАРЁВ: Вы для него были тогда высший авторитет в вопросах радиоэлектроники. Он сам это нам сказал.

БЕРГ: «Он сам»... К сожалению, я не поддержал тогда изобретателя. А испытания РЛС Завальнева в условиях воздушных боёв показали, что она против «Сейберов» действует безотказно... Так что, я как бы в долгу у лейтенанта...

СТАЛИН: Но он уже, как нас тут недавно поправили, капитан.

БЕРГ: Да, совершенно верно. Капитан. Извините. Наш научно-исследовательский институт на своём опытном производстве выполнит поставленную партией и правительством задачу: 500 РЛС капитана Завальнева за три месяца будут изготовлены.

СТАЛИН: Мы правильно вас поняли: за три месяца? Что для этого необходимо?

БЕРГ: Для этого нам необходимо, товарищ Сталин, мобилизовать все резервы, свернуть плановые программы, работать в три смены, отменить выходные и отпуска, открыть дополнительное финансирование.

СТАЛИН: Хорошо. Приступайте.

Эпизод 42 (продолжение эпизода 40)

Командный пункт генерала Лобова.

ЛОБОВ: Есть, понимаешь, у нас с тобой одна неприятная сложность. Неприятная она для тебя... Чего голову повесил?

ЗАВАЛЬНЕВ: Никак нет, товарищ генерал.

ЛОБОВ: Я тебя очень хорошо понимаю, но и ты пойми меня. По твоей эрэлэске на самом верху прошло очень серьёзное совещание. Твоя «Сирена» запускается в производство. Даны сроки: три месяца. Определён исполнитель, количество станций...

ЗАВАЛЬНЕВ: Где и кто будет их делать?

ЛОБОВ: НИИ-108 со всеми его промбазами.

ЗАВАЛЬНЕВ: Адмирал Берг?

ЛОБОВ: А что? Мужик боевой, большая умница.

ЗАВАЛЬНЕВ: Он не верил в меня. Выслушать до конца даже не захотел.

ЛОБОВ: Знаешь, капитан... Мне неизвестно, как получилось, что Бергу досталось производство твоих РЛС, но... но есть приказ. Он сильнее веры и он... внушает веру. Без веры в силу приказа приказ не выполнить. Есть дух приказа ещё, есть наконец потребность в нём! (Завальнев молчит). Тебе придётся задержаться тут у нас. На все три месяца. Я настоял на этом. Чтобы готовые РЛС присылали нам сюда партиями по мере их изготовления. Со мной согласились. Соглашайся и ты. Ты здесь нужен. Схемы РЛС у тебя с собой? Сегодня же их отправим Бергу. Я знаю, что тебе обещал Генеральный конструктор «МиГов». Уже дана команда выплатить тебе деньги за время, пока ты во внештатниках ходил. Продукты твоей супруге подвезли. Сейчас твоя семья уютится в коммуналке — ты вернёшься в новую квартиру. Так что твои тылы, Алексей Иванович, будут полностью обеспечены, им будет оказана всяческая помощь, а ты окажи нам её здесь, на передовой. Приказывать я тебе не имею права. Помогите нам, пожалуйста, капитан, я тебя очень прошу.

Эпизод 43

Коммунальная квартира. Елизавета Петровна несёт из общей кухни кастрюльку с вскипяченным молоком. Полупьяный, как всегда, Лошаков подставляет ей ногу. Елизавета Петровна роняет на пол кастрюльку. Молоко разливается.

СОСЕДКА В БИГУДЯХ: Ах, опять эти Завальневы! Под ноги, милочка, смотреть надо. Одни неприятности от вас. Безобразия!

СОСЕДКА НЮРА: Ты б ещё на брови свои выщипанные бигудю свою накрутила! «Неприятности» ей, видишь ты, какие! А что этот алкаш, сволочь такая, ножку ей подставил, ты не видишь? А Елизавета Петровна Верочке горячее молоко несла — больному ребёнку! — и хряп — всё на пол — это как, по-вашему? Я-то всё видела, на глазах у меня ничего не висит!

ЛОШАКОВ (Нюра): Да я щас морду твою наизнанку выворочу!

НЮРА: Ну ты мне, гадский рот, и надоел!

Нюра бьёт Лошакова прямо в зубы. Лошаков падает. В это время в коридор коммуналки — дверь оказалась не запертой — входят двое военных.

ВОЕННЫЙ 1: Извините. Кто здесь будет Завальнева Елизавета Петровна?

ЛОШАКОВ (вытирая разбитые губы и шатая зуб): Ага! Попалась! Вот она, вражина! Арестуйте её прямо на моих глазах. И под пистолетом с двух боков

проводите куда следоват! Я знал, моё пролетарского происхождения сердце чуяло!

ЛИЗА (вытирая тряпкой разлитое молоко на полу и поднимаясь с колен): Что-нибудь... с Алексеем?.. Случилось что? Я Завальнева.

ВОЕННЫЙ 2: Успокойтесь! Не волнуйтесь так, пожалуйста. Мы как раз от него. Он вам сказал, где он теперь находится?

ЛИЗА: Далеко... Где-то далеко.

ВОЕННЫЙ 1: Совершенно верно! Где ваша комната? Эта? Пройдёмте, давайте к вам.

Военные вслед за Елизаветой Петровной идут к ней в комнату. Военный 2 присаживается к столу, достаёт пачки денег, затем ведомость и ручку.

ВОЕННЫЙ 2: Вот здесь, пожалуйста, распишитесь. Это его зарплата. Ваш муж, Завальнев Алексей Иванович, был незаконно выведен за штат института (Елизавета взволнованно расписывается). А это — компенсация (достаёт другую ведомость). А здесь распишитесь за звание.

ЛИЗА: Так много... Он же лейтенант.

ВОЕННЫЙ 1: Ошибаетесь. Ваш муж уже капитан. Сам товарищ Булганин, минуя старшего лейтенанта, за особые заслуги присвоил вашему мужу звание — капитан.

ТЁЩА: Лиза, ты проверила у этих товарищей документы? Вдруг ни с того, ни с сего — и новое звание! И эти деньги! И кому? Алексею твоему... Подозрительно.

Как бы его потом врагом народа не объявили... А то — раз, и окажется!

ВОЕННЫЙ 2: Вам выделена двухкомнатная квартира в строящемся высотном здании на Котельнической набережной. Через месяц получите ордер и можете переселяться. Мы поможем.

ЛИЗА: А с Алексеем что?

ВОЕННЫЙ 1: С ним всё в порядке. Он на правительственном задании.

Военные уходят. Лиза у своей двери в комнате обнаруживает пакет. Достает из него масло, мясо, яблоки, сахар, чай... Всё это она в радостном изумлении выкладывает на стол.

ТЁЩА: Что это? Что это такое, Елизавета, я спрашиваю?

ЛИЗА: Продукты, мама. И рис, и масло, и фрукты.

ТЁЩА: Отнеси это всё и сдай под расписку в милицию!

В это время в комнату заглядывает Нюра с кастрюлькой в руках.

НЮРА: Можно? Я не стучу — руки заняты. Слышь, Лизавета, ты не расстраивайся! Вот молочко для Наташи твоей. У меня было. Я и вскипятила его заодно. Тут со стакан будет (увидев разложенные на столе продукты, ставит кастрюльку на стол и хватает себя за щёки). Что же теперь будет? (И заплакала). Лиза, перелив молоко в чашку, сама со слезами в глазах, стала накладывать в пустую кастрюлю Нюры яблоки, апельсины, пачку печенья, пакет с крупой.

ТЁЩА: Что происходит? Зачем ты всё казённое раздаёшь? Чужим людям и прямо на улице.

Эпизод 44

В небе Кореи идут воздушные бои. Горят «Сейберы». Американцы наши самолёты тоже сбивают, но уже гораздо меньше. Аэродром в Аньдуне. Взмывают в небо «МиГи», садятся. Лётчики делятся впечатлениями о сигналах РЛС Завальнева. Генерал Лобов на командном пункте то садится в «Виллис» и мчится к приземлившимся самолётам, то сам на «МиГе» взлетает в небо и участвует в сражении с американцами, закладывает виражи, сбивает «Сейбер», руководствуясь сигналами РЛС Завальнева. Приземляется. За его не первое уже участие в воздушных боях маршал Жигарёв отчитывает его, Лобов оправдывается тем, что не может посылать в бой своих летунов, не убедившись сам лично в надёжности РЛС капитана Завальнева.

Все эти кадры идут фоном, перемежаясь с кадрами из прошлого Алексея Ивановича Завальнева.

Эпизод 45

Русское довоенное село. Учительница семилетней школы в кабинете директора школы.

УЧИТЕЛЬНИЦА: Павел Никифорович, я была дома у Завальневых. Семья многодетная, бедная...

ДИРЕКТОР: Нет, мы не можем дальше мириться с тем, что в нашей школе, лучшей в районе,

ученик до сих пор ходит в лаптях. Мы не в царской лапотной России. Мы первая в мире рабоче-крестьянская социалистическая страна. Пусть отцовы сапоги обувает, но в лаптях — нет! Это недопустимо!

УЧИТЕЛЬНИЦА: Но сапоги у старшего Завальнева нет!

ДИРЕКТОР: Собирайте родительский комитет. Вопрос надо решать. Я, со своей стороны, с выпиской из протокола заседания родительского комитета обращусь в Райнаробраз, нет — так в райком пойду...

УЧИТЕЛЬНИЦА: У мальчика огромная тяга к знаниям... Каждый день по грязи, по снегу... туда-сюда почти 8 километров. А учится на отлично. И что-то ещё изобретает!..

Эпизод 46

1936 год. Областной слёт юных техников. Президиум. Трибуна. Сошёл очередной оратор. Аплодисменты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почётной грамотой и денежной премией награждается наш юный изобретатель Алёша Завальнев, создавший первую в стране управляемую по радио модель робота! Молодым везде, как говорится, дорога (аплодисменты). Алексей, Алёша, ты где?

Председатель ищет Завальнева в передних рядах, а он на самой галёрке. Его толкают в бока.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну-ка, скорее иди сюда, на сцену!

ЗАВАЛЬНЕВ: Да я лучше здесь...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет уж, нет, голубчик! Пожалуйста, сюда иди! Пусть на тебя посмотрят. Ты — пример для очень многих ребят, для тех, кто хочет учиться, кто увлекается техническим творчеством!

Эпизод 47

1942 год. Осаждённый Ленинград. Военно-воздушная академия имени А.Ф.Можайского. Выпускное собрание слушателей-курсантов. Среди новоиспечённых выпускников лейтенант Завальнев. На трибуне седовласый начальник училища.

НАЧАЛЬНИК: В суровое время, товарищи, проходит наш выпуск в блокадном Ленинграде. Он мог бы стать одним из самых светлых, самых радостных и значительных событий вашей жизни. Но коварный враг, вероломно напавший на нашу страну, лишил нас всех этого незабываемого праздника. Сегодня вы прямо из аудиторий и лабораторий нашей академии — в бой, в гущу сражений. Впереди вас, сдавших выпускные экзамены, ждёт самый суровый экзамен, имя которому — война. Надеюсь, товарищи офицеры, вы с честью выдержите его. Ведь кроме специальных технических знаний, мы старались вам дать высшие знания, высшие понятия, какие только могут быть у человека. Это понятие Долга, Стойкости, Верности партии, товарищу Сталину, Родине и — избранному вами делу.

Эпизод 48

Идут кадры боёв советских самолётов с немецкими. Немцы бомбят аэродром. Лейтенанта Завальнева за ногу стаскивает в щель какой-то капитан.

КАПИТАН: Ты что, лейтенант, смерти своей ищешь? Не трудись, она сама тебя найдёт!

ЗАВАЛЬНЕВ: Почему «мессеры» нас бомбят?

КАПИТАН: Как почему? Ну ты даёшь! Бомбы потому что у них есть.

ЗАВАЛЬНЕВ: Почему немцы так внезапно появились над нашим аэродромом? Все проморгали — ВНОС, радиоаппаратура... Почему? Почему мы не взлетели им навстречу? Мы — слепые. Нам нужны дальномёры. Небольшие, на наши истребители.

КАПИТАН (сквозь вой и грохот разрывов): Хорошая идея. Сам додумался? Только ты под бомбы со своей идеей не лезь.

Эпизод 49

Командный пункт Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Лобова — он сегодня в форме Советской армии. Перед ним стоит капитан Завальнев.

ЛОБОВ: Ну вот и всё, браток. Кончилась твоя командировка. Завтра домой. Спасибо тебе, капитан (достаёт плоскую фляжку). Давай по маленькой, на посошок (наливает в кружки, чокаются, пьют). Да, если б не твоя крошечная станция... Мы теперь в воздухе... Ну, господа не господа, но воюем что надо. Моё предложение

представить тебя к ордену Красного Знамени там, в НИИ-17, мягко говоря, не поддержали. Хотя ты не только разработчик РЛС, но и участник боевых действий. С зубовным скрежетом дали добро на орден Красной Звезды, и то только после моего доклада Булганину. Но мы-то с тобой и мои летуны, которым ты сохранил жизнь, знаем, чего стоит твоя награда. Давай, Алексей, ещё по одной. За тебя, за твою светлую голову, за твой железный характер, капитан!

ЗАВАЛЬНЕВ: Прямо уж — «железный»... Я лучше за вас выпью, товарищ генерал, за всех тех, кто мне в безнадежной ситуации помог!.. Если б на вашем месте был кто-то вроде Скибы или Галерина... За вас, товарищ генерал!

Оба стоя выпивают. Какое-то время молчат. Думают, вспоминают. Завальнев грустно улыбается.

ЛОБОВ: А у меня опять комиссия была. И представь себе, опять полковники из Генштаба. И один майор. Та ещё, по-моему, штучка.

ЗАВАЛЬНЕВ: Как его фамилия? Не Мерзликин ли?

ЛОБОВ: И ты его знаешь? Вот завтра с ними и полетишь в Москву. Домой.

Эпизод 50

Военный аэродром под Москвой. Из самолёта выходит группа генштабистов. Опережая полковников, к шикарной легкой машине спешит майор Мерзликин, чтобы открыть дверцу

руководителю комиссии. Но лейтенант у «Зиса-110» что-то говорит Мерзликину и направляет полковников к автобусу. А в легковую приглашает капитана Завальнева.

МЕРЗЛИКИН (Завальневу): Ну — не ожидал! Фантазмагория какая-то! Для вас — персонально? (Пожимает в изумлении плечами).

ЗАВАЛЬНЕВ: Вы своё наверстаете.

МЕРЗЛИКИН: Вы так думаете?

ЗАВАЛЬНЕВ: Мы хорошо друг друга изучили.

МЕРЗЛИКИН (смотрит на отъехавшую машину): М-да... Фамилия, выходит, не при чём... Не завалил Завальнев дело... Мистика!

Эпизод 51

Высотный дом на Котельнической набережной. В волнении спешит в свой новый дом капитан Завальнев. Звонок в дверь. Завальнев с букетом цветов и небольшим чемоданчиком. Дверь распахивается. На шею возмужавшего, окрепшего, похорошевшего бросается жена Лиза. В коридоре стоит дочь, не решаясь подойти к отцу. Из глубины квартиры доносится голос тёщи.

ТЁЩА: Елизавета, дочь моя, кто там? Скажи пионерам, что меня нет дома. Я занята.

Лиза смеётся и плачет.

ЛИЗА: Я знала, я верила! Лёша, родной мой, единственный! Как я тебя ждала! И вот ты — дома! Наконец-то ты дома!

Конец

Виталий МОЛЧАНОВ

ЧЁРНАЯ БЕРЁЗА

Виталий Митрофанович Молчанов родился в 1967 году в Баку. Окончил Московскую академию нефти и газа. Служил в армии. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дети Ра», «День и Ночь», альманахах «Лёд и пламень», «Паровозъ», «Гостинный Двор», «Баинья», «Чаши круговая», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др. Лауреат региональной литературной премии им. П. И. Рычкова (2014), премии им. С.Т.Аксакова (2014), премии «Оренбургская лира» (2014), Международного литературного конкурса им. А. И. Куприна (2016), Всероссийской премии им. Д.Н.Мамина-Сибиряка (2016), Волошинской премии (2016). Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор оренбургского областного Дома литераторов им. С.Т.Аксакова.

КРУПКА

Св. Константину Сухову

...А над Кинелем ночка крупку
несла в подоле,
Не удержала в дланях краешек
скользкий ситца.
Если молитва чья-то прервана
злою волей —
Целой и невредимой к Богу она
домчится.

Осень пошла на убыль — скорой
зиме на прибыль
Ровно покрыла тропки крупка в
конце недели.
— Батюшку отпустите! — Разве
они смогли бы,
Старенькие ладони тянущие к
шинелям...

Прямо из храма взяли, били
прикладом в спину,
По серебристой крупке —
волоком да на берег:
«Кокнем — царём поедешь —
выделим лошадину
Вместе с телегой старой и
не попросим денег».

СВЕТЬ

Епископу Сергию (Никольскому)

Вырываясь из недр, свет
лучился, борясь с темнотой.
Звёзды меркли пред ним... Диск
Луны покраснел золотой,
От обиды и боли дрожа в
бесконечных рыданиях.
Место утренней казни сияло
подземным огнём,
Будто воздух горел, освещая
степной окоём,
Возвещая о власти безбожной
ужасных деяньях...

...не разверзлась земля, возмущая
от гнева миры,
Лишь потухший маяк
встрепенулся на теле горы,
Слыша выстрелы вместе с
вороньим раскатистым: «Кара!»
Небо сонно ворочалось средь
пелены облаков,
Трупы долго грузили, сажали в
машины стрелков.
Спал Урал, и подёрнулась рябью
случайной Сакмара.

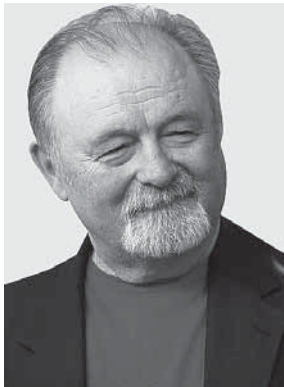
Не дождутся латунные гильзы
ребячьей руки —
Отпугнут капли крови... Пустых
папирос мундштуки

И окурки слюнявые, вбитые в
почву с притопом,
Лоскутки от одежд — всё зелёные
скроют холсты,
Пулей сбитую ветку и рваную
ткань бересты
Смоют струи дождя, низвергаясь
холодным потоком.

Нет епископа с братией, словно
бы не было их...
Ручейки пересохли, злой ветер
вдруг сдулся и стих.
С наступлением ночи исторгла
свет вешняя почва.
Это память проснулась и стала
вопить в небеса:
«Боже, очи отверзи, яви на земле
чудеса!..»
— Наш епископ убит, — сообщила
народная почта.

Свет проникнет в сердца,
выгоняя сомненья и страх.
«На тебя я надеюсь» — так
Сергию рёк Патриарх²,
Посох тяжкий вручая — нелёгкую
пастыря долю.
Кто посмеет стереть в книге
жизни добра письмена?
Лютой смертью погибших не
сгинут вовек имена,
Сутью мира оставишь — крутой
человеческой солью!

² Патриарх Тихон

Павел РЫКОВ

ГРОЗА

Поэма

Павел Георгиевич Рыков родился в Москве в 1945 году. Окончил Московский государственный институт культуры. С 1988-го по декабрь 2012 года руководил Государственной телерадиокомпанией «Оренбург». Поэт, прозаик, драматург. Член Союза писателей России. Лауреат многих международных и российских премий в области радио и телевидения, конкурса «Современная российская пьеса» в номинации «Драматургия добра» (2006), премии им. В. Правдухина альманаха «Гостинный двор» (2010), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2012), (2017), губернаторской премии «Оренбургская лира» (2016), Аксаковской губернаторской премии (2016).

Гроза за горой ворковала,
Но ветер был спор и горазд.
И туча явилась. И враз
Всё вздыбилось, заклокотало.
Небес легкокрылый шатёр
Был так невесом и прозрачен,
Но ветра порывом подхвачен —
Держи! А ухватливый вор,
Иную добычу почуяв,
По шиферу крыши затрепал.
Калиткой в саду застучал:
— Раздайся! И вихрем помчу я!
Помчал. И взвивается прах.
Кто ветру найдёт окорогы?!
Ударил с размаха в ворота,
Собирает добычу в ветвях
У яблонь. Ах, что за досада!
Так цвет набирала — и вот...
Бродяга безвестный идёт
Разбойным походом по саду.
Всё кончено! Груда ветвей,
Плоды, чуть успевшие взяться...
Всё валится, гнётся... Метаться
Что толку, когда лиходеи
Вершит на глазах злодеянье...

А тут из явившейся тьмы
Ударили капли. Слышны
Их первые звуки. Сиянье
Рвёт в ключья небесную тьму:
Налево, направо, налево...
О грохот небесного гнева!
За чьи за грехи? Не пойму!

II

Немногим даровано знанье.
Немногим понять суждено,
Зачем молодое вино
Нам жгучие дарит желанья.
Стаканов сдвигаемых звон.
И проникновенные речи...
И влажные губы твои,
И страсть, и надежда любви,
Объятья... И вот она, встреча,
И вместе рождаемый стон...
О чём я?! ...Гроза свирепеет,
Окно беспрестанно синееет,
И грохотом полнится дом.
Ты помнишь: лесная сторожка,
Гроза — водопад, громобой!
— Не бойся! Я рядом с тобой!
А после — средь сосен дорожка
И вера, что жизнь — впереди!
Немногим даровано знанье...
Где ты? Где моё целованье
Креста на девичьей груди?
Как молния жизнь просверкала.
И с грохотом, грома сильней,
Мы мчались, меняя коней...
И всё было мало да мало!..

III

Шквал стих. По крыльцу,
по фрамуге
Дождь лупит, как будто бы он

Для музыки только рождён,
И взялся наяривать фуги:
Дом звонок. Дождю повезло —
Он в клавиши пальцы вонзает.
Гром музыки дивной! Сияет
Над тьмою рояльной чело.
А молния вновь полыхнула,
Но гром от неё поотстал.
Он словно немного устал
От собственной мощи и гула.
И дождь... Он, похоже, смирился
И понял, что, сколько ни лей,
Земля его все же сильней:
Шумел, бушевал,... Испарился.
Иссякли ли хляби? Не знаю.
Но дождь за окном зашептал,
Задумался, вновь простучал,
Последние капли роняя.

IV

Теперь мы окно отворяем —
Там сад, и ограда, и дол,
Где только что ливень прошел,
Босыми ногами ступая.
И снова слышны соловьи,
Стрижи сорвались из-под крыши.
И небо становится выше —
Мир полон добра и любви!
А молния блещет далече,
Но грома не слышно вдали.
Возносится пар от земли.
И солнце садится. То — вечер.
Теперь повечеряем мы.
Прочтём пред застольем молитву.
Мы зрели небесную битву:
Сражение света и тьмы.
Кто выиграл? Где победитель
В бою, что над нами кипел?
Кто вражий напор одолел?

И как твоё имя, воитель?
Зачем мы взыскуем ответа?
И кто не даёт нам ответ?
Зачем сонмы звёзд и планет
И утлая наша планета?

V

Начнём же учиться смиренью.
Господь! Сохрани и спаси
Людей во грозу на Руси,
И наш палисадник с сиренью,
И старый отеческий дом
В час бури. Да будет хранимой
Всевышним улыбка любимой,
Что спит на плече на моём.

Александр ФИЛИППОВ

МЕЛГОРА

Записки тюремного врача

Александр Геннадьевич Филитов родился в 1954 году в Ворошиловграде (ныне Луганск, Украина). Окончил Оренбургский государственный медицинский институт, Академию государственной службы при Президенте РФ. Работал терапевтом, служил в армии, органах внутренних дел, консультантом в информационно-аналитическом отделе аппарата Законодательного собрания Оренбургской области, заместителем главного редактора газеты «Южный Урал». Майор внутренней службы запаса. Прозаик, печатался в журнале «Москва», альманахах «Каменный пояс», «Гостинный Двор», коллективных сборниках. Автор нескольких книг прозы, член Союза писателей России. Лауреат губернаторской премии «Оренбургская лира» (2004), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2007). Живёт в Оренбурге.

«Тюрьма есть ремесло океанное, и для скорбного дела сего зело потребны люди твёрдые, добрые и весёлые».

Пётр I

«Радуюсь, свирепствуя и мучась, хорошо живётся на Руси!»
Сергей Есенин

1

В начале восьмидесятых годов число заключённых на Мелгоре достигало полутора тысяч. Колония относилась к усиленному виду режима, где содержались осуждённые впервые за тяжкие преступления.

Жилая зона, в которой обитали заключённые, притулилась на склоне высившейся среди окрестных степных просторов горы.

Выбеленные двухэтажные домики общежитий, будто грибки, торчали из-за кирпичного, белённого всё тем же мелом, опутанного колючей проволокой и «егозой» забора.

Гора действительно сплошь состоит из мела и тянется километра на полтора, но один бок её уже выгрыз карьер. Месторождение, как уверяют знатоки, по качеству минерала отличное. Мел использовали не только для изготовления стройматериалов — белил, извести, но и добавляли в комбикорма, лекарства. Ковыряют его здесь с незапамятных времён, но конца и края полезному ископаемому пока не видно.

Ниже колонии, у подножья горы обосновался безымянный посёлок. Тут поселился обслуживающий зону люд: колонийские и конвойные офицеры с семьями, вольнонаёмные сотрудники, освободившиеся зеки, «химики» и прочий повязанный неволей народ. Двухэтажные щитовые дома с облупившейся штукатуркой на стенах составляют единственную улицу.

Посёлок довольно густо для степного безлесья усажен деревьями. Кое-где даже тянется высоко к чистым, особенно высоким здесь небесам голубая ель. Рассказывают, что много лет назад в зоне тянул срок какой-то лесовод. Он-то и сумел озеленить выжженную летом и промороженную зимой почву.

От зоны посёлок отделяет овраг, через который переброшен деревянный, довольно шаткий дощатый мосток. Пологие склоны оврага вечно завалены мусором, навозом. Почти все «вольные» жители держат скотину. Нижние ветки деревьев обглоданы

козами, которые бродят по посёлку, забираются в подъезды домов и грохочут копытцами по ступенькам, рассыпая у порогов квартир «горошек». По улицам бродят куры, утки, гуси. Вся эта живность летает, гогочет, сея в округе пух и перья.

Главная и единственная улица посёлка заасфальтирована и даже освещена горящими через один «городскими» фонарями. Летними вечерами здесь до утра прогуливается молодёжь, шныряют солдаты конвойного батальона, неторопливо проплывают местные красавицы в домашних халатах и шлёпанцах.

Народ в посёлке как на подбор сложный. Наверное, многолетняя привычка командовать солдатами и помыкать зеками наложила отпечаток на здешних обитателей. И выработанная на службе манера поведения распространилась на окружающих. Например, поначалу нас с женой не столько обижало, сколько удивляло то, что местный житель, вызвавший ночью кого-то из нас, врачей, к заболевшему ребёнку, мог на следующий день пройти мимо, не поздоровавшись. Притом что мы, тюремные медики, гражданское население лечить были вовсе не обязаны. Для этого в посёлке работал медпункт с фельдшером из «вольняшек». Но таковой, увы, была своеобразная «ментальность» жителей Мелгоры.

Всё жизнеобеспечение посёлка шло от колонии. «Зона» давала свет, воду, тепло в дома,

кормила жителей, возила детей в школу, чистила зимой дороги, чтобы снежные бураны не отрезали напрочь от остального мира.

Обслуживали жилищно-коммунальное хозяйство Мелгоры в основном зеки-бесконвойники, так что обычных для «вольных» городов и посёлков проблем с пьяными сантехниками, вымогающими у жильцов деньги или магарыч, здесь не было. Хотя зека, сделавшего какой-то мелкий ремонт в квартире сотрудника, вроде починки электророзетки либо замены водопроводного крана, всё-таки полагалось чем-нибудь угостить — пачкой чая, сигарет, или просто налить тарелку наваристых домашних щей.

Из общественных заведений в посёлке функционировали баня, две гостиницы (покомфортнее — для прикомандированного персонала, поплотнее — для приезжающих на свидание родственников заключённых), сельповский и военторговский магазины с крайне скудным по тем временам ассортиментом, начальная школа и детский сад.

Несколько особняком на окраине стояла казарма, где размещался конвойный батальон внутренних войск.

К сожалению, мне так и не удалось узнать достоверную историю Мелгоры. Дело в том, что пенитенциарные заведения СССР считались секретными объектами. Слово «колония», а тем более, вид режима содержания, количество заключённых

упоминались только в документах «для служебного пользования». Официально зона именовалась «учреждением» с добавлением шифра. Например, Мелгора значилась как «Учреждение Ю/К-25/9». Содержащиеся в ней зеки стыдливо именовались «спецконтингентом», количество их тоже относилось к секретным сведениям.

До революции в окрестностях Мелгоры кочевали казахи, которых называли тогда киргизами. Они добывали мел и на телегах, запряжённых верблюдами, возили продавать в Оренбург. Моя бабушка ещё помнила, как они ездили по улицам города, крича призывно в поисках потенциального покупателя: «Белый глин, белый глин!»

Когда после стольпинского переселения крестьян из бедных областей Молдавии, Украины, русских и немцев из центральных губерний те основали вокруг Мелгоры деревни и сёла, казахи ушли. Старожилы поговаривали, что перед уходом обиженные казахи мстительно забили родники у подножья меловой горы свёрнутыми в трубу кошками, и с тех пор здешние места стали довольно безводными. Тем не менее в те годы земля не была ещё так истощена, вытоптана овцами, и урожай пшеницы случались отменные. Занимались огородничеством, выращивали арбузы, дыни.

Однако в 80-х годах XX века сельское хозяйство района уже

влачило жалкое существование. Редкие и низкорослые, будто пороссячьа щетинка, хлебные колосья на здешних нивах безжалостно прижаривал суховей, а в глинистую, каменной плотности землю при поливе уходило, как в прорву, без заметной пользы для овощей, огромное количество воды, которой катастрофически не хватало.

Но всё же был, был в истории Мелгоры свой, поистине звёздный час!

В середине тридцатых годов случилось так, что именно отсюда, с единственной точки на земном шаре, можно было наблюдать полное солнечное затмение.

На Мелгору прибыла экспедиция, в которую входили знаменитые учёные всего мира...

Впрочем, на горе это событие никак не отразилось. После недолгого затмения светило вновь засияло. Всё так же свистел ветер, гнал по степному бездорожью серые, похожие на бегущую волчью стаю кустики перекапти-поля, а высокие белесоватые от солнца небеса взирали равнодушно на изрезанную красными ранами оврагов степь...

Первых зеков сюда привезли сразу после Великой Отечественной войны. Были это осуждённые к двадцати пяти годам лишения свободы пожилые равнодушные мужики, уньло досиживающие срок. Опасности для окружающих они, видимо, не представляли. Охранял их, как вспоминали старожилы, единственный

прихрамывающий после ранения старшина-конвоир. Зеки работали на карьере, добывали мел кайлом и ломами, а старшина, повесив на вбитый в стену гвоздик свой ППШ, пил чай в деревянной будке неподалёку.

Недолго поковыряв мел, зеки попали под большую амнистию и частью разъехались, частью осели в близлежащих селениях, пригретые послевоенными вдовами.

Колония и посёлок в нынешнем виде появились в конце пятидесятых годов.

Помимо добычи мела, осуждённые изготавливали кирпич, для чего построили завод, обнесённый, как и зона, высоким забором с вышками для часовых и рядами колючей проволоки. Правда, завод, приближённый к глиняному карьеру, оказался в двенадцати километрах от жилой зоны, и на работу заключённых возили в крытых фурах, в металлических будках с деревянными скамьями, переделанных из скотовозов. Там же, у заднего борта грузовика, отделённые от запёртых зеков решёткой, размещались солдаты конвоя.

Водителям таких фур платили мало, и потому управляли машинами бывшие зеки — «химики». Шофёры они, как известно, аховые. Несколько раз на моей памяти фуры переворачивались на трассе, но всё обходилось. Ошарашенные конвоиры снимали с решёток висячие замки, выпускали помятых зеков и вели

пешком, проклиная севшего за руль с похмелья «химика».

На заводе заключённые формовали кирпич, там же дробили мел, обжигали известь, фасовали в бумажные мешки и грузили в вагоны. Кроме того, плели металлическую сетку, а в столярном цехе делали оконные рамы, двери и прочие необходимые посылку вещи.

Качество подневольного труда было низкое. Рассказывали, что во время одного из заседаний райкома партии, на которые, как коммуниста, приглашали и начальника колонии, первый секретарь райкома прилюдно посоветовал ему обменяться технологиями с директором местного хлебозавода.

— Кирпич в руках рассыпается, а пряники прямо каменные, не угрызёшь... — съехидничал партийный жокал.

И всё-таки главным в продукции зоновского производства оставался мел. Когда-то его добывали вручную. На карьере вольнонаёмные мастера выдавали зекам кирпич, ломы, носилки, отмечали участок работы «отсюда и до обеда», после чего заключённые выламывали из склона горы меловые глыбы — «ком», грузили на автомашины и отправляли в дробилку.

Но в последние годы производство механизировали, и на карьере трудилось только несколько бесконвойников: экскаваторщики, бульдозеристы, водители самосвалов. Время от

времени приезжали взрывники, закладывали в шурфы динамит. Мелгора, а вместе с ней и жилищная зона, и колониальный посёлок подпрыгивали от взрыва, дребезжа стёклами окон, а над карьером поднималось белое облако меловой пыли.

2

Из всех оренбургских колоний в те годы Мелгора считалась каторжной зоной. Работа на кирпичном заводе была тяжёлой. Рабочий день вместе с просчётами заключённых, их погрузкой в фуры, дорогой, при вечной нерасторопности конвоя длился около двенадцати часов. Первая смена выезжала на объект в половине восьмого утра, возвращалась иной раз в девять — десять вечера. И всё это время зимой — на морозе, под пронизывающим до костей при худой одежке ветром, летом — под палящим зноем.

Несмотря на явное нарушение исправительно-трудового законодательства, устанавливавшего для осуждённых восьмичасовой рабочий день при шестидневной трудовой неделе, зеки почти не роптали. Видимо, потому, что работа позволяла убить время, создавала иллюзию свободы, а все эти переезды, просчёты и построения вносили хоть какое-то разнообразие в неторопливое и угрюмое тюремное бытие.

На производственном объекте, хотя и за колючей проволокой,

с автоматчиками на вышках, режим и надзор были несравненно мягче, чем в жилой зоне. На работе можно устроить перекур, сачкануть, перетереть с кентами лагерные новости. Здесь легче было получить «дачку» — нелегальную посылку. По воскресеньям завод пустовал, охрана снималась, и любой мог зайти на территорию производственного объекта, спрятать в заранее условленном укромном месте свёрток с продуктами, чаем, сигаретами, вышивкой.

Всё доставленное нелегальным путём оприходовалось здесь же, на месте, и редко проносилось в жилую зону. Ибо по возвращению с производственного объекта зеков ожидал придиричивый обыск — «шмон». На заводе же мастера-вольняшки редко обнюхивали зеков на предмет употребления алкоголя. Дежурный наряд прапорщиков-контролёров, в свою очередь, просто не в силах был уследить за всеми заключёнными, норотившими «затариться» по многочисленным складам, инструменталкам, каптёркам и прочим наскоро сколоченным «бендюжкам», позволявшим лагернику скрыться от начальственного пригляда и обеспечивающим самое редкое в тюремном быту — хоть какое-то, пусть кратковременное, уединение.

Но самым главным было, наверное, то, что на работе зек хоть на время превращался в обычного человека. Осуждённые-специалисты — механики, электрики,

слесари, шофёры — занимались своим профессиональным делом. С ними на равных советовались офицеры-производственники, здоровались за руку вольнонаёмные мастера.

За выполнение нормы выработки прощались прежние грехи, предоставлялись внеочередные свидания с родственниками, право на получение дополнительной посылки из дома. Хорошо работающий заключённый по старой, заведённой ещё в сталинских лагерях традиции, освождался досрочно.

Тем не менее едва ли не половина осуждённых, в основном молодёжь, работала из-под палки. Причём нередко в буквальном смысле.

Есть такой зоновский анекдот. При распределении вновь прибывшего этапа начальник колонии спрашивает новичка:

— Какая профессия?

— Бригадир.

— А на нашем производстве работать сможешь?

— Да куда они, падлы, денутся...

Зачастую производственный план вышибался кулаками дюжих осуждённых-бригадиров. При этом зоновский бригадир был действительно профессионалом в своём деле. Он, как правило, вовсе не разбирался в тонкостях производственного процесса — формовке, обжиге кирпича или плетении металлической сетки. Зато умел заставить работать других, обломать непокорного,

походатайствовать перед начальством о поощрении мужика-«пахаря», прикрыть бездельничающего «блатного», приписать лишний процент выполнения нормы выработки всей бригаде, рассудить вспыхнувший между работягами конфликт и ещё массу полезных, важных для жизни в неволе дел.

Администрация на словах не поощряла кулачных методов стимулирования труда, иной раз отдавала бригадиров под суд — за сломанные челюсти, рёбра, но... все прекрасно понимали, что выполнить план только методом воспитания и убеждения, как предписывалось законом, практически невозможно.

Всяческие педагогические прикрасы по перевоспитанию осуждённых существовали только на страницах специального журнала для сотрудников с патетическим названием «К новой жизни».

В реальной жизни об успехах в перевоспитании и исправлении того или иного зека судили по тому, не уклоняется ли он от «общественно полезного труда», выполняет ли он норму выработки, не попадался ли на злостных нарушениях режима.

Впрочем, последние часто прощались передовикам производства, и водворённый за какую-то провинность в штрафной изолятор зек — ценный специалист, нередко освобождался оттуда досрочно волевым решением начальника колонии после

бурных, до мата, споров двух его заместителей — по режимно-оперативной работе и директора производства.

Секрет выполнения производственного плана «буграми» — бригадами — заключался ещё и в том, что в своих взаимоотношениях с подопечными они руководствовались зонавскими понятиями. И если зеку — «мужику» по колонийской жизни надлежало «пырять», он оставался «чёрным пахарем» до конца срока.

В ту пору существовало несколько видов режима отбывания наказания для заключённых.

На «общем» содержались осуждённые впервые за нетяжкие преступления.

«Усиленный» полагался тем, кто впервые совершил тяжкое преступление.

Осуждённые неоднократно направлялись на «строгий» режим. Те из них, кого суд в итоге признавал особо опасным рецидивистом, отбывали срок на «особом» режиме. Был ещё «тюремный», куда шли либо злостные нарушители режима содержания в местах лишения свободы, либо приговорённые к высшей мере — расстрелу и помилованные в последний момент.

Режим, по сути, означал ограничения, которые накладывались на зека в период отбывания наказания, а также условия содержания. Например, если обычно зеки жили в общежитиях, и в часы досуга могли гулять

по территории своего локального сектора, то на «особом» двери общежитий запирались. На «тюремном» режиме заключённые и вовсе круглые сутки находились в камерах с правом на ежедневную прогулку в течение часа в специальном тюремном дворике.

К слову, в популярном фильме «Джентльмены удачи» есть несоответствие, непонятное простому зрителю, которое сразу же отметили зеки. Простодушный Василий Алибабаевич, получивший год за разбавление бензина ослиной мочой, никак не мог оказаться в одной колонии с особо опасными рецидивистами, которых после трудового дня запирали в камере, да ещё и занимать там койку на лучшем месте — у окна. Впрочем, в искусстве, тем более комедии, такие ляпы простительны...

Чем строже режим, тем реже осуждённым предоставлялось право на получение передачи или посылки из дому, сокращалось количество длительных или краткосрочных свиданий. Когда-то к видам режима старались подгадать и работы для спецконтингента — чем жёстче режим, тем тяжелее. В «сталинские» времена существовали даже особые, каторжные лагеря, с тяжёлым физическим трудом, удлинённым рабочим днём и повышенной нормой выработки — как правило, на лесоповале, в шахте, руднике, золотом забое.

На излёте советской власти, в 80-е годы зеки, за исключением

шестидневки, работали, как и вольные, согласно КЗОТу. Вид работ зависел не от режима, а в основном от того, какое производство удалось организовать для осуждённых администрации «учреждения». На «строгом» режиме зеки могли, сидя в тепле и уюте, шить тапочки, а на «общем» вручную копать траншеи и котлованы на стройке.

Для осуждённых-несовершеннолетних, «малолеток», существовало два вида режима — общий и усиленный. Был ещё «спецусиленный», для малолетних убийц, но, кажется, не предусмотренный исправительно-трудовым кодексом, а придуманный высоким тюремным начальством, чтобы хоть как-то разобщить социально-опасных юных психопатов и мелких воришек.

Женские колонии тоже подразделялись на два вида режима — общий и строгий. Последний — для неоднократно судимых.

Усиленный режим отличался сложным составом заключённых. Приходили сюда зеки, осуждённые за тяжкие преступления: убийства, изнасилования, грабежи, разбои. Никто из них раньше не сидел. Наблаготворившись на воле, наслушавшись рассказов судимых корешей, каждый из которых непременно врал, живописуя свою тюремную жизнь как «правильную», по «понятиям», попавшая за решётку молодёжь пыталась качать права, стремясь занять в зонавской иерархии высшую ступень.

Как плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, так и зек, если он не «опустился» ещё в следственном изоляторе, «поднявшись» на зону, мнит себя не иначе, как будущим «вором в законе». Но процент последних ничтожно мал. Зона в конце концов ломает всех.

Чтобы стать настоящим «авторитетом», зек должен отсидеть не один десяток лет. При этом ни дня не работать, не пользоваться никакими льготами в виде условно-досрочного освобождения, помилования, отбывая срок «от звонка до звонка». Стойко вынести репрессии со стороны администрации, хрипеть, не сдаваясь, под дубинками надзирателей или конвоя, иметь за спиной месяцы протестных голодовок и годы, проведённые в камерах ШИЗО — штрафного изолятора и ПКТ — «помещений камерного типа», на зонавском жаргоне — «бура».

Чтобы пройти через всё это и не «зачуханиться», не сломаться, помимо железной воли, крепкого здоровья, кулаков, сметливого, изворотливого ума, требуется ещё и мощная поддержка с воли.

Ибо альтруистов в зоне нет, и никто просто так, от доброго сердца, не будет снабжать неработающего, рвущегося в авторитеты, сигаретами, чаем, харчами, которые можно купить в зонавском «ларьке» только на заработанные деньги. Нужен ещё и «подогрев» с воли, чтобы тебе передавали нелегальным путём деньги, водку, наркотики, слали

щедрое посылки. Делясь этим с кентами, ты подчеркнёшь свою значимость, заслужишь уважение, независимость. А голь перекатная, мелкая шпана с амбициями, шакалящая по мелочи у окружающей братвы то окурков, то «замутку» чая, за решёткой никому не нужна.

На строгом или особом режиме, где отбывают наказание неоднократно судимые, нет такого бурлящего котла самоутверждений. Каждый уже чётко знает своё место в зонавской иерархии — «масть» — и не претендует на большее, следя только за тем, чтобы не скатиться ниже в колонийской «табели о рангах».

Место в ней каждый заключённый получает в результате своеобразного естественного отбора ещё при первой отсидке. И звание «пацана», «мужика», «козла», «чёрта» или «петуха» приклеивается к нему на всю оставшуюся тюремную жизнь.

Неоднократно судимые давным-давно поняли всю эфемерность «воровской романтики» и просто тянут свои «срока». Каждый — сам за себя. Человек человеку — волк...

3

Жизнь заключённого в колонии начинается с этапа. До этого он уже успевает насидеться в следственном изоляторе. Там, пока суд да дело, бывает, проходят годы. Но в среднем следствие и суд занимали

шесть-восемь месяцев, и после вступления приговора в законную силу осуждённого отправляли в места лишения свободы.

Этап в колонию, как правило, комплектовали из двух-трёх десятков человек, иногда — значительно больше. За ними на «воронках» — автозаках приезжал конвой — солдаты внутренних войск. Посчитав по головам, сличив физиономии зеков с фотографиями на личных делах, начальник конвоя давал команду на погрузку.

Заключённые с вещмешками — «сидорами» в обнимку суетливо, под истошный лай караульных псов ныряли в тёмное нутро машины, где их рассаживали в специальные клетки — «боксы». При этом несовершеннолетние, женщины помещались отдельно.

Была ещё одна категория осуждённых — «активисты», «красные», которых тоже содержали раздельно с основной массой заключённых. На личных делах активистов в спецчасти следственного изолятора делалась пометка красным карандашом: «этапировать отдельно». В случае нарушения этого правила, конвоиры рисковали доставить к месту назначения труп. Во время этапа зеки мстили «активу», зная, что в колонии пугливые «краснопёрые» воспрянут. Превратятся в бригадиров, завхозов, дневальных, нарядчиков и начнут, в свою очередь, щемить зоновскую братву.

На вокзале заключённых грузили в вагонзак, прозванные «стольпинскими», и везли от станции к станции, где своих подопечных уже ждал конвой солдат-«чекистов» из близлежащих колоний.

Во время этапа «чекисты» не церемонились. В вагонзаках конвой нередко бывал поголовно пьян и отрывался на зеках по малейшему поводу.

Встречали прибывших тоже неласково — пинками, затрещинами загоняли в опутанный колочей проволокой предзонник, затем вели на вахту. Здесь подвергали тщательному шмону, передевали в одежду установленного образца — чёрные молескиновые куртки, брюки, зимой к ним добавляли бушлаты, суконовые, на «рыбьем меху» шапки и отправляли на карантин, в «эташку».

На Мелгоре в «этапке» командовал здоровенный зек-«активист» с пудовыми кулаками по фамилии Лебедев. О прибытии «авторитетных» заключённых администрацию и зону предупреждали заранее — естественно, по разным каналам. Но в годы, о которых я рассказываю, новичков, претендующих на лидерство, брали в оборот сразу и прятали в штрафной изолятор, чтоб не мутили воду. В «этапке» оставалась основная масса «нормального» спецконтингента.

Чтобы с ходу развеять иллюзии вновь прибывших в отношении их будущей карьеры в

зонах иерархии, Лебедев ещё в карантине гонял их на самые позорные работы, недопустимые для авторитетного зека, — уборку территории, помойки, «запретки». Если кто-то из новичков заявлял, что такая работа ему «в падло», «по понятиям не канает», Лебедев быстро ставил на место строптивного с помощью кулаков.

— Ну, давай по-честному, по справедливости, один на один! Если ты меня «сделаешь», я пойду вместо тебя мусор грузить, — прикалывался «активист». — А если я тебя урою — пойдёшь в «петушатник», будешь спать у параша до конца срока!

Расставшись с мечтами о воровской карьере, новичок угрюмо брёл с лопатой на помойку и на всю тюремную жизнь становился зонавским «пахарем» — «мужиком».

Впрочем, Лебедев был не настолько твердолоб, чтобы очень уж ломать непокорных. Если после пары оплеух новичок твёрдо стоял на своём, активист отступал, писал докладную об отказе от работы без уважительной причины, и строптивного наказывали уже официально, водворением в ШИЗО.

Должность завхоза карантинного помещения, которую занимал осуждённый Лебедев, считалась одной из самых «козлячьих», а потому и опасных. В любое время можно было нарваться на совсем уж «отмороженного» новичка или психопата и получить удар

заточкой под рёбра. Но Лебедева эта участь миновала. Зарезали его уже после освобождения, на воле, какие-то малолетки, от которых он, не принимая всерьёз, отмахнулся высокомерно в ходе вспыхнувшего конфликта возле пивной...

За время пребывания в карантине администрация знакомилась с личными делами осуждённых, ставя на особый учёт склонных к побегу, больных, инвалидов. А примерно через неделю собиралась комиссия по распределению этапа.

Заседала она в жилой зоне, в специальной комнате, где стоял длинный стол, заляпанный с незапамятных времён чернилами — для представителей администрации. Напротив — ряды длинных скамеек для осуждённых.

Возглавлял комиссию начальник колонии. Здесь же присутствовали его заместитель по режиму и оперработе, замполит — так именовался замначальника ИТК по политико-воспитательной работе, директор производства, начальники режимной, оперативной, медицинской частей, начальники отрядов.

Распределяли этап примерно так: восседавший во главе стола грузный седой подполковник Владимир Андреевич Медведь — «хозяин» зоны — брал из стопки лежащих перед ним личных дел в картонных папках верхнее, открывал, читал про себя, недовольно хмурясь, а потом объявлял громко:

— Осуждённый... Жит... пис... баев! Правильно я назвал? Кто?!

Житписбаевым оказывается длинный, худой и унылый казах. Он поднимается, глядя под ноги и теребя в руках зоновскую кешку — «шидорку».

— Так... Ну, давай почитаем всем, что ты натворил... — Медведь читает подшитую к личному делу копию приговора: — Работая водителем в совхозе... Во время перевозки зерна с тока... будучи в нетрезвом состоянии... посадил в кабину доярку Гульнару... Ага! Остановился в кукурузном поле, где совершил с ней насильственный половой акт. Было такое, Житписбаев?

Зек шмыгает носом и виновато кивает.

— Уговорить не мог... — тихо хихикает кто-то из отрядников.

— Но, — продолжает Медведь, — это ещё не всё! Затем, на окраине села... — это что ж, она с тобой, дура, дальше поехала? На окраине села... предложил потерпевшей вновь совершить половой акт в извращённой форме. От чего она, естественно, отказалась! — с удовлетворением заключает начальник колонии и закрывает личное дело.

— Приговорён к семи годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии усиленного режима, — объявляет Медведь. — Но! — обращает он взор на осуждённого, — при условии хорошего поведения и добросовестной работы через пять лет мы можем направить вас, Житписбаев,

на стройки народного хозяйства или в колонию-поселение. Ясно?

Зек опять обречённо склоняет голову.

— По профессии шофёр? — подключается к разговору директор производства подполковник Зубов.

Осуждённый — сама скромность и раскаяние — снова кивает.

— И права есть? Дома? Пусть пришлют. Автомобиль мы сейчас тебе не доверим. Будешь пока водить тачку на кирпичном заводе. А там посмотрим. Как он себя ведёт? — обращается Медведь к «активисту» Лебедеву.

— Нормально, гражданин начальник, — вскакивая с лавки, докладывает тот. — От работы не отказывается, в блатные не лезет.

— Как, Житписбаев, работать будешь? Искупать, так сказать, добросовестным трудом вину перед обществом и Гульнарой? — допытывается начальник колонии у заключённого.

— Буду, — обещает Житписбаев. — Мой фотка в совхозе на Доске почёта висел...

— Прекрасный парень! — заключает Медведь. — Побольше бы нам таких. А то присылают ништяков беспонтовых — ни украсть, ни покараулить... К тебе, Борисенко, в шестой отряд.

Начальник отряда капитан Борисенко с видимым удовольствием записывает фамилию новичка в блокнот. «Мужики-пахари» любому отрядному ох как нужны!

— Следующий... Иванов!
 — начальник колонии берёт очередную папку, читает: — Младший сержант Иванов... самовольно оставил расположение войсковой части... четыре года лишения свободы.

Иванов, остроносый белобрысый паренёк, встаёт.

— Из армии убежал? — спрашивает подполковник.

— Убежал, — соглашается Иванов.

— У нас за побег — пуля!

Иванов понимающе кивает.

Слово берёт начальник оперчасти, на зонавском жаргоне «кумотдела», — капитан Александров:

— Владимир Андреевич, Иванов по личному делу проходит как склонный к побегу.

Медведь задумчиво смотрит на жирную полосу, проведённую красным карандашом по диагонали обложки личного дела — так ещё в спецчасти СИЗО помечают потенциальных «побегушников».

— Ничего, — машет рукой начальник колонии, — куда он от нас побежит? Обрато в армию? Давайте его в третий отряд. В ночную смену на работу не занаряжать пока. А то ещё, правда, полезет на забор сдуру. Профессии у тебя, сынок, конечно, нет?

— ПТУ перед армией закончил. На автослесаря.

— Ну какой ты автослесарь! Будешь пока сетку плести, а там посмотрим...

Не обходится без курьёза. Среди вновь прибывших оказывается ещё один военный — старший лейтенант. Срок — три года лишения свободы за хищение боеприпасов — гранат, толовых шашек. Старший лейтенант за магарыч продал их мужикам-колхозникам. Те глушили рыбу, с чем и попались, заложили на следствии своего поставщика...

Тут к работе комиссии активно подключается начальник режимной части майор Прокофьев. Ему уже за пятьдесят, на Мелгору переведён недавно из областного центра — проштрафился. Каким образом — ясно: бордово-фиолетовый «спецзагар» на лице выдаёт пристрастие майора к алкоголю. Он уже дважды подехидными взглядами отрядных приложился к стоящему на столе графину с водой — сушит после вчерашнего.

— Вы коммунист?! — грозно вопрошает у зека майор.

— Так точно! Бывший! — рапортует старлей.

— Коммунист при всех обстоятельствах должен оставаться коммунистом! — напирает Прокофьев. — Я предлагаю вам ответственный участок работы — в столовой. На должности хлебореза. Не воровать, блатных не подкармливать. Считайте это партийным поручением!

— Слушаюсь! — радостно вытягивается по стойке смирно бывший старший лейтенант.

Ещё бы! Столовая — это вам не кирпичный завод, хлеборезка — не тачка с глиной...

Начальник «кумотдела» скептически улыбается. И воровать будет, и порционным маслом «авторитетов» подкармливать... Это — реалии зоновской жизни. От них никуда не денешься.

Распределение этапа закончено, но на столе ещё два личных дела.

— Каракашвили... Саркисян... — читает Медведь.

— В ШИЗО, — сообщает зам по режимно-оперативной работе. — Каракашвили отказался от чистки картофеля, а Саркисян требует отправить его отбывать наказание по месту жительства — в Армению.

— Пусть считает нашу Мелгору Араратом! — хмыкает Медведь. — Мамбетов! Возьмёшь обоих к себе!

Начальник пятого отряда капитан Мамбетов возмущённо вскакивает:

— Товарищ подполковник! У меня этих «зверей» уже пол-отряда! Всю шваль ко мне, а кто план выполнять будет?

— Ничего. Перевоспитаешь...

Мамбетов обречённо садится.

У него один из самых сложных отрядов, но Колька Мамбетов справляется. С нарушителями дисциплины, отказчиками от работы разбирается лично. Для этого в кабинете у него хранятся кожаные перчатки.

— Смотри, займётся тобой прокурор, — не раз предупреждал

Кольку Медведь, сам, впрочем, начинавший свою тюремную карьеру с младших лейтенантов-отрядных, и хорошо знающий «специфику» воспитательного процесса в зоне. Тем более что официальных жалоб на Мамбетова на рукоприкладство от заключённых не поступало.

Несмотря на своеобразные методы воспитательного воздействия, в отряд к Мамбетову идут охотно. «Мужиков»-работяг в обиду он не даёт. У него легче всего попасть на досрочное освобождение, на «химию» или в колонию-поселение. Мамбетов вовремя подготовит документы в суд, поможет написать слезливую «помиловку». А насчёт рукоприкладства... Помню, привёл он как-то на освидетельствование в медчасть пьяненького зека из своего отряда. Медики подтвердили — действительно пьян. Видать, разжились где-то в отряде полученной по нелегальным каналам выпивкой.

— Николай Дулумбетович! — взмолился зек. — Не вешайте взыскание! У меня через месяц «УДО» подходит. Лучше морду набейте!

— Ладно! — согласился отрядный.

И взяв за шкуру раскаявшегося зека, поволок в отряд — на разборки.

На все виды досрочного освобождения из колонии требовалось решение суда. Если в личном деле осуждённого оказывалось подшито постановление

о наложении взыскания за нарушение режима — суд отказывал в досрочном освобождении. Так что, если и впрямь виноват, лучше получить неофициально по морде, чем «париться» в зоне лишние месяцы, а то и годы.

Кому-то покажутся дикими и возмутительными подобные методы «перевоспитания», но колонийская жизнь — особая. Добро и зло в ней часто меняются местами, превращаясь в свою противоположность.

4

Начальник отряда в колонии — должность самая не престижная. Понимая это, эмвэдэшное руководство повысило «отрядным» денежное содержание, потолок звания до майора — но всё попусту.

Начальник отряда отвечает практически за весь жизненный уклад заключённых — режим, выполнение производственного плана, санитарное состояние жилых помещений, наличие у подопечных обмундирования по сезону, постельных принадлежностей. Он должен вести, по крайней мере, на бумаге, постоянную индивидуально-воспитательную работу, организовывать художественную самодеятельность, следить за тем, чтобы осуждённые, не имеющие среднего образования, посещали колонийскую школу-десятилетку, да ещё и успевали по всем предметам, проводить политзанятия,

переписываться и встречаться с родственниками заключённых, обеспечивать зеков работой для погашения судебных исков и выплаты алиментов, оформлять документы на досрочное освобождение, а иногда — женить или хоронить...

С учётом того, что в среднем отряд насчитывал около ста двадцати заключённых, перспектив успеть переделать все вышеперечисленные дела и ещё десятки других у «отрядника» практически не было.

В годы, о которых я здесь рассказываю, осуждённые на Мелгоре делились на десять отрядов. Один состоял из стариков-инвалидов (надо заметить, что лица пенсионного возраста в местах лишения обязаны были трудиться с учётом состояния здоровья и остаточной трудоспособности) и «хозобслуги» — зеков, обеспечивающих функционирование жилзоны — поваров, банщиков, кочегаров. Ещё один отряд — «бесконвойников», работавших без охраны вне зоны. В их число отбирались, как правило, наиболее надёжные заключённые, досиживающие свои сроки, не нарушающие дисциплину, специалисты — шофёры, трактористы, электрики, сантехники. Бывшие колхозники, знакомые с крестьянским трудом, охотно использовались администрацией на работах в подсобном хозяйстве — «подхозе». Здесь в обилии водилась живность, обеспечивавшая добавку к скудному тюремному

пайку — свиньи, коровы, лошади, птица. Сажали большой огород — картошку, лук, морковь, свёклу, капусту.

В начале восьмидесятых годов чья-то светлая голова из тюремного ведомства объявила мелгоровскую колонию специализированной по лечению туберкулёза. И потому сюда согнали «тубиков», осуждённых на усиленный режим, со всей области. С учётом каторжных условий труда на кирпичном заводе, степного климата с пронизывающими ветрами и свирепыми морозами зимой, заболевших туберкулёзом лёгких на самой Мелгоре тоже хватало. Например, на первом же профосмотре после моего прибытия в зону в качестве врача, было вновь выявлено около семидесяти человек, больных активным туберкулёзом! Забегая вперёд, замечу, что через четыре года количество впервые заболевших туберкулёзом в колонии снизилось до нуля...

Но в начале восьмидесятых в зоне содержалось около трёхсот человек, больных туберкулёзом. Из них около ста пятидесяти — в активной фазе, с распадом, кровохарканьем, бацилловыделением. Они лежали в стационаре, куда никто, кроме медработников, старался не входить. И хотя прапорщики-контролёры за риск заражения получали пятнадцатипроцентную надбавку к окладу, туботделение они посещали редко. И потому не только лечение, но и режим содержания полутора

сотен оторвяг-уголовников обеспечивали в основном врачи и медсёстры. С помощью «активистов» — дневальных с крепкими кулаками.

Вторая половина туберкулёзников — в «неактивной» фазе заболевания, но имевшие ограничения в трудоустройстве, работали в швейном цехе. Шили рукавицы, женские халаты, спецодежду, в том числе и армейского образца.

Остальные отряды — «здоровые», трудились на кирпичном заводе и в так называемом «Цехе-580», где выпускали какие-то детали к танковым гусеницам для оборонной промышленности.

В жилой зоне заключённые размещались в двух- и трёхэтажных общежитиях, представлявших собою большие спальные комнаты с полусотней двухъярусных железных кроватей. На каждую кровать полагалась деревянная, крашенная коричневой половой краской тумбочка для личных вещей — мыла, зубного порошка или пасты, письменных принадлежностей. При этом на тумбочке и кровати вешивалась бирка с фамилией владельца. Делалось так потому, что спальное место, на котором зек проводил порой долгие годы, являлось особенно важным показателем его положения в отряде и в зоне.

В соответствии с правилами внутреннего распорядка, только начальник отряда имел право указать ту или иную койку,

ярус, где зек обязан был спать. Однако на практике занимались этим завхозы, которые быстренько размежёвывали всех обитателей по мастям, приятельским отношениям и земляческим симпатиям. Но при любом раскладе ближе к выходу всегда селили «опущенных», «чертей», а солидные, уважаемые зеки устраивались в дальнем конце помещения, у окошка, и непременно на первом ярусе койки.

В отсутствии заключённых постели должны были тщательно заправляться. В это время дневальным надлежало мыть полы, протирать пыль. У завхозов это называлось: «отпидорасить помещение так, чтоб сверкало, как у кота яйца». Но фактически уборкой всегда занимались либо «опущенные», либо временно освобождённые от работы на производственном объекте по болезни вечные пахари — «мужики».

Кроме спального помещения, в каждом отряде были умывальные комнаты, туалеты, сушилки для одежды, бытовки и каптёрки. В последних на вислочечных, под потолок, стеллажах, хранились «сидоры» — вещмешки или самодельные холщёвые сумки с личными вещами осуждённых — запасной одеждой тюремного образца, продуктами питания длительного хранения, обувью и т.п. Каждый «сидор» снабжался биркой с указанием фамилии владельца, номера отряда и бригады.

За сохранность вещей отвечал завхоз, но краж практически не случалось. «Крысятничество» в зоне — страшный грех, за него запросто могут «опустить». Закон: «не я положил — не мне и брать» соблюдался свято.

Несмотря на строгие запреты, в каждой каптёрке обязательно оборудовался топчан, на котором почивал завхоз, стол с электроплиткой, какой-нибудь собранный и спаянный из запчастей проигрыватель с набором грампластинок и динамик проводного радио. Иметь магнитофоны, радиоприёмники, как и фотоаппараты, осуждённым в зоне категорически воспрещалось. Однако компактные транзисторные приёмнички, нелегально переданные с воли, у завхозов всё же водились.

Периодически нагрянувшие с обыском режимники и приданные им прапора-контролёры разносили в пух и прах этот зоновский уют. Срывали со стен журнальные вырезки с изображениями красавиц, шмякали об пол хрупкую аппаратуру, изымали электроплитки, разбирали с помощью гвоздодёров топчаны, но уже на следующий день хлопотливые завхозы восстанавливали «биндюжки», обустранивая и украшая их на свой лад пуще прежнего.

Начальники отрядов, в отличие от режимников, смотрели сквозь пальцы на подобные закутки, ибо понимали, что заключённому, годами находящемуся

буквально в толпе себе подобных, просто необходимо изредка уединиться. Но были правы и режимники, потому что чаще всего в таких вот каптёрках устраивались пьянки, всяческие разборки с поножовщиной, играли в карты, здесь «опускали» слабых и хранили запрещённые вещи.

Помимо завхоза, которого назначали из числа самых толковых активистов, в отряде по штату предусматривалась должность дневального. Он должен был поддерживать санитарный порядок, но этим, как я уже говорил, всегда занималась зоновская голытьба. Дневальный — «шнырь» — по большей части был на посылках у завхоза, а в отсутствии — замещал его.

Если в помещение входил сотрудник колонии — представитель администрации, дневальный был обязан подать команду: «Отряд, внимание!» — и доложить прибывшему о количестве находившихся в помещении заключённых, назвать фамилии больных и отсутствующих по уважительной причине — на свидании, в ШИЗО. Заслышав команду, зеки обязаны были встать и при приближении офицера или прапорщика представиться — назвать фамилию, статью, срок.

Впрочем, докладывали далеко не каждому, и начисто игнорировали «беспонтовых» сотрудников — тех, кто не имел права наказывать заключённого официально или как-то подгадить ему при случае. Дневальные лебезили

и заискивали перед требовательными сотрудниками, другим запросто могли нахамить. Зона мгновенно раскусывала человека: перед каким-нибудь прапорщиком-контролёром трепетала и в то же время огрызалась на замечание майора, попавшего в разряд «беспонтовых».

К слову, к докторам в колонии относились уважительно. Но только к тем, кто носил погоны, то есть был «аттестован». При появлении их в отряде присутствующие зеки вставали, дневальные докладывали. А вот «вольнонаёмные» врачи и медсёстры воспринимались без особого почтения. Откровенно им без повода не хамили, но и руки по швам перед ними никто не тянул...

Неуважаемые сотрудники, как правило, либо пожинали плоды своей беззубости, необязательности (обещал поощрить или наказать зека — обязательно выполни обещание!), либо когда-то вляпались в незаконную связь, польстились на зековские подачки. Таких зона чувствовала нутром, вычисляла мгновенно и глубочайшим образом презирала.

Среди отрядов в духе тех времён устраивали соцсоревнование, победителям которого вручали призы — спортивный инвентарь, телевизоры... При подведении итогов соревнования учитывалось выполнение производственного плана бригадами отряда, количество дисциплинарных взысканий, санитарное

состояние спальных и бытовых помещений.

За санитарное состояние отряда отвечали его начальник и завхоз.

Примерно раз в месяц в жилзоне собиралась так называемая санитарно-бытовая комиссия. В неё входили начальники режимной, медицинской частей, инструктор по политико-воспитательной работе и инженер по технике безопасности. Но начальники частей уклонялись обычно от этого малозначительного мероприятия, посылая вместо себя своих сотрудников.

От режимников чаще всего назначался Володя Цыганов — грузный молодой капитан с заметным животиком, от ПВР — капитан Музыкантский, вечный комсомольский вожак, и хмурый неразговорчивый мужик — вольнонаёмный инженер по ТБ Шванюк, а также автор этих строк — как представитель медчасти и председатель комиссии.

По главной, присыпанной шлаком и крепко притоптанной дорожке комиссия неторопливо шествовала в отряды. Ещё на подходе к ним «локальщики» извещали о приближении «ментов» своих завхозов, начиналась беготня. Кто-то выскакивал из помещения и мчался на зады, ближе к запретке, кто-то, наоборот, бежал в отряд — прибрать подальше какую-то запрещённую вещь, чтобы её не изъяли при шмоне.

— Таряты, суки, — хмуро бормочет Цыганов и, перехватив одного из пробежавших мимо, командует грозно: — А ну стоять! Ко мне!

Зек приближается настороженно. Капитан привычно и равнодушно, глядя куда-то поверх его головы, начинает методично обшаривать заключённого, время от времени приказывая:

— Расстегнись... Дай кепку... Сними правый сапог... Носок тоже...

Извлекая из кармана осуждённого какой-нибудь самодельный, сработанный из плексигласа мундштучок или блокнотик, Цыганов бросал их в прихваченную с собой специально для таких целей холщовую сумку. Потом, хлопнув зека по спине, напутствовал:

— Свободен... марш в отряд!

— Гражданин начальник, блокнотик верните... — каночит зек.
— Там у меня адреса заочниц...

— Не положено... — хмуро отмахивается Цыганов. — Письменные принадлежности, ручки, тетради, конверты и блокноты должны храниться в тумбочке. А не в кармане...

При входе в отряд комиссию встречает истошный вопль дневального:

— Отр-р-ря-ад! В-в-нима-а-ание-е!

Затем, запыхавшись, выбегает и он сам. Торопливо зыркнув глазами по комиссии, испуганно тарашась, докладывает Цыганову, как представителю самой

грозной для зеков режимной службы:

— Гражданин начальник! Отряд находится на рабочих объектах. В помещении пять человек...

Капитан останавливает его пренебрежительным жестом:

— Захлопни варежку. Я только что видел втрое больше... Щас, поглядим, чего это вы тут ковокались...

Комиссия начинает работу. Я вхожу в спальное помещение, заглядываю под кровати, отодвигаю тумбочки. Следом за мной с отрешённым видом слоняется второй дневальный, которому я указываю на пыль.

— Всё, выписываю на тебя постановление на лишение ларька! — объявляю сердито. — В прошлый раз предупреждал. Опять грязь, мусор. Лень тумбочку отодвинуть, и под ней тряпкой махнуть?

Дневальный, заложив руки за спину, цыкает зубом — мол, не такое видали... Лишение на месяц права закупки продуктов питания в зоновском магазинчике — ларьке, не бог весть какое взыскание. Тем более, для шныря, для которого поесть досыта — не проблема.

— Когда начальник отряда в последний раз был? — интересуюсь у него.

— Да, кажись, на той неделе... Я ему, гражданин доктор, в натуре, тыщу раз говорил. Давайте мел — потолок побелим. Краска, опять же, нужна...

— Ты мне про побелку не заливай! — окорачиваю его. — Полы лучше мыть надо! А мешок мела с объекта тебе любой бригадир привезёт.

— Так на вахте же зашмонают, не пропустят... — оправдывается дневальный, и тут же срывается на какого-то зека, прошмыгнувшего было мимо: — А ты чего, бычара, вошкаешься?! Хватай тряпку и пидорась по-новой полы! И под шконками пыль вытри! А то я харей твоей всё тут протру и марафет наведу!

Пока я проверяю санитарное состояние, Музыкантский, чему-то потаённо улыбаясь, изучает стенную газету отряда под названием «На свободу — досрочно». Проходя мимо, интересуюсь: газета старая, выпущена ещё к празднику 8 Марта (на дворе уже сентябрь). Рядом с передовицей, переписанной не иначе как с отрывного настенного календаря, старательно, ровными буквами, выведен стих местного поэта:

*В картах был он королём,
Дерзким был и смелым.
Проигрался и потом
Стал он... королевой!*

Ничего не скажешь, доходчивая агитация против запрещённой в зоне азартной игры...

В это время Цыганов громит каптёрку. Оттуда доносится треск отдираемой фанеры и причитания завхоза (правильно его должность называлась «старший дневальный») Гафарова.

Гафаров — бывший старшина милиции, уволенный за какую-то провинность ещё до осуждения. Поэтому он отбывает наказание не в спецзоне для бывших сотрудников органов внутренних дел, а на общих основаниях.

— Выгрывай на хрен! — кричит Цыганов, и я вижу, как завхоз, постанывая от горя, выдирает с корнями из консервной банки герань, всю в мелких алых соцветиях. Комнатные цветы в отрядах строго запрещены. В горшочках удобно закапывать наркотики, деньги...

Я записываю замечания по санитарному состоянию в блокнот. Позже эти записи лягут в основу приказа начальника колонии, в котором я уже запланировал вклеить выговор начальнику отряда.

Работа санитарной комиссии продолжается...

Кстати, санитарное состояние жилой и промышленной зон колонии находилось под пристальным вниманием не только местной администрации, но и медицинского отдела областного УВД. Не стоит думать, что колонии 80-х годов напоминали чем-то лагерно-барачный ГУЛАГ. В городских ИТУ зеки жили в чистеньких, всегда свежестенных двух-трёхэтажных общежитиях, спали на белых простынях, пищу принимали в сверкающей кафелем столовой. Территории колоний были заасфальтированы, то тут, то там благоухали клумбы цветов...

Мелгора и в этом выделялась в худшую сторону. Из-за удалённости, «дешёвого» производства (кирпич, мел, известь — это вам не полированная мебель или кованные металлические изделия, которые выпускали другие зоны), из-за ограниченного кадрового потенциала (многие начальники отрядов имели образование не выше сельского ПТУ), а также потому, что сюда и зеков отправляли с глаз долой, из числа тех, кто похуже — не умеющую ни украсть, ни покарать прилагательную молодёжь, злых нарушителей режима, — жилзона Мелгоры выглядела неухоженной, грязной. Вместо асфальта — притоптанный шлак. Клумба цветов — только возле отряда хозяйственных, домовитых бесконвойников. В помещениях отрядов сыро, неуютно. Трубы, сантехника в ржавых потёках, краска пузырится и пластинами отваливается от стен, побелка пачкается, в коридорах на полу — растрескавшаяся керамическая плитка, рваный, в пятнах заплата, линолеум, выбоины, цементная пыль...

Начальник санэпидотдела УВД, вольнонаёмный доктор Николай Попов частенько объезжал исправительно-трудовые учреждения области, зная и непременно обследуя все значные колонийские места. По итогам таких проверок составлялась справка на имя начальника УВД, в чём ведении тогда находилась

и пенитенциарная система. Генерал делал оргвыводы уже в отношении руководства колонии. Поэтому, хотя Попов и не имел специального звания, был, как говорили тогда, «неаттестованным» сотрудником, начальники колонии относились к нему с почтением.

Как-то раз Попов в моём сопровождении побывал в отряде уже упомянутого мною завхоза Гафарова. Облазив каптёрку, санитарный доктор в этот раз не нашёл вопиющих нарушений. И всё дотошно допрашивал дневального, есть ли в отряде насекомые — вши, тараканы. Честно глядя в глаза проверяющему, шнырь возмущённо всплескивал руками:

— Откуда, гражданин начальник?!!

Завхоза в отряде не было. Когда мы с Поповым вернулись в санчасть, в процедурном кабинете нас ждал пригорюнившийся Гафаров.

— Завхоз третьего отряда! — отрапортовал он, вскакивая навстречу. На мой вопрос, что привело его в санчасть, ответил, потупясь.

— Да вот, гражданин доктор, пока спал, мне «стасик» в ухо заполз. Вытащить бы, а то шебуршится там — спасу нет.

«Стасиками» в зоне называли тараканов. Ехидно улыбаясь, Попов достал блокнот и сделал пометочку. После она переключивалась в акт обследования санитарного состояния колонии: «В ходе

проверки жилых секций отрядов выявлено наличие тараканов...»

— Которые обитают в ушах ваших завхозов, — устно пояснил Попов «хозяину» зоны Медведю.

5

Кроме основного производства, каждый осуждённый был обязан отработать не менее двух часов в неделю на хозяйственных работах — уборке прилегающей к отряду территории, вывозе мусора, чистке картофеля на кухне и т. п. Надо ли говорить, что работы эти считались позорными и реально занимались ими одни и те же осуждённые. Зекам, придерживающимся «понятий», такой вид деятельности был «западло», и направление на кухонный наряд обычно заканчивалось для них водворением в штрафной изолятор с формулировкой «за отказ от общественно полезного труда».

Выручали «мужики», которых за пачку сигарет или «замутку» чая можно было послать вместо себя. Но если у отрядного или завхоза был зуб именно на этого «блатного», то подмениться не удавалось и приходилось собираться в ШИЗО. На отказе от хозработ можно было постоянно поддавливать рвущихся в «авторитеты» молодых зеков и гноить в изоляторе, заодно, как злостным нарушителям режима содержания, обрубая все надежды на условно-досрочное освобождение.

Никакие меры воспитательного воздействия, разного рода душещипательные беседы, кроме холодной, с цементными полами, камеры или увесистого кулака «завхоза» при этом, естественно, не помогали.

Помню, как-то раз в колонию с группой проверяющих из областного УВД приехал сотрудник отдела ПВР (политико-воспитательной работы). Молодой капитан-очкарик из партнабора. Были в ту пору такие методы отбора кадров для органов внутренних дел — по комсомольским и партийным путёвкам. Вчерашний инструктор какого-то райкома партии или комсомола, только что надевший погоны, впервые оказавшись в зоне, закусил удила. Весь день он вгоял в холодный пот отрядников, большинство из которых в своё время закончили лишь сельское профтехучилище, цитатами из Маркса, Ленина, выдержками из постановлений ЦК КПСС, требуя с них отчётов о педагогических приёмах и планах работы с перевоспитуемым спецконтенгентом. Вечером, уставший и раздосадованный тупостью отрядных, для которых конспекты политзанятий писали, как правило, смышлёные зеки, капитан пожаловал на вахту.

В тот вечер дежурным помощником начальника колонии (сокращённо ДПНК) был старший лейтенант Батов. Несколько минут назад завхоз привёл

ему зека из новичков. Будучи назначенным в наряд на чистку картошки, тот с гордостью отказался.

— Ты что, казол, — с лёгким кавказским акцентом вкрадчиво поинтересовался Батов, — только на зону поднялся, а уже свои порядки нам здесь устраиваешь?

Зек, держа руки за спиной, молчал насупленно.

— Правильный пацан, да-а? Чтоб ты знал, абориген, на будущее: я здесь для тебя правильный пацан. А ты для меня пока чёрт. Усёк? Отсидишь лет пять — тогда увидим, что ты из себя представляешь. Сейчас в крыкушник, в ШИЗО пойдёшь... — и крикнул в комнату дежурных контролёров: — Магомед! Хады сюда, дарагой! Закоцай его!

Магомед, прапорщик-контролёр, азербайджанец, славился умением надевать наручники.

К слову, тюремщики используют стальные браслеты совсем не так, как милиционеры, а ныне полицейские, или, на зоновском жаргоне, «вольные менты». Милиционеры, заведя руки задержанному назад, защёлкивают браслеты на запястьях. Зеки, отличающиеся преимущественно худощавым телосложением, легко избавлялись от них. Для этого достаточно, опустив скованные руки как можно ниже, протолкнуть между ними таз, ноги, и вот уже наручники оказывались застёгнутыми спереди. После чего, манипулируя

кистями рук, можно было легко расстегнуть замки любыми подручными средствами — например, спичкой.

Зная это, тюремщики, надевая на зека наручники, засучивали ему рукава. И защёлкивали браслеты высоко на предплечьях, едва ли не у локтей. К тому же защёлкивали туго, так, что наручники глубоко впивались в кожу. Из таких не вылезешь, не расстегнёшь!

Понятно, что долго в застёгнутых таким образом наручниках держать зека нельзя — из-за передавленных сосудов, отсутствия кровоснабжения мог наступить некроз тканей. А вот «стреножить», успокоить буйного или поставить на место нагло осуждённого за несколько минут всегда удавалось.

Вот и Магомед, подойдя к отказчику, привычным движением ткнул того кулаком в живот. Зек, охнув, согнулся. Здоров на нём рукава фуфайки, прапорщик защёлкнул браслеты на предплечьях, затаив ударом кулака. Железо впилось в мышцы. От невыносимой боли у зека на глаза навернулись слёзы.

— Постой так, подумай. Мордой к стене! — скомандовал заклопоченному Батов.

Тут-то в дежурке и появился новоиспечённый инструктор политотдела.

— В чём дело? Что здесь происходит? — не без возмущения поинтересовался он, взирая на уткнувшегося носом в угол комнаты зека.

— Наказан, — коротко бросил Батов, не считавший заезжего капитана большим начальством. — Картошку чистить, понимаешь, отказался в столовой. Сейчас в штрафной изолятор на десять суток пойдёт.

Найдя благодатное поле для воспитательной деятельности, капитан подошёл к зеку, и, поправив очки, глубокомысленно начал:

— Повернитесь ко мне, гражданин осуждённый! Как вам не стыдно? Ведь вы отказываетесь участвовать в приготовлении пищи для ваших же товарищей! Которые сейчас на производственных объектах выполняют и перевыполняют планы работ на благо страны! Они что же, по вашей милости должны остаться голодными? Стыдно. Я вижу на ваших глазах слёзы. Может быть, вы одумались, раскаялись?

Не выдержав дикой боли от сдавивших руки наручников, зек обмочился в штаны и в отчаянии заорал:

— Гражданин дежурный! Ведите меня скорее в ШИЗО. И уберите на хрен этого очкастого пидора! А то я ему нос откушу!

Оскорблённый политработник отшатнулся и укоризненно покачал головой:

— Неисправимый тип...

— Да не-е... — добродушно хмыкнул Батов. — Нормальный пацан. Все они поначалу — с гонорком да с норовом. Подуркует мал-мал, посидит — шёлковый станет!

6

Все отряды в жилой зоне выгораживались изолированными друг от друга локальными участками. Локальный сектор или, в просторечье, «локалка», представляла собой пространство, включающее здание общежития и территорию вокруг, обнесённые решётчатым забором из стальных прутьев в два пальца толщиной, метров пять высотой.

В локальный сектор попасть можно было только через ворота с калиткой, которая запиралась на электрозамок. Здесь же строилась будочка — маленькая, примерно два на два метра площадью, в которой круглые сутки обитал зек-локальщик. У него была селекторная связь с центральным пультом, на котором тоже круглосуточно дежурил зек, отпиривший по просьбе локальщика электрозамки. Таким образом, ни один заключённый не мог покинуть территорию локального участка без разрешения старшего локальщика.

Уважительными поводами для выхода за пределы считались вызовы к лагерному начальству, походы в санчасть, в зоновский магазинчик — «ларёк», и то только в сопровождении шныря — дневального.

Но это теоретически. На практике же электрозамки бесконечно ломались, нередко не без помощи зеков, локальщики самолично отпирали и запирали замки «тюремного типа» на

калитках, орудуя огромными ключами, которые носили обычно за голенищем кирзового сапога. И в принципе, любой зек, договорившись с локальщиком, мог бродить по территории зоны. Заглянуть в санчасть, навестить кентов из другого отряда, выморозить что-нибудь у друга — повара в столовой, а то и сбежать на вахту, в оперчасть — «стукануть» «куму» или дежурному наряду на своих подневольных товарищей.

Рассказывают, что, когда советские колонии посетили в порядке обмена опытом коллеги-тюремщики из ГДР, они долго дивились на многочисленные заборы внутри зоны, не в силах постигнуть предназначение локальных секторов. Когда им наконец растолковали принцип разобщения заключённых для ужесточения надзора, немцы пожалы плечами в недоумении. И предложили просто повесить таблички с надписью: «Проход запрещён». Вот ведь европейский менталитет! Предупреждающую табличку — в наших-то зонах! Где за ночь зеки умудрялись перепилить или выломать прутья локалок только затем, чтобы сбежать попить чайку к друзьям в соседний отряд...

Локальные сектора обустроивались в разных отрядах на свой лад. Между ними даже устраивалось что-то вроде смотров-конкурсов «на лучшее оформление локального участка».

Побеждала в таких конкурсах практически всегда локалка, в которой размещался отряд бесконвойников. Летом она благоухала роскошными розами. Прутья забора не были покрыты ржавчиной, как в других отрядах, а тщательно выкрашены в весёленький зелёный цвет. Здание общежития всегда свежее выбеленное. Территория заасфальтирована, дорожки вымощены кирпичом.

Достигалось это благодаря тому, что зеки-бесконвойники работали в основном за пределами зоны, могли разжиться краской, побелкой, другими стройматериалами, саженцами и семенами цветов. Да и сами заключённые, получившие право передвигаться за пределами зоны без конвоя, были, как на подбор, мужиками в возрасте, солидными, «случайными пассажирами» в местах лишения свободы, по попавшими сюда в основном «по бытовухе», не утратившими профессиональных навыков электриков, сантехников, строителей или шофёров.

В отряде Мамбетова соорудили спортплощадку, на которой можно было погонять футбол, крутануться на перекладине. Или толкнуть тяжелейшую, сваренную из автомобильных ресор, штангу.

Были отряды-грязнули, где зачуханные зеки с утра и до вечера безуспешно шоркали метлами по присыпанной притоптанным шлаком, заплёванной

территории, гоняя из конца в конец неистребимый мусор.

Распорядок дня в зоне строго регламентировался исправительно-трудовым кодексом и планировался примерно так.

Подъём — в шесть утра. В половине седьмого — утренний просчёт на плацу, потом строём — на завтрак. В восемь — выезд на работу. Обед в жилой зоне и на производственных объектах — с часу до двух. В шесть вечера — очередной просчёт с построением, ужин. В десять вечера — отбой.

Днём проверки заключённых в жилзоне проводились в любую погоду на специально заасфальтированном плацу. В середине ночи прапорщики-контролёры считали заключённых в отряде, спящих, по «головам».

Проведение просчётов возлагалось на дежурный наряд — нескольких прапорщиков и офицера — ДПНК.

Наряд нёс службу по двенадцатичасовому графику. Были смены, где «прапора» вечно путали счёт, количество «наличных» зеков не совпадало со спичочным, проверка затягивалась на два-три часа.

Летом это не имело особого значения, а вот в зимнюю стужу, под пронизывающим ветром, осуждённые нещадно мёрзли в своих бушлатах «на рыбьем меху», роптали, в полголоса крыли контролёров матом, а те бегали по отрядам, разыскивая недостающего, чаще всего

прикемарившего в каком-нибудь закутке зека. Если такового в конце концов находили, то будили пинками и волокли очумевшего от сна и града обрушившихся вдруг ударов в штрафной изолятор.

Самым курьёзным было то, что при двух ночных побегах из жилой зоны на моей памяти, проверки сходились, и безавших спохватывались лишь много часов спустя.

7

Я уже говорил, что главным в деятельности любой исправительно-трудоустройственной колонии в те годы был производственный план. Но существовала сила, которой было наплевать на производственные, как, впрочем, и на воспитательные проблемы. Этой силой были охранявшие зону конвойные войска.

Основной задачей конвоя, состоящего из солдат, прапорщиков и офицеров внутренних войск, во все времена оставалось не допустить побег с охраняемой территории. А поскольку надёжнее всего охранялась жилая зона, идеальным положением для войск было то, при котором зеки сидели за крепким, опутанным «колючкой», «егазой» и сигнализацией забором. А не мотались по стройкам, цехам, разного рода хоздворам, гаражам и складским помещениям. Бежать с производственных объектов было намного легче, да и бежали. Дважды в течение десяти лет

с территории кирпичного завода осуждённые уходили на тепловозе. Подгадав удобный момент, зеки седлали мощную машину, раскочегаривали и, таранив ворота, под градом свинца автоматчика со сторожевой вышки, оказывались на свободе...

Надзор на удалённых объектах был слабее, охранные сооружения — временные, хлипкие. К тому же, оказавшись вдали от отцов-командиров, солдаты несли службу спустя рукава, а прапорщики-контролёры, промаявшись от безделья час-другой, прикладываясь к прихваченной с собой в наряд или изъятой кстати у заключённых бутылке водки.

Зная всё это, командование конвойного батальона строило бесчисленные козни, чтобы совсем не выпускать либо ограничить число осуждённых, выезжающих на объект.

То конвою не нравились поданные для перевозки зеков фургоны, то требовали от колонийского начальства руками всё тех же зеков подлатать, укрепить забор вокруг производства, добавить колючей проволоки, осветительных фонарей по периметру...

Случались и вовсе дикие сцены.

Летнее утро. В решётчатом загоне колонийских ворот — «предзоннике» — стоит полторы сотни заключённых. Зеки покуривают, ёжась под ветерком, прохладным после едва отступивших ночных сумерек. Вывод

задерживается. Командир батальона подполковник Вайнер, придравшись к состоянию охранных сооружений на объекте — цехе металлообработки, расположенном в полукилометре от жилой зоны, запретил выпускать заключённых на работу.

Директор производства, Сидор Петрович Зубов, тоже подполковник, но колонийский, приказывает ДПНК открыть ворота предзона. Тот подчиняется «своему» руководителю.

Встав во главе колонны зеков, Сидор Петрович командует:

— За мной! На производственный объект — шаго-о-м марш!

Из караульного помещения высыпают солдаты с автоматами, собаками. Ими командует лейтенант — начальник караула. Солдаты выстраиваются в шеренгу, берут оружие наизготовку, преграждая колонне путь.

— Стоять! — орёт начкар. — Стрелять буду!

— Вперёд! Вашу мать! — не отступает директор производства.

Если зеки не попадут на производство — пропадёт целый

рабочий день, сорвётся план декады и месяца, за что и областное тюремное начальство, и районное, партийное, снимут с директора если не голову, то звёздочку с погон.

Зеки, хихикая, переминаются с ноги на ногу. Директор производства для них — начальник. И в цеху вольготнее зоны. Но грудью на автоматы конвойных переть осуждённому тоже не хочется.

— Убери солдат, сопляк! — требует от начкара Сидор Петрович. — Я зеков сам в цех отведу. Ни один не сбежит. А вы, дармоеды, на хрен мне не нужны! — и решительно шагает навстречу шеренге.

Неожиданно один из солдат то ли случайно, то ли по злему умыслу выпускает из рук туго натянутый поводок осатаневшей от злобы и хриплого лая овчарки. Та одним махом бросается на директора, клыками рвёт ему руку...

Чтобы помирить тюремщиков двух ведомств, из области приезжало высокое начальство из УВД и конвойного полка внутренних войск...

(Продолжение следует)

Наталья БОРИСОВА

«РОССИЯ СО МНОЙ ГОВОРИТ...»

*Наталья Андреевна Борисова
родилась и живёт в Оренбурге,
окончила Оренбургский
государственный университет.
Печаталась в альманахах
«Гостинный Двор», «Башия»,
«Образ», журнале «День и
Ночь». Член Союза российских
писателей, руководитель
сообщества молодых поэтов
и писателей «Свиток».
Участница III Международного
совещания молодых писателей
(Каменск-Уральский, 2015).
Автор книги стихов «Молодое
сердце» (2015). Лауреат премии
альманаха «Гостинный Двор»
для молодых поэтов «Чаша
бытия» (2015).*

* * *

Если в прошлом тебя ещё кто-то
ждёт,
Возвращайся, пока позволяет
время.
Каждый промах и каждый
слепой просчёт
Поджигает мосты, закрывает
двери.
Путь назад — такой же нелёгкий
путь,
Точно бег за будущим
бесконечным.
Возвращайся к прошлому и
забудь,
Что любовь и преданность
быстротечны.
Если призрак привычного очага
До сих пор по ночам не даёт
покоя,
Вот моя опущенная рука,
И она не тянется за тобою.
Я теперь ни памятью, ни душой
Не хочу вернуться за поворот.
Ну а ты, раз там тебе хорошо,
Возвращайся, пока ещё кто-то
ждёт.

Е. С.

С тобою я никогда не трушу,
Ты жизнь выносишь легко и стойко.
Тебе так часто плевали в душу,
Что там давно быть должна
помойка.
Но там я вижу туман и хвою,
Там свет струится сквозь толщу
елей.

И чуть заметной лесной тропею
Бредут серебряные олени.
А тихий звон их копыт хрустальных
Застынет в облачном коромысле.
Он отзовется в глазах печальных
И станет мыслью...

* * *

Робко апрель расстелил
бархатистый покров,
Небо черно, как глаза молодого
араба.
Нынче на сердце опять
расцветает любовь,
Только теперь это чувство
другого масштаба.

Мне незаметны голодный и
горестный быт,
Несправедливость, враньё, нищета
и разруха.
Тихо и нежно Россия со мной
говорит
Шёпотом ветра, до боли
приятным для слуха.

Будто меня зазывает она далеко
От суеты бесполезной и душных
истерик,
В край, где над маленькой речкой
туман — молоко
И камышом порастает извилистый
берег.

Там я играла когда-то средь
яблонь густых,
Там у забора два тополя — два
исполина.
Кажется, держится небо на
кронах седых,
А облака — улетающий пух
тополиный.

Там острокрылые ласточки
песни поют.
И обогретыми солнечным днём
вечерами
Бабушка с дедушкой, глядя на
яблони, ждут
Девочку лет четырёх с золотыми
кудрями...

* * *

Снег идёт за окном — прибывает
намокшая вата,
И таким же комком разбухает на
сердце тоска.
Я умнее теперь, я в беде не ищущу
виноватых,
А смотрю в монитор и два пальца
держу у виска.

Это значит, сегодня родится
хорошая строчка,
Может, две, если мысли удачно
улягутся в ряд.
У подружки растёт белокурая
лапочка дочка,
Мне же снова 15 и хочется в
школу назад,
Чтобы знать о любви очень мало
и только из книжек
И с наивной надеждой итти за
рассветной зарёй,
Чтоб влюбляться во всех синеглазых
красивых мальчишек
И дрожать, если кто-то из них
провожает домой.

Это время ушло далеко, так что
 даже не снится,
 Ум тревожат другие проблемы и
 бьются в висок,
 А душа присмирела, как будто
 подбитая птица,
 Ей бы новые крылья и синего
 неба глоток.

* * *

Не осталось следов, все пургой
 замело,
 Память прочь унесли рысаки.
 Только сердце спокойное выюге
 назло
 Жажигает свои маяки.
 Жажигает и ждёт у святого огня,
 В безнадежной холодной ночи,
 Что блуждающий путник отыщет
 меня
 По горячему свету свечи.
 И ступив на укрытое снегом
 крыльцо,
 Постучится в тяжёлую дверь.
 Я открою... и встречу родное лицо,
 Но его я не вспомню теперь.
 И окажется чай необычно хорош,
 Речи нежны, а руки легки.
 Новый друг так на старого друга
 похож,
 На того, кто дарил маяки.

* * *

Пустота на меня твоими глядит
 глазами,
 Всё живое от этого холода
 в сердце гибнет.
 И не радуется осень тёмными
 небесами,
 Хоть пурпурные звёзды
 на землю, стараясь, сыплет.

Нет спасения мне ни в
 паломничестве, ни в бегстве,
 Даже смерть, и та не даёт
 никаких гарантий.
 Полюби меня честно, как любят
 в беде и в детстве,
 Полюби, как умеет Бог — без
 корон и мантий.

Только ты отвечаешь сдержанно
 и могильно...
 Ты глядишь свысока, ни о чём
 не переживая.
 Я последняя в мире, кто верит в
 тебя так сильно.
 Полюби меня, слышишь, за то,
 что ещё жива я.

* * *

Искрит рассвет на белом
 подоконнике,
 А за окном струится неба гладь,
 И мы стоим — судьбы своей
 виновники,
 И нам друг другу нечего сказать.
 Объяты наши бережно
 разомкнуты,
 Осталось только притяжение
 рук.
 Мы пленники твоей холодной
 комнаты,
 И ничего не видится вокруг.
 Лишь глаз твоих дрожащее
 сияние
 Мне не даёт уйти отсюда прочь.
 У нас с тобою горькое прощание
 И мы его не в силах превозмочь.
 Мгновение святое и несмелое
 Застынет на поверхности зеркал,
 Мы в них навечно обратимся в
 целое,
 Как будто ты меня не потерял...

РУДНИЦКИЙ

Зубило, компас, горный молоток,
Бинокль, барограф, полевая

сумка...

Был век и с ним — геологом —
жесток,

Но очень твёрдо вклинилась
задумка.

Задумка, где в степи завод
возник —

Родник южноуральского
металла...

И по привычке поднят воротник,
Чтоб пыль за ворот меньше
залетала.

Геолог шёл, обняв душой ветра,
И древним скалам кланялся
почтенно.

Он свято верил: от его костра
Зажгутся домны, заискрят
мартены.

Наперекор жаре и холодам
Шагал к мечте безудержно
годами.

И по его отчётливым следам
Россия прирастала городами.

ДВЕ СНЕЖИНКИ

Входишь в дом вся в серебре
снежинок.

Щёки — ярче грудки снегиря!
На лице ни грусти, ни
морщинок —

Только свет и свежесть декабря.

Вдоль забора подросли сугробы,
Снежный шорох во дворе
пустом...

А собака — всю в снежинках
обувь

Обметает радостно хвостом,

Снежных крошек нализавшись с
пола,

Мокрым носом тычется в кутят...
Ты смеёшься, и в глазах весёлых
Две снежинки мокрые блестят...

В доме отогреются ботинки,
Варежки оттают у огня...
Только две лучистые снежинки
Ты сберечь сумеешь для меня!

ФАКЕЛ

Со звоном ручьевого хрусталя,
Со сказкой, ставшей видимой
для всех,

На русские размокшие поля
Ложится первый легкокрылый
снег.

Берёзка, что, казалось бы, едва
Держалась под ударами судьбы,
Сегодня поправляет кружева
На платье кружаковой ворожбы.

По окнам расплескалась бирюза...
Но ты увидишь, только
задержишь:

Как факел, мчится по снегам
лиса,

Пылает ярко-рыжим светом
жизнь.

И чтоб остались навсегда чисты
Пробившиеся буквами истоки.

Так процедить хочу обычный слог,
Чтоб, зачерпнув ладонями с

бумаги,
Не только я один, а каждый смог
Изведать сладость родниковой
влаги.

Но дышат предвкушением зноя
Души озябшие пласты...
Пусть лягут беды перегноем
Туда, где копят цвет сады!

И всем, что счастья ждать устали,
Даст май надежду впереди,
Зелёных листиков медали
Неся победно на груди!

ОРЬ

Где срывается тропка с обрыва,
В полдень воздух пахуч, как елей,
И чилига следит молчаливо
За кипенной волной ковылей,

Не трезвоня и не громыхая,
Речка двигает воды вперёд
И, ко всяким событиям глухая,
Камышиную песню поёт.

И чем дольше стоишь над водою,
Тем понятнее главная суть:
Мир наполнен живой красотой,
Если реки вливаются в грудь...

МАЙСКОЕ

Ещё нестриженные кроны
Скребнут над сквером облака,
А на разбуженных газонах
Трава беззвучна и редка,

ЖДУ

Меня под жарким богатырским
небом,
Средь голых гор, что сбросили
плащи
Весенних трав, и без цветов —
нелепы,
Нельзя найти. Но ты... Ты отыщи!

Где склоны гор сутулы, как
бабаи,
А ночь вспорол восточный меч
луны,
Где степь в солончаках, в угрях,
рябая,
Там я и ветер — нежности полны.

Услышь признанья, что разносит
ветер!
В них каждый звук настоян на меду!
Приди! Хотя б на миг, хотя б за
этим:
Сказать, что я тебя напрасно жду...

Тамара ШАБАРЕНИНА

ПОДПОРУЧИК ИЗ ШОРТЫНБАЯ

Рассказы

Тамара Михайловна Шабаренина родилась в посёлке Пашия Чусовского района Пермской области. Работала трактористкой, поваром, художником-оформителем, журналистом. Поэт, прозаик, член Союза писателей России. Печаталась в журналах «Простор», «Дон», «Катитан», альманахе «Гостиный Двор». Автор нескольких поэтических сборников, книг очерков «О чём рассказал Урал», «Туристымены», «Лига футбольных окраин». Лауреат премии им. Валериана Правдухина альманаха «Гостиный Двор» (2017). Живёт в Уральске (Казахстан).

КАВАЛЕРГАРД ЧИЖИНСКОЙ УЛИЦЫ

Борис Николаевич Федотов — призывник первого года войны. В составе отдельного конного разведвзвода Двухсотой кавалерийской дивизии добывал оперативные сведения.

В сорок четвёртом под Каунасом война для уральца закончилась: госпитальные врачи определили — на II группу. Особенный воздух родины помог спящему воину набраться сил. Оглянуться не успел — во семьдесят пять!

Что ордена, медали? Благодарный металл для позвоночника, для гордости. Семья — для счастья! Посредине жизни сошлись два горюшка — вдовец да вдовушка. У него — трое деток, у неё — четверо. Мои, твои — наши! Внуков у Федотовых двенадцать. Правнуков — на футбольную команду! Если собрат, дед бы опять самолично расчистил пустырь, поставил штанги. У него опыт:

возрождал футбол после войны на своей окраине. Правый полузащитник на футбольном поле — как на поле брани: за честь Родины!

В пять ноль-ноль вместо привычного боя курантов сорок девятая волна накрыла дежурного радиотехника Федотова девятибалльным сообщением: война. Верно, он и был первым в Уральске, кто услышал о ней: центральный радиоузел востеренулся по его звонку: поплыла по городу чёрная весть.

Когда-то чёрным вестникам снимали голову. С Федотова — шевелюру. Учебный взвод конной разведки в Бузулуке — наполовину из уральцев. Замечательно: рядом друзья-товарищи и подруга — Сивка: так окрестили «даму» курсанты за светло-серую масть. Сивка так Сивка — лошадь особо не возражала. Почуяла в кавалере настоящего ценителя лошадиной красоты. Парень питал страсть к этим странным существам: знал, как подойти, чем угостить. А уж в каких зорях купывал — в уральных, деркульных, чаганских! В вечерних и утренних. Чёрные, рыжие, дымчатые гривы встряхивали сонмы маленьких солдц, поджигали необъяснимой радостью душу.

— Сивка-бурка, вещая каурка, встань передо мной! — взлетали, падали мальчишеские головы по приуральным просторам.

...Эта Сивка — не из сказки, не из детства, как лист перед

травой, являлась по первому зову: курсант Федотов готовил её на войну. «В седле или с седлом!» — по строгому воинскому правилу седло убитой лошади оставлять не полагалось. С тем и унёс двуногих и четвероногих курсантов эшелон в сторону осаждённого Ленинграда.

Крещение в Крестцах

Первого мая, когда утро красило стены древнего Кремля, небстрелянный отдельный взвод конной разведки принял боевое крещение на станции Крестцы. Может быть, легендарный начдив Будённый планировал танковую броню опрокинуть кавалерией? Кто знает, о чём думали легендарные начдивы, а только конных и пеших заглывала железная глотка войны.

— Ленинградцы, дети мои! — звенел стихами Джамбул, благословляя соотечественников на подвиг. Видел бы акын, как скоро, как жутко исчезали посланцы степей.

На станции Мальва конники — три взвода — попали в «мешок»: ни вправо-влево, ни вперёд, ни вспять. Укрыли коней в леске, укрылись сами. Над леском, как заведённая, с воем-свистом пролетала смерть. Не было конца свисту. Не было конца вою. Горел Ленинград... За три месяца вынужденной отсидки наголодались люди, лошади. Сивке листья берёзы осточертели: ела!

Заботливый друг приносил охапками, пока не лопнул огненный обруч.

Стихия войны наконец была упакована в рамки стратегии. Азарт возмездия подхватил кавалерийскую дивизию, понёс к Прибалтике. Постройневшую на берёзовой диете Сивку от Федотова увёл чиновный штабист: «добудешь другую!»

Конёк-горбунок

Добыть на фронте боевую лошадь сложнее, чем заморскую царевну. Разведчики — народ отчаянный. Надо пополнить взвод лошадиными силами? Пополнят. День-ночь — сутки прочь. На рассвете сбежались кавалеристы смотреть на невиданных лошадей. Приземисты, длиной метра два с гаком. Две ещё туда-сюда, а третья — что за зебра в полозочку? Ответить могли бы джигиты из туркменской бригады, дислоцирующейся неподалёку. Но тс-с! — разведчик Федотов разберётся как-нибудь сам с этой бестией: полетит как стрела из кипчакского лука! Но коса на камень: конник — в седло, коняга — на дыбы! Не понимает: она теперь боевая единица в штате взвода — вот и служи!

— Э, да это дикий кулан! — разглядел кто-то.

— Кулан — не кулан, всё одно — лошадь! — приручитель седлал дикарку в станке, рвал удила, подкупал сахаром. Но и через

месяц, и через два, сглотив сахарок, строптивая дива могла кунуть спешившегося наездника: не купишь!

Федотов на выпады не реагировал: за её аллюр можно и стерпеть обиду... Ах, как она шла, его Стрелка, как шла! Ноги пружинили, стлалась над землей — воздух пел! Не зря скосил на неё лиловый глаз майор из штаба армии: — уступи на часок!

Взревновал, но всё ж предупредил кавалерист про восточный норов красоты.

— Ничего! — сказал офицер, занёс ногу в стремя: взвилась — суцая ведьма! — Ничего! — прорезался чертой на лбу характер седока. Дыбу выдержал, осадил: понесла — лесочки промеж ног. Летит — машина отставала! У штаба спешился ездок, хлоп её по холке: молодец!

Стрелка на похвалу ответила задним копытом. Копыто — «смерть немецким оккупантам!»

— Ничего! — через силу улыбнулся офицер, и кавалерист Федотов понял: ждёт его рыжую разведчицу большая карьера при полковом штабе.

Краденые лошади остаются с Иванами только в сказках.

«Спотыкач» ведёт охоту

«Уж если споткнулся на ровном месте, то считай-не считай — спотыкаться тебе до трёх раз!» Примета. На берегу тихой речки песок ровный, глад-

кий. По песку — следы лошади, за ними — шлёп-шлёп — друга Федотова. Хорошо, как дома на Деркуле! Взгляд притягивают жаворонки: — Не с родимых ли мест? «А то?» — Откликаются. Ну, вся душа — в небе! И уж, верно, нога сама увидела опасность: похолодела, зависла: под ступнёй как удав клубком, противотанковый фугас. Миг: выпад — бросок — взрыв! Как в футболе, ручной гол не засчитывается... Лошадь остановилась. — И как сюда не ступила? Лунка от копыта — рядышком...

Волна ещё долго не могла отдышаться, ровняла песок: зализывала чей-то невидимый след.

Опытные минёры уверяли: такой снаряд взрывается в миг прикосновения. Вот тебе и наука! Первый спотыкач!

Но кто ж оглядывается на чёрные знамена, когда все восходы превращаются в красные знамёна! Не держит чужаков земля, не спасают реки, не укрывают леса: выдают праведной погоне. Веселит сорок четвёртый год конную разведку. Разведчику Федотову и его верной землячке Пчёлке снятся одинаковые сны: въезжают в Уральск! Пчёлка — под попой! Он — в шинели английского сукна! И девушки почему-то с прекрасными глазами сивок-пчёлков.

Гнедушку Пчёлку отдал подчинённому командир взвода, когда тосковал тот по строптивой Стрелке. Утешил: «Пчёлка лошадь кадровая, обученная».

По слухам, из Уральского сорок шестого полка. Полк вроде как расформирован по причине утраты полкового знамени. Так ли, нет ли, Пчёлка не говорила. Нового хозяина признала сразу как земляка: не выветрившийся, неистребимый дух приуральных степей сроднил.

...В то утро возвратились с задания. — Ёлки, тринадцатое января — день рожденья! — Разведчик вспомнил мамыны пироги. Спешился к подруге с сахарком: от всего сердца! Разве ж знал: сердце — на мушке снайперской винтовки... И не то рука у снайпера дрогнула, не то опять кто невидимый вмешался: пуля в плечо поздравила именинника, со всей дурной силушки: навывлет...

Споткнулся белый свет о торчащие трубы сгоревшей станции Лычково. От тыловых госпиталей Федотов отказался: остался при полевом. Не желал терять ни эскадрона, ни дорогой его сердцу Пчёлки. Та при медслужбе госпиталя ждала. Дождалась к весне. Скрипело потёртое седло! И ветер холодил рану, и разведзвод радовался возвращению товарища! Покачивались звёзды на пилотках: с отвагой мушкетёров добывали конники не бриллиантовые подвески королевы: крупница по крупнице — сведения!

— Полоцк, Великие Луки, Литва: до Каунаса — рукой подать. Только с какого боку? Конная разведка вышла на поиск.

Опасны, всегда опасны тайные тропы. И та опасна, и эта: летняя короткая ночь на исходе. Но вот, кажется, то, что надо! Проскакали лесок — тихо. Впереди — никого: можно расписать координаты. «Тихий» лесок опередил: расписался по спине кавалерии пулемётным огнем. — Засада! Власовцы! — крикнул кто-то. Про власовцев Федотову полууслышалось: спотыкач. Осколки снаряда выбили из седла. Пчёлку достал пулемёт. Опоздало небесное крыло.

Про гол и волшебный футбол

Мальчишек с Чижинской улицы знала вся ребячья округа. — У-у! Хуже милиционеров! — обижались «соловьи-разбойники»: похулиганить в парковой зоне не удавалось. Границы футбольного поля и вовсе были священны. До полуночи парк жил: бегал, прыгал, нырял, летал, орал. Город не знал словосочетания «детская преступность». Команда «чижиков», самоназначившаяся в воеводы окраины, на школьных спартакиадах подтверждала свой статус. Первые, первые, первые!

Первыми полегли на фронтах. Одна послевоенная весна прошла, вторая. Уже не придут. Борис Федотов жив: так распорядилась судьба. Три осколка вынули в Витебске, два под Рязанью. Грозилась ампутировать руку. Шепнула медсестричка:

«не соглашайся!». Воля раненого ожесточилась: «Убегу!» Врач дал подписку на операцию с сохранением руки. Вот, слабая, да не чурается работы! Нога хромушая ищет мяча: — Эх, по воротам бы! Пуст пустырь: ни ворот, ни штанги. Малята играют «в войну». Но он, Федотов, научит эту зелёную поросль забивать голы!

На заводе стеновых материалов бывший разведчик перекалифицировался в учётки. И вот славно: главный инженер Киреев оказался фанатом: играл за Саратов. За Уральск — не откажется! С ним и впрямь пошло футбольное дело: из локутов ременной кожи сапожник сшил кожух, осталось набить паклей, зашнуровали: — А ну, малёк, вмажь!

Прирос футбол к ногам мальчуганов: взгудел пустырь! Какая же это упоительная зараза — футбол! Заводская молодёжь потянулась отыгрывать трудоустроенное детство. Хлопоты шефов обернулись амуницией: как в таких трусах-майках, таких бутсах да не выиграть городское первенство? Команда «Стрела» заткнула за пояс местные команды, вырвала областную победу! В Кустанае на республиканском первенстве стала второй! Это потом реванш возьмут «Судостроитель», «Динамо», «Спартак». Но сначала блеснула «Стрела»! «Локомотив» «упаковывала» не раз! Обидчивым оказался: однажды прикатил на такси

со своим судьёй. «Свой» подвёл под победу «три-ноль». Бушевали трибуны: без вины виноватые «стрельцы», прибитые к скамейке штрафников, чуть не рвали на себе новые майки. Матч мог закончиться трагично: болельщики не в шутку намеревались превратить судьбу в модный кусок мыла. Того на космической скорости подхватило и унесло такси!

Но была, была восстановлена справедливость: «Пять-два» — счёт переигрываемой встречи! Так-то: не стой под «Стрелой»!

Федотов помнит все страсти футбольных баталий. Как не помнить: азарт игры творил чудеса — возвращал мышцам былую мощь! Забывали про боль: правой, правой, правой! — не щадил правый полузащитник болящую ногу. Футбол конца сороковых был жёстким, злым, стремительным, беспощадным, как война, как эти взрослые парни, видевшие смерть!

Уходили с поля. Уходила стихия схватки. Игра тренерской выучки несла другой мяч. Это другая история. А история судьбы бывшего разведчика нет-нет — высветит родную Чижинскую: друзей, незабвенных боевых подруг: Сивку, Стрелку, Пчёлку. И час, когда открыл эфир для чёрной вестки «Война!», и день, когда случайно, опять же первым, извлёк по служебному приёмнику вестку беду: «Победа!»

ПОДПОРУЧИК ИЗ ШОРТЫНБАЯ

Гумар Сарсенгалиев пережил великий мор, юношей — Великую Отечественную, студенческие пирожки-сухарики, съёмные углы, скромные зарплаты. Неуёмный темперамент вовлёк в спортивные баталии, невероятная усидчивость подвигла к написанию научных работ. Сорок пять лет преподавательской работы в авторитетном вузе сделали его известным, узнаваемым. Отличник просвещения Казахстана, высшей школы СССР, полковник в отставке. Звания-ордена-медали — всё при нём!

Жизнь идёт себе по девятому десятку и знает: «времени нет — есть бесконечно малое настоящее».

«Дайте до детства счастливый билет»

Ныне посёлок Шортынбай близ Тенгиза жалуется не столько на бедность, сколько на здоровье: подземные клады за «здорово живёшь» не отдаются. В Гумаровом детстве золотом блестела чешуя. Рыба не переводилась. Работа отца на рыбозаводе не кончалась. Воздух первозданной чистоты крепил лёгкие впрок. Не было обуви — так зачем детству обувь? Летаёт!

Отлеталось. В тридцатые власть над степью взяла засуха: доэкспроприровала всё.

Социальное равенство навёл гол-лод. Тиф подчистил кадры чище НКВД. Пришедшей коллективизации делать было абсолютно нечего. Кроме как украсить поселковый совет лозунгом. Что за дело ребятишкам до красных тряпок? Нет за ними ничего съестного... Забыты игры. Камни кажутся хлебом. Поднимут — нет, не хлеб. Раскалённый песок и тот — ко рту, как крошки... Нет, не крошки...

Чета Сарсенгалиевых — друг за другом — стала холмиками. Три малых воробушка — на милость Аллаха. Только что делать Богу с сиротами? Их уже и не счастье. Нет у него столько еды и столько питья.

В чёрные дни люди добрее богов: младших — сестру и брата — увезли в другие селенья. Десятилетнего Гумара взял сосед Мажит. Голодная смерть чавкнула, отступила от приёмьша. Тоска по родным не уходила никуда: вместе с ним собирала на пастбище кизяк, стояла в хлебных очередях, радовалась самому маленькому довеску: его можно было съесть. Тоска сопровождала всюду, и Гумар научился с ней жить.

«Я убит подо Ржевом»

Думал ли кто, что Бердичевское пехотное училище помечтает Житомир на Оренбург? Мечтал ли школьник в своих прикаспийских краях об Оренбурге? Одно слово: «война» — и доброволец Сарсенгалиев

учится мотать портянки. Из оборонительных боёв страна не может выбраться, армия тает. Новое воинство на учебных полигонах передёрнуло затвор. Оренбургские курсанты — один к одному, рост в рост, шаг в шаг! Парадному шагу обучали особо: осенний выпуск должен был пройти по Красной площади на Октябрьском параде. И прошёл бы! Но линия обороны затрещала по всем швам: срок обучения пехотинцев съёжился с шести месяцев до трёх. Вместо товарища Сталина курсантов поприветствовали окопы Калининского фронта.

Коммерческий курс времени на войне непредсказуем: неделя может стоять года, день — месяца, миг — жизни. Через сто двадцать суток боёв сколько их осталось, ребят экстренного выпуска оренбургской «пехотки»? Лучше не считать Гумару, просто выполнять чёрную работу войны, и она однажды закончится.

Снаряд из десятиствольного миномёта закончил ратный труд не одного бойца. Здесь, подо Ржевом. С железной «реликвией» в ноге уже не бегут, «ура!» не кричат. Пехотинца Сарсенгалиева на шоковом «ура!» пронесло ещё метров пять. Вот они, законы инерции и запала! Свалишься, боли не чувствуешь... В крошечном аду, где соловьём-разбойником свистит воздух, где нечистая сила шевелит мёртвых, раненого подхватил Гольфстрим самоспасенья. То глубинное,

человечье, когда жизненные токи уходят, безумно хочет жить: вылететь, выползти из пространства, где рождаются смерти. «Обузу-ногу вызволял через трупы, как через баррикады. Над тяжёлой головой чёрный гуд завыворачивал кренделя: со свастикой во всё брюхо. Не этот ли «мессер» вчера атаковал солдатика-подранка? Железный охотник на человека преследует теперь и его? Но Гумар — не тот сосунок: бестолково метаться не будет. Надо только одолеть ров, переправить через него ногу, ногу... Заклинило белый свет на ноге.

— Э, куда, милоч? Приплыли! — сразу несколько рук потащили бойца вниз, в преисподнюю. Мелькнула пилотка с красным крестом и тут же померкла.

Подпоручик Войска Польского

«Ходулю» пехотинца спасали стольная Москва и тихий городок Котельнич. Да только какой он теперь пехотинец? С клюшкой, но чем не телеграфист? Командование больше знает о боевых ресурсах, чем ресурсы о себе. В городе Горьком, где исключительно ясные зорьки, в школе телеграфистов научили бойца Сарсенгалиева новой грамоте: от простейшей азбуки Морзе до приёма-передач кодовых комбинаций. С такой специальностью можно очутиться в любой точке мира. В том числе — в составе

Польской освободительной армии. На запад, на восток, на юг и север по открытым линиям, тайным каналам уходили из-под пальцев «пианистов» цифровые шифровки. О чём они? Операторам знать не положено. Хотя чего там: война на исходе, грядёт новый передел мира. Шуршит эфир...

Уж не помнит Гумар: не то в Лондон, не то в Рим не мог коллега достучаться до корпункта: «А-Дэ-три-О; А-Дэ-три-О!» — позывные оставались без ответа.

— А-Дэ-три-О, вы меня слышите?

На втором часу напрасного адетриоканья у оператора Саши лопнуло терпение, как струна на гитаре. И уж каким семиоктавным фольклором обложил гробовой эфир — а только откликнулись и Лондон, и Париж, и бдительная спецслужба! Место оператора пустовало три дня. Да где ещё такого спеца найдёшь? К тому ж, видать, ни одна разведка в странном послании тайного смысла не обнаружила. Сашу вернули. Всей группе связистов было поручено подготовить достойную себе замену: дембель!

Счастливое мгновение обновил фотограф: Гумар, Саша — со своими вчерашними учениками, уже коллегами. Теперь на этой станции будут работать они — поляки, французы. За фотокадром — весенняя Варшава сорок седьмого и поезд, который вот-вот унесёт домой подпоручика Войска Польского.

«...Пришёл, чтоб дать волю»

Послевоенный Уральск — не одет, не накормлен — отводил душу на стадионе «Спартак». Тусовались юнцы, у которых молоко на губах не обсохло, ребята постарше, выстоявшие лихое время у рабочих станков, и те, кто прошёл огни-воды-медные трубы войны. Ампутированное детство, вот что их всех роднило. Футбольное поле и так, и за пятак осыпало как манной небесной, свистящей, кричащей, топочущей радостью. «Кота на мыло!» — весело отсылали своего фаворита Костю Котова болельщики. Это он за тасил отставного подпоручика, студента Гумара Сарсенгалиева «для укрепления сил и популярности футбольных команд».

— Ну и беда, что с прихромом? На воротах постоишь!

Студенту и без того застаиваться некогда. В зимние каникулы спартакиадавали вузы многих городов огромной державы. Но «приклеился» к стадиону с первой встречи до ветеранских игр. Едва сбросив шинельную скатку, выступил за честь Джангалы. В сорок восьмом — игры на Кубок Казахской ССР. Спортивные десятилетия оставляли в память о себе грамоты, значки, вымпелы, кубки. Но матч пятьдесят первого года...

Два тайма краевой значимости Гумар, как Илья Муромец, сидел на запасной. Переживал

за своих: не хватало решающего гола. Ворота соперников уже начинали нагло посмеиваться. Кто ж такое выдержит? В груди росло нечто... И когда третий тайм пришёл, чтобы дать запасному игроку волю, — о-о! — трибуны гуднули: «Г-о-ол!!!» Мяч, будто только и ждал озлившегося ботинка вратаря. Это был не гол — песня с припевом! Припев состоял из одних прилагательных: пятиметровый, красивый, великолепный, неожиданный! Для автора гола незабываемый.

«Мы тебе колхозом дом построим»

Каждая птица претендует на отдельную жилплощадь — вьёт гнездо, каждая зверушка роет индивидуальную норку. Люди радуются и коммунальному скворечнику. Сколько же семья Гумара сменила углов, из коих выселял то дождь, то холод, то недобрый хозяин. «Мы тебе колхозом дом построим!» — обещало бездомному фронтовику певчее радио. Скоро песня складывается, не скоро дома строятся. И так уж хотелось преподавателю кафедры экономической географии помочь области, а заодно и себе в «темпах роста благосостояния», что написал диссертацию на местном материале. Научная мысль объективнее прочих, но и судьба у неё отдельная.

Дату рождения квартиры можно считать для Сарсенгалиевых

судьбоносной. За такую радость высококвалифицированные педагоги, врачи, доктора наук на двести часов уходили в подмастерья к штукатурам-малярам. От такой практики экономика теряла ли, приобретала, знали только экономисты. Но всё равно — да здравствует пятьдесят девятый! Да здравствует дом на проспекте! За сорок пять лет здравствования город уже и подзабыл, что он звался домом врачей, учителей. Теперь — просто дом. Квартира под номером одиннадцать тепла, уютна. Живут в ней Гумар Жумабекович да Софья Карасаевна. Звёздную дочку Майру съезд архитекторов мира назвал «Архитектором международного класса». Старший сын и дочь — в маму — стали врачами. Богатство Сарсенгалиевых полнится

весточками от бывших учеников, друзей. По праздникам приходят поздравления, подписанные далеко не безызвестными людьми. С Днём Победы поздравлял и глава государства. Приятно... Наверное, ангел простёр крыло над их крышей?

— Нет, — говорит хозяин, — не ангел, это моя Софья Карасаевна! Я бы без неё был не я...

Зимний возраст утомляется скоро. Да и не может человек высказать всего. Но сколько бы ни жил, «не насытится око зрением, не наполнится ухо слушаньем». Жизнь — плохая, хорошая, справедливая, не очень, вся в окне. И вся — Отечество. За неё ходят на войну солдаты, и, бывает, осколки, калечившие их, после хранят музеи...

СТИХИ ПО КРУГУ

**Валерий
КУЗНЕЦОВ**

НА СТЕПНОМ РАЗЪЕЗДЕ

Глухой разъезд. Весенняя пора.
Дымится путь,
 что был вчера завьюжен,
Двоится сад в прозрачно-
 жёлтых лужах...
Куриный бред со всех концов
 двора...

Какая даль!
 Как сердцу не забытья,
Как не смешать с весенней явью
 сон!

На горизонте — медленные
 птицы,
Громадные... с походкою ворон...

Свет, всюду свет!
 Душа в тиши устала,
И целый день в немую даль
 защит,

Пока на миг обвальный гул
 состава,

Как сон во сне,
 твой слух не оглушит.

* * *

И вечереет, а — светает
Над всей землёй,
 над всей водой —
Как будто дым кизячный тает
Рекой молочно-голубой.

Свет всею поймой верховодит,
И в осиянном далеке
Плывут века и половодья,
И хлопья пены по реке.

Весна моя! Твоей любовью
Душа всегда была полна.
Зачем такую плещет болью
С верховьев мутная волна?..

Боль мимолётна и случайна —
Ведь над водой небесный свет,
Которого без вешней тайны
В природе не было и нет.

МОЛИТВА

Господи, дай силы —
Невозмогу
Проклятой осиной
Трепетать на свету!

Больно — ни вылиться криком,
Так ни сказать.
Сосны родительским ликом
Смотрят в глаза...

День, словно солнечный заяц,
 Вспыхнет в душе —
 Я оживу, улыбаясь, —
 Счастлив уже!..

Света и тени ухабы
 Столько доставили мук!
 Случай — оружие слабых
 Я выпускаю из рук...

Близок там путь,
 или долгий,
 Дай же пройти до конца
 Школу служения долгу
 Птахи упорной — скворца!

ЗАВЯЗИ

* * *
 Море, ты стёрло прожитые
 годы —
 Мир, где томился, боролся,
 страдал.
 Призраком счастья, бессмертья,
 свободы
 Брызжет зелёный
 бессмысленный вал!..
 Сердцу сегодня другого не надо —
 Морем заполнено, словно тобой.
 За темнотой санаторного сада
 Глухо и грозно грохочет прибой.

* * *
 Душой почуя первое движенье
 Подснежных вод в сверкающих
 полях...

* * *
 Словно наши отставшие тени,
 Наши письма ведут разговор.

* * *
 Ещё одно твоё признание
 На тёмном языке любви.

* * *
 Светом трагическим и небывалым
 Залит Отечества сад.

* * *
*И чувством молодости
 странной...*
Иван Бунин

Чаша выпита до дна —
 Жадно, пьяно, неустанно, -
 Отчего ж душа полна
 Чувством молодости странной?..

* * *
 Желта, мутна прибойная волна,
 И парус ветру в эту ночь не
 верит.
 И лодка с хрустом выползает на
 Белеющий ракушечником берег!

* * *
 Катится по колдобинам бытия
 Время, несовместимое с
 жизнью...

* * *
 Не угасает начальный восторг:
 Жизнь — на закат, а душа — на
 восход!

ЯБЛОНЕ

Ты сохнешь, ты вянешь в
 осеннем саду —
 Мне больно, мне страшно с
 тобой.

Последним листком от тебя
отпаду,
Поплыву по реке голубой...

* * *

И снова яблоня цветёт,
И снова кто-то ждёт кого-то.
И жизнь идёт, и смерть ведёт,
И ничему не учит опыт.

**Вадим
БАКУЛИН**

ЕЯ

Приостановился поезд... Где я?
...Станция с названьем
странным — Ея.

Ну и ну, за все свои скитанья
Я короче не встречал названья.

И само село-то маловато.
Вон уже и край, и дол горбатый;
Змейками ползут на всхолмье
рощи...

Нет природы сказочней и проще.

МНЕ ЖАЛЬ ЭТОТ ВЕК...

Мне жаль этот снег, этот век,
уходящий
С причала родимой земли.

Подобно терновнику в
дремлющей чаще
Мы в нём родились и росли.

Пусть что-то, увы, не сбылось,
не свершилось,
Пусть чья-то звезда сорвалась.
О, Боже, пошли нам
пресветлую милость,
Избави от лютого зла!

Насилие, войны, нужда и
напасти
Чтоб в омут ушли с головой,
А всплыли святые мгновения
счастья,
Что жизнью и были самой!

Мне жаль этот век, этот снег,
что растаял
Иль вовсе приснился во сне?!
Да смелых стихов моих резвую
стаю,
Вспорхнувшую к вещей Луне!

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Перекаати-поле, перекаати
Всю мою жизнь на начало пути.
Переиначь её, переверни!
В бездну ушедших родных
мне верни!

С ветром умчись, донеси
поскорей
Блиzkих тепло и улыбки друзей;
Перекаати-поле, буйствует кровь!
В небо рвани и верни мне
любовь!

Степь колдовская, уйми ветра
стон!
Меч горизонта... Бескрайний
полон...

Всплеск ковыля, крики
хриплых ворон...
Что-то мерещится... Что это?

Сон?

Люди навстречу идут мне вдали,
Тихо, почти не касаясь земли,
Те, о ком долго страдал и

простил,

Перекаати-поле... Нет моих сил...
Ты подскажи мне, прошу, не

терзай:

Что это? — Бред мой? Мираж?
...Или рай?!

Нет... Это просто идут облака,
Иглами солнца продеты слегка...
Снова в моих барабанах висках —
Страх, одиночество, боль и
тоска.

ВСЁ НАЧАЛОСЬ И КОНЧИЛОСЬ ЗИМОЙ

Всё началось и кончилось
зимой.

Весны в помине не было и нет.
Косматый вечер тонкою рукой
Качает на деревьях синий свет.
А то посмотрит чернотой зрачка,
Дохнёт морозно прямо в душу

мне

И отвернётся, разомкнув слегка
Мирок теней на каменной стене.
Светло и тихо засыпает сад,
И всё смеётся ветерок слепой...
Как хорошо, что нет пути назад,
Что больше не расстанусь я с
тобой!

РУССКОЕ СЛОВО

Евгению Семичеву

Мой рассвет начинается в
полночь:

В тишине, сквозь небесную
гладь,

Проплывают стихи, словно
волны,

И горстями ложатся в тетрадь.

О, нетленное русское слово!

Потеряв твой приют, я умру,

Но как Феникс из тьмы, с
силой новой —

Твоим светом воскресну в миру!

Всех бы вылечить, сбившихся
с толку,

Потерявших надежду в глуши;

Залатать, как волшебной
иглой,

Чутким словом — заплаты
души...

**Елена
ТАРАСЕНКО**

БОЛЬНАЯ ВЕСНА

Отбросив скорби ношеную синь
И радостей замасленные ключья,
Как далеко уводит от трясин
Весеннее лихое худосочье!

Кто чист, как хирургическая
нить,

Тому легко привыкнуть к
нездоровью.

Мы обсудим комментарии к
 строке,
 Опасаясь задевать иную тему.
 Стёкла блещут, подоконники в
 золе;
 Не пугайтесь; окон я не разбиваю.
 У меня четыре книги на столе,
 И я пятую прочесть не успеваю.

От мучительно улыбчивых бесед,
 От извилистых взаимных
 извинений
 И от музыки, рыдающей с кассет,
 Крепнет робость, полоумная,
 как гений.
 Да зачем же я дверного скрипа
 жду?!
 Отчего я не решаюсь постучаться?
 У меня четыре времени в году,
 Так что пятому средь мая не
 начаться.

Невозможно ни отвергнуть, ни
 принять
 Укоризненную радость долгих
 взоров,
 Не могу ни отшатнуться, ни
 обнять
 И смеюсь над вязью меловых
 узоров.
 Только тошно мне от бойкого
 клише
 И тепло от неуверенного жеста.
 У меня четыре шрама на душе,
 Но и пятому рубцу найдётся
 место.

ПИСЬМО

Спасибо дням, стремящимся к
 весне
 От зимней разутюженной
 скатёрки,

И шустрым искрам,
 расцветившим снег,
 Как радуга, натертая на тёрке.
 Поклон тебе, надёжная вода:
 Своей не прерывая круговерти,
 Шумлива, вездесуща и горда,
 Ты избавляешь от боязни
 смерти.

За звучный голос и за вольный
 нрав
 Спасибо неуступчивому ветру,
 Хранителю моих надежд и прав,
 Импровизаций признанному
 мэтру.
 Благодарю чистейший снежный
 наст
 И гулкий воздух с ароматом
 сдобным,
 Благодарю всё то, что не
 предаст,
 Коль станете Вы слишком
 неудобным.

Как ты стара, непознанная новь,
 И как же надо мною ты
 смеёшься,
 Безжалостная, странная любовь!
 Прощаю всё за то, что
 остаёшься
 Рукой прохладной на горящем
 лбу,
 Причудливым виолончельным
 скерцо,
 Иглой, что чью-то вышила
 судьбу
 На ткани моего скупого сердца.
 Хоть ноет след от каждого
 стежка

И эту боль не выразить
 словами,
 Но жизнь моя не может быть
 тяжка,
 Ведь лишь она меня связует с
 Вами.

Мне суждено навстречу Вам
 бежать,
 Распахивая двери, тычась в
 стены, —
 И не достигнуть, и не удержать;
 Вам — на границе вечности и
 сцены
 Светиться сединой из темноты,
 Обняв охапку рыжих георгинов.
 Лицо как мел — и огненны
 цветы.
 Пусть не коснутся Вас, навеки
 сгинув,
 Ни пошлость мелочей, ни
 натиск бед.
 Да будет больше счастья,
 нежели долга.
 Мой свет в глазах, мой становой
 хребет,
 Мы не увидимся. Живите долго.

**Сергей
 ХОМУТОВ**

* * *

Когда ко мне приходит
 нежность
 И строгой делает любовь,
 То, забыв свою мятежность,
 Я не тревожу ваших снов.

Когда, вдохнув ночную
 свежесть,
 Я допускаю слово «пусть»,
 Как бы итог и безнадежность,
 С небес ко мне слетает грусть.

Пусть мира тесное соседство
 Шумит и стонет вдалеке.
 Сегодня ночью королевство
 Зажато у меня в руке.

Оно и нежностью, и грустью
 Горит в мирах наверняка...
 Рука устанет и отпустит
 Банальнейшего светляка.

ВРЕМЯ ОДНОЙ СИГАРЕТЫ

В общем-то, это немного —
 Время одной сигареты.
 Здесь — на земле, у порога,
 В поисках правды и света.

Медленно тлеет надежда,
 Пальцы уже обжигая,
 И представляются прежними
 Краски минутного рая.

В небе — доходчиво пусто.
 Не кричать и не взвиться.
 Высшее в мире искусство
 Просто молчать и томиться

Здесь — на земле, у порога,
 В поисках правды и света...
 В общем-то, это немного —
 Время одной сигареты.

2 АВГУСТА 2001 Г.

В тот день опять сверлили
 «Курс» —
 Позор страны и президента,
 Богатые считали ренту
 И доллара следили курс.

Террор, чеченская война,
Атаки антиглобалистов
С рекламой памперсов и
«твиксов»
Эфир заполнили до дна.

Провинциальный город наш
Прощался с летнею жарою
И ждал прохлады и покоя
В который раз, в который раз.

И август, проводив в дорогу
Июльский пыл, свой примерял
венец,
А друг сказал: «Мы — пыль,
Мы только пыль
На стопах Бога»...
Той ночью умер мой отец.

* * *

«И стал свет».
Бытие 1,3

Я растерял черновики,
Забыл события и даты.
Лишь слово призраком строки
Дразнило и вело куда-то,

А звук охотничьих рожков
Манил в отъезжие владенья,
Где, принимая мир без слов,
Я в звуках всё искал спасенья,

Хоть смысла не несёт волна
И тоньше звука цвет поющий,

Я ритмизировал бегущий
Свой взгляд и небо пил до дна,

Пытаясь Божию поэму
Понять без звуков и без слов...
Господь не знал черновики,
Когда разрушил мрака стену.

ПТИЦЕВОРОТ

Птицеворот грачиной стаи
Перед отлётом над землёй,
Изрезав весь закат крылами,
Всё не прощается со мной.

Ещё мгновенье, и начнётся
Осенних месяцев излёт —
Октябрь дождями изольётся,
Ноябрь снегами изойдёт.

Но между ними в промежутке
Есть очень чёрная пора.
Там ночи измеряют сутки,
Там серы сумерки с утра,

Там ожиданье не тревожит,
А больно жжёт. И встречи ждать
Уставшая душа не может
И стонет, и желает знать,

Что там — за дальними снегами:
Весна или последний лёд
Над головою, под ногами?
И возвратится ли строками
Сегодняшний птицеворот?

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ПОЮЩАЯ ПТИЦА

О творчестве С. Есенина

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Легница Польской народной республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Литературный критик, публицист, председатель Совета писателей России. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь» (2004), премий журналов «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009). Член Союза писателей России. Ведущий рубрики «Литературная критика» журнала «Гостинный Дворъ». Живёт в Воронеже.

Что значит для нас Есенин сегодня?

Со дня его смерти Россия претерпела множество бед. Но вот что примечательно: в минуты скорби, в годы гонений и смертей есенинские поэтические строки сопровождали русского человека, давали ему утешение и не позволяли погасить в его душе трепетный огонёк любви к своей многострадальной родине.

За прошедшие десятилетия литература пополнилась самыми разными стихами: благозвучными, умными, пронизательными, изобретательными по форме, созерцательными, гневно-обличительными... Одни из них воспринимаются сразу, другие требуют размышления и только потом трогают сознание читателя. Но в XX веке, пожалуй, только стихи Есенина обладают той редчайшей интонацией, когда слова мгновенно достигают сердца, и притом – воспитывают душу и образуют ум. В православной

традиции это называется «умным сердцем».

Если в поэзии современника Есенина и его друга Николая Клюева перед нами предстаёт Русь старообрядческая, потаённая, сокрытая от недоброго и любопытного постороннего взгляда, то стихи Есенина дают нам Русь такую, какая она есть. С её доверчивой открытостью ко всякому прохожему, с её красотой — то буйной, то сдержанной, с её простором, которому нет предела ни в ширину, ни в высоту... Духовное око поэта видит всякую неброскую деталь природы и крестьянского быта. И в этой стихотворной картине столько истинно русского, что, кажется, нет такой силы, которая смогла бы стереть с лица земли русский след.

Стихи Есенина живут внутри видимой, истерзанной России, они составляют в некоем мистическом ядре страны силу, которая позволяет самым разным частям её сливаться воедино. Так и русские люди, впитывая есенинское слово, начинают понимать себя и перестают быть одиночками на своей земле — древней и любимой. И в этом — неценное достоинство поэзии Сергея Есенина в наше трудное и жестокое время.

Вглядываясь в поэзию Сергея Есенина, мы можем отчётливо увидеть, чем она питает стихи сегодняшние и чем от них кардинально отличается.

Есенин дал всем последующим поколениям русских поэтов непревзойдённый пример певца,

будто растворённого в родной земле, её традиционном укладе, природе, а также — во времени, которое безжалостно рушит всё вчерашнее. Он испытал в своей художественной мастерской новые приёмы поэтического творчества, его проникновенные строки не кажутся архаичными и теперь, когда стихами порой называют очевидный словесный мусор.

Есенин удивительным образом соединил в себе черты поэта-традиционалиста и поэта-новатора. И обрёл творческую возможность увидеть родину в трагическую эпоху исторического перелома — и воплотить зримое в ярчайших образах, проникнутых любовью и горечью, жадной жизни и печальным расставанием с ней.

Однако есенинский лирический пессимизм несопоставим с нынешними «поэтическими рыданиями», будто провожающими Россию в последний путь. Такое различие продиктовано, прежде всего, неотделимостью поэта от родной земли: он чувствует её мистические токи, тайное сопротивление губительному мороку, который охватил знакомые пределы, он является живой частью родины — и потому никак не может присутствовать на её отпевании, будто бы склоняясь над усопшей и обливаясь слезами.

В Есенине не найти расщеплённости, которая, словно жук-древоточец, выедает древо современной поэзии изнутри. Это ещё одна причина, по которой его лирического героя нельзя

представить стоящим рядом с Россией и говорящим о её кончине.

В его произведениях отразились русская история и русская беда, прошлое, настоящее и будущее отчего края. Это свойство есенинской поэзии помогло ей сохраниться в безжалостном XX веке. Строки поэта повторялись на фронтах Отечественной войны, пронизали собой все годы нашей жизни. Будто капля крещенской воды, превращающая в святую влагу целый водоём, стихи Сергея Есенина входили в душу, которая ещё не поняла собственных истоков, и делали её русской.

У Есенина достаточно много строк, совсем не похожих на знакомые образцы народной лирики, с её напевностью, мерностью повествования и прозрачностью сюжета. Масса смысловых диссонансов, ритмических перебоев, гротескных образов и тому подобных примет урбанистического, городского стиха. Но интонация поэтического голоса в столь разных произведениях, по существу, везде одна. Перед читателем возникает облик человека, который может говорить тихо и громко, признаваться в любви и кричать от негодования, быть вдумчивым и непререкаемо резким. Такая переменчивая и широкая в своих берегах художественная речь — одна из примет творческого гения, которому послушны слова и смыслы. Для него внутренняя свобода есть «человеческая» сладость и, вместе с тем, — бремя мистической ответственности.

Современная поэзия взяла из сокровищницы Есенина очень важные свойства:

- любовь к русскому пейзажу;
- тягу к деталям реальной жизни, будь то предметы быта или коллизии меж людьми, живущими на селе;

- понимание своих родовых корней — можно сказать, таинственный зов крови, что течёт в наших венах и является частью крови древней, вошедшей в состав земли.

Каждый поэт примеряет к себе ту художественную вещь, в которой ему не тесно петь и жить. Иначе и быть не может, поскольку певческий голос должен быть свободным — достаточно посмотреть на поющую птицу. Есенинское пространство пополняется новыми стихами, в которых современный автор естественно слит со своим великим предшественником. И это не подражание давним прописям, когда дыхание сего дня отодвинуто от слов и красок, от образа человека и образа мира. Поэты «есенинской школы» очень часто не похожи друг на друга, и может показаться, что заветы Есенина таким образом размываются и мельчают — но это неверно. Та река вдохновения, начало которой дал наш национальный поэт, принимает в себя разные притоки и становится полноводной, будто Волга.

И в том — значение Сергея Есенина и причина непреходящей любви русского человека к своему гению.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

РАССКАЗАТЬ ИСТОРИЮ

*Рецензия на книгу стихов
В. Молчанова «Фрески»*

Нина Александровна Ягодинцева родилась в Магнитогорске. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Кандидат культурологии, доцент Челябинской государственной академии культуры и искусств. Секретарь Союза писателей России. Автор поэтических книг и монографий в литературной и научной периодике. Лауреат всероссийских литературных премий им. П. П. Бажова (2001), им. К. Нефедьева (2002), им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2008), Сибирско-Уральской литературной премии (2011), литературной премии Уральского федерального округа (2012), Международной премии «Ак Торна» (2012) за лучшие переводы торжакзычной поэзии. Председатель жюри Южно-Уральской литературной премии. Живёт в Челябинске.

Это было всегда. Это будет, несмотря на Интернет и умопомрачительные гаджеты, на информационные потоки, лавины и сели, обрушивающиеся на головы современников, на телевизионные истерики ток-шоу и чудовищное хладнокровие новостей. Это будет всегда: желание услышать историю — из прошлого ли, настоящего ли, будущего — так, как будто происходит она здесь и сейчас и требует для себя живого сочувствия. Слушая её, ты вдруг непостижимо ощущаешь себя живым и настоящим, и всю глубину времени в себе, в своей крови — чувствуешь абсолютно реально, как будто только так могло и может быть.

Рассказчиков ценят именно за это. История сохранила факт, что издавна на Урале, в котле народов, в междоусобных схватках, среди попавших в плен к чужакам у хорошего рассказчика было больше шансов выжить,

потому что долгими зимними вечерами он уводил за собой слушателей то в быль, то в сказку. Где, что, когда услышал — заплетал он в причудливый сюжет, непременно с «переживательными» подробностями, памятными приговорками. Плясал огонь в очаге, таили дыхание слушатели, и всё многоцветное узорочье жизни, и суровая школа её, и промысел Божий в судьбах становились понятнее, ближе, постижимее.

Прошли века, накопились библиотеки, размножились сайты — но в человеке-то ничего не изменилось. И, открывая книгу, буквально с первых страниц понимаешь: вот он, рассказчик — азартный, увлечённый, ради красного словца ничего не жалеющий, любящий жизнь и живущий поэтически азартно, знающий свою силу и умеющий «показать товар лицом»:

*Весна-дворняга солнечным
оскалом
Зиме грозила: «Береги бока!»
Пригожий лик под ледяным
забралом
Таить устала стольная река,
И лопнула морозная тесёмка.
Шлем по теченью сбросив
за спиной,
Приподнялась Москва. С утра
позёмка
Котлы проталин сдобрила
крупой...*

<...>

*Материя разложена по
штукам,
Бери любую — не жадись,
плати.
Моченья и соленья, связки
лука,
Бочонки мёда, пирогов
ломти...
Глаз маслится от снеди
изобильной!
Весна-дворняга, изойдя
слюной,
На жарких лапах кралась
мимо мыльни
С окошками из плёнки
слюдяной.*

Живая речь, соединяющая в целое рассказываемой истории самые разные пласты — исторические, культурные, не брезгающая, а порой буквально блистающая просторечиями, перелёстывающая за условности поэтической формы — что может быть увлекательнее для благодарного слушателя? Ведь тут вам не простак-балагур, а философ, выбирающий сюжеты со смыслом, превосходящим привычное обыденное разумение. Вот смерть младенца от «родимчика»:

<...>
*Как бисером расшитая
дорожка —
Небесный самотканый
рушничок,
Чтоб по нему прошли босые
ножки,
Не обморозясь, в облачный
чертог.*

<...>

*Не чахнуть внуку в царской
каталажке
Не гнить в окопах Первой
мировой...
У Марьюшки родился сын
в рубашке
И умер в ночь под самый
выходной.*

*Где от полозьев чёрные
полоски
Морщинами легли на ровный
снег,
Метель морозно-ветряной
двухвосткой
С плеча хлестала уходящий
век.*

Увидеть и вплести крохотную младенческую судьбу в судьбу гигантской штормовой эпохи — для этого надо быть творцом в чистом, исконном смысле слова, замахнуться мыслью на таинственный Божий замысел о нас... Это очень по-русски, немногословно, но многоцветно и безмерно.

Вообще Виталий Молчанов — наш, русский рассказчик. Он не будет плести прихотливые восточные орнаменты говорения — даже в «восточных» своих стихах, не стремится вывести прямой однозначный вывод из жизненного сюжета — просто рассказывает, просто даёт уму и сердцу цельную картину мира, не всегда всем понятную логически. В ней ценно другое: вот эти самые связи, соединяющие человека со звёздами, умершего младенца —

с грядущим веком, да и сама словесная ткань, в которой все эти соединяющие нити-смыслы вспыхивают мгновенно, в каждой строке:

*Помню, ведомый отцовской
рукой, — где та рука —
Шёл я по лестнице вверх
винтовой мять облака,
Скатывать в колья ребячьей
мечты небо, как снег.
Звёзды свои занимали посты,
чуя набег
Тьмы, пожирающей солнечный
диск. В эти часы
Вспыхивал факел — сонм
пляшущих искр Гыз галасы.*

А если это так — становятся понятными и пристрастность поэта к историческим, фольклорным, библейским сюжетам — сюжетам на все времена, и необычайная плотность стиха, когда привычная для современника ритмическая сетка гудит и качается под тяжестью плотных метафор:

*Встретилась мне у подъезда
тоска в рваном ботинке.
К сахарной пудре седого виска
липли снежинки,
Бельми мухами лезли под плащ
эры застоя.
Мёртвый поэт был согбен и
дрожащ, взгляд беспокоен.
Мерно качался фонарь на
столбе, ветром влекомый,
Словно адепт в непрерывной
божбе. — Выйти из комы
Ты не сумел, хоронили тебя
с миру по нитке,*

Как и сейчас, в первый день
 декабря — снежный и липкий.
 Лезвием в небо нацелен был
 нос, в пальцах — иконки,
 Пением батюшка — бывший
 матрос — рвал перепонки.
 Комя ронялись на гроб
 тяжело в паре морозном,
 Сверху ткачиха швыряла
 назло зимнее кросно,
 Видно, решила земле
 сгноить кипенный саван.
 Мать причитала: «Эх, бросил
 бы пить горькую сам он».
 После поминок родне и гостям
 выдала ложки,
 Нам же — по книжке, как
 старым друзьям,
 в мягкой обложке,
 Чтобы читали твои стихи
 денно и ночью.
 Книжку забросил я... Брат,
 извини, если возможно.

И кто же поставит в вину
 рассказчику его упоение речью
 и сюжетом, его вживание в чужие судьбы — и виденье сквозь них судьбы своей? Ведь нельзя не увлечься этой стихией, невозможно втиснуть её в сугубые филологические рамки, не стоит выбирать строчки по ритмической линейке, потому что речь — живая, пульс у неё — живой, и логика — собственная, пусть порой и угловатая, но ведь в этой угловатости и таится — жизнь!

Как размашисто крут
 дирижёр! Это шторма
 прекрасное престо —
 Перелом, поворот-оверштаг,

лязг запора, распяливший
 дверь,
 И надежда в глазах у щенка
 на концерте для флейты
 с оркестром,
 Что любовь нереально жива
 в череде бесконечных потерь.
 В океане земной суеты нас
 Вивальди выводит из дрейфа —
 Одинокий с рыжинкой старик,
 в нищете скоротавший свой
 век.
 Пусть поёт и вибрирует в
 такт вместе с сердцем
 чудесная флейта
 Так, что хочется всё изменить,
 и слезинки ползут из-под век.

Русскому рассказчику равно
 дороги все поводы для душевного
 разговора, дабы скоротать — ве-
 чер ли, век... Вот печальный, но
 счастливо разрешившийся дорож-
 ный анекдот про случайный фин-
 гал от упавшего с полки баула:

Непруха, братицы, одна
 не ходит:
 Семь лет по зонам. Обидно.
 Больно.
 Не крал, не дрался, ну,
 вытил вроде, —
 В двенадцать завтра сходить
 в Раздольном.
 Там встретит Катя, а я
 побитый.
 — Такое, — спросит, — твоё
 «с начала»?
 Забился в угол несчастный
 мытарь.
 Земля на рельсах состав
 качала,
 <...>

Сейчас заметит позорный
 штемпель —
 Фингал проклятый — пошлёт
 подальше.
 Вороны лают про быль и
 небыль,
 И в этом лае так много
 фальши.
 Но встали рядом сосед с
 соседкой
 И проводница, и полвагона.
 Сказали, мол, чемоданы
 метко
 Влетают в скулы — без
 лжи и гона,
 Что ты в дороге не тил,
 не дрался...
 И взгляд смягчился, стал
 тёплым, прежним.
 С плаката рядом вам
 улыбался,
 Нахохлив брови, геройский
 Брежнев.

Но есть и другой, масштабный поэтический сюжет, где оренбургская святыня — Табынская икона Божьей Матери — проводит оренбуржцев через смуту Гражданской войны. Утрата и обретение — испытания, открывающие смысл русской жизни, в которой всегда спасает вера:

Трижды с матушкой-Иконой
 Обошли весь град вокруг:
 Прекратились смерти, стоны,
 Вытер слёзы Оренбург...

Но что такое вера? Ведь это то самое тайное, интуитивное знание о единстве и неразрывности

мира, о его сквозных законах воздаяния и прощения. А в основе цельности — понимание, что человек един со своей землёй, кровно соединён с её историей, и чтобы ничего не забыть, истории нужно, рассказывая, проживать так, как будто они произошли не вчера или несколько веков назад, а так, как будто они живут всегда, здесь и сейчас.

Интересна технология создания фресок — со сквозным видением будущего сюжета, с волевой решимостью творца и азартом созидательного порыва — по сырой штукатурке, без возможности что-то подправить после... Но разве не так мы проживаем всю свою жизнь, без черновиков, набело? Разве не так рассказывает нам автор нашу собственную историю — дальнюю и недавнюю, говорит о своих собственных переживаниях и сомнениях?

Книга Виталия Молчанова «Фрески» объединяет очень разные стихи. Это разнообразие, тематическое и формальное, эта плотность и порывистость метафор создают узнаваемый авторский язык, притягательный образ рассказчика, философа от жизни, от её непростых исторических и душевных коллизий. И, думается, время таких рассказчиков — сегодня и всегда, пока человеку интересен человек и Божий мир вокруг нас.

Светлана СКОРИК

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПРАВДЕ

*О романе И. Веневцева
«Урал — быстра река»*

Светлана Ивановна Скорик — поэт, литературный критик, редактор, председатель Запорожских отделений Конгресса литераторов Украины (КЛУ) и Межрегионального Союза писателей Украины (МСПУ). Автор восьми поэтических книг, исследований по современным поэтическим приёмам и распространённым ошибкам в поэзии. Участвовала в подготовке новой полной академической редакции «Тихого Дона» Шолохова в издательстве «Московский писатель». Публиковалась в международных сборниках (США—Киев), в Москве, в Петербурге, на Дальнем Востоке и по всей Украине. Живёт в Запорожье.

Чем дальше по шкале времени отодвигается от нас советское прошлое, тем чаще всплывают из тьмы времён, казалось бы, давно канувшие в небытие исторические дневники, тщательно скрывавшиеся и уничтожавшиеся. На родину доходят мемуары и литературные сочинения эмигрантов, восстают из-под спуда записки и произведения политических заключённых — недодавленные, недосожжённые, истекающие ужасом и кровью трагические свидетельства непосредственных участников и очевидцев страшной гражданской бойни.

Старшее поколение хорошо знает трагедию русского казачьего сословия по роману Михаила Шолохова «Тихий Дон» — роману, созданному гениальной кистью, к которому возвращаешься и перечитываешь его снова и снова хотя бы просто для того, чтобы ещё раз насладиться красотой и мощью авторского таланта, живописными полотнами казацкого быта и колоритным

народным говором его героев. Я уж не говорю о лирической стороне сюжета и глобальных и мудрых авторских раздумьях над проблемами бытия, равных по высоте шекспировским вопросам.

Каково же было моё изумление, когда оказалось, что «Тихий Дон» — не единственная книга-свидетельство исторической правды и что существует ещё несколько удивительных и мощных романов, вышедших из казачьей среды или, во всяком случае, рассматривающих именно её — на том же пике гражданского противостояния.

Русское казачество было своеобразным, отличным от общей массы русского населения, словом — более грамотным, более сплочённым воинской дисциплиной, более самостоятельным и зажиточным и обладающим большими воинскими умениями и знаниями. И понятно, что такое «государство в государстве», которое к тому же, в силу присяги, принимавшейся в юном возрасте, цепко держалось за старые традиции и старую власть, не могло иметь никакой исторической перспективы внутри советского политического строя.

То, что всё-таки уцелел и вышел в журнальной публикации роман казака и политического заключённого Ивана Веневцева «Урал — быстра река», — показатель того, что общество всё-таки нуждается в исторической правде и уже не только способно её выслушать, но определённый

процент населения созрел и для того, чтобы пересмотреть свой взгляд на историю гражданской войны. Я не говорю об измене своей политической системе ценностей. Политический выбор остаётся за каждым из нас, и он совершенно не зависит от исторических перипетий развития государства, поскольку в основе его лежит идея, а не биография конкретных исторических лиц и их деяний, производивших глобальные изменения в стране. Но научиться отделять шелуху пропаганды от зерна реальных, истинных событий, научиться выслушивать все стороны и оценивать только факты (причём во взаимосвязи с внешней и внутренней исторической обстановкой того времени, а не взглядом из будущего, учитывающим всё, что тогда не было известно), анализировать и самостоятельно делать выводы — к этому мы обязаны наконец прийти, если хотим стать действительно свободным гражданским обществом, а не послушным мегафончиком той или иной власти. Потому что просто протестные настроения — это фактически протест против всего, против власти как таковой, а значит, анархия и безумие, значит, возгорание будущих социальных и национальных силовых конфликтов. И кто этого не понимает, ещё не умеет мыслить глобально, интересами своего Отечества. Узнавать историческую правду никогда не поздно, и она для нас — не балласт

лишних знаний, а пособие внутреннего роста и развития, становления нашего мышления. Чем больше в государстве людей мыслящих, причём мыслящих самостоятельно, а не «протестно» и не «как надо», тем состоятельнее такое государство и в своей экономике, и в своей текущей политике. Не использую слова «демократичнее» из-за слишком омерзительной окраски, в которой измазали это чистое и благородное понятие современные политические деятели разных стран.

Роман «Урал — быстра река» написан в лагере, там же украден, заново восстановлен. Из-за постоянных отказов в публикации неоднократно подвергался автором редактированию, чтобы отвести от своей семьи угрозу преследования (Увы, эти места уже не восстановить).

Иван Веневцев был талантливой и развитой личностью, но не успел получить систематического образования. Он только прошёл курс подготовки к поступлению в училище и не успел даже сдать экзамены, когда грянула Первая мировая война, затем революция, и вихрь событий подхватил его и понёс, как миллионы других человеческих судеб, в пекло гражданской войны. Веневцев вслед за старшим братом, которого любил, уважал и которому подражал во всём, примыкает к казакам атамана Дутова, и это определяет всю его дальнейшую судьбу.

Недополученное образование сказалось на романе. Там, где автор пишет о казачьей среде, у него живой образный язык, неподдельный, сочный, народный, на уровне с гениальными шолоховскими диалогами и описаниями природы и быта. Однако композиция сюжета, начавшегося с времени непосредственно перед Первой мировой, носит довольно хаотичный характер, и вторая часть, где изображается отступление и бегство дутовцев в Китай, частично написана более сухим языком, я бы сказала, языком военных мемуаров, а не народного романа.

Роман сберётся, прошёл все мытарства по редакциям различных газет и журналов и всё-таки дошёл до читателя благодаря настойчивости и заботам сына автора романа, Сергея Ивановича Веневцева (1916–2003), и внука по материнской линии, Сергея Фёдоровича Попова.

Чтобы небольшой и осторожной литературной «доводкой» придать роману вид, достаточный для публикации, усилить его цельность и выразительность, приложил свои старания и прекрасный поэт, писатель и литературовед из Оренбурга Валерий Николаевич Кузнецов. По себе знаю, насколько сложна и ответственна эта миссия, когда берёшься восстановить авторский замысел по черновикам, неотшлифованным наброскам, нескольким наспех набросанным вариантам и при этом стараешься

не навредить — не исказить при-
данием чрезмерной «литератур-
ности», а значит, стандартности,
самое главное — авторскую ин-
дивидуальность. Валерий Кузне-
цов справился с этим мастерски
— по роману даже не видно, что
его правила чужая рука, полно-
стью сохранён авторский язык,
угол зрения, манера мыслить и
выражать свои мысли, даже тон,
особая интонация.

Хочется отметить, что сухова-
тые страницы «развязки» конца
романа вполне компенсируются
мощными авторскими удача-
ми, как раз тем и интересными,
что они идут от прирождённого
чутья и таланта, а не от литера-
турных навыков и опыта. Эти
удачи лишены печати какой-ли-
бо литературной школы, кроме
самого духа творчества, созрев-
шего среди благодатной русской
классики, впитавшей её, но не
прошедшего её канонической ма-
стерской. Оттого роман дышит
живой импровизацией, непод-
дельным чувством, в нём рыда-
ет, пляшет, хохочет и страдает,
косит, поёт, ходит в атаку, ду-
мает над жизнью сам народ ка-
зацких станиц, так основательно
и в то же время слегка по-дет-
ски, простодушно, как никогда
не написал бы об этом писатель
профессиональный, побоявшись
впасть в сентиментальный тон.
У казаков же налёт романтиз-
ма, удалы и обострённости сер-
дечных чувств (как говорится,
душа нараспашку) присутство-
вал в самой гуще жизни и быта

и не считался чем-то странным,
ребяческим.

Тем и ценна книга Ивана
Веневцева, что она прекрасно
дополняет «Тихий Дон». Допол-
няет не только тем, что рисует
оренбургское, а не донское каза-
чество, а также соседствующих с
ним киргизов. И не только тем,
что любовно и со знанием дела
изображает народные обычаи и
традиции — как проходят цер-
ковные праздники, народные
гуляния, ухаживание, сватание,
венчание и свадьбы, как с ма-
лых лет строится воспитание
и обучение молодых казаков и
их дальнейшая служба, как вы-
бирают в атаманы. И даже не
только тем, что в романе даётся
в развитии история заселения и
освоения русскими и украински-
ми казаками этих мест, служба
русским царям в нескончаемых
войнах, первоначальная вражда,
переросшая в крепкую друж-
бу с местными жителями-кир-
гизами. В «Тихом Доне» эти
стороны народной жизни были
представлены более скупой. Но
главное — «Урал — быстра река»
ещё шире и подробнее отражает
события гражданской войны и
те причины, которые её подго-
товили. Веневцев, пытавшийся
гораздо позже Шолохова обна-
родовать своё произведение, уже
не был так стеснён цензурой и
страхом перед репрессиями. Он
их к тому времени прошёл и
на улучшение своей судьбы не
рассчитывал, этой иллюзии дав-
но не питал. Поэтому Веневцев

отражает события, не скрывая того, что неудобно и невыгодно было показывать официальной истории советских времён, описывает сознательные действия или бессознательные промахи советской власти на местах и в центре (которые так или иначе всё равно вели к террору), давая более полную картину событий и того, как постепенно менялись настроения казачества и населения городов.

В целом, если ещё учитывать появившиеся в годы так называемой перестройки «Красные дни» Анатолия Знаменского и «Наш маленький Париж» Виктора Лихоносова, вместе с романами Шолохова и Веневцева мы имеем глобальную, эпическую картину жизни казачества, его истории и гибели. Хорошо было бы проследить по этим романам всё в целом и обобщить. Ведь из них вырисовывается такое панорамное полотно, какое не снилось и историкам, до сих пор стыдливо скрывающим то, как людям приходилось всячески открепиваться от своих казачьих предков и сжигать их воспоминания и фотографии, чтобы не сесть в лагерь за одно только «неправильное» происхождение. Контрреволюционным считалась уже сама принадлежность к казачьему сословию, поэтому даже рукописные воспоминания прадедов о давних исторических событиях, фольклорные этнографические записи обычаев и песен, старые снимки могли

принести их владельцам верную гибель.

Не претендуя в этой рецензии на роман раскрыть всю его глубину и красоту, я хочу всё же отметить то, что меня в нём поразило, затронуло, или было внове, или показалось очень интересным и выразительным. Ведь без этого любая рецензия будет неполной.

Учась у Шолохова, которого Иван Веневцев не только читал и любил, но и внимательно перечитывал, стараясь вникнуть в секреты его изумительного мастерства, он старался каждый поворот в жизни героев или страны оттенять лирическими зарисовками природы. Это не только украшает произведение, но и усиливает читательское восприятие, поскольку основано или на контрасте, противопоставлении, или на совпадении в природном и человеческом бытии.

Роман «Урал — быстра река» начинается с описания степной бури и степных обитателей:

«Сколько степных существ в страданиях погибает, когда борьба становится непосильной, сколько растёрзывается и пожирается более сильными и хищными! Остаётся беспомощное потомство, или дети умирают на глазах родителей, вызывая страдание.

Незаметна человеку эта жизнь, полная неведомых ему страстей, стремлений и противоречий. А степному миру незаметна жестокая, осмысленная

и кровожадная — борьба человеческая».

На противопоставлении строится и описание первого боя казаков из станицы главного героя с советскими частями:

«Не обращая внимания на жужжание пуль, жаворонки не умолкали, иногда вылетали из-под самых ног и тут же скрывались в ковыле. Птицы пели и порхали над головами... Радость степной жизни вокруг, порханье и щебетанье птиц ещё больше щемили сердце и повергали в грусть. Не чувствовалось зноя, как будто не грело солнце, тело была дрожь от неведомого холода. В дни радостные, счастливые тяжелее ощущается приближение смерти, чем в дни скорбные, в дни несчастья и обиды».

А вот описание возвращения перелётных птиц, которое видят отступающие к китайским границам белые части:

«Показались перелётные птицы, зимующие далеко у берегов Средиземного моря, в Северной Африке. Родовой инстинкт гнал их сюда, в места, не совсем ещё освободившиеся от снега. Иногда они замерзали, погибали от бескормицы, не найдя открытых рек, обнажённых полей и талой воды, бессильные остановиться перед временем любви, откладывания яиц в новых летних сибирских, уральских гнездовьях...»

Возвращение птиц происходит на фоне отступления с его страшными подробностями — голодом, холодом, ночёвками

прямо в поле, тифом, вшами, неорганизованностью и путаницей, не говоря уже о внутренних противоречиях внутри белой армии, между разными её слоями. Но если перелётные птицы, тоже проходя через все перипетии путешествий на большие расстояния и тоже отдавая свои жизни, стремятся к дому, то белая армия, отступая в Китай, отдаляется от родины и навсегда теряет её.

Такие живописные талантливые зарисовки из жизни природы и людей на фоне гражданских потрясений в стране удивительно художественно смотрятся в романе и вместе с описанием быта и фольклора казаков являются наиболее яркими местами в произведении, — если, конечно, не брать во внимание центрального сюжета — любви главных героев.

Небольшое замечание в начале романа о том, как начиналось заселение и освоение этих краёв («Даже на полевые работы и пастьбу скота мужчины выезжали вооружёнными. Владели оружием и жёны казаков. Не однажды в отсутствие мужчин женщины защищали свои станицы от внезапных нападений»), заставляет вспомнить такой цельный, стойкий и несокрушимый характер, как Аксинья Астахова у Шолохова. «Наши бабы сручные к работе: вилы возьмёт, черенья не терпят — ломаются, на жнейку сядет — сваливает, как мужчина. Наша баба любого городского мужика поборет, да ещё через себя,

проклятая, норовит бросить, язви её», — говорит главный персонаж, сын бывшего поселкового атамана Михаил Веренцов, в котором угадывается сам автор. В романе, однако, главной героиней и персонажем с подобной Аксинье целеустремлённостью и желанием всегда быть рядом с любимым является не казачка, а городская учительница Галина, дочь богатого калужского собственника Мазорцева, выданная замуж накануне Первой мировой и почти сразу же ставшая вдовой. Это не просто нетипичный для казачьего романа персонаж: и в жизни любовь казака и горожанки из центральных русских губерний случалась лишь как явление экстраординарное. Чувствуется, что если Шолохов, изображая судьбы, создавая образы, делал художественные обобщения, уделял большое внимание типизации, и биография каждого его персонажа, имея черты разных реальных прототипов, строится всё-таки на самых типичных, распространённых чертах характера и событиях, — то в основе романа Ивана Веневцева лежат воспоминания о его жизненном пути, о тех, с кем сводила его судьба. Т.е. этот роман в большей мере автобиографический — во всяком случае, мемуарная основа в нём сильно ощутима, хотя и прикрыта художественной выразительностью, вымышленными именами и сценами.

Хорошо в романе выписана речь героев. Если Галина

выражается так, как свойственно молодой городской барышне, ласково, нежно, гармонично и образно («Я уже не могу без этой неуклюжей нежности, без всего, что зовётся Мишей, Мишенькой... Женихи в Калуге — мухи около мёда, лгуны болезненные, противно с ними говорить. Они и липнут-то из-за денег. А ведь этому ничего не надо, он и сам богат, и своё-то, не задумываясь, отдаст»), то Михаил Веренцов говорит так, как свойственно казакам, с народными оборотами и крепкими словечками: «Эх, Галя, Галюня, чёрт тебя поднёс, заразу. До тебя я хозяином в станице был — над всеми парнями и девками, да как заиграю на гармошке... Дух захватывает! А теперь и гармошку в руки не беру, её, наверное, мухи всю засидели, не знаю, что на улице делается... Только, знаю, прячусь от всех, да к тебе... Тьфу, мать твою так...» И совсем отличается от них искажённая русская речь юной красавицы-киргизки Балкуныс, влюбившейся в Михаила, который был другом её старого мужа:

«— Ай, пожалуйста, Мишка, айда кибитка. Кулумгарейка узнает: ты не пошёл кибитка, бить меня будет, скажит, звать не умела, — пересыпая слова матерщиной, старалась блеснуть знанием русских слов Балкуныс».

Конечно, в речи у героев Шолохова есть ещё и индивидуальные особенности, характеризующие каждый персонаж. «Тихий

Дон» выписан более тщательно. Тем не менее, даже будучи составлен урывками, в самых неподходящих условиях, роман «Урал — быстра река» удачно развивает «казачий словарь» Шолохова, поскольку насыщен чисто оренбургскими казачьими диалектизмами и фразеологизмами; в целом же эти два романа — обширный источник подлинного казачьего говора.

Как и в романе Шолохова, у Ивана Веневцева чета влюблённых тоже терпит поражение в битве с узаконенным обычаем, поскольку казаков женили по выбору его близких родственников. Вот и Михаила Веренцова женили на той, кого подобрала ему сноха, жена брата: «уж больно родители-то невесты хорошие. Сноху поддержали большинство родственников, и вопрос был решён», тем более что «женильба уже начата, и бросать её на полдороге значит вызвать насмешки у всей станицы». Возможно, после революции, когда появилась возможность развода, влюблённые и смогли бы соединиться, но Галина, как и Аксинья, гибнет от случайной пули. Не думаю, что автор стал бы просто копировать сюжет Шолохова — данное совпадение только подтверждает как то, что роман «Урал — быстра река» является в значительной степени автобиографическим, так и то, что в горниле гражданской войны гражданское население гибло массово. Так что это не

случайное совпадение, а показатель типичности.

Чрезвычайно занимательны исторические и этнографические описания, касающиеся станицы Благословенной, где происходит действие. Ранее на этом месте находился кордон Приуральный, на который во время войны напал сам султан с отборным отрядом всадников. Казак, сразивший султана в поединке, и стал основателем станицы. Её первыми жителями были переселенцы как русских, так и украинских станиц Урала. Для меня, например, было неожиданным узнать, что после упразднения Запорожской Сечи часть казаков ушла не только в Турцию и на Кубань, но и на Урал. Несомненно, эта малоизвестная подробность будет небезынтересна и для читателей.

Со временем население станицы смешалось, и украинские песни знал каждый казак-благословец. Но быт, одежда, причёска сохраняли национальный колорит: «Брат Наташи — Василий незаметно отлучился и появился уже в украинской одежде: в широких красных бархатных шароварах, заправленных в хромовые полусапожки на низком каблуке; в белой рубашке, расшитой на рукавах и груди замысловатыми рисунками и заправленной в шаровары... Глаза у Василия большие карие, брови чёрные, усы мышинными хвостиками опускаются по углам рта».

Новое название кордону Приуральному дал наместник царя,

генерал Перовский, который, приехав в Оренбургский край, сказал казакам: «Вы стоите на острие киргизского копыя. Благословляю вас на подвиги. И кордон ваш отныне нарекаю называть: станица Благословенная». Именно в Оренбуржье были задержаны кочевые набеги вольных киргизских племён, двигавшихся на Русь. Однако, когда прекратились набеги, казаки крепко подружились с киргизами, с которыми у них было много общего: «Всё в них нравилось казакам: лихость конной езды, гостеприимство, мягкость и уступчивость, верность в дружбе. Привлекала даже способность «чисто» украсть и не попасться. Почти те же качества киргизы находили в казаках». — Так психологически точно подметил и передал Иван Веневцев главную черту русского народного характера — запахнутость души перед любым соседом, умение найти общее с любым народом, проживающим с ним бок о бок, будь то украинцы или киргизы, способность крепко дружить и делиться своими знаниями и навыками.

Кочевники осели на земле, стали разводить несметные стада скота и даже сеять просо. А рядом раскинулись казачьи посе­вы хлебов. Как поэтично это описано у Веневцева! «На краю жёлтого вздыхающего моря зеленеют поля, изрезанные ровными клетками, украшенные смею­щимися подсолнухами. Это бахчи,

усеянные жёлтыми медовыми дынями, зеленовато-белыми тонкокожими арбузами». Тонкие метафоры, свойственные лишь тем из писателей, кто обладает поэтическим видением мира.

Характер любого этноса и субэтноса определяется климатом и сложившимися исторически обстоятельствами. И у казаков как субэтноса тоже сложился свой темперамент: «Здесь всё делается быстро, вскачь, ватагой. Так празднуют, так дерутся, работают». И особенно это проявлялось в свадебные и праздничные дни: «Всё несётся в бешеной скачке, не разбирая дороги и углов, всё кричит, вываливается из саней, сваливается с коней, снова вскакивает и снова несётся, обгоняя друг друга».

Чего стоит хотя бы один эпизод с Касаткиным из сценок сумасшедших выходов, сумасбродств и безрассудств, которыми так богат роман. Казак из станицы Красноярской Касаткин выпивал в трактире вместе с казаками-благословенцами и расхвастался, что его конь не боится ни огня, ни воды. Благословенцы стали его подбивать спрыгнуть вместе с конём с яра прямо в Урал и, чтобы уязвить, назвали всех красноярцев трусами. «Пьяного Касаткина будто пчела ужалила в самое сердце, уж больно задето было его казачье самолюбие. Он скрипнул зубами: «А, так вашу мать!» — и, вскочив с места, как сумасшедший, впрыгнул в тарантас

и погнал в карьер по улице, к Уралу». Естественно, впряжённый в тарантас конь вместе с хозяином и тарантасом грянул в пучину и пошёл ко дну. Однако Касаткин всплыл, и его спасли, а его первый вопрос был, «не спасли ли, кроме него, бутылку водки, спрятанную под кошмой в тарантасе».

Такие весёлые сценки служат настоящим украшением романа «Урал — быстра река». В них блестяще описаны лихость, ловкость, сметливость и бойкость казаков, их невероятная смелость и головокружительные выходы, их добродушный юмор и любовь к розыгрышам. Надо ли тут вспоминать о шолоховском деде Щукаре, чтобы понять, насколько оба романа опираются на реальный народный характер!

Даже в военное время проявлялось бедовое казачье сумасбродство: «при отправке казаков в поезд садится не более трети личного состава — остальные пьют где-то в кабаках и ресторанах, разехавшись по всему городу... потом оставшие догонят эшелон на пассажирских и скорых поездах. Это вошло в систему и как бы «узаконилось». Начальство на это махнуло рукой...»

Тем не менее, боевые качества казачьих воинских частей всегда были лучшими в русской армии — можно вспомнить хотя бы казачьи отряды, гнавшие Наполеона аж до самого Парижа. Высокая боевая выучка определялась системой воспитания. Казачат

с детства приучали к военным упражнениям, воинскому строю. На страницах романа «Урал — быстра река» в ярких запоминающихся картинках из жизни даётся понятие об этой системе. Вот, например, взятие снежного городка, который для скольжения ещё и обливается водой:

«Выстраиваются... в конном строю и по команде бросаются к нему бешеной ватагой. На пути — барьеры из хвороста и брёвен, снежный вал, горящая свёрнутая жгутом солома. Перед самым городком атакующих обстреливает холостыми залпами пехота, забрасывает их снегом. Подскакав, атакующие со всех сторон прыгивают с коней прямо на лёд городка. Чтобы удержаться на нём, у каждого в обеих руках железные тычки... Они поочередно втыкаются в снег и позволяют сильному взобраться на верх пирамиды».

Статная, дородная, красивая казачка Ольга Щёголева напряжённо наблюдает за атакой: там и её муж Николай. Она не обращает внимания на подначки и зубоскальство стоящих рядом мужчин и кричит: «Коля, только приз. Не возьмёшь, дома ничо не получишь!» — вот насколько большую значимость придавала вся станица воинскому умению своих земляков. Не взявших приз казаков жёны не подпускали к себе, а «взявших приз дома встречают восторженно и будут помнить об этом всю жизнь». После взятия городка — военные упражнения:

джигитовка, рубка пашкой лозы, уколы пикой чучела.

Такое воспитание преследовало сразу несколько целей. Все учились и росли друг у друга на глазах, видели, на что каждый способен, — идти ли ему в военное училище, или отслужить действительную службу и вернуться к земледелию. Вера командирам, вышедшим из своей же среды, была безоговорочная, а лишь такая сплочённость делает воинские подразделения крепче цемента. Дружба тоже была настолько тесной, что никто и подумать не мог кинуть товарища в опасной ситуации и самому спастись. Его бы просто не простили в станице, и кличка «труссы» пристала бы насмерть ко всему его роду.

Но и это ещё не всё в удивительной насыщенности романа живыми наблюдениями быта, обычаяв, психологии, семейных отношений, образа мыслей, характера службы. Иван Веневцев подметил все сколько-нибудь важные стороны казачьей жизни, не исключая социально-экономических характеристик. Что обычно думает читатель о казачьем атамане? Конечно, считает его крепким хозяином, богатеющим год от года. Но вот всего лишь несколько строк о Степане Андреевиче Веренцове, отце главного героя — Михаила, и эти несколько строк полностью переворачивают наше представление: «Степан Андреевич пришёл с действительной старшим урядником,

был выбран станичным атаманом и прослужил на этой должности девять лет. Семья скопилась большая, а хозяйство без рабочих рук пришло в упадок. «Если бы я не бросил атаманить, — говорил после Веренцов, — то на себя и на ребятишек пришлось бы сумки повесить...» Бросил Степан Андреевич службу атамана, но долго не мог вылезти из нужды, пока не подросли старшие дети: дочь и два сына». Так что на самом деле атаманство — это была огромная ответственность, и не оставалось времени на то, чтобы заниматься собственным хозяйством. Мало того — в грозные времена, такие как гражданская война, атаманство грозило носителю этой должности прямыми репрессиями. Не случайно так колоритно и иронично автор изображает сцену выборов.

Если кто думает, что казаки держались за самодержавие потому, что оно давало им какие-никакие привилегии, то он ошибается. Как убедительно доказывает Веневцев, воинская служба постепенно разоряла казачьи семьи: «Уходя на службу в мирное или военное время, казак обязан был приобрести коня с седлом, пашку, пику и всё обмундирование. Это стоило более двухсот рублей, как четыре крестьянских коня или шесть коров. Если казак собирал в полк двух-трёх сыновей, он разорялся». Воинскую службу несли до 45-ти лет, дома в это время оставались жёны с малыми детьми

(ради них казаки и женились так рано) и престарелые родители.

Чем занимались на военной службе в мирное время? Как раз тем, за что казаков вся Россия стала считать «цепными псами самодержавия»: им поручалось то, что обычно возлагается на внутренние войска, — конвоирование арестованных, подавление народного недовольства, разгон демонстрантов и забастовщиков. Так умело тогда натравливалось одно сословие на другие, хотя везде, не исключая казачьи станицы, хватало бедности и скудости. Образ казака задолго до революции 1917 года стал в глазах россиян пугалом, и даже верхушка советского правительства долго держалась самого отрицательного мнения о казачестве, применяя репрессии ко всему сословию в целом. «Какая грань легла между казаками?.. какие интересы скрестились у казаков с неказаками, и кому это нужно? Почему их все так бранят в центральных губерниях, называют головорезами, контрреволюционерами?» — размышляла Галина, когда ехала из Калуги к своему любимому, в самую гущу драматической борьбы на Урале.

Однако и не без оснований сложилось это мнение! Вот, например, как описывает автор отношения казаков и иногородцев. На вольные, дешево стоящие земли Оренбуржья существовал большой спрос среди выходцев из центральной России. Здесь

оборотистый человек мог быстро разбогатеть, поскольку занимался только сельским хозяйством и не разорялся от военной повинности. Такие люди зачастую достигали почётного положения в обществе. Но породниться с казаками могли лишь при крайней бедности последних или при наличии болезней и физических недостатков у невест из казачьей среды. Только и это не гарантировало того, что следующие поколения породнившихся будут считаться казаками! Да и просто поселиться рядом со станицей или кушить в ней дом иногородний не мог без разрешения общего казачьего схода. И эта пропасть продолжала сохраняться в годы гражданской войны, даже между братьями по оружию, воевавшими по одну сторону баррикад. Вот как об этом рассуждают между собой Михаил со своим отцом:

«Мужиков надо было взять под своё крыло, отдать им все помещичьи земли, а которые живут с казаками, наделить своей землёй. А Дутов сложил им дулю и сунул под самый нос. А они теперь сунут Дутову не дулю, а что почище. А их ведь в Сибири очень много, мужиков-то.

— Что нам, казакам, требуху выпускают, то я хорошо знаю, — шептал отец. — ...Казаков пять мельонов, а мужиков — сто семьдесят...»

Вот и получилось так, что в конце концов отряды иногородних предали дутовцев красным частям.

Иван Веневцев с большим знанием дела изображает как причины, побудившие даже прокоммунистически настроенных казаков стать на сторону белой армии, так и причины, обусловившие разгром казачьего генерала Дутова. Если в «Тихом Доне» читателю тонко намекают, представляя взаимное ожесточение как результат не столько имущественного расслоения, сколько царящего между казаками и красными недоверия, нетерпения, ошибочных действий со стороны новой власти, то в романе «Урал — быстра река» (а ещё прямее и резче — в казачьем романе «Красные дни» Анатолия Знаменского, о котором я писала в начале статьи) идёт незавуалированное указание на фигуру Троцкого и троцкистов как те силы, которые были изначально нацелены на физическую расправу с казачеством в целом, на то, чтобы стереть население всех станиц буквально с лица земли, вместе с женщинами и мальчми детьми. Правда, Веневцеву не удалось так подробно и ярко, как Знаменскому, осветить зловещую роль троцкистов в том, как умело разваливались ими или гибли от прямого предательства красные казачьи отряды, как бессудно расстреливались коммунистические казачьи советы, как из-за такой политики вообще чуть не кончилась победой белоказаков гражданская война. Зато Иван Веневцев лучше смог

отразить тот внутренний антагонизм, который существовал внутри казачьих частей, и, более того, полную идеологическую и политическую некомпетентность, проявленную руководством белоказаков.

Беспощадно точно оценивает это старший брат Михаила, Митя, талантливый офицер и честный человек: «Казачи, я не говорю уже о солдатах, не знают, за что они воюют, а внушить им никто и не думает... Агитационных отделов нет, а где они есть — бездействуют... Чинопочитание, отдание чести у нас свило смердящее гнездо... наши — дураки, остолопы, не знают политики... Александр Ильич Дутов не глупый генерал, а вот не умеет держать народ в руках путём внушения и агитации. Он действует всё приказами да репрессиями...» Митя не строит себе иллюзий в отношении разброда и жестокой грызни между различными частями армии Дутова, он даже задолго до отхода дутовцев в Китай предвещает то, чем кончится белый поход против Советов. Но он казачий офицер, чуть ли не с пелёнок выращенный в духе верности и преданности тому, чему он принёс присягу, потому и младшего брата он предостерегает от сдачи красным: «Правы мы в борьбе с большевиками или нет, — это другое дело, но в каких рядах сражаешься, за те ряды и стой: побеждай или умирай, иначе ты

— презренный трус или изменник». Предостерегает, хотя сам же и признаётся, что в случае победы белых лучше никому не будет.

Очень точно это сформулировал автор романа в своих монологах, которые занимают во второй части произведения большое место: «Непоправимой политической глупостью белых стало и то, что командные, боевые должности занимались не по способностям, а по чинам... Эти родовитые прямо говорили: «Как только побьём большевиков, так потребуем девальвации офицерства... Все «серяки из простых» отсеются и превратятся в рядовых или заштатных»... Так находила выход неприязнь, даже ненависть к офицерам из народа вроде Дмитрия Веренцова...»

Но Миша не столько следует завету вскоре погибшего старшего брата, сколько просто реалистично оценивает сложившуюся ситуацию: «большевики голову оторвут и собакам бросят. Я тоже у них буду числиться как доброволец, несмотря на то, что за мной с нагайками двое приезжали из отряда...»

Михаил, в отличие от Мити, не был офицером и не держался за офицерскую честь и присягу. Более того, приглядываясь к простым красноармейцам и красным казакам, он не видел ничего, что сильно отличало бы их от него самого, и ожесточённости, ненависти к ним у него не

было. Он не пошёл с разбитыми частями дутовцев за границу, в чуждый ему Китай, а остался на милой его сердцу родине. При этом он не заблуждался насчёт будущего отношения к нему со стороны красных, но блуждать на чужбине не хотел.

Роман кончается так же символично, как у Шолохова: «Всё, к чему почти в звериной тоске по дому стремился он из крови и ужаса братоубийства, было здесь... Две фигуры показались из-за крайних домов станицы, и одна, маленькая, тут же отделилась, рванулась в сторону Михаила. Не оглядываясь на мать, не глядя под ноги, к нему бежал, летел сын Васятка». Оба писатели понимали, что в обстановке жесточайших репрессий единственной для населения казачьих станиц надеждой на выживание — даже не как сословие, а чисто физическое выживание — были дети. Дети как символ будущего. Пусть иного, с другими традициями и верой, однако всё же будущего.

В романе Ивана Веневцева много мудрых обобщений и весёлых, искромётных сцен из жизни, много удивительных пейзажей, написанных уверенной кистью мужающего художника, весомы и драматичны вызывающие ужас и сострадание эпизоды братоубийственной войны в его изображении. Роман неоднороден, но чрезвычайно интересен и самобытен. Читая

его, открываешь для себя много белых страниц из истории Первой мировой и гражданской войн, погружаешься в стихию истории подлинной, а не официальной, которая в жизни никогда не происходит под линейку, и каждое действие и событие в которой имеет свои положительные и отрицательные стороны для одних и других слоёв общества, для той или иной мировой тенденции в развитии. Именно это и начинаешь понимать с такой очевидностью, когда перелистываешь последнюю страницу романа. И уже никакое переписывание истории по заказу новых властей, как и никакое упорство в отстаивании односторонней правды властей прежних не могут повлиять на читателя,

благодаря этому роману научившемуся мыслить, а не глотать информацию.

Потому и потомкам Ивана Вeneвцева, сохранившим роман и добившимся его издания, и Валерию Кузнецову, облагородившему страницы произведения «Урал — быстра река» своим вдумчивым, бережным профессиональным подходом к их правке, — глубокая и искренняя благодарность от всех тех из нас, кто впервые смог встать над трагедией и посмотреть на неё с высот государственного мышления и заботы о благе всей России в целом, с её и мужиками, и казаками, и детьми будущего... В конечном счёте, этому и служит данный роман — сделать для нас возможным первое приближение к правде.

*Журнал «Гостиный Дворь»
начинает со следующего номера
полную публикацию романа
И. Вeneвцева «Урал — быстра река»*

Пётр КРАСНОВ

«ЛИМИТЫ» РЕВОЛЮЦИИ

Пётр Николаевич Краснов родился в 1950 году в селе Ратчине Шарлыкского района Оренбургской области. Окончил Оренбургский сельскохозяйственный институт, Высшие литературные курсы в Москве, работал агрономом, сотрудником многотиражной газеты. Известный прозаик, секретарь Союза писателей России. Лауреат Всесоюзной премии им. М. Горького за лучшую первую книгу, Большой литературной премии России, всероссийских литературных премий им. И. Бунина, им. Александра Невского, им. Д. Мамина-Сибиряка, им. Льва Толстого «Ясная Поляна», Пушкинской премии «Капитанская дочка», губернаторской премии «Оренбургская лира», региональной литературной премии им. П.И. Рычкова и др. Награждён дипломом ЮНЕСКО за выдающийся вклад в мировую культуру. Живёт в Оренбурге.

1

В связи с наступающим столетием Великой революции в стране у нас опять взялось некое «брожение умов», весьма разноречивое и довольно бестолковое уже тем, что сталкиваются здесь большей частью именно крайние и потому порой примитивные до вздорности мнения и взгляды. И попытки объективного, взвешенного суждения о ней встречаются крайними с обоих флангов «в штыхки». Помимо симптоматичной незрелости многих «умов», объяснимой зачастую элементарным незнанием истории тех лет, а вдобавок и сбитых с панталыку тридцатилетней уже промывкой их бесстыдной официальной пропагандой российской («российской») — рука не подымается написать) с одной стороны, это вызвано, с другой, и народным возмущением, сопротивлением социальному и нравственному беспределу правящей олигархии. И взвешенное отношение к этому событию, имевшему огромное

геополитическое значение в судьбах мира, никак не выгодно прежде всего именно этой кучке беспринципных и продажных дельцов с их трёх-пятипроцентной от всего населения прикормленной обслугой, захвативших власть в нашей стране и до сих пор готовых, вопреки даже инстинкту самосохранения, сдать её Западу на окончательное колониальное, по сути, разорение и грабёж.

Потому-то и препятствуют всячески разумному осмыслению прошлого, потому и содержат армию всяческих сванидзей, венедиктовых, радиоактивных «дождей», клеветников-киношников, да и всю предельно охамевшую псевдокультуру, возвращённую ими на антисоветчине и русоненавистничестве.

Революция же, как известно, прошла два этапа, на первом — типичном буржуазном в феврале — марте семнадцатого — состоялась при явной наводке англо-французских «союзников» ликвидация самодержавия, и обвинять большевиков в «свержении царя» не приходится. На втором, пролетарском в октябре, военным переворотом было отстранено от управления страной никуда не годное, как и царское, Временное правительство, за какие-то полгода окончательно развалившее всё, что могло: армию, промышленность и сельское хозяйство, снабжение, делопроизводство даже... Большевики, можно сказать, «подняли с

земли» брошенную, для них неожиданную-негаданную всего лишь год назад власть. И в большинстве губерний в первые месяцы власть Советов (а какой-либо другой практически ведь и не было) устанавливалась относительно мирным путём, а значит, была некая, пусть и небольшая, историческая возможность обойтись при этом «малой кровью». Если попытаться с высоты нашего времени и опыта прямо взглянуть на суть «белой идеи», то она в главной своей основе заключалась в возврате прежних в том или ином виде (но не царских, царь уже «выбыл из игры») порядков и, конечно, собственности. Но надеяться на это при том всеохватном и глубоком государственном кризисе, меж тем как народ в массе своей этого уже не хотел, было столь же недалёким и бесперспективным, как сейчас на возврат Советского Союза. Этим, в сущности, и объясняется объективная слабость белого движения и, скажем так, неохотная поддержка его со стороны населения, да и то лишь некоторой его части, что сполна проявилось в ходе Гражданской войны.

И если бы не обложившая все стороны света интервенция — в который раз! — «двунадесяти языков» (даже вчерашние враги, немцы с турками, в этой агрессии фактически объединились с Антантой, даже японцы) и не масштабные весьма, можно сказать — решающие поставки извне средств ведения волны белым

армиям, то открытое гражданское противостояние в России могло бы довольно скоро загаснуть, не ожесточив настолько противоборствующие стороны, не принеся столько человеческих жертв и разрушений. Современный вдумчивый историк пишет: «...наша Гражданская война была неразрывно связана с войной за независимость России — войной против интервенции Запада» (С. Кара-Мурза. Гражданская война в России.) И тут просто нельзя не видеть, что белое движение объективно и напрямую работало на достижение главной многовековой цели Запада — расчленение России сначала на оккупационные зоны, а следом, само собой, на лимитрофы, «страны СНГ», где никакой нынешней Эрэфией уже бы, как говорится, и не пахло. Наивно думать, что официально (и тайно) поступивший на службу британской короне Колчак, известный герmanoфил атаман Краснов, Деникин, подопечный французов Врангель воспротивились бы воле хозяев. Мы и сейчас видим, как умеют они управлять попавшими к ним в зависимость, да хоть по той же Украине; и с Россией как единой страной уже тогда было бы покончено.

Как бы теперь ни относиться к большевикам, но это именно они спасли единство и суверенитет страны. Обвинять их в зверствах гражданской Смуты можно и нужно в той же мере, как и противников их, учитывая

при этом многовековое угнетение и унижение низовых народных масс. А это фактор объективный, заложенный в потомственной памяти десятков поколений, и проявляется он в любом народном волнении, бунте, тем более в революции — вместе со стремлением к справедливости, к свободе и социальному равенству. С другой же противоборствующей стороны, повторюсь, движущей силой являлось преимущественно стремление к возврату материальных и всякого рода иных социально-политических привилегий (а также то, что С. Кара-Мурза назвал «социальным расизмом» дворянства), и жестокость белой гвардии имела свой специфический характер... Что здесь выше или ниже в ценностном, в том числе моральном, этическом отношении — оставляю судить читателям.

Конечно же, революция, Гражданская война и последовавшее за ними пересоздание государства и общества принесли неисчислимые страдания народу, по-иному в таких социальных катаклизмах и быть не может. Неизбежны были в том ожесточении и огромные потери в нравственном измерении, особенно же в отношении нашей Православной веры, поскольку духовенство, клир не без оснований воспринимались в революционных массах как часть свергнутого правящего класса, а новая государственная идеология требовала незамедлительного реформирования

сознания этих самых масс. И официальная Церковь, в числе первых, кстати, сдавшая революции «помазанника Божия», именно тогда воспрянула духом в испытаниях и в каком-то смысле реабилитировала себя этим новомученичеством тысяч и тысяч исповедников, как бы подготовив тем сегодняшнее возрождение её; но это уже тема отдельного рассмотрения. Отнюдь не сравнивая, можно лишь сказать, что у Советской власти своих героических исповедников было не меньше.

Вообще же, все большие, исторически значимые революции (в отличие от «цветных», так или иначе инспирированных извне) — события во многом закономерные, обусловленные объективными социальными, экономическими и прочими причинами, и искать в них особо зловердные силы и персоналии значило бы уходить от поиска истинных и весьма многосложных побудительных мотиваций этого, вдобавок, длительного процесса. В ходе уже развязанной Первой мировой войны революционер Ленин (впечатлившись, вероятно, высоким на первых порах патристическим подъёмом верхних сословий российского общества — пустым, как потом оказалось) выразил вполне определённый пессимизм в возможности революции в ближайшие десятилетия... Но как политэконом в своей работе 1899 года «Развитие капитализма в России» он

был куда ближе к определению её сроков, описывая кризисное и неустойчивое экономическое и социальное состояние страны, острейшие противоречия в её социуме, и восстание 1905 года сполна подтвердило это.

Сегодня немало-таки развелось «ревнителей»-мажоров последнего царя и той «другой России», уже ядовито прозванных «хрустобулочниками» («и хруст французской булки», «гимназистки румяные» и т.п.), представляющих жизнь страны начала XX века едва ли не идеальной, на самом, дескать, подъёме. И официозная либеральная пропаганда нынешняя им всячески и усердно в том подыгрывает, расписывая все блага российского капитализма. Сыграла тут свою роль, несомненно, и эмоционально сильная ностальгическая литература первой волны русской эмиграции о «потерянном рае», об утраченных возможностях и привилегиях образованного класса. Заглянуть в документальные исторические, экономические, статистические и прочие первоисточники им, «хрустобулочникам», как-то всё недосуг, да и, наверное, своеобразная ретро-мечта своя им куда дороже правды. Характерной же их чертой является вольная или невольная подмена-перемена местами причин со следствиями, причём эти самые следствия предъясняются как обвинительный вердикт никак не соразмерным, якобы вызвавшим их причинам: какую Россию потеряли,

мол, — и из-за чего и кого?! Из-за каких-то, дескать, злодеев и преступников — ну и т.п.

Между тем, крестьянство страны, составлявшее более 85% населения, уже в начале XX века пережило семь (!) массовых голодов, из них, по докладу Столыпина, в 1911 году «голодало 32 миллиона, потери 1 миллион 613 тысяч человек», а добавок около 100 тысяч умерло от холеры... (Где вы, «ревнители», неужто забыли про «слезу ребёнка»?..) И это в мирное время, в пору восхваляемого «расцвета Империи» — почему, спросить? Статистика тут беспощадна: 31,6% крестьянских дворов были безлошадными, а это означало их крайнюю нищету. Ещё 32,1% дворов имели по одной лошади (много ли с ней напашешь?) и, как правило, даже в урожайные годы не могли дожить до нового хлеба, пробавляясь тоже лебедой, толчёной корой и прочими «дарами природы», — а это ведь, считай, половина населения России!.. Что было хорошо поставлено, так это «царская продрозвёрстка», мало в чём уступавшая по своей жестокости позднейшей революционной: ввиду финансового закабаления страны и провального внешне-торгового баланса (всё, особенно хлеб и прочее продовольствие, гналось за границу) недоимки и долги взимались с крестьян и выгребались из их закромов неукоснительно, и массовое их разорение создало огромную пятимиллионную армию наёмных сельхозрабочих, батраков —

всегда готовых поддержать лобой бунт, жечь ненавистные барские усадьбы и в девятьсот пятом, и в семнадцатом году. И жгли, только в 1905—1907 годах «красный петух» посетил 16 тысяч помещичьих усадеб — шестую часть всех имеющихся, и как это можно назвать, если не «крестьянской войной»?..

Академик Тарханов в статье «Нужды народного питания» тогда же подсчитал в сопоставимых цифрах-ценах, что русский крестьянин потребляет растительной в 2-4 раза, а животной пищи в 4-6 раз меньше, чем европейские или американские селяне, тоже тогда жившие несладко (скорее всего, эти соотношения и сейчас остаются на том же уровне...) Дело тогда дошло до того, что число негодных от недокорма по физическим данным рекрутов удвоилось за десятилетие с 6% до 13%, пишет А. Д. Нечволодов (данные из его книги «От разорения к достатку», изданной в 1906 году, я тоже использую здесь).

2

Похоже, что Беловежская пуца, в которой трое общепризнанных иуд в 1991 году расчленили историческую Россию, явно играет у нас некую мистическую роль. Именно в ней почти за век перед тем в августе 1897 года другой иуда (а был им министр финансов Империи, а по совместительству рьяный агент-ставленник западных банкирских домов Витте) подsunул на подпись императору, там охотившемуся,

Именной Указ о введении золотого валютного рубля, и тот подмахнул его. Подмахнул без рассмотрения его на Государственном Совете — вопреки своему же предыдущему Указу о непренном рассмотрении и обсуждении этого крайне проблемного, как оказалось потом — губительнейшего нововведения... Как раз в эти годы международная ростовщическая мафия проворачивала мирового масштаба аферу по втягиванию в «золотую кабалу» всех ведущих держав Европы и Америки, и Россия здесь была лишь частью их изувержского заговора.

С этого момента Николай Второй окончательно обрёл страну на безвылазную финансовую кабалу у западных банкиров, в зависимость полную от их кредитов, вдобавок сразу увеличив в полтора раза государственный долг демонетизацией, выводом из денежного оборота серебра (хотя и раньше Империя не обходилась без займов)... Страна, потерявшая финансовую независимость, не может считаться суверенной и во всех других своих сферах деятельности; и без учёта этих весьма отягчающих обстоятельств нельзя верно судить о всех последовавших событиях.

А они разворачивались, в масштабе историческом, стремительно. Две совершенно ненужных, всячески противоположных России и позорных войны довершили внутренний разгром государства, ответно вызвав две революции. Особую роль

тут сыграла, конечно же, Первая мировая, в какую западные заимодавцы искусно втянули царское правительство воевать за их, союзников Антанты, интересы, своих фактически не имея (разве что второстепенные, вроде символического «влияния на Балканах») и неся на себе главную тяжесть войны. Английский историк В. В. Готлиб, объективно разбираясь в хитросплетениях той политики, однажды в досаде за Россию не выдерживает серьёзного тона, роняет: «...это было очень похоже на то, как заманивают осла, подвешивая морковку перед его носом...»

Русская армия воевала достойно, часто героически, но полная неготовность Империи к войне, поразительная бездарность военного командования, развал и разврат воруги-тыла и сама бессмысленность этой бойни не могли закончиться ничем иным, кроме революции. Незадолго до неё Великий князь Александр Михайлович писал царю: «Как это ни странно, но правительство сегодня тот орган, который подготавливает революцию... Правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных...» Под «правительством» подразумевался, конечно же, сам царь, изначально негодный к управлению страной. Изумляет само это «союзничество» с Антантой, невиданное в мировой истории: воюя исключительно за интересы союзников, своих не имея, Россия влезала в дополнительный огромный

долг перед ними же, втридорога покупая за их кредиты у них же весьма многие виды вооружения и военного имущества. То есть вынужденная отдавать потом сам долг, ростовщические проценты на него, да ещё принося сказочный барыш их военной промышленности. И, в довершение всего, потеряв убитыми 1 миллион 670 тысяч русских солдат и около миллиона гражданских, 3,8 миллиона ранеными и 3,3 миллиона попавших в плен, понеся при этом большие территориальные потери... И расценить всё это нельзя иначе, как прямым предательством высших национальных интересов России.

А начало революциям было положено, как ни странным это покажется некоторым «хрустобулочникам», освобождением в 1861 году крестьян от крепостной зависимости. Ещё накануне этого Ф. И. Тютчев вопрошал: «...всё будущее задуманной реформы сводится к одному вопросу: стоит ли власть, призванная её осуществить, — власть, которая... сделается как бы верховным посредником между двумя классами, взаимоотношение коих ей надлежит упорядочить, — стоит ли она выше двух классов в нравственном отношении?.. Отвечает ли власть в России всем этим требованиям?» И приходит к выводу, что власть «не признаёт и не допускает иного права, кроме своего... исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти и что эта сила узаконена в её глазах уверенностью в

превосходстве своей весьма спорной просвещённости...»

Так и случилось, возобладал закоренелый эгоизм правящей, немецкой фактически, династии, чиновной верхушки и землевладельческого дворянства: крестьян «выкинули на свободу выживания» без земли, оставив в материальной зависимости, в засилье от всё того же барства, навязав им выкуп земли и даже своих построек на ней... Вполне предсказуемыми на эту вопиющую несправедливость стали повсеместные крестьянские возмущения и бунты, народники, «Земля и воля» — вплоть до террора «бомбистов», покушений на чиновников и царей. А в ответ, как самое малое, казачьи плётки — и расстрелы, расстрелы...

Вообще же, царское православное государство, в отличие от хищнических западных метрополий, по своей природе, по самому характеру русского народа не было склонно к внешнему «классическому» колониализму, оставляя вовлечённые в Империю народы в их, большей частью, естественном состоянии и правах, даже в меру своих средств помогая им. Но значительные государственные траты, на Западе восполняемые грабежом колоний и завоевательскими войнами, у России были никак не меньше, а потому основная тяжесть государственного тягла издавна легла на плечи русского, крестьянского преимущественно, населения. И судя по ситуации в нём, описанной выше (а подобных фактов

можно привести с преизбытком), это было, в сущности, тоже своего рода колониализмом, но только обращённым вовнутрь страны, на свой народ.

Пётр Первый, «подняв Россию на дыбы», ставил перед собой практическую государственную задачу: попытаться рывком догнать, даже выиграть соревнование с западными странами, для чего прибегнул к сверхмобилизации народных сил и средств, — временной, наверное, думалось ему, с привлечением большого числа «иностранных специалистов». Но не надо здесь забывать другое — и важнейшее — обстоятельство в истории страны: быстрое и полное онемечивание династии Романовых, а по сути, ползучий захват ими, «немцами», верховной власти. И этот мобилизационный, а на деле близкий к колониальному режим был оставлен ими на всё последовавшее двухсотлетие — в некоем соответствии с их европейским менталитетом завоевателей и для целей, далеко не совпадающих с целеполаганиями и интересами самого русского народа, самой страны.

В самом деле, православная обрядность Двора никак не делала, считай, Романовых и наиболее близкое их правящее окружение русскими. Невозможно даже представить себе, скажем, любовь Николая Первого или Бенкендорфа к Пушкину как национальному гению (хоть как-то сравнимую, например, с отношением немцев к Гёте) — нет

уж, скорее постоянное недоверие и подозрение, а то и явное, показательное унижение... Исползовать в своих целях, холодно покровительствовать «камер-юнкеру» после двух ссылок, а потом и его вдове — да, пожалуй, но не больше того. И это отношение к русской культуре, как и к народу в целом, оставалось у династии до конца. Как, впрочем, и к настоящему обустройству нашей земли для жизни, пустив множество необходимейших дел на самотёк и без всякого порою нужного обеспечения.

И только на небесах известно, должно быть, сколько и средств, и сил народных потрачено напрасно на вызывающую роскошь династии и прикормленной элиты из аборигенов, порою забывавших свой язык, сколько было трат на всестороннюю денежную, экономическую, политическую и военную помощь прожорливым родственным дворам и «союзникам» в Европе, какие в этом свете (а вернее уж во тьме закулисья) важнейшие решения принимались и во что они обошлись России...

Но бывший всегда в самом центре политических событий Ф.И. Тютчев видел «непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого (в смысле, какого нельзя обойти — П.К.) противника, но старалась

только служить ему подкладкой». Его, профессионального дипломата, поражала и возмущала в Николае Первом «чуждовищная тупость этого несчастного человека, которой в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и всё упустил», под чьим правлением Россия «только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих...»

Засилье «немцев» в России и, в частности, во внешней её политике «саксонского еврея» Нессельроде отмечал даже К. Маркс; а после неудавшегося, во многом «антинемецкого» восстания декабристов, писал историк В. О. Ключевский, из-за укрепившегося недоверия династии к русским «кончается политическая роль русского дворянства... В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря...»

Всё это вместе и стало основной причиной отсталости «России Романовых» во многих областях государственного, социального, научно-технического, вообще домостроительного творчества, глушило едва ли не все здоровые национальные инициативы, закрепщило архаичные, не дающие развиваться сословные отношения в обществе. И уже гораздо позднее, в самом начале семидесятых при Александре Втором, тайный советник Тютчев, изнутри и вблизи досконально знавший всю

политику династии, отмечал всё ту же «черту, самую отличительную из всех — презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального»... И потому вещей, пророческой стала его мысль: «...невозможно не предошутить переворота, который, как метлой, сметёт всю эту ветошь и всё бесчестие... Конечно, для этого потребуется не менее чем дыхание Бога, — дыхание бури...»

И она в конце концов грянула, буря.

Последнее царствование Романовых показало все свои пороки и полнейшую историческую и государственную несостоятельность с исключительной наглядностью, с жесточайшими результатами и последствиями, и сетовать на некую «несправедливость» ответной, подчеркну, жестокости восставшего народа есть верх лицемерия, а пожалуй что и цинизма. И какое-то тяжёлое недоумение вызывают все эти «ревнителю» и «хрустобулочки», неучи истории: вы что же, тянет спросить, не на стороне интересов и нужд подавляющего большинства своего народа, того же крестьянства и пролетариев? Тех же солдат, в основном тоже из крестьян, ставших в решающей мере главной военной силой революции — после всего того, что они извели в глине окопов первой мировой бойни, в кровавой бессмыслице её, в холоде и голоде продовольственном и в боеприпасах, при феноменальной бездарности

самсоновых, ренненкампов и самого «верховного главнокомандующего» царя?.. А вот около половины 150-тысячного офицерского корпуса Империи, в том числе из Генштаба, ещё в самой сумятице гражданского противостояния сумели осознать, за кем народная правда и кровные интересы родины, и воевали за неё, тогда как во всех белых армиях состояло примерно 35 тысяч офицеров. И кто, спросить ещё, и кому подыгрывает ныне: либеральная, а потому по определению антисоветская (возмечтавшая даже посадить на будущий российский трон отпрыска Гогенцоллернов) и русоненавистническая пропаганда вам — или вы ей?..

Это не значит, конечно же, что автор не сознаёт всей и личной человеческой, и социальной трагедии образованного (и эксплуататорского) класса, вынужденной эмиграции, миллионов растерзанных судеб. Да, история беспощадна к проигравшим; но и отвоевавшим власть плоды победы даются подчас непомерной ценой, что сполна испытали на себе и русский, и другие народы России в вынужденно жестоких преобразованиях революции. И относиться к ней, объективной, надо стараться объективно тоже, иначе станешь жертвой и внутренних, и внешних идеологических махинаторов, будешь повторять зады их, надо признать, изощрённой пропаганды. Говорить же об исчерпанности неких «лимитов на революцию» в России по меньшей мере преждевременно,

историю этим не ублажишь и не остановишь.

Надо пытаться понимать, какая историческая ситуация сложилась в мире к началу XX века. Везде безраздельно властвовал колониализм западных стран в его самых жестоких и кровавых формах эксплуатации и геноцида, в предельном варварстве и расизме. Капитализм никого и ничего не стеснялся, не находил странным или, того более, негуманным, что какой-нибудь лорд, скажем, гордо позирует на фоне стенда с двумя десятками скальпов, снятых им то ли с индейцев, то ли с индусов, — и в каких тайных коллекциях хранится сейчас тот стенд и другие, незнаемо какие тысячи артефактов европейского и американского «гуманизма»?.. Джентльмены, известные по книжкам писак и таким же киноподелкам своими тонкими манерами и вкусом, живьём сдирали шкуру со всего подвластного им мира, разжигали везде весьма нужные им войны (а впоследствии и две мировые), нещадно, до геноцида усмиряя непокорных, грабя дочиста, до выжженной или залитой нефтью пополам с кровью земли, — что продолжают творить и сегодня, только под прикрытием своей глобальной теперь сети СМИ, тысяч информационных бандформирований, изобретателей «гуманитарных бомбардировок».

Россия в полной мере ощутила на себе удушающую хватку «золотой анаконды» Витте и «периферийного капитализма» в

его уже самом отвязанном варианте. Страну грабили все кому не лень, иностранные дельцы десятками крупных концессий захватывали её богатства, и расстрел 1912 года на Ленском прииске (акционерными которого были, кроме чужеземцев, и Витте, и мать императора) с двумя с половиной сотнями убитых рабочих (не захотели есть червивое мясо, как и на «Потёмкине», и работать по 14-16 часов в сутки) был лишь знакомым беспределом в той череде принуждений, насилий и издевательств над рабочим людом, которые царили в стране. Да, два миллиона из 15 миллионов крестьянских дворов были кулацкими, а десяток-другой тысяч высококвалифицированных рабочих жили в достатке, и те же ижевские оружейники, как рассказывал мне Сергей Павлович Зальгин, составили самые боеспособные части в армии Колчака — лучше чисто офицерских даже... Но общая грозная ситуация в ходе мировой войны и «перестройки» Керенского перевалила уже за всякую мыслимую «красную черту», и народ — под чьим бы руководством это ни было — восстал. Сплочённое, оперативней и решительней в своих целях и средствах в этот исторический момент оказались большевики.

3

Человек равен человеку, утверждало первохристианство, и несёт он в себе единственную

ценность — «душу живу», а всё остальное, в жизни сопровождающее, преходящее. И несмотря на все извращения этого Вышнего посыла, мечту об осуществлении великого равенства уже нельзя было изъять из самосознания человечества. История знает немало попыток добиться этого преуказанного равенства именно как Божьей справедливости, но все они заканчивались либо поражениями, либо всё теми же извращениями вроде пресловутых «свобода, равенство и братство». Не находилось народа, даже из самых развитых наций, который сумел бы, смог решительно пойти до конца, чтобы взломать ненавистную мировую парадигму угнетения и насилия, унижения и обмана человека человеком, попытаться сменить кричащую несправедливость социального мироустройства на человечность. И совсем не зря взгляды многих и иноземных, и наших мыслителей, заботников человечества обращались в сторону русского народа, по ряду качеств нравственных, по самому характеру его связывая свои надежды именно с ним.

Можно привести немало свидетельств такой надежды, они достаточно известны в литературе, истории, философии. «Ибо жизнь народная, — писал Ф. И. Тютчев о русских, — жизнь историческая ещё не проснулась в массах населения. Она ожидает своего часа, и, когда этот час пробьёт, она откликнется на призыв и проявит себя вопреки всему

и всем»... А вот убеждение считавшегося многими западником П.Я. Чаадаева, весьма критически относившегося к современному ему состоянию своей родины: «России выпала величественная задача осуществить раньше других стран все обетования христианства, ибо христианство осталось в ней не затронутым людскими страстями и земными интересами...» Ему же принадлежит и никак не потерявшая своей актуальности формула: «социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники»...

Она, эта формула, может — не оправдывая и не обвиняя — объяснить наконец-то многим нашим оппонентам объективность свершившегося и, опять же, укрепить нашу надежду на то, что рано или поздно человечество всё-таки разорвёт порочный круг злостного неравенства и угнетения, найдёт справедливые социальные и моральные формы своего жизнеустройства, достойные разума и совести. Но пока это лишь мечты неистребимых оптимистов, какие, слава Богу, ещё водятся в политических джунглях нынешнего мира.

И говоря о духовности русского народа, нужно понимать, что она состоит не только в православном мировосприятии, Вере, но и в связанной с нею приверженностью к Христовой в её земном, человеческом понимании правде-справедливости. Потому-то и пошёл он первым

на решительное преодоление гнусной — и антихристианской именно — парадигмы человеческой истории. Он открыл дорогу, дал надежду на иное, лучшее будущее и доказал всем осуществимость этих чаяний, собою пробивая, прокладывая для всех путь, на горчайших порою ошибках учился, строил, создавал совершенно новую социально-политическую реальность, формацию, общность — русский социализм с его вызревшими к шестидесятым годам высокими нравственными установками человеческого общежития, каких не было до сих пор и быть не могло ни в одном социуме, ни в одном самом что ни есть христианском государстве, старшее поколение ещё помнит «Кодекс строителей коммунизма»... И в короткий исторический срок, несмотря на тяжелейшую войну, построил основы социализма и предопределил все главные события в мире, совсем не зря XX век называют «Русским веком»...

Когда же речь заходит о жертвах революционных и прочих репрессий и гражданской войны, все эти обвинители почему-то как один молчат о том, что жертвы «русского социализма» не составляют и сотой, может, доли тех поистине чудовищных гекатомб и преступлений, какие совершил и продолжает на наших глазах творить в мире капитализм, для него-то каких-либо моральных запретов просто не существует. Или задайтесь вопросом,

сколько крови пролило «христианство» в его католическом и протестантском вариантах-ересях... И все те трагические потери, какие понёс наш народ, говорят об огромной сложности его первопрородческого дела, о той толще задач и проблем, которые пришлось решать на ходу. Это, разумеется, не оправдание революционного насилия, а лишь невесёлая констатация того, что человечество не умеет, не научилось ещё (и научится ли когда?) по-другому вершить свои коренные преобразования, если даже и в сравнительно малых льются потоки крови...

Русский социализм выявил и востребовал невиданные доселе запасы народной энергии и воли, пробудил и вызвал к творческой жизни десятки и десятки миллионов из «простого народа», из самых низов подняв их к высотам культуры, искусства, науки, прогресса вообще, из земледельческой создав индустриальную и самую образованную и читающую страну в мире. Это был, по сути, «пассионарный взрыв» русского и других народов страны, предсказанный теми же Тютчевым и Чаадаевым и направленный на созидание, претворение в действительность лучших общечеловеческих замыслов и чаяний, на достижение и обретение социально-экономических, культурных и духовных ценностей, благ — в том их понимании, конечно, какое диктовалось условиями времени.

Из всех прочитанных особенно впечатлили меня воспоминания маршала авиации А. Е. Голованова «Дальняя бомбардировочная...», где благодарная память автора называет буквально многие сотни имён-фамилий тех лётчиков, механиков, командиров, конструкторов и промышленников, всех причастных к той организаторской, боевой и поистине героической работе, масштабы которой просто поражают, — и это при том, что дальняя составляла по численности лишь сравнительно небольшую часть всей нашей авиации в годы войны... когда и как успели? Какими неимоверными усилиями сумели после разрухи гражданской войны за менее чем два десятка лет создать с нуля не только мощный, на высшем техническом уровне того времени воздушный флот, но и воспитать и обучить главное составляющее любого, тем более ратного дела — людей, сумевших переломить хребет зверю, прямому выкормышу капиталистического Запада, натравленному на нас? И такого же масштаба и глубины работа велась во всех областях нового государственного строительства и с такими же поразительными результатами. Но вот что мы можем вспомнить за последние четверть века, кроме мерзостей «первоначального накопления капитала» и провального регресса?.. Пожалуй, лишь второе (после сталинского) возрождение нашей православной Церкви.

И возвращение Православия в социалистический социум, в государственность как таковую, думается, рано или поздно состоялось бы, продлился социализм дольше в развитии, дальше, — по многим предпосылкам, в том числе вышеназванным.

Материальные плоды революции по известным причинам «созрели» только к началу 60-х годов, и никогда за всю свою историю русский и другие народы страны во всей массе своей даже и близко не жили так обеспеченно, с быстро растущими благами и уверенностью в лучшем будущем, как в последнее тридцатилетие советской власти. Это стало возможным ещё и потому, кстати, что сразу же была создана своя, совершенно независимая от кого-либо извне финансовая система, где каждый рубль работал на страну, на народ в конечном счёте, и именно поэтому мы сравнительно скоро выби- рались из послевоенных разрух, несмотря на вынужденные огромные траты на оборону.

За почти три столетия после Петра Первого только при советской власти, повторюсь, Россия была суверенной во всех отношениях и поэтому достигла невиданных, непредставимых для «России, которую мы потеряли» высот, стала сверхдержавой, создала мировую социалистическую систему. И вопрос — какой ценой? — для Большой Истории не имеет значения, да и самого смысла. Для человека же ответ

один: той ценой, какая объективно сложилась независимо от злой или доброй воли отдельных лиц, от их устремлений и действий. Какой ценой британский островок разросся до владений, над которыми солнце не заходило, а Московское княжество захудалое стало Империей на одной шестой части земной суши?.. И хорошо ещё, если потомки умеют учиться на ошибках предков, — а если нет?

Царской, буржуазной ли России, не случись Октября, Запад никогда бы не дал вызволиться из финансовой удавки, из уготованного ей заранее положения сырьевой полуколонии, вечно отсталого «периферийного капитализма». Нынешняя же рьяно компрадорская «элита» в начале 90-х сама накинута себе и нам на шею всё ту же, считай, петлю «Вашингтонского консенсуса», ВТО и прочих финансовых кабальных соглашений, утратив суверенитет, по сути, и загнав самую богатую в мире по ресурсам страну в нищету и всестороннюю деградацию, поставив под суровый вопрос всё наше будущее. И сегодня перед нами опять поставлена историей прежняя — и главнейшая — задача: обрести экономическую, а потому и национальную, государственную независимость.

Что ж, контрреволюция — это нередкая в истории спутница попыток вырваться из обветшалых, самим временем приговорённых к отмиранию форм социально-политической жизни. Она может

надолго остановить движение вперёд; но, как правило, те причины и противоречия, какие вызвали начальную революцию, никуда не уходят, а наоборот, многократно усиливаются, нарастают и делают следующую неизбежной, — если, разумеется, власть не предпринимает достаточно радикальных и действенных реформ, не идёт по эволюционному пути.

И вот уже четверть века после контрреволюционного переворота 1991 года и насильственного развала СССР как исторической России тупая россиянская власть, ставленница правящего в стране олигархата и насквозь коррумпированной бюрократической системы, не хочет и не может идти на какие-либо серьёзные перемены в своей антинародной в той же мере, как и антидержавной, по сути, политике. И во внутренней социально-экономической в особенности, где пренебрегаются или извращаются до противоположности основополагающие принципы и условия здоровой государственности, превращая существующий олигархический «конструкт» в своего рода Антисистему, в какой могут процветать только хищники и паразиты, русофобскую по самой своей природе. А во внешней держится пассивная оборона, без неё их, властвующих здесь и торгующих нашими интересами там, на Западе, будут вообще ни во что не ставить, как пьяного исполнителя «Калинки». Но дело-то в том, что Антисистема, где-либо возникнув, не может не подрывать свои

же шаткие «основы», пожирает самоё себя, и перспективы подвластных ей крайне незавидны.

Но как Октябрьская революция привела к коренному переформатированию всей мировой ситуации, так и «геополитическая катастрофа» 1991 года радикально изменила глобальное соотношение капитализма и противостоящих ему сил — в худшую, это если мягко выразиться, сторону для всех, кто страдает от вековой несправедливости и угнетения, пытаются завоевать или отстаивать свободу свою и национальную независимость. Не стало выразителя, защитника и помощника всех «униженных и оскорблённых» — и совершенно разнуждался «новый мировой порядок» оставшейся единственной сверхдержавы и её евросателлитов, мало чем в принципе отличающийся от «нового порядка» нацистов или зверств британских, европейских вообще колонизаторов, преемственность здесь самая прямая. Неоколониальный разбой современных транснациональных корпораций имеет более изощрённый характер, давно принял уже политические формы мондиализма, мирового господства, и противостоят ему на идейном и мироустроительном уровне, по сути, теперь некому. Померкла и едва ли не сошла на нет сама вселенская альтернатива «закону джунглей» нынешнего миропорядка, и никакой, скажем, «социализм с китайской спецификой» (во многом схожий

с госкапитализмом) не в состоянии заменить СССР, «русский социализм» с его конкретной человечностью и во внутренних, и в международных делах, с его — сравнительно с другими ведущими государствами — добропорядочностью, готовностью поддержать все позитивные начинания на планете или дать отпор зарвавшимся хищникам. И без него «мировое сообщество» весьма явно деградировало, одичало, с утратой равновесия двух систем откатилось в новую, то и дело сотрясаемую всевозможными кризисами и насилиями нестабильность.

Но куда больше и всячески деградировал когда-то единый, теперь же разорванный на «страны СНГ» социум бывшей страны Советов, вплоть до полуфеодалных или «либеральных» диктатур, во всех случаях националистических, кроме Эрэфии — а в ней, наоборот, с откровенно русофобской правящей верхушкой, целенаправленно подавляющей всякое сопротивление народа. Не говоря уже о диком социальном расслоении, неравенстве, далеко перехлестнувшим все мировые мерки приличия, резко упали культура, сама цивилизованность нашего населения, нравственный (несмотря на распространившуюся вроде до самых верхов формальную веру) и вместе интеллектуальный уровень его, и невольно согласишься с тюгчевскими словами: «...всякое ослабление и заметное умаление

умственной жизни в обществе неизбежно влечёт за собой усиление материальных наклонностей и гнусно-эгоистических инстинктов». И с ним перекликается выдающийся мыслитель уже нашего времени А.С. Панарин: «Новое либеральное учение легитимирует повальную коррупцию, гражданскую безответственность, стяжательские инстинкты и даже прямое предательство с помощью идеологии безграничного индивидуализма и морали успеха»... И это всё о нас, нынешних.

Православная церковь, переживающая ныне своё второе возрождение, старается внести в расколотовое гражданское общество страны терпимость и милосердие, стремится помочь в преодолении глубокого кризиса социума и самой государственности — но что и, главное, как она может это сделать при вызывающе антихристианском, социал-дарвинистском мышлении и попросту циничном, жлобском поведении нашей правящей «элиты» и её обслуги? Посредническая, а скорее уж союзническая с верхами, миссия её в отношениях с народными низами, определяемая как «Христос терпел и нам велел», отчасти срабатывает, конечно, но ничего не решает и в принципе решить не может. К ней самой обращены уже весомые претензии как верующих, так и во многом атеизированного общества в том, что она не отстаивает должным образом христианские ценности перед властью и даже срывается

с нею, несправедливой... И в отношении этическом, как видим, в духовно-нравственном обществе наше тоже заведено в какой-то безысходный тупик, а другой, вызволяющей из него идеи или силы пока не находится. Официальный же «патриотизм» только дискредитирует, разоблачает сам себя в глазах честных и думающих граждан, какие при всём желании никак не могут углядеть любовь к родине и заботу о ней у правящих «воров в законе РФ»...

И это поражение идей равенства и правды-справедливости в СССР-России воспринялось во всём мире и несомненно ощущается всеми людьми доброй воли прежде всего как поражение человека вообще, как разумного социального существа с его стремлением к лучшему, основанному на нравственных началах будущему. Капитализм в его любых национальных формах напрочь отрицает это, он всегда был и остаётся хищником по своей природе — основой которой и является психофизиологический «низ», взявший ныне верх над человечностью. А в геополитике восторжествовала упоминаемая мною парадигма и то, что раньше обозначалось ёмким социополитическим термином-понятием «реакция» как откат от уже достигнутых человеком совершенно новых принципов и практик жизнеустройства, — и, по всему судя, это надолго. Как, впрочем, и само гниение российской Антисистемы, обусловленное известным долготерпением народа.

И неужели придётся снова «дойти до ручки», до разрухи всего и вся, чтобы понять, что «не туда идём»?.. Но русский народ ещё не сказал своего последнего слова, да и не будет оно «последним» у него, обладающего уникальным историческим опытом, нравственными разумом и волей в лучших своих представителях, способностью к сверхмобилизации в случае суровой необходимости.

Оправится от этого поражения вселенский человек нескоро, прорывы такого масштаба, как великий без всякого преувеличения Октябрь, приготавливаются в народах веками. Историки и философы разберутся, в какой мере считать это крушением (пусть и временным) идеального в мировом социуме; но в том, что эта мера весьма значительная, сомнения нет. И не приходится быть пророком, видя, что при всём пресловутом «ускорении прогресса» человечество ожидают, скорее всего, долгие серые будни-десятилетия международной грызни за гегемонию, рынки, территории, недра, даже за пресную воду, и что за всё это оно продолжит расплачиваться самой дорогой ценой — кровью невинных и невосполнимой пагубой душ.

И если мы «венец творения», то история испытывает нас прежде всего на способность быть человеком, жить по высшим человеческим, а не по законам животного мира. В этот раз мы не выдержали экзамена, но сама задача перед нами, перед лучшим, что есть в нас, не снимается.

Павел РЫКОВ

ДИАГНОЗ: ВОЙНА

Очерк

Афанасий Антонович Кирпань — сосед по лестничной клетке — никогда ничего о войне не рассказывал, как и мой отец. Обычно они сходились 9 Мая, починали бутылочку известного и извечного русского напитка и вели неспешные разговоры о разных разностях. Говорили о многом, но только не о Войне, не о тех боевых действиях, в которых участвовали. Только не о Ней. А мне, юноше, в те годы было до крайности любопытно: какая она, эта война? Хотелось слышать завораживающие подробности. Но настоящие фронтовики, хлебнувшие военного лиха через край, сколько я помню, чаще отмалчивались, иногда отшучивались, либо отделялись какими-то незначашими мелочами. И это — несмотря на внушительный порой «иконостас» орденов и медалей, которые в шестидесятые годы вновь стали появляться на праздничных пиджаках ветеранов. Вставший у власти Леонид Брежнев — фронтовик, участник Парада Победы в 1945 году, вернул народу великий праздник, по сути, отменённый ещё Сталиным и не поощряемый при Никитке, как отец и Кирпань презрительно именовали Хрущёва. Но в тот, очередной раз, сосед не заглянул к нам в праздничный день. Его опять госпитализировали.

Афанасий Антонович вернулся домой не скоро, с изжелта-бледным лицом. Зашёл к нам. На сей раз обошлось без привычного застолья.

— Антибиотики, — коротко и сумрачно пояснил он и, как медикам, рассказал моим родителям, что опять, в который уж раз начался воспалительный процесс в брюшной полости, исполосованной осколками фашистской мины и многочисленными операциями.

— И ты знаешь, Георгий Васильевич, — рассказывал он отцу, — отошёл я от наркоза, а хирург приносит мне в стеклянной тарелочке два сереньких комочка. И говорит: «Вот, товарищ старший лейтенант, что у тебя в животе нашли!» Колупнул я их ногтем. А это что-то вроде известковой скорлупы. Внутри — просяные зёрнышки. Я и вспомнил, что в августе 1944-го двигались мы с боями по направлению к Плоешти в Румынии. Я со своими разведчиками впереди танков на машине да по спелому просянному полю. А тут немец как дал, как дал из миномётов! Нас и накрыло. Ребят побило насмерть, а меня ранило в живот. Кишки собрали — и в госпиталь. А дальше в тыл. Сюда, в Чкалов, а дальше в Илек на долечивание. На фронт я уже не вернулся.

Все последующие годы Афанасий Кирпань — журналист, а

впоследствии работник обрис-полкома, с одновременными перерывами вновь и вновь попадал в руки врачей из-за мучительной спячной болезни. Он мужественно переносил тяготы, поддерживаемый женой, уральской казачкой — бывшей медсестрой эвакогоспиталя в Илеке, где он с ней познакомился и слюбился. Та операция, во время которой были найдены зёрнышки, стала последней. Всё произошло в точности по стихотворению поэта-фронтовика Семёна Гудзенко: «Мы не от старости умрём — от старых ран умрём».

Владимир Михайлович Сукач — главный врач оренбургского психоневрологического госпиталя ветеранов войн, заслуженный врач РФ, кандидат медицинских наук слушает мой рассказ и

В.М. Сукач

понимающе кивает головой. Для него клиническая картина ранения и последующих мучительных лет жизни ветерана и инвалида ясна и до боли знакома. Сколько таких страдальцев прошло через палаты госпиталя, начиная с 1946 года, когда теперешний госпиталь был образован путём ликвидации и слияния двух эвакогоспиталей... Всё время, пока шла война, поездка везли и везли раненых в тыловой Чкалов. Война завершилась, и началась работа по поддержанию здоровья победителей.

— Сегодня, — говорит Владимир Михайлович, — у нас на учёте 343 инвалида ВОВ, 19351 участников войны и работников тыла, 163 малолетних узника фашистских концлагерей, а ещё мы следим за здоровьем жителей блокадного Ленинграда.

Зоя Николаевна Николаева — пациентка кардиологического отделения госпиталя — некогда учитель французского языка в суворовском училище, а потом и в одной из оренбургских школ, улыбнувшись, сказала: «Бывших учителей не бывает». И это действительно так. У неё профессионально-цепкая «учительская» память и безжалостная блокадная. Помнит все выпуски, фамилии многих ребят. Следит за судьбами некоторых своих выпускников. В марте 1942 года представилась возможность её семье эвакуироваться на Большую землю по Дороге жизни. Солдаты выносили детей на руках из квартиры на Петроградской стороне — сами они не могли идти.

Доехали до Ладоги. Лёд начал уже таять, был покрыт водой из промоин и воронок от нескончаемых бомбёжек. Они лежали в кузове «полуторки» и слышали рассуждения водителя и попутчицы — взрослой женщины: «Ехать опасно — бомбят. Значит, смерть. Машина может попасть в польню — значит, тоже смерть. И оставаться на берегу или возвращаться в город — также смерть. А вдруг да проскочим?» И машина тронулась в дорогу. Передняя «полуторка» ушла в промоину. Водитель резко крутанул руль. Их трянуло. Но обошлось. На Большой земле их сняли с машины и понесли кормить: щи, второе, компот и шоколад — каждому по плиточке. Кто-то из встречавших взрослых повторял и повторял: «Не ешьте всё сразу, не ешьте всё сразу». Некоторые ели и умирали сразу за столом с ложкой в руках. Потом эшелон и два месяца в пути до Рязани. Сначала бомбили, а потом за окном пошла земля, не знавшая бомбёжек. На одной из остановок Зоя выглянула в окно и поразилась: живая собака! В блокадном Ленинграде ни собаки, ни кошки по улицам уже не бегали. Зоя Николаевна всю жизнь старалась не вспоминать о блокадном детстве. Но это жило в её подсознании, терзало душу. И только теперь, отвечая на мои вопросы, стала рассказывать, словно освобождаясь от тягостного груза воспоминаний...

Иван Николаевич Масютин — афганец, вертолётчик. Техник по ремонту и восстановлению

З.Н. Николаева

винтокрылых боевых машин. Мог бы и не подниматься в воздух. Но участвовал в боевых вылетах в качестве бортстрелка. Он ведь кадровый, контрактник. А новобранцев-срочников было жаль. Старались уберечь их от душманских пуль и «Стингеров», которыми американцы щедро снабжали моджахедов. Летать приходилось и к подбитым машинам с набором инструментов и запчастей. А такой полёт в зону боя — отнюдь не турпрогулка. Так и ждёшь трассеров зенитного пулемёта или белого хвоста зенитной ракеты, от которой уйти невозможно. Отвоевал своё, вернулся домой. Ту войну забыл, вычеркнул из памяти, затоптал в землю... Много лет всё было хорошо. А потом опять начали вспоминаться нити огня, тянущиеся от его пулемёта вниз на позиции боевиков. И тот бой, когда они ремонтировали повреждённый вертолёт, а душманы уже подползали, и пришлось

отложить инструмент и взять в руки автомат. До сих пор в глазах лица обезумевших головорезов, одурманенных наркотой, лезущих вверх по горе, и короткие автоматные очереди в ответ — патронов было мало. Когда ты бьёшь с высоты или ведёшь огонь с закрытых артиллерийских позиций — это одно. А когда попадаешь во врага и видишь это попадание, и он падает сражённый — это совсем иное ощущение. Смерть, даже вражескую, забыть трудно, потому что это смерть человека, что ни говори. А сегодня Ивана Николаевича лечат от последствий кровоизлияния в мозг, свалившего его с ног...

Мы не раз говорили с Владимиром Михайловичем Сукачом о том, что память об ужасах войны проникает глубоко в сознание человека и скрывается там до поры до времени. Но вот что-то происходит. И эта память, как осколки и пули, что носят и по сей день

И.Н. Масютин

в себе некоторые ветераны-фронтовики, начинает пошевеливаться, даёт о себе знать. Да так, что мало не покажется. На научном языке это именуется «стресс-провоцирующий фактор». Ночные кошмары, истерические срывы, внезапные, немотивированные, казалось бы, смены настроения, эпилептические припадки — это лишь часть воздействия этого фактора. В организме человека всё взаимосвязано, и потому вдруг, как бы не из-за чего начинают усугубляться недуги, и что у обычного человека при своевременной медицинской помощи быстро сходит на нет, у ветерана даёт серьёзные, иногда фатальные осложнения. Как сказал главный врач, в штате госпиталя работает девять (!) высококлассных специалистов, отвечающих за психическое состояние ветеранов, помогающих распутывать туго уткнутые узлы психологических внутренних конфликтов. Когда-то этим начали заниматься первыми американцы. «Вьетнамский синдром», поразивший армию США после окончания войны во Вьетнаме, заставил создать сеть клиник, существующих за счёт средств бюджета. Лечение ветеранов в США бесплатное, несмотря на всеобщую платность американской медицины. Американцы, кстати, позаимствовали опыт специализированной медицинской помощи ветеранам войн, существовавший в нашей стране с сороковых послевоенных годов. Но лечение синдрома, как такового... Тогда кое-кто в СССР

недоумевал и даже подсмеивался над таким диагнозом. Сегодня в нашей стране всё далеко не так. К пониманию плотной взаимосвязи психического состояния человека и соматики подходят на серьёзном научном уровне. Достаточно сказать, что госпиталь — клиническое медицинское учреждение, на базе которого работают семь кафедр Оренбургского государственного мединверситета.

В 2013 году в Оренбурге на ул. Родимцева начал функционировать «Центр реабилитации для воинов-интернационалистов», где находится также и Центр лечения эпилепсии. На первом этаже это

здания, возле которого установлено артиллерийское орудие, расположен уникальнейший музей, рассказывающий о подвигах земляков, о которых в прежние времена говорить запрещалось под страхом уголовного наказания за разглашение гостайны. Это и Корейская война, и Карибский кризис, и гражданские войны в Анголе и Мозамбике, и Ближний Восток с его арабо-израильскими войнами, и Афганистан, и Чечня. Везде, где свистели пули и рвались снаряды, служили, доблестно исполняли свой воинский долг и гибли наши земляки. Недавний пример — уроженец села Городки Тюльганского района, Герой России Александр Прохоренко, совершивший подвиг в Сирии. В музее собраны имена всех оренбуржцев, отдавших жизнь за Родину. Опекает музей Надир Раимович Ибрагимов — воин-афганец, депутат Законодательного

Н.Р. Ибрагимов

собрания области, заместитель председателя попечительского совета госпиталя. Он активно помогает работе как всего госпиталя, так и деятельности лечебного центра, его молодого, но весьма профессионально работающего коллектива, который возглавляет высококлассный врач-невролог Антон Петрович Герцен. В Центре успешно оказывают медицинскую помощь людям с эпилепсией. Ведь коварная болезнь свойственна людям, получавшим в ходе боевых действий черепно-мозговые травмы, контузии разной степени тяжести.

В. М. Сукач скрупулёзно отчитывается перед попечительским советом, возглавляемым Юрием Бергом — губернатором области, всякий раз убедительно рапортуя об успехах лечебной деятельности. Но всё же недовольно сетует: не удаётся совладать с некоторыми «молодыми»

ветеранами. Не исполняют ребята правило ежегодной диспансеризации, надеясь на «авось» и своё здоровье, зачастую не такое уж и здоровое.

Остались в прошлом не очень совершенные методы старых докторов, слушающих сердцебиение с помощью деревянного стетоскопа. Давным-давно не стерилизуют на электроплитках в процедурных кабинетах многоцветные шприцы. Сегодня госпиталь уверенно переступил порог цифрового века. Можно говорить, что и врачи, и пациенты имеют дело с технологической медициной. Например, болезни, что раньше требовали наркоза и скальпеля, лечатся аппаратными методами. Лежит человек на столе, а камушки в почках лущат ультразвуковые импульсы и дробят конкременты. А прежде надо было делать операцию. Широчайший спектр современных физпроцедур помогает врачевать и телесные, и душевные недуги.

Принято в народе говорить при всяком добром и тяжёлом деле: «Бог в помощь». И в дни Великой Отечественной, и в наши дни люди, попавшие в невыносимые, бесчеловечные условия войны, до того неверующие или исполнявшие некие религиозные обряды только потому, что в семье так заведено, обращают взоры к Всевышнему. В попечительском совете госпиталя — руководители традиционных религиозных конфессий, действующих на территории Оренбуржья.

А.П. Герцен

Два помещения отданы для молитвы: православным и мусульманам.

Если подняться на четвёртый этаж госпиталя, а туда приходят практически все пациенты для прохождения лечебных физпроцедур, то вы, скорее всего, попадёте на художественную выставку. Здесь одна за другой экспонируются картины лучших оренбургских художников. Недавно, например, Наталья Бровко — главный художник Оренбурга — выбирала для экспозиции свои картины. Не всякое произведение подойдёт для показа пациентам госпиталя. Люди, в душе которых продолжают клубиться чёрные клубы дыма войны, нуждаются в жизнеутверждающих полотнах, добром искусстве. Всё это в полной мере есть на полотнах художницы. В картинной галерее госпиталя сочли за честь выставляться Ю. Рысухин, А. Власенко, С. Бочкарёв,

фотограф С. Жданов. Пациентов радовали детские рисунки. Нередки приезды в госпиталь творческих коллективов. В актовом зале, где обычно ведутся врачебные конференции, часто звучит музыка. Недавно в госпиталь с шефским концертом приезжала Юлия Учватова — певица, известная в Оренбуржье и далеко за его пределами. А оренбургские писатели и поэты вносят свою лепту. Регулярно в библиотеку госпиталя поступают посылки с книгами, с очередными номерами литературных альманахов «Гостиный Двор» и «Башня».

И ещё одно госпитальное мероприятие следует особо отметить. Регулярно всё в том же актовом зале расставляют столы, за которые усаживаются ответственные чиновники минздрава, минсоцразвития, облвоенкомата и других ведомств. Они ведут приём пациентов госпиталя. Трудно подсчитать, сколько «заноз» на таких встречах было извлечено из израненных душ ветеранов, многие из которых живут в отдалённых уголках области и в силу немощей не в состоянии обивать пороги казённых кабинетов.

Много лет подряд в качестве члена попечительского совета наблюдаю, как госпитальный коллектив расширяет сферу своей компетенции. Оренбуржец Константин Иванович Филиппов начал добывать себе про-

питание в тринадцать лет. Именно в этом возрасте заслужил он во время войны взамен карточки иждивенца продовольственную карточку работающего. А она давала возможность на получение ежедневно почти восьмисот граммов хлеба при условии выполнения планового задания. Дети войны — ещё одна категория оренбуржцев, за состоянием здоровья которых пристально следит госпиталь. Создано и действует гериатрическое отделение. А сам госпиталь является областным центром гериатрии. В декабре 2014 года в присутствии губернатора области, который лично патронировал эту стройку, открыто было новое здание отделения паллиативной медицинской помощи на 30 коек. Здесь лежат и проходят лечение наиболее тяжёлые пациенты, в том числе онкобольные. Светлана Петровна Котлярова — опытейший врач, заведующая отделением, и её коллеги делают всё возможное и

Пациент на литотрипоре (дробление камней в почках)

невозможное, дабы облегчить страдания лежащих там людей.

Но велики ли возможности госпиталя? В.М. Сукач, характеризуя материальную подоснову жизни госпиталя, улыбнувшись в усы, говорит: «Живём на уровне минимальной достаточности». Что это означает на практике? Директивные показатели по заработной плате достигнуты. А всё остальное? В остальном всё ещё ощущается недобор. 250 коек стационара, поликлиника на 290 посещений — такова ежедневная нагрузка для коллектива, в котором и уникальные специалисты-врачи, и медсёстры-золотые руки. А ещё те, кто чистит снег метельными зимами, готовит диетическую пищу, убирает коридоры и палаты, водит машины скорой помощи, выполняет огромный объём работ, без которых деятельность госпиталя просто невозможна. Пациенты не услышат здесь просьбы принести простыни и прикупить медикаменты, как это случается порой в некоторых медучреждениях. Зато персонал госпиталя: врачи, медсёстры слышат постоянные слова благодарности. Убедиться в этом несложно — зайдите на сайт, поговорите с теми, кто лежит и лежал в госпитале. Внимание и доброта к пациентам возведены в госпитале в культ. Между прочим, предупредительность, терпение, милосердие иной раз действуют не менее эффективно, чем лекарства.

Платные услуги, оказываемые оренбуржцам, желающим

С.П. Котлярова

получить помощь именно у специалистов госпиталя, приносят доход в бюджет. Добрая половина заработанного идёт на повышение заработной платы врачам, медсёстрам, младшему медицинскому персоналу. Это позволяет удерживать квалифицированных специалистов, хотя кадровые подвижки неизбежны. Дополнительная помощь поступает от партнёров и попечителей. Это и денежные средства, и необходимое для госпиталя медицинское и офисное оборудование. Среди попечителей — депутат горсовета В. Булгаков, предприниматель В. Киданов, воин-афганец, руководитель энергетиков области В. Кажаяев, писатель П. Краснов и многие другие.

В госпитале по мере сил и умения лечат Войну как источник людских страданий и её тягостные последствия. Лично для В. М. Сукача, война не есть нечто отвлечённое. Его дед сгинул в огненном

вихре бомбёжки на Украине, не успев дойти до передовой. Где он нашёл последнее упокоеие, никто не знает. Его родители — в те годы подростки — испытали свирепость войны, когда гитлеровцы по Украине рвались на восток, а затем отступали, откатываясь назад под ударами Красной Армии. Они хорошо запомнили «прелести» жизни при оккупантах. Быть может, отсюда проистекает сердечная заботливость доктора Сукача и его коллег по отношению к пациентам госпиталя?

Думается, что и те, кто сегодня отдаёт всего себя делу милосердного служения людям, являются достойными наследниками традиций, заложенных ещё великим русским фронтовым хирургом Николаем Пироговым и медиками Великой Отечественной. А затем последовали те «не знаменитые» войны, в которых скрытно принимали участие наши солдаты

и офицеры: Афганистан, две чеченские войны с международными террористами, краткосрочная, но достаточно кровавая в Южной Осетии... Сегодня — Сирия. Недавно Владимир Михайлович по секрету поделился: в госпиталь поступил ветеран Советской Армии с Украины. Он — один из немногих, кто чудом уцелел 2 мая 2014 года в огне одесского Дома профсоюзов, где фашисты расправились с истинными патриотами Украины. Надумал я, было, встретиться с этим человеком. Но главврач остудил мой журналистский пыл: «Нельзя! Слишком кровотоцит душа. Разговор может пагубно сказаться на его здоровье».

Тяжело, невероятно тяжело излечивать старые военные раны, извлекать из тел и душ людских осколки войны. Зачастую они подобны тем мельчайшим просыпанным зёрнышкам, о которых рассказывал мне сосед-ветеран.

Но не следует обманываться их малостью. Врачи госпиталя и не обманываются. Ежедневно, ежедневно они ведут бой за каждого пациента, кто своим ратным трудом или работой в тылу обеспечивал и обеспечивает могущество и независимость нашей Родины.

Здание оренбургского областного психоневрологического госпиталя ветеранов войн

Игорь ХОВАНСКИЙ

КОМБАТ

Воспоминания об отце

Игорь Владимирович Хованский родился в 1938 году в Кувандыке Оренбургской области. Служил в Советской Армии. Окончил радиофакультет Уральского политехнического института. Работал на радиозаводе, учился в Минской школе КГБ. С 1968 года - на оперативной работе в органах КГБ, демобилизован в звании подполковника. Возглавляет Совет ветеранов в п. Самородово, председатель комитета ветеранов войны и военной службы Промышленного района г. Оренбурга, член областного Совета ветеранов.

Нас сегодня называют «дети войны» — тех, кто родился накануне или во время войны и вместе с матерями ждали своих отцов с фронта. Я родился накануне — 5 мая 1938 года.

Моя мать — Хованская Розалия Петровна (в девичестве Ягодзинская) родилась в 1918 году в селе Троицком Тюльганского района Оренбургской области в семье «красного» ссыльного из г. Львова провизора и выпускницы Оренбургского высшего епархиального училища (Институт благородных девиц), работала учителем по месту жительства в деревне Надеждинка Гавриловского (позднее Саракташского) района Оренбургской области.

Отец — Хованский Владимир Григорьевич 1917 года рождения родился здесь же, в Надеждинке.

После окончания Оренбургского педагогического института

как комсомолец-активист был направлен в 1937 году на комсомольскую стройку — Медногорский медно-серный металлургический комбинат — в качестве представителя ЦК ВЛКСМ.

На стройку отец приехал вместе с мамой. Им дали отдельную комнату в бараке на 10-м разъезде (ныне станция и г. Медногорск), где я и родился в 1938 году.

В том же году папа отправил маму со мной в Надеждинку, где проживали его и мамины родители, а сам в 1939 году подал заявление о приёме в Оренбургское пехотное училище, которое окончил 18 июня 1941 года. Молодым пехотным командиром в звании лейтенанта он был направлен для дальнейшей службы в укрепрайон Юго-Западного военного округа в г. Перемышль.

Уже от Киева до Перемышля его встречают первые воздушные тревоги, которые молодой лейтенант воспринимает как учебные, первые потоки беженцев, первые разрывы фашистских авиабомб, первое лодское горе, первые слёзы — всё первое... И война...

Для меня отец всегда был непререкаемым авторитетом за честность и глубокую порядочность, за строгость в воспитании и детей, и подчинённых, за умение убедить, за доброту, которую он нёс людям.

Его не стало в 1991 году.

Перебирая его документы, я наткнулся на пробитую пулей

тетрадь... Это был его личный дневник, который он вёл со дня выпуска из училища до 13 ноября 1941 года. Дневник всегда был с ним и прикрывал его грудь.

Однажды он спас ему жизнь...

Этот дневник я, конечно, видел намного ранее, но как-то не осмысливал его значения тогда. Не осмысливал сначала из-за отроческо-юношеской безалаберности, позже — из-за учёбы, работы. А тут его смерть и... дневник... Что-то сжалось внутри. Отец, дневник — живые свидетели трагедии того времени.

И снова сжалось сердце — как же я мало знаю о нём. Ведь жили-то рядом всю жизнь; ну, слышал его рассказы о войне, о подвиге советского солдата в ней. Он скупко рассказывал о себе, а больше о подвигах солдат его батальона.

О фронтовых путях-дорогах отца я узнал ещё со слов его друга — бывшего командира разведроты 232-й стрелковой дивизии, а позже — начальника штаба полка подполковника Евгения Головина, журналиста по профессии, который уже после войны всегда был дорогим гостем отца.

Итак, войну он встретил лейтенантом, командиром роты. От Перемышля отступали с боями вплоть до Курска. Неоднократно попадали в окружение и с боями вырывались. Теряли товарищей, но не теряли уверенности в победе.

«Под Курском прорваться не смогли и всеми остатками батальона, которым командовал, — как сказано в приговоре № 66 военного трибунала Курского гарнизона от 5 мая 1949 года, — в июле 1942 г. попал в окружение, был ранен и остался на оккупированной территории Мантуровского района в с. Большие Бутырки.

Находясь на оккупированной территории, Хованский В.Г. имел связь с партизанским отрядом, распространял листовки среди населения, собирал оружие и продукты для отряда, а с декабря 1942 года по февраль 1943 года до соединения с частями Советской Армии находился в партизанском отряде и принимал участие в боевых действиях отряда против фашистов и их пособников».

За этими скупыми строками приговора не видно тех качеств, которыми в той обстановке обладал отец — смелость, выдержка, верность долгу, умение действовать самостоятельно и рисковать ради выполнения поставленной командованием отряда задачи. Не видно тех трудностей, которые ему пришлось преодолеть.

Так, остановившись по ранению в селе Большие Бутырки Мантуровского района Курской области, он подружился со старостой села, который был связан с партизанским отрядом «За Родину!» Этот староста в последующем неоднократно выручал его и снабдил отца документами, по которым он был якобы дальним родственником старосты, ранее осуждён и бежал от Советов, а теперь выжидал, когда

Курсант Оренбургского пехотного училища Хованский Владимир Григорьевич с женой Розалией Петровной. 1938 год

немцы освободят его родное село на западе Курской области.

Однажды в одном из сёл отца арестовала полевая жандармерия. Доставили в пункт проверки. Проверив документы и выслушав его рассказ, жандарм вдруг рявкнул: — Jude? (Еврей?) Следует заметить, что в ту пору ему было всего 23 года, волосы были густые и чёрные, и он действительно смахивал на еврея. «Да какой там еврей? Вот и документы...» Тут в помещение влетел наш староста и подробно стал объяснять, кто такой мой отец, конечно, согласно легенде. Немец сбавил тон: «Раздевайся!» Отец и староста опешили, но всё же отец разделся. «Доголола!» — рявкнул немец.

Отец выполнил указание. «Нет обрезания, — сказал немец, — значит, не еврей!» Вернул документы и велел убираться.

«Пронесло... — сказал уже позже староста. — Но ты, Иван (имя отца по легенде), поостерегись! Поговаривают, что ищут какого-то эмиссара из партизанского отряда, который собирает оружие и продукты. Говорят, что какая-то женщина из нашего села пособничает немцам и включилась в активный поиск партизана...»

Отец работал в основном в Мантуровском районе, где и петлял из села в село в поисках оружия и боеприпасов, выявляя заодно пособников фашистам. Оружие складировалось у верных

людей, а затем переправлялось в отряд. Об этом было известно узкому кругу лиц. Для остальных и немцев — он ходил из села в село под предлогом поиска работы: кому-то дрова поколоть, сена заготовить, сарай починить; а кому-то оказывал помощь по хозяйству за то, чтобы его накормили. Он всегда восхищался советскими людьми, которые не теряли мужества, находясь на территории, занятой врагом, где им самим приходилось терпеть и холод, и голод. Он брал на заметку настоящих патриотов Родины и сообщал о них в партизанский отряд.

Именно эти люди, претерпевая страх и риск быть расстрелянными, спасли жизни партизанам, раненым в боях с фашистами. Именно эти люди встали на его защиту, когда он был арестован людьми Абакумова 21 марта 1949 года, будучи начальником штаба Уфимского пехотного училища (командир генерал Назаров), но об этом — чуть ниже.

Как-то при переходе из села в село его остановил начальник пункта полиции одного из сёл. В розвальнях рядом с ним лежала винтовка. Проверив документы, расспросил, куда и зачем идёт. Как обычно, отец сказал, что подрабатывает в близлежащем селе у зажиточного крестьянина, где и харчится.

Полицай велел сесть рядом и сказал, что подвезёт. Отец сел и подумал: «Заедем в распадок,

выдерну из-под него винтовку... и на его добротном коне скроюсь».

Полицай вёл себя настороженно, прибавил ходу. В распадке нагнали две санные повозки, битком набитые немцами, которые ехали и горланили песни. Полицай вклинился между повозками, и так доехали до Мантурово.

— «Он остановился около гестапо и повёл меня в дом», — вспоминает отец. — «У меня перехватило дыхание. Гестапо — это серьёзно. Мы вошли мимо часового в вестибюль.

— Присаживайся — негрубо сказал полицай и, предложив подождать, зашёл к шефу гестапо.

В это время в комнату вошли два полицая, о чём-то весело разговаривая. Я кинулся к ним со словами «стоит ли лошадь у крыльца?» Те ответили, что не видели. Украли! — крикнул я и метнулся к выходу». Немец у входа, не поняв о чём идёт речь (вряд ли знал по-русски) и видя дружелюбное отношение полицая к отцу, принял его за своего и выпустил из вестибюля. Выйдя на улицу, отец неспешно отвязал коня, сел в повозку и покатил. Отъехав 2-3 квартала, свернул в проулок, в каком-то закутке привязал подводу и кинулся за околицу. День был базарный. Народ разбрёдался по сёлам. Отец подхватывался помочь то одному, то другому, то женщине с ребёнком, то старику с санями. Так он старался побыстрее и подальше уйти от Мантурово.

Он уже проделал около 10 км от райцентра, когда зашёл в последний дом на окраине села и попросил пить. Женщина подавала ему ковш с водой, и он жадно припал к нему. Когда отец, едва переведя дух, направился к двери, дорогу ему загородил огромный детина: «Партизан? Не пуцу!» — сказал он. «Пойдём в полицию». «Какой партизан?» — со злостью сказал отец. «У меня мешок муки спёрли. По слухам, из соседнего села. Вот догоняю!» На лице отца было столько ярости, что полицай поверил и выпустил.

Отец выскочил из дома и вскоре свернул через огороды к лесу, проваливаясь в глубокий снег. Уже на окраине леса увидел, как к дому, из которого он только что вышел, подкатило несколько розвальней, набитых немцами, они стали шарить в округе. Отца тогда спасли надвигающиеся сумерки. Он прошёл в темноте ещё несколько километров, когда услышал вой волков. Забрался на дерево. Сначала под деревом появился один хищник. На его вой откликнулись другие, и вскоре вокруг дерева их был целый хоровод. «От одних зверей ушёл, но не сдаваться же другим» — подумал отец.

А мороз крепчал. Начал замерзать. Сначала решил привязать себя ремнём и передремать до утра. Но мороз упорно проникал в складки нехитрой одежды.

Чтобы не замёрзнуть, стал лазить по дереву вверх-вниз.

Согревшись, отдыхал и снова — вверх-вниз. И так до рассвета. С рассветом волки ушли, и он пошёл на базу отряда. Километров через 10 встретил патруль из партизанского отряда, который сообщил, что в отряде уже известно, что полиция и полицейские на ушах — все ищут в Мантурово «эmissара», который ушёл от гестаповцев; а так как отряд ушёл со старой базы, то на подходе к ней оставил патруль. Они переедели, накормили отца и направили в отряд.

Работал однажды отец в деревне недалеко от Больших Бутырок. Вдруг к нему прибежал полицейский, имеющий связь с партизанским отрядом. Его брат был заместителем начальника местной полиции. Он ему сообщил, что в указанной деревне, по информации учительницы немецкого языка школы села Б.Бутырки Ивашкевич Матрёны Никифоровны, скрывается «эmissар» партизанского отряда, которого разыскивает гестапо. Эта дамочка, с его слов, отправила на виллицу многих наших патриотов или родственников коммунистов и им сочувствующих. Начальник полиции собирает полицейских для облавы в деревне.

«Наш» полицейский вывел отца за деревню глухими тропами и велел доложить в отряде о пособничестве Ивашкевич фашистам, передал список арестованных по её наводке.

В феврале 1943 года партизанский отряд встретился с первыми частями Красной Армии.

До Курской битвы, в результате которой была освобождена вся Курская область, в том числе и район действия партизанского отряда «За Победу!», было ещё целых 6 месяцев, а пока на Курско-Орловской дуге шли бои местного значения. Сегодня Большие Бутырки возьмут части Красной Армии, а через 2-3 дня они снова у немцев. Многие сёла переходили из рук в руки неоднократно.

Однажды отца вызвал командир отряда и, познакомив с капитаном из «Смерш», сказал: «К нам обращается «Смерш» с просьбой арестовать Ивашкевич Матрёну, которая пособничала немцам. Ты её знаешь. Бери с собой двух партизан (он назвал фамилии парня и девушки) и идите за ней в Б.Бутырки, освобождённые Красной Армией накануне. Не дайте ей скрыться».

Капитан «Смерш» уточнил, что после ареста нужно доставить её в штаб фронта, расположенный в 10 км от Б.Бутырок.

В тот же день Ивашкевич была арестована, вместе с ней группа во главе с отцом направилась в расположение штаба фронта. Однако село, в котором должен был находиться штаб фронта, уже оказалось в руках немцев; в деревне, где стояла группа «Смерш», шёл бой — там тоже были немцы. Повели её

назад в Б. Бутырки, но и там уже шёл бой с немцами.

Посоветались: куда вести? Ивашкевич сама подлила масла в огонь: «Кругом немцы — предлагаю вам сдать, я вас сдам в гестапо».

Уж так она разозлила этим группу, что паренёк не выдержал: «Хованский! Дай я её лично прикончу прямо здесь!»

Отец вначале возражал, но, после многочасового блуждания в тылу у немцев, решили — расстрелять! И паренёк привёл решение в исполнение.

Этот эпизод стал роковым в жизни отца. В 1948 году, когда командование ЮжУрВО направило отца с должности начальника штаба Уфимского пехотного училища на курсы «Выстрел» (г. Солнечногорск) для подготовки в академию, на этих курсах он и был арестован 28 ноября 1948 года.

Основание таково: родители расстрелянной Ивашкевич обратились в военный трибунал Курского гарнизона с жалобой на моего отца, который якобы сотрудничал с немцами. Ивашкевич (их дочь) узнала об этом, хотела сообщить в «Смерш», но не успела, так как Хованский её расстрелял.

Восемь месяцев длилось следствие, где отцу прямо прочли расстрел или 25 лет лесоповала. Следователи без зазрения совести выколачивали из свидетелей нужные для обвинения показания.

В ходе следствия выяснилось, что капитан «Смерш» погиб при освобождении Белоруссии, паренёк из группы отца погиб в Польше, большинство свидетелей запугано. Но вот разыскали командира партизанского отряда «За Победу!» и ту девушку, что была в тройке Хованского, были названы фамилии людей, которых Ивашкевич выдала, и следствие стало тормозить.

Но люди МГБ в ту пору «не могли ошибиться». Поэтому в приговоре записали: «Во время прихода советских войск Хованский, пользуясь слухами о предательской деятельности гражданки Ивашкевич Матрёны Никифоровны, её арестовал и самочинно расстрелял в феврале 1943 года.

На основании изложенного Военный трибунал признал Хованского виновным в преступлении, предусмотренном ст. 136 «а» УК РСФСР.

Руководствуясь статьями 319-320 УПК РСФСР, Военный трибунал приговорил: «Хованского Владимира Григорьевича на основании ст. 136 «а» УК РСФСР лишить свободы в исправительно-трудовых лагерях на пять лет без поражения в правах.

Учитывая, что Ивашкевич действительно пособничала немцам, что преступление совершено в 1943 году, что Хованский является участником Великой Отечественной войны, активно

вёл борьбу на командных должностях против немцев с начала и до полной победы, за что награждён четырьмя орденами и двумя медалями и что он на сегодняшний день не является общественно-опасным, Военный трибунал считает возможным применить к нему статью 53 УК РСФСР и определённую меру наказания считать УСЛОВНО с пятилетним испытательным сроком. Меру пресечения изменить, из-под стражи освободить. 20 июня 1949 года».

После Курской битвы, когда партизанский отряд соединился с частями наступающей Красной Армии, отец был назначен командиром роты в 794-й стрелковый полк 232-й стрелковой дивизии. В составе этой дивизии отец участвовал в сумской операции, где была окружена и уничтожена большая группировка фашистских войск.

Вскоре, уже командиром батальона, отец принимал непосредственное участие в освобождении Киева. В частности, в составе полка захватил плацдарм на правом берегу Днепра, обеспечивая коридор для прорыва частей Красной Армии. В результате уже 7 ноября 1943 года Киев был освобождён полностью, а 232-я стрелковая дивизия стала называться Сумско-Киевской ордена Богдана Хмельницкого. За эту операцию отец, как и многие другие командиры, был награждён орденом Богдана Хмельницкого.

Хованский В.Г. после войны

Об одном из эпизодов этого сражения я узнал со слов друга отца — бывшего помощника начальника штаба 794-го полка Евгения Дмитриевича Головина:

«...Орудийный расчёт артиллерийского дивизиона, приданного батальону Хованского, со своей материальной частью переправился через Днепр вслед за стрелковыми подразделениями. Предраассветный туман быстро рассеивался, но противник давно обнаружил место переправы и вёл сильный огонь. Четыре плота с орудиями и большая лодка со снарядами были уже на середине реки. Пока всё обходилось благополучно, хотя вокруг рвались десятки снарядов и мин... Уже у самого

берега перегруженный плот накренился и орудие свалилось в воду. Хорошо, что было уже мелко. С берега на помощь артиллеристам сбежали бойцы батальона, и общими усилиями удалось вытащить орудие на позицию. Вскоре орудия били прямой наводкой по атакующим фашистам, которые пытались сбросить наших с плацдарма в Днепр. Подбили танк, но из лоцины к нашим позициям подобрался другой, остановился и начал разворачивать пушку в нашу сторону. Этих секунд хватило нашим пушкарям — раздался выстрел. Танк сначала закрутился на месте, а потом из него повалил дым. Тем временем батальон расширил плацдарм, а с того берега в прорыв устремились наши части...»

«Царица полей» — пехота шаг за шагом отвоёвывала у фашистов занятую у них нашу территорию. Впереди на пути у отца к Победе были города и сёла, три укрепрайона...

И вновь своими воспоминаниями о подвигах отца в тесном кругу нашей семьи делится Евгений Дмитриевич Головин: «...Всю весну и лето сорок четвёртого года дивизия, как и её соседи, стояла в обороне на рубеже между Молдовой и румынской рекой Серет в предгорьях Карпат».

Тут Евгений Дмитриевич поясняет, что порой даже в официальных документах ошибочно

путали дзоты (деревянно-земляные огневые точки) с дотами, по праву называемыми долговременными, потому что они действительно являются очень прочными оборонительными сооружениями с прочными железобетонными стенами и таким же непробиваемым покрытием. Доты выдерживают любой артиллерийский огонь. Зато обороняющиеся ведут из них огонь согласованный, перекрёстный, многослойный, простреливающий каждый клочок земли.

«Именно линия дотов была впереди нашей дивизии. И на одном из участков перед ними находился стрелковый батальон майора Хованского.

Между воюющими сторонами всего-то четыреста — пятьсот метров, но как подобраться к дотам и сокрушить извергающую огонь твердь?

Однажды на НП (наблюдательный пункт) майора Хованского пришли командир корпуса генерал-майор Лобовцев, командир дивизии генерал-майор Козырь и начальник штаба дивизии полковник Амосов. Хованский, докладывая обстановку, гадал, чем вызвано их появление? Его озадачил их повышенный интерес к поведению противника, к настроению солдат в его подразделениях и даже к той простреливаемой всеми видами огня противника местности в полосе раздела. «Неужели подошло время готовиться к наступлению?» — мелькнула мысль комбата.

Несколько прояснил вопрос генерал-майор Козырь: — Знаю, Хованский всё сможет. А если уж мы добавим ему артиллерии и всяких других средств побольше, чем положено по закону божьему...

Тут снова озадачил начальник штаба Амосов, объявив тоном приказа:

«Слушай, майор Хованский! Ночью скрытно твой батальон снимается с участка и направляется в тыл. Смена участка должна произойти так, чтобы противник ничего не заметил. Понятно?»

«Понятно», — ответил комбат, хотя пока всё было не понятно, но приказы не обсуждаются.

Когда батальон вышел в тыл, укрывшись в лесу, Хованский получил новую вводную: отныне батальон будет именоваться штурмовым. Ему предстоит прорывать оборону противника, засевшего в дотах и именно на том же участке, который только что оставил. Стояла задача — прорвать вражескую оборону во что бы то ни стало, чтобы, в случае успеха, в прорыв ввести всю дивизию.

Отец понимал, насколько сложна и тяжела, а вместе с тем почётна и ответственна задача, которую ему предстоит выполнить. На протяжении всего боевого пути подобного по тяжести у него не было. Почему же ему выпала такая честь?

На этот вопрос Головин отвечает так:

«...Возможно, определённую роль сыграли смелые, решительные действия его батальона перед выходом на государственную границу СССР и при форсировании реки Прут, за которой началась Румыния...

...Тогда на последних десятках километров перед государственной границей в самом деле действовали очень решительно и вместе с тем очень расчётливо. Хованский понимал, что противник деморализован, отступает беспорядочно, стремится укрепиться за рекой. Понимал и требовал от командиров рот стремительно продвигаться вперёд, не опасаясь, что в тылу могут остаться разрозненные вражеские группы. Вперёд и только вперёд! Так он первым вышел к реке, первым доложил командиру полка, отступая от уставной формы доклада: «Стою на последнем клочке священной советской земли, полностью освобождённой от ненавистных оккупантов на нашем участке фронта!»

Командир полка полковник Исаев, тоже очень взволнованный докладом Хованского, решил, однако, уточнить: «Прошу официально доложить, вышел ли батальон на реку Прут, то есть на государственную границу СССР с Румынией? Далеко ли сам находишься от реки?»

«Докладываю, — сказал комбат. — Батальон вышел на берег реки Прут. Стою около воды», — и уже по-мальчишески радостно

— взволнованным тоном: — «Пью из реки водицу. Ох, и хороша она!»

«Молодец, Хованский! — Прокричал в трубку командир полка. — Жди меня на берегу!»

Какой-то солдат, тяжело раненный на подступах к реке, наотрез отказался эвакуироваться в тыл. Истекая кровью, отказываясь от помощи, он продолжал ползти вперёд, преодолевая метр за метром. И только когда дополз до воды, легко вздохнул и заявил: «Вот и очистили родную землю от проклятого врага, теперь, пожалуй, забирайте меня, буду спокойно лечиться».

За то, что первым вышел к государственной границе, отец был награждён орденом Красного Знамени, а дивизия была удостоена ордена Суворова.

Наверное, за этот подвиг отцу выпала честь в Карпатах прорывать укрепрайон. Началась подготовка к штурму...

Восемь дотов в полосе прорыва. По показаниям пленных, это полутораметровые железобетонные стены и такие же непробиваемые сверху покрытия, имеющие снаружи толстый резиновый настил, так что снаряды, взрываясь, отскакивают, не причиняя вреда. Внутри дота — два углубляющихся этажа, а там — целый гарнизон, до сорока человек. Все подступы к дотам заминированы, прикрыты сплошной линией минных и проволочных заграждений.

Началась кропотливая подготовка к штурму. Восемь дотов. Столько же было создано штурмовых отрядов. На учебном поле до минуты и секунды комбат выверял каждый бросок группы. Замполит батальона капитан Ратников в минуты перекура напоминал бойцам суворовское правило: тяжело в учении — легко в бою.

Отец в это время нёс двойную нагрузку: он с бойцами штурмовых групп на учебном поле то уходил на передний край обороны для изучения обстановки на участке прорыва, то с наблюдательного пункта в стереотрубу ещё и ещё раз рассматривал доты, искал новые детали предстоящего штурма и вносил их на учебное поле.

За два дня до перехода батальона к месту прорыва на передний край участок прорыва обрабатывался нашей авиацией. Налётом удалось снять с дотов земляной покров, обнажить их.

Ночью батальон, покинув учебные поля, скрытно занял отведённый ему на передовой участок.

22 августа на рассвете заговорила артиллерия.

Вспоминает Евгений Головин: «...Хованский находился на переднем крае обороны, на исходном положении для атаки. Здесь был его КП. Огнём сметались проволочные заграждения, перепахивались минные поля. Заиграли «катюши» и это было сигналом к атаке».

Ни секунды не задерживаясь, из окопов пошли штурмовые группы, каждая устремилась к «своему» доту. Комбат оценил их действия одним словом: «Молодцы!»

Но доты, как ни обрабатывала их наша артиллерия и «катюши», ожили, когда штурмовые группы были уже в непосредственной близости первой линии железобетонных укреплений, а некоторые вплотную подобрались к ним. Над дотами стали появляться красные флажки. Сапёры прокладывали взрывчатку, огнёмётчики направляли струю огня в любую щель. А в это время огнём артиллерии обрабатывалась вторая линия обороны противника. Вскоре и сам комбат перевёл свой КП поближе ко второй линии обороны противника. Фашисты не теряли надежды восстановить позиции. Батальон был контратакован самоходными орудиями, за которыми шли немецкие автоматчики. И снова заговорили «катюши».

Находившийся рядом с Хованским командир батареи 76-мм орудий старший лейтенант Усманов и командир батареи 120-мм миномётов капитан Суботин точно скорректировали огонь по противнику. Контратака захлебнулась. Рядом с КП комбата стояла подбитая самоходка и валялось множество трупов вражеских солдат.

Раздался страшной силы взрыв. Это, как выяснилось

позже, штурмовая группа младшего сержанта Максима Булаха, подложив под дот 500 кг взрывчатки, вывернула наизнанку железобетонную громадину.

Жестокий бой продолжался. Чтобы помешать новой контратаке немцев и румын, комбат бросил в бой приданную ему полковую роту автоматчиков, которой командовал отважный лейтенант Павел Болдышев. Она сделала своё дело. И вот из сохранившихся, но обессиленных дотов стали выходить и сдаваться остатки противника со своими командирами...»

Головин вспоминает, что об этом страшном, но героическом дне армейская газета «За Победу!» под заголовком, набранным крупными буквами: «Слава воинам офицера Хованского!» сообщала: «Бойцы батальона Хованского уничтожили восемь дотов и взяли в плен более 200 гитлеровцев».

В прорыв устремились части дивизии, а батальон Хованского остался в тылу для принятия пополнения и подготовки к новым боям. Личный состав батальона был представлен к наградам, а Хованский за этот подвиг награждён вторым орденом Красного Знамени.

Но, как рассказывал отец, в резерве долго побыть не пришлось — опять в бой. Наступая, батальон вышел к городу Пятра, зажатому скалистыми горами. Условия — хуже некуда. А тут

новость — немцы в нашем тылу. Комбат направляет группу разведчиков. Оказалось — румыны сдаются в плен.

Тем временем рота батальона уже зацепилась за окраинные дома в городе.

Рассказ продолжает Евгений Головин: «...Корреспондент армейской газеты «За Победу!» подполковник Яков Шведов (да, да — тот самый Яков Шведов, автор песен «Смуглянка», «Орлёнок») нагнал батальон Хованского, когда он, овладев Пятрой, преследовал противника в горах. Тут у него и состоялось знакомство с майором. Яков Шведов и комбат сошли с дороги, пропуская повозки с боеприпасами. Майор кратко и ясно отвечал на вопросы корреспондента, давая понять, что задерживаться никак нельзя, так как

впереди уже завязывался бой. На том первая встреча и закончилась, но знакомство сохранилось на всю жизнь.

Прошло несколько дней. На одном из рубежей батальон был атакован противником, создавалась угроза обхода поредевшего батальона с флангов, а это в горах опасно, комбат доложил мне — начальнику штаба полка — сложившуюся обстановку. Докладывая, не просил поддержки, но по всему чувствовалось, что на неё рассчитывает. В ответ, — продолжает Головин, — я взял газету, кричу: — Послушай стихи! — Какие стихи? До них ли мне сейчас?

— Ты послушай, — настаиваю я. — Яков Шведов написал. Тут целая баллада на газетную страницу:

Хованский Владимир Григорьевич с женой Розалией Петровной в день золотой свадьбы. 1988 год

*Карпатская тёмная ночь
Темнее была между гор.
Мы шли по ущелью цепочкой,
Отряд вёл Хованский майор.*

Слышу в трубке автоматную дробь, но продолжаю читать:

*Готов был к неравному бою
Пред ДОТаи каждый солдат,
Несли мы взрывчатку с собою,
По тройке надёжных гранат.
Мы — слава Отчизны —*

пехота,

*И дрогнул под натиском враг,
— Вперёд! На поверженных*

ДОТах

С тобой мы станцуем гопак!

Так я прочитал всю поэму до конца и слышу в трубку негромкий голос комбата: — Обстановка тяжёлая, но помощи не прошу! Справлюсь!»

Перевёрнута очередная страница летописи воспоминаний об отце.

Уже после освобождения Румынии командование отправляет моего отца, двадцатилетнего молодого, но талантливого командира батальона с предписанием в Москву на курсы повышения боевого мастерства «Выстрел» (в городе Солнечногорске), а по пути доставить в Генеральный штаб Красной Армии пленённого короля Румынии Михая. Состав из пяти комфортабельных вагонов (в двух из них находилась охрана) был отправлен в Москву. Отец и его

ординарец Иван находились в одном вагоне с королём. Обедали, как правило, втроем. Михай однажды спросил отца, почему офицер позволяет слуге обедать рядом с ними. Отец ответил: «Иван такой же человек, как вы и я, он выше нас с вами, так как много раз защищал командира своей грудью от вражеских пуль. Я ему обязан жизнью. И так — каждый боец в моём батальоне. Мы вместе проливали кровь за Родину, поэтому каждый боец мне дорог, как дитя. Вот почему Иван для меня брат, а не слуга, и я лучше бы с ним сидел за одним столом, а не с вами».

Отцу было 26 лет. Он был награждён за подвиги двумя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, 8-ю медалями, в том числе — «За освобождение Румынии» и «За Победу над Германией».

В 1945 году отец был назначен начальником штаба Чаковского (позднее Оренбургского) пехотного училища. Его практическое умение воевать не прошло даром. На основе этого опыта он пишет ряд «наставлений стрелковым частям» (на военном языке это «инструкции»), например, по проведению ночного боя в населённом пункте, по взятию укрепленного пункта, по захвату стрелковыми подразделениями плацдармов при переправе

через водные преграды и тому подобное. На основе своих разработок до ноября 1948 года преподавал тактику в пехотных училищах сначала в Чкалова, а затем — Уфимского, куда был переведён начальником штаба в 1946 году, где и служил до ареста (1948 г.).

После освобождения из-под ареста в июне 1949 года с семьёй переехал в Саракташ, где работал учителем, завучем, затем директором ШРМ.

Вёл большую общественную работу, был председателем

Саракташского районного Совета ветеранов, затем председателем ВОИ Саракташского района.

Умер в 1991 году в пос. Саракташ. Его провожал весь посёлок.

Среди тех, кто шёл за гробом, был его ближайший друг, с которым они брали плацдарм при форсировании Днепра и освобождении Киева — Герой Советского Союза Чумаков Григорий Тимофеевич.

Светлую память об отце теперь хранят его внуки и правнуки.

Встреча ветеранов. 1975 год

Владимир МОЛЧАНОВ

СЛАВЯНСКАЯ НАТУРА

Рассказы

Владимир Анатольевич Молчанов родился в 1954 году на хуторе Полтавка Оренбургской области. Работал газосварщиком в городе Рудном (Казахстан), служил в Советской армии. Окончил Рудненский индустриальный институт, Институт высших управленческих кадров Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, стажировался в ФРГ. Прошёл путь от горного мастера до главного инженера ООО «НОСТА - Тюльган» Орско-Халиловского металлургического комбината. В последние годы работал начальником отдела капитального строительства ОАО «Орбрегионинвестхолдинг». Награждён знаком «Шахтёрская слава II степени». Живёт в Оренбурге.

БЕДА-ЛЕБЕДА

Воробей, как будто просыпаясь от зимней спячки, купался у лужицы и неистово стряхивал с себя талую воду.

«Пережил зимушку, бедолага, и рад», — незлобно подумала Настя, проходя мимо по рыхлому мартовскому снегу.

День не удался с самого утра. Настя, идя с работы, зашла в гараж набрать картошки и соленья для праздничного стола и обнаружила, что погреб полнёхонек водой. По обводной канаве случился снежный затор, талая вода хлынула на улицы гаражного кооператива и захлестнула через пороги гаражей в погреб.

— Вот тебе, Настюха, и Восьмое марта. С праздничком! — грустно сострила она сама себе.

Хотела расстроиться, потом махнула рукой: «пусть это будет самая большая неприятность хотя бы на сегодня», набрала сетку всплывшей в твориле картошки и пошла в сторону дома.

По ходу её догнала Катерина, тоже спешившая домой после ночной смены.

— Что грустная такая? — весело хлопнула подругу по спине.

— Чему радоваться? — не поддержала Настя.

— Так праздник всё ж таки, Восьмое марта!

— Погреб затопило, ума не приложу, что делать. Одно удовольствие, что картошка уже чистая, с ходу для жарёхи готова, — кивнула Анастасия на сетку в руке.

— А меня бог миловал, у меня повыше, нам беда-лебеда! — потрясла Катерина своей сеткой с соленьями. — Слушай, давай ко мне, отметим. Грех такой день проспять, — повернулась она к подруге.

— Тогда уж лучше ко мне, — повеселела Настя. — У меня банка припасена.

Они заторопились к дому. По пути, уже в подъезде, прихватили с собой попавшуюся навстречу Настину соседку Раису.

Они все были разведёнками и тащили семейный воз с детьми, кто с одним, а кто с двумя, самостоятельно. Были бедовыми, в меру весёлыми и старались не поддаваться жизненным невзгодам, коих хватало. В молодости красивые, они и до сих пор не утратили привлекательности, хотя годы наложили свои отпечатки на их лица.

Быстро почистили и поставили жарить картошку. Сало на тарелочку прозрачными ломтиками, лук тонкими кружочками —

в духмяном подсолнечном масле собственного деревенского биття, острый перчик в том же масле, капуста, огурчики и прочие соленья. Тут и картошечка подошла. Прямо в сковороде её, скворчащую растопленным салом, на середину, и чем это не праздничный стол? Разлили по стопкам, прямо из трёхлитровки, самогоночку и, со словами «быть добру», выпили.

— Как говаривали наши бывшие мужички-охотнички, «между первой и второй чтобы пуля не пролетела», — пропела Настя, снова наполняя рюмки.

Выпили и молча, с апетитом, начали закусывать, думая каждая о своём.

— Катюх, надясь вышла из подъезда по утречку, а из твоего Николай выпшмыгнул. Не от тебя? — хитро глянула на подругу Анастасия.

— Мало ли к кому заходил, может, к Василию Ивановичу забредал, — не смутилась Катерина.

— Ага, по тёмному, спозаранку, чтобы никто не видел. Выскочил и наутёк, — не унилась Настя.

— А ты что, батюшка, чтобы я перед тобой исповедовалась? — не повела бровью Катерина, — наливавай, не забывай свои обязанности, раз командором вызвалась, а то и забудем, для чего собрались. Как говорится, не вовремя выпитая третья — это полностью загубленные предыдущие.

— Вот Галинка его узнает и ноги тебе повыдергает... — назидательно и нарочито строго

вывела Настя, попутно наполнив стопки.

— Так я вообще-то без претензий, — засмеялась Катя.

С хохотом, шутками-прибавками и песнями праздник продолжался. Жизнь налаживалась.

— Настён, наливай!

Настя, доставая ёмкость из-под стола, с разворота хрястнула доньшком трёхлитровой банки о батарею отопления.

— Вот и погуляли, — тихо в гнетущей тишине произнесла Анастасия, глядя на опустевшую посуду.

И вдруг горько, как по покойнику, зарыдала. И неустроенная жизнь, и затопленный погреб, и прочие неурядицы — всё сошлось в этой треклятой разбитой банке. Рядом хлюпали подруги, оплакивая своё наблевшее, вылившееся в случившейся беде. Сколько это продолжалось, никто из них не заметил. Первой пришла в себя Раиса. Поднялась, салфеткой вытерла с лица слёзы и направилась к выходу.

— Ты куда? — сквозь всхлипы разом вскинулись подруги.

— Беда-лебеда, я мигом...

Через три минуты она уже входила с полной банкой в руках.

— Вот, старшенькому сыночку на встречу из армии берегла, — поставила наполненную прозрачной жидкостью ёмкость на середину стола.

— Молоток ты, Раюшка, — восхищённо, нараспев произнесла Катерина, зная прижимистость подруги.

— Банкуй, Настюха. Хрен нас возьмёшь, ещё погуляем! — торжественно, с видом победительницы, изрекла Раиса.

Через полчаса на улицу через открытую форточку уже несло: «И снова седая ночь...»

Настя проснулась от попавшего в глаза яркого луча заходящего солнца, пробившегося через занавеску и куст стоящего на подоконнике столетника. В незакрытую форточку слышалось громкое чирикание сидящего на ветке берёзы воробья.

— Поживём ещё, воробьешек, раз до весны дотянули, — прошептала с просветлённой улыбкой.

СЛАВЯНСКАЯ НАТУРА

День клонился к закату. Заходящее солнце пробежалось лучами по черепичным крышам чужого города и скрылось за высоткой. Алексей вдруг понял, что заблудился и не знает, в какую сторону идти.

— Как пройти к горному музею? — спросил по-немецки, присев около девочки лет семи, катающейся на велосипеде.

Он уже давно понял, что дети объясняют гораздо понятнее, чем взрослые со своей скороговоркой.

Не только показала, но и понятно рассказала.

Поблагодарив, он быстро вышел на площадь, с которой хорошо была видна высотная часть

музея. Найдя нужную улицу, двинулся к гостинице. Расположение зданий было знакомо, и Алексей решил срезать маршрут. Пройдя по проулку, вышел на пустырь. Вся его площадь была завалена мусором, целлофаном, пакетами. Такой неожиданный диссонанс с чистыми улицами удивил Алексея.

«Смотри-ка, и тут люди живут. А с виду все такие рафинированные и стерилизованные. И немцы, оказывается, не совсем безнадежные», — с улыбкой подумал, выходясь на центральную улицу.

Их группа по программе повышения квалификации от министерства угольной промышленности уже две недели пребывала в городе на стажировке. Все трения, возникшие в начальные дни жития на немецкой земле, были преодолены и, выражаясь протокольным языком, пошёл продуктивный обмен мнениями. Бытовое высокомерие немцев было преодолено после реплики переводчицы, последовавшей после обнаружения уничижительных наклеек на русском языке в лифтах, туалетных и ваннных комнатах с указанием, что делать.

Утром встречающим группу руководителям с немецкой стороны она без обиняков задала вопрос:

— Вы пригласили нас для того, чтобы в дальнейшем заручиться поддержкой наших специалистов в работе?

— Конечно.

— И вы думаете, они простят

вам все эти указатели в лифтах и гостиничных номерах?

Больше повторять не пришлось, подсказки как корова языком слизала. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что кое-где пришлось напрячь весь свой технический ум, чтобы освоить бытовые премудрости.

В производстве проצע. Оборудование шахт и разрезов было практически однотипным и здесь, чтобы проучить немцев, они просили с невинной простотой показать действие той или иной системы, наверняка зная, что включить-то её можно, а вот выключить проблематично.

— Господин Франц, а это что? — показывали на провода и трубы под потолком.

— Противопожарная оросительная система, — гордо произносил куратор.

— Она работает?

— Конечно.

— А можно продемонстрировать?

— Да, да.

Потом немцы долго и упорно бегали по штреку под потоками воды со словами «дойчен технише», пытаясь её выключить, с конфузом посматривая на русских, предварительно спрятавшихся в ниши шахтных выработок, и подозревая, что их развели.

В разговорах понимали друг друга ещё до перевода, учитывая, что в горном деле львиная доля технических терминов в русском языке немецкая.

В выходной день Алексей, из любопытства, решил посетить

ближайший «Секс-шоп». Долго ходил по магазинчику, пока к нему не подошёл администратор.

— Что нужно?

— Их кукле, — что обозначало «я смотрю».

— Тут что, музей? — на неплохом русском.

— А тебя, пшек, не спрашивают. Хочу и хожу, выгонишь, что ли? — парировал оскорблённый Алексей, признав в администраторе поляка.

Администратор неожиданно широко улыбнулся.

— Слушай, пошли ко мне в кабинет.

— Зачем? — удивлённо спросил Алексей.

— Да не бойся.

— А чего мне бояться? — ответил, следуя за поляком.

Зашли в уютный кабинет.

— Сидай, — произнёс поляк, указывая взглядом на стул, стоящий рядом со столом, одновременно выставляя из холодильника бутылку текилы, стаканы, лимон, нарезку из колбаски и шпика, сыр.

— В честь чего это? — устриваясь удобнее к столу, спросил Алексей.

— Понимаешь, всё здесь хорошо, да только скучно. Тоска зелёная, поругаться не с кем.

— А я, значит, подходящий объект?

— Лучше русского никого. Тебя, кстати, как зовут?

— Алексей.

— А меня Войцех.

— В честь Ярузельского, небось?

— Угадал. Отец под его началом воевал. А до этого они вместе на сибирских курортах отдыхали, — не преминул съязвить поляк.

— А что, на Черноморское побережье их надо было отправить? Всё ж таки они военнопленные были. Не забыл?

— Не любишь ты поляков, — констатировал Войцех, бросив в стаканы лёд и разливая текилу.

— А за что вас любить? Как определил наш классик, змеиное племя, только и знаете, что шипите в адрес русских, обвиняя нас во всех своих невзгодах.

— Не любишь, — опять повторил поляк, поднимая стакан с текилой.

— Не люблю, но уважаю. За то, что на два фронта Польша держалась дольше, чем Франция. Гитлеру сразу бы понять, что славяне не англосаксы, спуску не дадут. Да против его патологической ненависти к славянам, видать, никакие аргументы были не факт. Полез.

— Вот первую давай за Победу, — произнёс Войцех.

Шёл месяц май. По немецкому телевидению показывали концлагеря и антифашистские фильмы. В назидание потомкам.

— За нашу общую победу, хоть вы и украли у нас её.

— Опять мы. А кто вас сдал? Польские лётчики Лондон спасали, Армия Людова и Армия Крайнова жизнью не жалели, а англосаксы взяли, да и кинули вас на съедение Сталину. Хотя,

надо отдать ему должное, вопреки их мнению, он и выход к морю вам выторговал, и земельки немало вернул.

— Ты, я смотрю, неплохо воспросом владеешь, — выпив, задумчиво произнёс Войцех.

— А вот ты мне объясни, почему от немцев и америкосов, несмотря на вышеизложенное, вы просто млеете, а нас всё упрекаете. До сих пор не можете простить, что по-польски, а не по-немецки разговариваете?

— Ты, Алёша, говори, да не заговаривайся, а то и по физии можешь схлопотать.

— Хотел ведь крепко поругаться.

— Но драку я не заказывал.

— Извини, никого принизить не думал. Просто за Державу обидно. Название Царство Польское присутствовало только на той территории Польши, которая входила в состав Российской империи. Другие территории разделённой Польши элементарно онемечивались. А русским царём вам была дадена конституция, чего у другой части империи не наблюдалось. Даже почтовая марка у вас была своя. А в отместку за это польский флаг всегда развевался в стане врагов России.

— Действительно, историю знаешь. Выходит, не зря я тебя к себе заганил.

Алексей пригляделся к Войцеху и отметил широковатое, как и у него, лицо, вздёрнутый нос, глубоко посаженные глаза. Да и комплекцией они были один в один. Поляк тоже с интересом его

разглядывал, как будто и не сидели они вместе битый час.

Текилу допивали, уже мирно разговаривая под песни Анны Герман, мягко звучащие из колонок.

— Одна из самых душевных польских певиц, — заметил Войцех.

— Согласен. Только когда поляки плевали ей вслед, обзывая кремлёвской певичкой, русские её любили, — не утерпел Алексей.

— Перестань, что-то препираться больше нет желания, — остановил его Войцех.

— Всё, пора и честь знать. Спасибо за угощение.

— А тебе за общение. А то тут, в немецчине, и погутарить не с кем, — ответил Войцех. — Я тебя через служебный выведу, чтобы в торговом зале не светиться, — предложил он.

Алексей, задумавшись, и пяти шагов не сделал от входной двери, как был сбит с ног ударом в челюсть. От неожиданного сильного удара, проехав лицом по кирпичной стене, упал под угол дома. Пока поднимался, получил ещё пару пинков ногами, обутыми в тяжёлые ботинки. Повернулся к выкрикивающей угрозы паре мужчин и встал в стойку. Краем глаза отметил выбежавшего из здания Войцеха. Нападающие отступили, а затем и вовсе быстро ретировались за угол.

— Больно ведь. Шлях ты недобитый, тебе лишь бы над русским поиздеваться, — выговаривал Алексей Войцеху, обрабатывающему ему лицо салфеткой, смоченной остатками текилы.

— Терпи, москаль недорезанный, казаком будешь, — хохотнул поляк. — И что эти гансы от тебя хотели? — спросил, не переставая орудовать салфеткой.

— Посмею тебя огорчить. Один точно немец, а второй наш брат славянин, — улыбнулся Алексей. — Словак. Я их мову трохи разумею, они у нас базу отдыха строят.

— Тогда понятно. Это ты за меня на сдачу получил.

— Не на сдачу получил, а под раздачу попал. А ты-то что с ними не поделил?

— Подружку. Встречаюсь тут с одной гарной дивчиной из Братиславы.

— Ну, ты посмотри! Поляк удовольствие справляет, а за него опять русский отдувается.

— Така у вас, русских, журба.

— Судьба судьбой, а где же справедливость?

— История рассудит, — серьёзно, заканчивая обработку, заключил Войцех.

Руководитель группы, выслушав объяснения Алексея, как тот споткнулся и упал, вдаваться в подробности не стал. Бывает. А вот ребят из группы история с падением не убедила. Вечером, после ужина, под две прихваченные из номера бутылки водки они, под шутки-прибаутки, слушали его эпопею. Потом заказали ещё пивца да шнапса и просидели в кафе до полуночи, за что утром изрядно получили от руководителя группы. Тайные агенты доложили и о принесённой водке, да

и о количестве заказанной тоже. Германия, что тут говорить. Если что не в рамках договорённого, то неправильно. Правильно — это после встречи с бургомистром городка организованно отвести всех в бар к другу, провести экскурсию по его старинной пивоварне, а потом посидеть в зале за кружкой пива. И другу прибыль, и всё под контролем.

Знаний разговорного, немецкого у русских и русского у немцев хватало для общения на самые разные темы.

— Россия не может стоять на коленях. Если Россия стоит на коленях, то Европа лежит, — энергично жестикулируя руками, рассуждает на неплохом русском подвыпивший господин Новак, горный инженер предприятия, на котором они проходили стажировку.

— Слушай, а почему у тебя чешская фамилия? Нападающий у них в сборной по хоккею был Новак, — пристаёт к нему с вопросами Алексей.

— Так я из Силезии. Да у нас половина прусских фамилий имеют славянские корни. Наши инженеры, с которыми ты на разрезе сталкиваешься, как пример: Кулик, Веселовски, — ответил немец.

«Опять славяне», — подумалось Алексею.

Оглядел застолье. По всему периметру длинного стола люди мирно разговаривали, хорошо понимая друг друга. Было непонятно, зачем им воевать.

Заставляют.

Проповеди, нотации, от которых
самой же тошно,

И в конце: «Проходи
осторожно,

Чтобы не разбудить отца».

(А на самой нет лица).

Мамино: «Дочка, у тебя таких
ещё будет море», —

И всегда финальное: «Горе ты,
горе».

...

Я не повзрослею, ну так уж
вышло,

У меня внутри (временами)

Кто-то просится к маме.

Правда, он с годами всё
просится тише,

И я вместе с ним шевелю
губами.

КОГДА-НИБУДЬ

Меня когда-нибудь будут
любить

Не так, как ты, а как я —
навзрыд,

Отбросив гордость и всякий
стыд.

Меня когда-нибудь будут
любить.

Он меня будет... не так, как ты —

Он не оставит меня одну,

Он не потянет меня ко дну.

Он будет рядом. Не так, как ты...

И я его... Жаль, не как тебя —

Уже впустить не смогу в свой
дом.

Он будет просто моим зонтом,

И я его... Жаль, не как тебя.

Меня когда-нибудь будут
любить.

НЕЛЮБИМЫЕ

1.

Нелюбимого не хочется касаться —
Замирает в воздухе рука.

И не засыпать, не просыпаться
С ним не хочется. Не хочется
никак...

Нелюбимому легко сказать: «До
встречи»,

И легко о встрече позабыть.

Почему мы так бесчеловечны

К тем, кого не в силах
полюбить?

2.

Ты смотрел, сощурившись от
дыма,

На моих дрожащих рук изломы.

И кольнуло мельком —
«нелюбима»,

Отравило болью незнакомой.

Ощущенье ближе к слову «в
ключья»,

Невозможно выдохнуть осколки.

Нелюбимые. Есть в этом что-то
волчьё:

Голодны. Опасны. Одиноки.

ДРАМЫ

Скрестила руки на груди,

Сквозь зубы хрипло: «Уходи».

Стоять, не поднимая глаз,

Сминая крик,

И знать, что он уйдёт сейчас —

Вот в этот миг.

Ни словом, ни дрожащим жестом

Не выдать боль.

Реальность провалилась с треском,
И мне досталась в этой пьеске
Дрянная роль.
Я навсегда запомню сцену,
Когда лопатками о стену
Стекала вниз.
Я вслед глядеть тебе не стану —
Я ненавижу эти драмы,
Оставим, please.
Ты говорил, что я пустая,
Корнями в сердце прорастая.

СПИЦА

Это — как в позвоночнике
острая спица.
Я прошу тебя, хватит мне
сниться!
Всякий раз, собирая себя по
крупичам,
Засыпаю, чтоб снова разбиться.
Новый день — новой жизни
пустая страница.
И рука замирает над ней...
Я прошу тебя, хватит мне
сниться,
Просыпаться больней и больней.
Нам отмерено было — мы брали
без счёта
Безотчётно, бездумно, взахлёб.
Как в той песне: счастливые два
идиота,
Алкоголь, много секса и трёп.
А потом — в позвоночник та
самая спица,
И на выдохе имя замрёт.
И ты станешь шизеть, потому
что он снится
И зовёт, и зовёт, и зовёт...

ПРОШЛОЕ

Маленькая девочка в комнате
без стен
Вышивает прошлое нитями из
вен.
Радостен и ясен этот странный
плен,
Лишь мелькают кисти в области
колен.
Временами слышатся чьи-то
голоса.
Вдруг на миг уставшие оторвёт
глаза
И опять усердно примется за
труд,
Верно ей почудилось, что её
зовут.
Тупится иголка, с пальцев —
алый сок,
Девочка торопится уложиться в
срок.
Бесподобен танец этих белых
рук
В учащённом ритме под
сердечный стук.
По ночам безветренным слышен
волчий вой,
Скоро в эту комнату ввалятся
толпой,
Будут издеваться, пить и
хохотать,
Нежные запястья всё больней
сжимать.
Но пока всё тихо — мир
снаружи нем,
С головой укрылась от его
проблем.
Маленькая девочка в комнате
без стен
Вышивает прошлое нитями из
вен.

СТИХИ ПО КРУГУ

**Каламкас
БИТЫМОВА**

* * *

Закурились, задымились
Деревенские дома.
Белой шалью принакрылась
Оренбургская зима.
Я снежинки грустным взором
Прямо в душу наловлю.
Хитроумные узоры
Русской вьюги возлюблю.
Как лебёдушка, взметнётся
Белоснежная пурга.
Снежным взрывом рассмеётся
И ударится в бега!
И пускай никто не верит,
Что пора моя придёт...
Распахнутся в небо двери,
И растает в сердце лёд.
Долгой ночью зябко ныла
В сердце горькая вина...
Всё, что я понатворила,
Отмолить теперь должна.
Но не жалеюсь, не плачу,
На судьбину не рошщу,
Пожелаю всем удачи
И, конечно же, прощу.

* * *

Небрежно лаская взор,
В туман оделась луна.
И цепь кувандыкских гор
Печали млечной полна.
Здесь горы одна за другой
Стремятся вечно туда,
Где синева с белизной
Целуются без стыда.
Стою, как в прекрасном сне,
Я, выросшая в степи...
И слов не достанет мне
Вершинам сказать о любви.

* * *

Журавлей последних
Грустный клин летит...
Страницей в калитку
Осень постучит.
Золотая осень
По пути зашла.
Полную корзину
Яблок принесла.
И позолотила
Малахиты трав,
Красотой унылой
Всех очаровав.
Мы незваной рады,
Примем на постой.
Угостим грибами,
Посадив за стол,
И добавим к чаю
Сладкого медку...
Осени печальной
Подсластить тоску.

**Галина
СОКУРОВА**

ОСЕННИЙ БУКЕТ

Пряный запах опавшей листвы
Сладок мне после знойного лета.
И осенние слёзы-дожди
От заката пусть льют до рассвета.
Осень каждая, словно итог,
Как исход пролетевшего лета.
Заливает холодный поток
Потускневшие листья-монеты.
Соберу я осенний букет
Из кленовой листвы и рябины,
Чтобы осени праздничный цвет
Осталась всю зиму красивым.
Дождь потушит багряный пожар,
Что пытался раздуть дерзкий ветер.
Лишь рябины не блёкнущий жар
О тепле нам напомнит и лете.

ЭТО ЛЕТО

Я хочу ещё немного
Надышаться этим летом.
Пусть ведёт меня дорога,
Летним солнцем обогрета.
Пусть глядят в моё оконце
Дни без холода, без зноя,
Только ласковое солнце,
Только небо голубое.
Пусть давно уже устала
Я от боли неумной,
Но зато душою стала
Снова лёгкой и свободной.

И теперь я встречу осень
Без привычной без печали,
Унесут в ночную просинь
Птицы боль в чужие дали.
Мне б ещё немного солнца,
Тёплого немного ветра.
Мне бы выпить всё до донца
Это лето, это лето.

ЗИМА

Вот и пришла зима,
Белым крылом накрыла.
Чтобы печаль ушла,
Чтобы тоска остыла.
Я полюбила снег
Нежный, пушистый, белый.
И сожалений нет:
Выбор судьбою сделан.
Я проложу тропу
В чистом безбрежном поле.
Много ещё смогу
После ушедшей боли.
Я сочиню любовь
И нарисую счастье.
В старую сказку вновь
Верить буду пытаться.

**Василий
МИРОНОВ**

* * *

Истрепалась в ключья грива,
У игрушки хвост повис.
Смотрит царь зверей тоскливо
Из-за мусорных кулис.

Время содранных коленей
 Повзрослело, в детской вдруг
 Лучшим другом за мгновенье
 Стал мальчишке ноутбук.

Лев скучал на пыльной полке,
 Вспоминал ребячий гам.
 И ушёл он втихомолку,
 Шерсть роняя по следам.

Поселился на помойке,
 Не нашёл другой приют.
 Каждый день в надежде
 стойкой
 Ждёт, что в дом его возьмут.

* * *

Я пробудился, получив
 письмо,
 Оно пришло по электронной
 почте.
 Вдруг захрустел бумажных строк
 комок —
 Так просятся листвою взорваться
 почки.

Ты сочинила грустные стихи
 Об осени и слякотной
 погоде
 (Хоть нынче выдался сентябрь
 сухим),
 И что гулять одна всё чаще
 ходишь.

Стихотворений путанный
 клубок,
 Хандра и осень многое
 покажут —

Примчался виртуальный
 голубок
 По адресу и в сон ворвался даже.

Ты можешь месяцами не писать,
 Не присылать переживаний
 строчки.
 Я верю, расцветёт весенний сад,
 Ведь неспроста набухли писем
 почки.

* * *

Сколько летом я сорву
 ромашек?
 Неизвестно и не надо счёта.
 Неба канцелярия однажды
 Мне предъявит просьбу об
 отчёте.

Разведу руками, что не знаю.
 Не сердись, души моей
 инспектор.
 Жизнь прошла, грешил, ходил
 по краю.
 Второпях её строчил конспекты.

Думал, что успею начистую
 Написать бывшее аккуратно.
 Не сумел, с тобой сейчас
 толкую,
 А в руках измятая тетрадка.

Стал не лучшим сыном, братом,
 мужем.
 И отец, наверно, никудышный.
 Но тебе всегда таким был
 нужен!
 Правда ведь?! Инспектор мой —
 Всевышний?

Как листья облетают в осень,
Желтея на исходе дня,
Так и мою любовь уносит,
И ты теперь — не для меня.

ОСЕННЕЕ

Какие бесконечные дожди!
Дожди — стеной. В природе нет
согласья.
Всё кончено, и лето позади.
А впереди лишь серость да
ненастье.
В природе наступает переход,
Печаль её торжественно-
прекрасна.
Притихший лес и этот синий свод
Меня на грусть наводят
ежечасно.
Здесь всё сейчас задумчиво
молчит,
Всё ищет смысла и ответа ищет,
Лишь где-то дятел изредка
стучит,
Да бродит чёрный ворон, словно
нищий.
И я бреду сквозь этот сонный
бор
И, пьяная от терпких ароматов,
Смотрю на леса тлеющий костёр
Со жгучим чувством боли и
утраты.
О, как порой бездумно мы
живём,
Друг друга упрекая, уязвляя.
Всё сводим счёты, всё чего-то
ждём
И говорим при этом: жизнь
такая.

Всё — суета. А истина одна:
Ты — часть природы, а не царь,
не воин,
И жизнь, которая тебе дана,
Дана лишь раз. Так будь её
достоин.

**Александр
СЕМЁНОВ**

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Бог сотворил, перстом
взмахнув,
Небес сиянье, воду, сушу.
В младенца каждого вдохнул
С рожденья ангельскую душу.
А в нашей жизни всё не так.
В мирской никчёмной суете
То продают вас за пятак,
То распинают на кресте.
Судьба сладка, а то горька,
Всегда щедра на перемены.
То вознесёт под облака,
А то вдруг — носом об колено...

ИСПОВЕДЬ

Юности прекрасные невзгоды
И сияние влюблённых глаз.
Золотые прожитые годы
Серебром одаривают нас...

Мария РЯБЦЕВА

НОВОЕ ВРЕМЯ ТРЕБОВАЛО НОВЫХ ГЕРОЕВ!

*К 100-летию
Великой Октябрьской
социалистической
революции 1917 года*

*Мария Николаевна Рябцева
родилась в станице
Новомышастовской
Краснодарского края.
Окончила филологический
факультет Оренбургского
государственного
педагогического
университета. С 1998 года
заведовала в Оренбургском
областном драматическом
театре имени М. Горького
театральным музеем.
В настоящее время
работает в театре
помощником
художественного
руководителя по
литературной части.*

«Пришла революция... Революция сказала театру: «Театр, ты мне нужен. Ты мне нужен не для того, чтобы после моих трудов и боёв я, революция, могла отдохнуть на удобных креслах в красивом зале и развлечься спектаклем. Ты мне нужен не для того, чтобы я просто могла свежо посмеяться и «отвести душу». Ты мне нужен как помощник, как прожектор, как советник. Я на твоей сцене хочу видеть моих друзей и врагов... Я хочу, чтобы ты прославил передо мной самой мои подвиги и мои жертвы. Я хочу, чтобы ты осветил мои ошибки, мои изъяны и мои шрамы и сделал это правдиво, ибо я этого не боюсь. Я хочу, чтобы ты со всей полнотой своих волшебных ресурсов, не придерживаясь никаких школок и никаких узких правил, выполнил бы эту задачу. Фотографируй, концентрируй, стилизуй, фантазируй, пусти в ход все краски твоей палитры, все инструменты твоего

большого оркестра и помоги мне познать и почувствовать мир и меня самоё», — таким монологом олицетворил революцию нарком А.В. Луначарский в своей книге «Станиславский, театр и революция». Запросы понятны. Задачи поставлены. Ожидания должны быть оправданы!

В первом новогоднем номере газеты «Оренбургское слово»¹ в 1917 году было напечатано стихотворение некой Татианы Терновец «На Новый год»:

*С кошмарным прошлым и
в тумане
Ушёл кровавый старый*

год...

*А Новый год на новой брани,
Как ураган, несись вперёд!*

*Ты Новый год, так будь же
новым*

За все прошедшие года...

*Ты будешь смелым и
готовым,*

*Где горе, тьма — спешишь
туда...*

От 1917 года все ожидали больших перемен, они и произошли, и воспрепятствовать им уже ничто не могло. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года кардинально повлияла на развитие театрального процесса в Оренбурге. Театр приобрёл новый статус, значительно отличающийся от антрепренёрского. Антрепренёрский театр в Оренбурге существовал к тому времени более полувека, имел свои традиции,

определённое влияние на общество и коммерческое целеполагание. Однако после залпа «Авроры» всё изменилось! Советской властью был издан декрет, по которому театры поступили в ведение отдела искусств только что учреждённой Государственной комиссии, позднее ставшей Народным комиссариатом просвещения. 14 февраля 1918 года было проведено общее собрание артистов городского театра, участники которого высказались за его передачу в распоряжение местных Советов. Оренбургский Военно-революционный комитет принял решение: «Театр немедленно изъять из антрепризы и передать театральному коллективу совместно с представителями Совета рабочих депутатов». 28 августа 1919 года В.И. Ленин подписал «Декрет об объединении театрального дела». Все театры страны были объявлены народным достоянием, они приравнивались к школам, университетам и тоже считались могучим средством просвещения и воспитания трудящихся масс. В 1921 году руководство театрами страны было передано художественному отделу Главполитпросвета. «Большевистская партия стремилась как можно скорее идейно перевооружить работников театрального искусства, приблизить их творчество к решению основных задач, стоявших перед молодой советской республикой», — вспоминал очевидец

событий актёр А. Сумароков². В 1920-е годы Оренбургскому городскому театру было присвоено такое наименование — Первый советский театр.

Что творилось в то время в Оренбурге? Судя по материалам Оренбургского областного архива, во всех отделах властных структур происходили неотвратимые изменения. Например, если поначалу в протоколах заседаний министерства народного просвещения звучало: «хотя тревожные слухи», «необходимо сохранять спокойствие...» То уже 9 марта 1918 года вышел приказ совета Оренбургского городского хозяйства по всем отделам городских предприятий: «С 10-го сего марта (23 февраля) всех членов Городской Управы, избранных Городской Думой, считать утратившими свои полномочия по всем выборным должностям городского хозяйства». В управлении пришли совсем новые люди!

6/19 апреля 1918 года звучат призывы от организационной комиссии Народного образования Совета городского хозяйства: «...События развиваются быстро. Пора сознать, что нельзя медлить ни дня, ни часа; нельзя быть разобщёнными... Наступила новая эра России!»³ Жизнь в городе бурлила! Театр не только не оставался в стороне, но и постепенно становился центром пропаганды и становления новой революционной мысли.

Как быть с репертуаром? Ещё недавно со сцены не сходили легковесные комедии и водевили или душеспитательные бытовые драмы: «Принцесса Грёза», «Дети Ванюшина» Найдёнова, «Парижские нищие», «Генеральша Матрёна» В. Крылова, Н. Северина, «Король, дама, валет», «Грёзы старого замка», «Татьяна Решина» и т. д. Конечно, репертуар антрепренёрского театра в Оренбурге был представлен и произведениями классики: А. Н. Островский, Л. Толстой, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и др. Волна революционного переворота существенно проредела привычные театральные наименования. Новое время требовало новых героев! И театр должен был стать тем самым «помощником, проектором, советником».

В современной драматургии стали появляться пьесы «нового времени».

Оренбургский театр в начале XX века

Активизировались местные авторы, которые предложили театру свои пьесы: в 1919 году — «Борьба красного Урала» П.М. Родионова, «Ураганы» Н.П. Анненковой-Бернар, в 1920 году — «На пороге грядущего» В. Я. Буянова, «Злюка» М. Джалиля, в 1921 году — революционная пьеса В. Розина «На новый путь» и др. В 1929 году была поставлена пьеса советского драматурга Д. Щеглова «Пурга»⁴.

В газете «Коммунар» от 17 июля 1919 года остались впечатления оренбургского зрителя от просмотра спектакля «Борьба красного Урала»: «Мы видели издыхающего на своих капиталах буржуя... который как белка в колесе бежит от красной заразы; видели палача-пристава, сменившего полицейский мундир на френч а-ля Керенский и потом расстреливающего десятками рабочих, беззаветно отдающих жизнь за правое дело; видели управляющего с прожжённой совестью, готового лизать руки хозяина, получая за это крохи с его стола; видели дружную рабочую семью, связанную порывом сбросить гнёт пауков-богачей. Крик измученной души рабочего слышится в написанной им пьесе. Вера в торжество Труда проникает её до конца».

В газете «Коммунар»⁵ было дано объявление о начале конкурса на роспись городского театра и занавеса: «Необходимо, чтобы роспись отвечала духу

революционного времени и пролетарской культуры». Художникам предлагалось продумать роспись стен зрительного зала, ярусов, потолка, фойе украсить портретами революционных лидеров. Революционное реформирование оренбургских театров, по мысли властей и журналистов, очень важно. Инициатором оформления театра стал Иван Кудряшов. Он выступил с идеей супрематистской росписи театрального зала. Однако проект так и не был реализован. Зато спустя десятилетия благодаря исследовательскому труду оренбургского художника и искусствоведа И.В. Смекалова вышла в свет книга «УНОВИС в Оренбурге», в которой представлены уникальные эскизы И.Кудряшова к неосуществлённому проекту росписи театра.

В среде драматургов шли горячие споры о том, каким быть герою «новой драмы». Отличительными чертами «нового человека», по мнению Луначарского, должны были стать «настойчивость, трудолюбие, дух солидарности». В советской литературе появился новый художественный метод — социалистический реализм.

Этот метод был впервые воплощён в художественном творчестве А. М. Горького — в его романе «Мать» и других произведениях. Максим Горький, по сути, стал главным «певцом революции». На сцене оренбургского

А. М. Каралли-Торцов

театра были поставлены практически все произведения Максима Горького. Причём первая постановка, по нашим данным, осуществилась на сцене нашего театра ещё задолго до революции 1917 года. В 1902 году антрепризой А. М. Каралли-Торцова была поставлена повесть «Фома Гордеев и Маякин». Именно с этого произведения началось знакомство оренбуржцев с драматургией М. Горького. Со стороны антрепренёра это был смелый и решительный шаг.

Повесть в такой степени была проникнута ненавистью к буржуазному миру, что стала действенным средством революционной пропаганды. По сути, Горький вслед за А. Н. Островским и М. Е. Салтыковым-Щедриным продолжил традиционную тему русской классической литературы — разоблачение античеловеческой

власти денег. Фома Гордеев эту власть не принимает: «...Душно, тесно, повернуться негде живой душе... Погибает человек!.. Душегубы вы... Понимаете ли, что только терпением человеческим вы живы?» Терпение закончилось в октябре 1917 года!

На оренбургской сцене были поставлены произведения М. Горького: «Мещане» (1902, 1917, 1939), «Мальва» (1906), «Дачники» (1905, 1954), «Дети Солнца» (1905, 1906, 1938), «На дне» (1904, 1906, 1908, 1913, 1914, 1918, 1927, 1942), «Варвары» (1937, 1944), «Последние» (1919, 1921, 1949, 1968, 1984), «Васса Железнова» (1940, 1978, 1980, 2013) и другие. Был и такой эпизод в истории театра. В антракте спектакля «Дачники» в 1905 году внезапно погас свет и в раскалённый революционным накалом зрительный зал полетели прокламации подпольной организации. На следующий день спектакль был запрещён властями города под предлогом, что в проходах партера скапливается много публики.

В 1932 году оренбургскому театру было присвоено имя Максима Горького. Впрочем, с того самого времени по всей стране появилось немало театров имени Горького — в Москве, Самаре, Нижнем Новгороде, Краснодаре и т. д. Имя этого писателя объединило репертуары российских театров на десятилетия.

Наиболее ярко идеи революции отразились в постановках: «Бронепоезд 14-69» В. Иванова, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Да здравствует Коммуна!» В. Кутюрье. Кстати, это произведение было впервые поставлено на сцене именно нашего театра, центральную роль в спектакле сыграла заслуженная артистка РСФСР Евгения Добровольская. Об этом актриса тепло вспоминала в письме к театральному юбилею в 1956 году⁶.

20-е годы прошли под знаменем победы революции и утверждения её идеалов на всех фронтах общественной жизни. Театр был признан рупором искусства на фронте культурной революции. «Его художественная сила, — утверждает автор статьи в газете «Смычка», — обладает чрезвычайно могучим средством воздействия, эмоционально заряжая и образно формируя мысли и чувства зрителей». Корреспондент газеты В. Шмидт также отметил важность предстоящего открытия зимнего театрального сезона, от которого взыскательный зритель ждёт «высокого качества спектакли», более того, массовому зрителю нужен «художественно-правдивый показ диалектики революционной борьбы и социалистической стройки». Режиссёру театра настойчиво рекомендовалось «максимальное и продуманное раскрытие пьесы без ненужных вывертов», а «актёрское творчество должно быть

пропитано реализмом, направлено к раскрытию живых людей, живого человека». По сути, формировалась новая актёрская школа, кардинально менялись основополагающие принципы театрального искусства. Требования к театру были серьёзны.

Под лозунгом «Искусство в массы!» взят курс на «целевые» спектакли, дабы привлечь рабочих заводов и предприятий города. Необходимо было вернуть школьные утренники, которые в последние годы «игнорировались» театрами Оренбурга: двери театров были «фактически закрыты для жаждущей знаний учащейся молодёжи». Более того, театр должен заботиться о молодёжной смене артистов труппы. «Нам нужна молодёжь, а не «молодые барыни!» — звучит призыв на страницах печати. В рецензиях на театральные постановки тридцатых годов зачастую разбирался драматургический материал и редко оценивалось актёрское исполнение.

Появлялось много пьес советских драматургов, героями которых стали революционеры, колхозники, рабочие, привлекающие зрителей выбором своей позиции в критической ситуации. Так, пьеса «Власть» представляла ряд картин утверждения власти пролетариата в провинциальном городе в первые дни революции (8 и 9 ноября 1917 года). В спектакле драматическими фрагментами стали сцены столкновения

пролетариата с интеллигенцией и буржуазией, из социальных перетекающие в личные, — столкновения директора завода с дочерью, уходящей в лагерь большевиков, слесаря-отца с сыном-большевиком. Причём в этих идейных баталиях побеждают молодые: отец примыкает к рабочей среде большевиков. «По своему громадному социальному значению «Власть» должна стать боевиком не только нового полугодия работы нашего театра, но всей годичной художественной работы его!» — восклицает местный корреспондент К. Безин.

Режиссёр театра Александр Оленин, выступая на страницах «Смычки» с подведением итогов работы театра в первом полугодии, указал причины, мешающие поставить театральное дело в городе на высокий уровень. «На рельсы современности театр был поставлен ещё в прошлом сезоне. В текущем сезоне прошлогодня линия проводится ещё твёрже и неуклонней, сбивая позиции обывательщины и утверждая диктатуру вкусов пролетарского, организованного зрителя. Основные препятствия для более широкой постановки всего дела — узость сметы, малая вместимость зрительного зала и отсутствие помещения для параллельной репетиционной работы». В эти годы в театре формируется художественный совет из 15 человек, который еженедельно собирается для определения

художественного курса, обсуждения режиссёрского плана, утверждения макетов.

Параллельно шли занятия в школе вспомогательного состава, 32 человека творческого состава прикреплены к театральным кружкам клубов города, а на «целевых» спектаклях перед началом режиссёр произносил речь о характере пьесы и постановки, зрители также могли увидеть макет спектакля и принять участие в его обсуждении.

Художник Михаил Федосимов и режиссёр Александр Оленин принадлежали к новому направлению в искусстве — АНР (Ассоциация новых режиссёров). Их творческий метод и манера работы в театре, к сожалению, не нашли понимания и сочувствия у артистов труппы. По словам Владимира Фомичева, они «под видом революционного искусства стали проводить ничем не оправданные формалистические эксперименты, доходившие порой до абсурда». Опираясь на воспоминания Владимира Ивановича, сейчас трудно сказать, насколько неуместно смотрелись на сцене театра декорации М. Федосимова в спектакле «Инженер Мерц» с ужасающей стрелой, в комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» с колочками париками и непривычно крутящимися дверями. Вероятно, поиски художника и режиссёра оказались действительно слишком смелыми для оренбургского

зрителя тех лет. А может, слишком формальными и не способствующими раскрытию образа спектакля, что, конечно, чувствовали и артисты, и зрители.

Спектакль по пьесе А. Островского «Гроза» Лениным и Федосимовым был сделан как «советская пьеса, очищенная от религиозной и мистической шелухи». «Наш театр сделал новый шаг в правильном использовании классического

репертуара, — пишет на страницах оренбургской газеты М. Глазков. — Прекрасно увязана с ходом действия музыка. Хорошо оттенена ирония через вещи, иконы с перекошенными лицами, монашки вместо приживалок и т. д.»

Появились новые театральные формы. Театр вышел на городскую площадь Форштадта, показав «Сцены из жизни Емельяна Пугачёва». В неделю помощи фронту на всех сценах города устраивались спектакли-митинги, весь сбор от которых шёл в пользу фронта.

«Коммунар», 26 июля 1920 г.:

«В последний день «Недели Западного фронта» на форштадтской площади состоялось массовое действие в пьесе «Там, где смерть». Действие собрало пятитысячную толпу зрителей, которые в своих переживаниях

Творческая группа театра: Карельская, М. Волков, главный режиссёр А. Оленин, гастролёр И. Ильинский, артисты В. Фомичев и Б. Кульнев. 1928 г.

настолько слились с действующими массами, что часто казалась лишней лёгкая изгородь, отделяющая зрителей от актёров... Здесь участвовали масса войск и граждане (более 1 000 человек). В их игре уже сказывалось коллективное творчество, непосредственная импровизация и другие элементы будущего пролетарского театра. Перед действием был устроен митинг, в котором ораторы призывают массы на борьбу с белой Польшей. Закончилось пением Интернационала».

В репертуаре театра 1920-1930-х гг.: легендарный спектакль о коллективизации в стране «Ярость» Е. Яновского, «Земля» Н. Вирты, «Кровь» Шиманского, «Яд» А. Луначарского, «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Альбина Мегурская» Н. Шаповаленко, «Конец Криворыльска» и «Огненный мост»

Б. Ромашова, «Любовь Яровая»
К. Тренёва...

Спектакль «Любовь Яровая», по воспоминаниям артиста театра Владимира Фомичева, «сквозил огнём внутреннего горения, взволнованностью, большой затратой актёрских душевных сил». Спектакль принёс успех исполнителям главных ролей Ярового и Яровой — Андрееву и Садовской, Шванди-Агееву, а также Амантову, Дарвину, Волкову.

Идеями революции была пронизана и романтическая трагедия Ф. Шиллера «Разбойники». Успехом у зрителей пользовались постановки пьес Н. Погодина — «Темп», «Поэма о топоре», «Мой друг».

С 1933-го по 1935-е годы главным режиссёром оренбургского театра являлся Александр Семёнович Верховский (настоящая фамилия Шишкин).

Репертуар сезонов Александра Верховского был оставлен так, что миссия театра социалистического искусства вполне выполнялась — «Чудесный сплав» Киришона, «Хорошая жизнь», «Тайная война», «Гибель эскадры» Корнейчука, «После бала» Погодина... Также была достойно представлена классика — «Ревизор» Гоголя, «Гамлет» Шекспира, «Бедность не порок» Островского, «Вишнёвый сад» Чехова...

Эти спектакли имели большой успех у зрителей, что отразилось

на страницах местных печатных изданий. Рецензент «Гамлета» В. Дельта 1 ноября 1934 года писал: «Коллектив и руководители театра добились того, что зрители почувствовали эпоху, увидели начало разложения феодального общества. Игра артистов, оформление спектакля и популяризация пьесы силами коллектива на предприятиях города позволили зрителю правильно разобраться в классической трагедии. Это большая заслуга театра. «Гамлет» — это чрезвычайно сложный спектакль. Театр ставил перед собой задачу — освободить Шекспира от всякого идеалистического и формалистского шлама, вскрыть социальный смысл пьесы, не отрываясь от конкретного исторического фона и не выхлещивая идейного содержания трагедии. На наш взгляд, театр взял правильную установку, правильно её разрешил. «Гамлет» — ценный спектакль. Он свидетельствует о том, что наш театр имеет хорошо сработавшийся коллектив и правильное политическое и художественное руководство со стороны главного режиссёра Верховского. В первую очередь подтверждают это сами зрители. Даже организованным путём из-за отсутствия мест не всегда можно было попасть в театр. Из отдельных исполнителей надо отметить И.В. Лесникова, К.К. Лопырёва (Гамлет), Н.М. Севера (Клавдий), И.В. Никулина,

Г.И. Антошенкова (Полоний), М. В. Романычеву (Офелия)».

Говоря о сезонах А. Верховского, нельзя обойти, пожалуй, самую сильную его режиссёрскую работу — спектакль по пьесе М. Фурманова «Чапаев». Для Оренбурга, города, стоящего на берегах Урала, в волнах которого 16 лет назад погиб великий Чапай, эта постановка была чрезвычайно важна. Взявшись за этот материал, Верховский не прогадал. «Зрители, среди них много чапаевцев, — читаем в газетной публикации, — аплодируют участникам спектакля. Сотням зрителей кажется, что они тоже там, на Уральском фронте, вместе с Чапаевым, Фурмановым, Еланью, Петькой, Исаевым, иваново-вознесенскими ткачами и партизанами. А это значит, исчезли грани между зрителями и сценой. Спектакль сделал своё дело. Задача, которую ставили перед собой режиссёр и коллектив театра, разрешена». А задача режиссёра, по его формулировке, заключалась в следующем: «Создать исторический спектакль так, чтобы он был не простой иллюстрацией исторических событий,

а средством организации зрителя на выполнение задач сегодняшнего дня с таким же революционным подъёмом, который сопровождал всей истории классовой борьбы».

В 1935 году на оренбургской сцене шла работа над пьесой Николая Погодина «Аристократы», изображавшей процесс «перековки» людей в трудовом лагере Беломорстроя. В финале пьесы главный герой Громов напутственно говорит: «Да, товарищи, наши судьбы переплелись, и в этом сплетении тысяч жизней много трогательного, высокого, истинно человеческого. Почему будет славен Беломорский канал? Здесь с невиданной смелостью, с большевистской суровостью, со сталинской широтой действуют силы приобщения к социалистическому труду таких людей, как Дорохов или Садовский. Отцепенцы, отверженные,

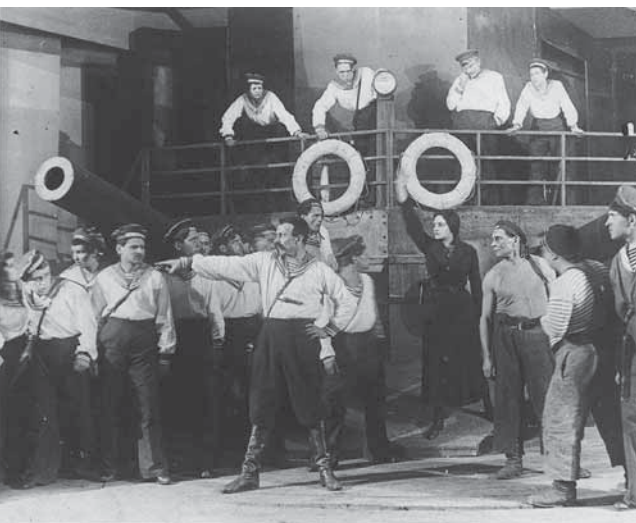

потерявшие себя и даже прямые враги — сегодня они признанные люди на своей родине. Никто, может быть, не поймёт этого с таким волнением, как мы, прошедшие славный путь Беломорстроя. Всем, с кем я дрался, кого я брал в работу, как мог, с кем побеждал и соединён глубокой дружбой, — привет и крепкое рукопожатие. Всё!» В то время именно такое «славное» настроение пропагандировалось в среде советских зрителей театра и кино!

План работы театра в 1935 году по обслуживанию частей Красной Армии, тружеников районов поражает насыщенностью. «Помня о необходимости обслуживания гарнизона, — пишет директор театра Г. Незнамов, — театр вводит в план

ежемесячно дополнительные 7 спектаклей, из них 2 — открытые кассовые, 2 исключительно для частей Красной Армии и 3 утренника для учащихся. Кроме того, в целях приближения театра к рабочему зрителю, в план театра вводится ежемесячный выезд с одним спектаклем в рабочие клубы. Помимо всего в театре разворачивается большая политико-производственная учёба с охватом 100% всех работников, как творческого, так и технического состава. Организуется массовая работа со зрителем вокруг спектакля, консультации по вопросам самодеятельного искусства и т. д. Театр проектирует выпуск брошюр к премьерам с соответствующим политическим и литературным материалом. Проектируются вы-

езды на предприятия с предварительными докладами режиссёров, показом репетиций пьес, находящихся в производстве, устройство зрительских конференций. Таким образом, театр в этом году вступает в новый для него период работы, когда на первом месте будет стоять вопрос качества самого спектакля. Только при помощи широкой поддержки партийной, советской и рабочей общественности театр

А. Корнейчук. «Гибель эскадры». 1934 г.

станет подлинным местом социалистической культуры нового растущего областного центра».

Перемены в жизни театра, заявленные в послании Незнамовым, окончательно определили место театра в строительстве социалистического общества: театр должен работать на идеи государства. К тому же до этого года Оренбург был только районным

центром. Город стал областным, и его театр приобрёл статус областного, приняв на себя новые обязанности с новым чувством ответственности.

Главный режиссёр театра А. Аврусин определил два условия для «правильной творческой жизни театра»: 1) полное осознание коллективом работников театра всех задач, стоящих перед театром; 2) чуткое и понимающее отношение общественных организаций к театру. «При наличии этих двух условий, — резюмирует режиссёр, — в Оренбурге может быть создан хороший театр с подлинно творческим коллективом».

К сожалению, советское время создало для театральных деятелей ограниченный вакуум мировосприятия. Это породило много советских штампов и сформировало иную манеру

Сбор труппы театра. 1935 г.

повествования. Безусловно, идейная устремлённость и повышенная гражданская ответственность театрального искусства требовали перемен. Но как порой бывает жаль, что искреннее чувство, эмоция, впечатления покрыты официальными формулировками о задачах и назначениях, об обличениях и победах социалистического строительства!

2 июня 1939 года в Оренбурге состоялось заседание секции народного образования Горсовета. На заседании выступил заведующий художественной частью драмтеатра тов. Иост: «Решение XVIII партсъезда ВКП (б) о коммунистическом воспитании народных масс обязывает нас лучше работать. Мы имеем ответственное задание, поскольку театр является средством идеологического порядка, дать зрителю такие постановки пьес, которые

Виктор Агеев в роли В.И. Ленина

бы отражали интересы сегодняшнего дня... Особое место занимает «Человек с ружьём»: работа над этой пьесой творчески сплотила работников театра. Эта постановка расширила политические горизонты!»⁷

Надо отметить, что оренбургский театр один из первых осуществил постановку пьесы с участием вождя революции. Роль Ленина тогда блестяще исполнил Виктор Иванович Агеев, ставший впоследствии первым народным артистом РСФСР на территории области. Хотя изначально определённый риск в таком повороте актёрской карьеры был. Известно, что актёр, сыгравший в те годы Сталина,

иной роли так и не сыграл. В.И. Агеев к исполнению роли Ленина отнёсся очень серьёзно. «Я понимал, что зритель не простит в моей игре малейшей фальши», — признавался артист. Спектакли «Человек с ружьём», «Ленин в 1918 году», «Кремлёвские куранты» были наиболее значимыми и любимыми зрителями постановками театра.

Ленинскую эстафету продолжил заслуженный артист РСФСР Леонид Семёнович Куклин уже под режиссерским оком Ю.С. Иоффе. В 1960-х годах на сцене театра появились спектакли «Кремлёвские куранты» и «Третья патетическая». По воспоминаниям театральных старожилов, не было в Оренбурге ни одной школы, где бы ни состоялись творческие встречи с Л.С. Куклиным. А областные гастроли без Ленина в те годы и представить было сложно.

В продолжение оренбургской ленинианы. Леонид Сергеевич Бронево́й, молодой, красивый и статный артист, в 1951-1952 гг. исполнил на оренбургской сцене роль юного Володи Ульянова в спектакле по пьесе И. Попова «Семья» в постановке М. Куликовского. Роль матери будущего вождя исполнила Ирина Фёдоровна Щеглова. Этот спектакль остался в памяти многих оренбуржцев.

Несколько раз театр обращался к постановкам пьес лауреата

Сталинской премии Всеволода Вишневского «Незабываемый 1919-й» (1950 г.), «Оптимистическая трагедия» (1938, 1959 гг.); произведений Бориса Ромашова «Бойцы» (1935 г.), «Огненный мост» (1929, 1953 гг.), «Конец Криворыльска» (1926 г.).

В 1951 году состоялась премьера спектакля по роману Н. Островского «Как закалялась сталь». В архиве театра остались записки артиста А. Ермака, исполнителя роли Павки Корчагина, в которых молодой артист передал путь творческого постижения образа своего героя. «Большое внимание, — пишет исполнитель роли Павки, — мы уделяли росту образа его развития и становления. От подростка коммуниста-кочегара нужно было пройти путь к писателю-большевику с пламенным сердцем борца за освобождение человечества»⁸.

В этих произведениях отражались события революционного и постреволюционного времени. Театру, наверное, было важно периодически напоминать своим зрителям, из какого пепла возродилась республика Советов. К тому же в советские времена,

как правило, существовал определённый список рекомендуемых для постановки произведений. И этот список имена революционных пропагандистов никогда не покидали. В середине XX века шли такие спектакли, как «Овод» Э.-Л. Войнич (1960 г.), «Интервенция» Л. Славина (1956 г.), «Гибель эскадры» А. Корнейчука (1956 г.), «Третья патетическая» Н. Погодина (1963 г.), «Большевики» М. Шатрова (1977 г.).

Изучая историю оренбургского театра и связь его репертуара с идеями революции, можно сделать вывод, что театру действительно многое дано. Сила воздействия на зрителя, эмоциональное пробуждение, активизация мыслительного процесса — всё это служило пропаганде революционного духа и укреплению

И. Попов. «Семья». Ульянова — Ирина Щеглова, Володя — Леонид Броневои. 1952 г.

личности нового советского человека. Конечно, линия партии была настойчивой и неоспоримой. Если просмотреть протоколы приёма спектаклей нескольких десятилетий после революции, откроется картина большого давления на театр: от списка рекомендуемых пьес до требований снять спектакль с репертуара или заменить артиста. Так, 19 марта 1949 года состоялось обсуждение нового спектакля «Дик Демпси (Снежок)» по пьесе В. Любимова. На обсуждение были приглашены завучи и директора оренбургских школ. «Спектакль воспитывает интернациональную дружбу и ненависть к врагам», — сказала

в своём выступлении директор Калущина. Со стороны обкома КПСС присутствовал и яростно осуждал спектакль А. Я. Шурыгин. В частности, он призывал снять с роли исполнителя роли Бидла артиста Д. Ф. Сивакова. По мнению Шурыгина, иначе «теряется политический смысл спектакля»⁹. Ни коллеги, ни режиссёр, ни директор театра не смогли изменить категоричного вердикта представителя обкома КПСС. Хотим ли мы вернуться к этим временам? В истории спектакля в роли Бидла остался артист Н. Н. Талюра.

Пьеса Б. Лавренёва «Разлом» не раз появлялась в театральном репертуаре и чаще в связи с

Художественно-режиссёрская группа театра: М. Нагли, М. Бронский, С. Александров, Ю. Иоффе, Д. Фомичев, И. Щеглова. 1955 г.

датами революционных юбилеев: 1927, 1937, 1949, а затем в 1967 году – к 50-летию Великой Октябрьской революции. Отдел по делам искусств области в 1949 году поздравил коллектив с выбором произведения: «Удачный выбор пьесы, продуманное политически целенаправленное разрешение спектакля, показанного на высоком художественном уровне, делают его достойным показа к этой Великой дате»¹⁰.

Пожалуй, после пяти десятков лет постепенно сошли на нет постановки о революционных событиях. После Великой Отечественной войны актуальными стали пьесы о подвиге русского народа в ней, о ратном труде труженников тыла, о национальном единении в борьбе с фашизмом.

Со своими спектаклями театр ежегодно выезжал на гастроли. До середины 1960-х была традиция возводить в чистом оренбургском поле «зрительский Колизей», вмещающий всех желающих соседних районов посмотреть спектакли театра. В такой гастрольный репертуар, как правило, входили наиболее любимые зрителями постановки о Ленине и революции, о жизни колхозников и современных взаимоотношениях людей советской эпохи.

Оренбургский театр в советские годы

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года раз и навсегда изменила жизнь страны и всего народа. Театр чутко отозвался на идеи революции, новые преобразования и отразил в спектаклях «со всей полнотой своих волшебных ресурсов» новую эру в истории нашей страны. Все годы советской власти театр являлся, по словам Ю.С. Иоффе, «надёжным помощником в деле коммунистического воспитания трудящихся» и «стоя твёрдо на позициях социалистического реализма, всегда был тесно связан с жизнью». Так идеи революции отразились в постановках Оренбургского драматического театра и повлияли на репертуар нескольких десятилетий.

Прошло сто лет. Практически не осталось живых свидетелей того непростого и бурлящего времени в истории нашей страны.

**Заслуженная артистка РСФСР
Ирина Фёдоровна Щеглова (1898–1989)**

В Оренбургском драматическом театре работала талантливая артистка и режиссёр заслуженная артистка РСФСР Ирина Фёдоровна Щеглова. В её биографии и годы становления советской власти в нашей стране, и период Гражданской войны, коллективизации, и годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и встречи с легендарными людьми.

В архиве театра сохранились личные воспоминания И. Ф. Щегловой. Для нас они ценны тем, что передают непосредственные впечатления о первых годах послереволюционной жизни страны. Волей судьбы Ирина Фёдоровна оказалась в самом центре исторических событий.

«Я родилась в 1898 году 3 сентября в городе Петербурге. Отец

был инженером-механиком, мать актрисой. В 1905 году отец был арестован за организацию стачки рабочих железнодорожных мастерских, где он работал. Я училась в Петербурге в восьмиклассном коммерческом училище. Окончила его в 1915 году и вскоре вышла замуж за студента Политехнического института Д. А. Щеглова (ныне драматурга). В Петрограде, после Великой Октябрьской революции началась моя творческая жизнь в Государственном общедоступном театре им. Гайдебурова. А в 1920 году мне доверили организовать драматический коллектив художественной самодеятельности в клубе центрального городского района.

Войска Юденича и интервентов приближались к Петрограду. Отряды добровольцев, рабочих, моряков и красноармейцев уходили защищать подступы к городу. Необходимо было поддержать их боевой дух, веру в свои силы. В клубе мы показывали небольшие патриотические инсценировки, а затем отряды выстраивались на Невском проспекте, и с балкона их напутствовали руководители партии, А. М. Горький. Бойцы давали клятву защитить родной город и под звуки оркестра уходили на фронт.

Когда Юденич и войска интервентов были отброшены к Мурманску, молодёжной студии театрального творчества, которой я руководила, было предложено

обслужить части Красной Армии вдоль Мурманской железной дороги. Так постепенно творческая деятельность тесно переплеталась с шефской работой.

Особенно врезался в память эпизод на станции Лопарской, под самым Мурманском. Помимо красноармейцев, охранявших железную дорогу от остатков белогвардейских банд, на наш спектакль пришли лопари*, почти не знавшие русского языка, никогда не видевшие театра.

Мы играли в оставленных интервентами деревянных помещениях «офицерских собраний». Когда я заглянула со сцены в зал, я увидела, что в проходе сидят огромные собаки, на руках у женщин грудные дети, а возле рампы — куча ребятишек постарше!.. Но собаки не лаяли, дети не шумели, и в абсолютной тишине мы играли пьесу А. Островского «Не так живи, как хочется». А во время драматической сцены я увидела, как по суровой щеке лопаря текла слеза... Они не понимали слов, но действия

актёров, их переживания доходили до сознания зрителей.

В Мурманске мы играли ночами по 3 спектакля подряд перед моряками и красноармейцами. Когда мы уезжали, на перроне выстроились моряки, вручили нам благодарность командования, и под звуки оркестра поезд тронулся...»

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. «Оренбургское слово». - №1, 1917 г.
2. Сумароков А. Без грима. — Киев, 1961. — с. 269
3. ГАОО. Ф. 41, О. 1, Ед. 1531, Л. 103
4. Драматург Дмитрий Алексеевич Щеглов — первый муж заслуженной артистки РФ И.Ф. Щегловой, отец ее дочери Е.А. Высоцкой.
5. «Коммунар». - №228, 1920 г.
6. ГАОО. Ф. 1469, О. 2, Ед. 110
7. ГАОО. Ф. 63. Оп. 1. Ед. 1549
8. ГАОО. Ф.1469. О. 2. Ед. 37. Л.8
9. ГАОО. Ф.1469. О. 2. Ед. 37. Л.26
10. ГАОО. Ф.1469. О.2. Ед.110. Л. 353, 359

* Лопари (саамы) — самый северный из европейских народов. В Советском Союзе они жили на Кольском полуострове, в Мурманской области РСФСР. Название «лопари» народ саами получил, вероятно, от соседей — финнов и скандинавов, от них его восприняли и русские.

Сергей КОЛЫЧЕВ

ТАЙНА АРХИВА СТОБЕУСОВ*

Сергей Викторович Колычев родился в 1977 году в Бузулуке Оренбургской области. Закончил исторический факультет и аспирантуру Самарского государственного педагогического университета. Защитил кандидатскую диссертацию по истории Уральского (Яицкого) казачьего войска. Работал журналистом на областном ТВ и в газетах. Ныне – руководитель пресс-службы Бузулукской епархии, сотрудник Таманской экспедиции Института археологии РАН, ведущей раскопки крупнейшего в России памятника античного времени – древнегреческого города Фанагории. Живёт в Бузулуке.

12 мая 1923 года на государственное хранение в архив Самарской губернии был принят пакет датированных 1802–1874-ми годами документов, которые включили в себя 20 единиц хранения разного объёма и составили фонд Стобеусов. Звучит обыденно, но нужно понимать, что для того времени произошло отнюдь нерядовое событие. Недавно закончились активные боевые действия Гражданской войны, люди едва-едва приходили в себя после страшного голода 1921-22-х годов, в ходе «классовой борьбы» были разорены все «дворянские гнёзда» на территории губернии и непосредственно Бузулукского уезда. Сколько людей погибло, сложно себе вообразить, а тут в архив принимают документы, которые отображают жизнь провинциальной дворянской семьи, какие-то записки на обрывках бумаги, хозяйственные документы, личную переписку.

* Главы из книги: Колычев С.В. «Люди и камни» – Самара: ООО «Медиа-Книга», 2016 г.

В своё время при работе в читальном зале Центрального Государственного архива Самарской области мне довелось услышать несколько замечательных лекций по истории архива, которые проводила для студентов исторических факультетов Анна Анатольевна Буданова (к сожалению, она уже скончалась). За принятие таких документов на хранение можно было пострадать, но кто-то из научных работников на свой страх и риск сохранил их и не дал уничтожить. До войны случалось, что дореволюционные бумаги вагонами отправляли на макулатуру по приказам вышестоящих ведомств. В 2011 году вместе с работниками архива я предпринял попытку пролить свет на то, как эти бумаги попали в фонды учреждения, но, увы, никаких зацепок найти не удалось...

Впервые документы из фонда Стобеусов попали нам в руки в начале 2000-х годов, но тогда мы не решились их исследовать и, просмотрев, отложили в сторону. Теперь же настало время уделить им достойное внимание. Это находящиеся в Центральном Государственном архиве Самарской области приходно-расходные тетради, записная тетрадь заложенных крестян, записки, заметки, письма хозяйственного характера, дневник записей семейных событий, переписка семейного характера с родными и знакомыми, всего 20 единиц хранения¹.

Итак, имея первоначальные сведения о семействе Стобеусов,

тронемся в путь. Собственно, о самом Якове Мартыновиче Стобеусе практически ничего нет. Речь в бумагах всё больше идёт об Олимпиаде Ивановне и окружении почтенной дамы. Жизнь её простой точно не назовёшь, хотя сама хранительница семейного очага Стобеусов, судя по переписке, была довольно простым человеком.

Самое раннее письмо из архива Стобеусов, которое датировано 23 июня 1797 года и написано в Оренбурге, приткрывает важные подробности семейной жизни Олимпиады Ивановны. Неизвестный адресат писал в Симбирскую губернию Егору Алексеичу Иглину письмо, которое начиналось так: «Милостивый государь Мой братец Егор Алексеич и милостивая государыня сестрица Олимпиада Ивановна». Не буду приводить всё это послание, которое написано мелким, витиеватым, убористым и трудно читаемым почерком на четвертинках бумаги, похожей на папиросную. Важно здесь вот что: очевидно, что автором письма выступил брат Е.А. Иглина.

В этом же 17-м деле есть ещё одно из самых ранних, но не датированных писем, неизвестно и место отправления. Написано оно на серовато-синей плотной бумаге размером с ученический тетрадный листок крупным почерком. Позволю себе привести полностью содержание этого занимательного письма. Орфография и пунктуация сохранены в точности.

«Матушка друг мой милая Алимпияда Иванавна

Абрадавалась очинь миламу тваму писму жаль только что ты так не надолго в наши места приехала и что я тебя маво друга не увижу ещё можить быть надолга па любви маей к тебе ты можиишь себе представить сколька приятна мне с тобой свидание пожаласта кагда ты возвратисса из Симбирска то уведоь меня я паствараюсь сама приехать За тем прасти мой друг сердешнай Желая тебе здаровья и удавольствия цалую тебя сто раз твой друг К.Б. разцалуй за меня сваво Егора Алексеевича я вам мои милая очинь многа благодарна за писания только пажаласта употребляете со мной меньше палитики с другам жены вашей ана не нужна и всякая агаворка вам препаручаю За меня миленка друг с другам пацалаваца и если бы можна я бы летела свами видитца

Сёстры мои вам кланеютца».

Ну а теперь, пожалуй, самое важное свидетельство, которое оставила в одном из деловых писем сама Олимпиада Ивановна. «На востребование от городничего... его 1831 года подала объяснение, имею я — земли безлесной — доходу имею до 1000 серебряных рублей в год а по неурожаю и как год... имею в процентах денег, но процентов не получаю и потому задолжала сама 3000 ср... (серебром — прим. С.К.), имею я от первого мужа капитана Иглина двух дочерей ныне в замужестве (?) От 2 имею 3 х сыновей, 1 ую дочь отдала в замужество за...

капитана Лопатина, учила детей у разных учителей — платила в год до 1500 ср... определила 2 х сыновей в Петербург в дворянский полк и младший мой сын учится в Петербурге во 2 ой гимназии на моём иждивении... по 1000 ср в год, определила и доставила всех на собственное моё иждивение, имею от роду 55 лет, наслество получить неоткуда в виду не имею прошу (?)... бедности а по заслугам покойного мужа моего за 40 летнюю беспорочную службу как указано повелевать (?) Году... надворная советница Олимпиада Стобеус»².

Настало время сделать первые обобщения. Олимпиада Ивановна Стобеус, в первом браке Иглина, — мать пятерых детей. После смерти Егора Алексеевича Иглина вышла замуж за Якова Мартыновича Стобеуса, который сорок лет своей жизни отдал государственной службе. Жизнь Олимпиады Ивановны по косвенным данным была связана с Симбирской губернией, но большая её часть прошла в Оренбуржье.

Дворянская фамилия Иглиных также встречается в связи с Симбирском. Впрочем, есть упоминания и об их оренбургских связях. «Иглин Василий Алексеевич (1747 — после 1777) — офицер Оренбургского гарнизона, поручик. В мае — июне 1772 г. он участвовал в карательной военной экспедиции генерала Ф.Ю. Фреймана, посланной из Оренбурга на подавление восстания яицких казаков «мятежной стороны». С октября 1773

служил в Оренбурге, участвовал в его обороне от осадившего город войска Емельяна Пугачёва. При вылазке гарнизона против повстанцев, состоявшейся 14 ноября, Иглин был тяжело ранен от разрыва пушки. После излечения в течение нескольких лет продолжал служить в том же гарнизоне, в 1777 произведён в капитаны. Иглин упоминается в записках М. Н. Пекарского, оказавшихся в руках Пушкина в 1836 г.»³

Изучение родословной Стобеусов стало возможным благодаря самым неожиданным открытиям. Поэтому задержим внимание читателей на этой теме. Зимой 2014 года в Российском Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге были найдены нужные нам родословные сведения. Яков Стобеус родился примерно в 1763 году, поступил на службу Российской короне лекарским волонтером 14 сентября 1775 года, 19 ноября 1786 года утверждён лекарем, 31 декабря 1789 года — штаб-лекарем. Определён в г. Бузулук 1 сентября 1791 года. За усердие в службе 1 февраля 1797 года назначен уездным врачом. 31 декабря 1797 года получил чин коллежского ассессора, 31 декабря 1816 года пожалован чином надворного советника. Умер 5 июля (?) 1825 года. Имел крестьян 15 душ мужского пола и 5000 десятин земли в деревне Родник (Иртек) Бузулукского уезда. Дети: Александра, Елизавета (от первого брака супруги) и родные

сыновья Николай, Виктор, Александр. Женат на дочери капитана Скорядина и вдове капитана Е. А. Иглина Олимпиаде Ивановне (умерла 16 февраля 1835 года, то есть спустя 10 лет после смерти второго супруга). Внесён в третью часть Оренбургской родословной дворянской книги⁴.

Тут-то и выясняется девичья фамилия Олимпиады Ивановны — Скорядина. Ну а что же Яков Мартынович, откуда он появился на бузулукской земле, каков был его характер и прочее? Некоторые ответы на эти вопросы были получены, как бы странно это ни звучало, благодаря Отечественной войне 1812 года...

Бузулукский край и война 1812 года

14 ноября 1812 года повалил густой снег, сразу же засыпавший Бузулук и его окрестности. В этот же день города с трудом достигла партия военнопленных французской армии, которых этапировали в Оренбургскую губернию, подальше от театра военных действий. В составе этой партии был юный немецкий солдат из Ганновера Циммерманн (как известно, в составе армии Наполеона Бонапарта воевали представители различных европейских государств), который тяжело заболел. Он свалился в одном из домов и не умер скорострительно только от того, что русская женщина, пожалев беднягу, ухаживала за ним.

Казалось, дни Циммерманна, несмотря на все заботы, были сочтены, когда в самый критический момент появился доктор...

Вот как впоследствии вспоминал сам немец: «Однажды утром в душную комнату вошёл чужой господин, богато одетый. После короткого разговора с домохозяйником и его женой он подошёл к моей лежанке и спросил меня на немецком, француз я или немец. Если я скажу здесь, что от этого обращения и звуков столь дорогого родного языка было достаточно, чтобы вновь пробудить меня от смертного сна, я действительно не преувеличу. Мы ведь обнимались с бродячими евреями, потому что они говорили по-немецки, и когда бы нам ни встречался такой человек, будь он бедным или богатым, нарядным или в лохмотьях, он должен был быть принят также. И вот, на одре болезни, перед лицом смерти — для меня это было как ангел, посланный с небес, чувство, которое можно только ощущать, но не описать.

Ещё и сейчас я ярко представляю себе почтенное его лицо, как он стоял: седую голову освещает слабый свет из маленького оконца. Когда я ему ответил, он спросил о моём состоянии, подошёл и прощупал мой пульс — таким образом, это был врач. «Вы больны — сказал он, — но не теряйте мужества. Я сейчас же пришлю вам лекарство, принимайте его регулярно. Я скажу вашим хозяевам, чтобы они лучше с вами обращались, так что мужайтесь!»

Потом он поговорил с моими хозяевами и ушёл, а через четверть часа пришёл русский юноша, помощник доктора, принёс и дал мне лекарство. Сколько времени он поставлял мне лекарство, я не знаю, но что мне действительно запомнилось, что в моих фантазиях этот врач появлялся как спасительный ангел, я и сегодня ещё чувствую благодарность, искренность которой подтверждается этими фантазиями.

Я болел десять недель. Всё это время меня снабжали супом и сытной едой с кухни врача. Около Пасхи я наконец смог проделать путь до его дома, чтобы выразить благодарность, которая переполняла моё сердце. Якоб Габриель Штобойс (Stobaus) — имя моего покровителя. Он был урождённый пруссак. Получив в награду за долгую службу в армии дворянский чин, он женился на вдове помещика, у которой были сёла с крестьянами. В то время ему было шестьдесят, он вышел в отставку и стал губернским врачом для инвалидов. Его жена, красивая и любезная женщина, внушала каждому, кто с ней соприкасался, уважение своим импозантным видом и благородным, я бы сказал, княжеским поведением. Две их дочери, Александрина и Элизабет, пятнадцати и тринадцати с половиной лет, были интересными и очень любезными девочками. Тогда они находились в соседнем селе, Александрове, в пансионе, который содержал французский эмигрант. Они редко приезжали

к родителям, уже прилично разговаривали по-французски и охотно танцевали вальс под мою флейту, на которой я играл с большим умением. Младший ребёнок был Якоб, годовалый мальш. Вся семья сделала мне исключительно много хорошего. Не менее дружелюбным был Илья, помощник доктора, его жена и двое детей»⁵.

Когда мне впервые пришлось прочесть воспоминания Циммерманна, то не сразу почувствовал созвучие фамилии Штобойс и Стобеус, а потом всё встало на свои места. Это было как раз в те дни, когда буквально по крупицам приходилось собирать сведения о Стобеусах.

Несколько строк о Стобеусах написал в своих мемуарах другой пленный и не менее юный по сравнению с Циммерманном офицер Рюпшель. Рюпшель (Rppel) Симон Эдуард (24.11.1792 – 27.12.1863), вестфальский офицер, мемуарист. Окончил военную школу, с 1810 года унтер-лейтенант 2-го вестфальского гусарского полка. В 1812 году – во 2-й роте 1-го эскадрона этого полка, в 24-й бригаде лёгкой кавалерии 8-го армейского (вестфальского) корпуса. Ранен и взят в плен в бою у Валутиной горы под Смоленском (7/19.08.1812) (в полку считался умершим в плену), отправлен в Оренбургскую губернию, где вскоре отметил своё 20-летие. Вернулся на родину в 1814 году; поступил на австрийскую службу в уланский полк и проделал поход во Францию в 1815 году.

После выхода в отставку работал на почте во Франкфурте-на-Майне. В 1855 году восстановил могилу полковника Е.И. Бедряги, погибшего в 1813 году, за что получил благодарность русского императора Александра II. Оставил воспоминания о начале русской кампании и о нахождении в плену, в которых очень доброжелательно отзывался о России.

Рюпшель был сначала отправлен в Оренбург, где ему понравилось, но потом, к огорчению пленного офицера, его с некоторыми другими собратями направили в Бузулук и поселили в обычной избе. Не успевши толком обжиться на новом месте, Рюпшель, как человек дворянского происхождения, был приглашён бузулукскими дворянами Племянниковыми (кстати, будущими родственниками Стобеусов) в их поместье Племянниково или Покровское. Сегодня это село Покровка недалеко от Бузулука по правую сторону автодороги Бузулук – Бугуруслан.

Надо полагать, что жизнь в провинциях, далёких от театра военных действий Отечественной войны 1812 года, изменилась незначительно, хотя представители дворянских семей во множестве были в армии. В усадьбах соблюдался обычный распорядок. Нет ничего удивительного в том, что русские дворяне приглашали к себе в гости пленных дворян из армии врага. Так проявлялись сословные предпочтения. Интересно заметить и то, что во

времена французского нашествия у разных представителей русского общества были сильны симпатии к Наполеону, а уж о поклонении всему французскому и общем дворянском увлечении французским языком и говорить не приходится. Война шла за тысячу вёрст, в местах, где, заметим, офицеры и солдаты армии Наполеона были далеко не так благодушны по отношению к русскому населению.

По воспоминаниям выдающегося оренбургского генерал-губернатора Василия Перовского (1795—1857), который 20-летним офицером побывал во французском плену и чувствовал на себе всю прелесть «европейского обхождения» с пленниками, он столько всего претерпел и чудом остался жив, а вот многим его собратьям по несчастью не удалось дожить до освобождения из плена.

Впрочем, мы не обвиняем Племянниковых (у которых двое сыновей служили в Архангельском егерском полку), вполне вероятно, ими двигало чувство сословной принадлежности и обыкновенное человеческое любопытство. В глубинке, которая ещё не была толком освоена и во многом безлюдна, общение с иностранцами было в те времена средни развлечению и возможности показать их своим детям, которые изучали иностранные языки. По неведомому стечению обстоятельств, Племянниковы после революции 1917 года окажутся во Франции и станут одними

из предков известного французского режиссёра Вадима Роже (настоящее имя — Вадим Игоревич Племянников, 1928—2000).

Итак, Рюпель сотоварищи на изящных санках, предоставленных Племянниковыми, отправился к ним в усадьбу, где их ждали сливки местного общества, великолепный приём, свободное общение на французском языке, изысканный стол и танцы. «Пока мы общались в салоне, наступил вечер. Лакеи принесли большие жирандоли с восковыми свечами и скоро нас окружил их мягкий свет. Старшие дамы и господа направились к игровому столу, а мы с девушками двинулись в большой зал, где под флейту и две скрипки, на которых играли крепостные, изрядно потанцевали. Но так как мы, как уже было сказано, были под хмельком, нам пришлось собраться с силами, чтобы не перекувыркнуться на натёртом до блеска паркете в нашей довольно-таки неуклюжей обуви. В одной из пауз мсье Арнфо (Arnefaud), достаточно пожилой офицер из 21-го линейного полка, танцевал англес. Мне он, правда, показался больше похож на матросский танец, которому он мог обучиться в своём тамошнем плену, на понтонах... Мы, молодые дамы и несколько стоящих вокруг слуг больше не могли сдерживаться и разразились смехом, когда длинный неуклюжий танцор важно посмотрел на нас, проверяя, достаточно ли мы восхищены его искусством. После него Пулевски, самый горячий

поляк, которого я только видел, танцевал мазурку с прекрасной Александрой ф. Штобойс, причём с такой грацией и виртуозностью, что играющих позвали из салона, чтобы они тоже насладились танцем. Те тоже были так поражены, что всё время кричали «slawna! prekrasnoi! prekrasnoi!» — вспоминал Рюппель⁶.

Однако предыдущие тяготы плена и трудности перехода из Европы к азиатским пределам подорвали здоровье иностранцев, излишества приёма радушных хозяев спустя время привели к болезни. Офицер слёг, доктор Стобеус и фрау Племянникова (урождённая Карамзина, родная племянница нашего великого историка Николая Карамзина) прикладывали максимум усилий, чтобы спасти гостя: «Искусный доктор Штобойс через день приезжал из Бузулука, он прописал мне лучшую хину и горькие эссенции, но моё состояние совсем не улучшилось, и приступы происходили с той же частотой, что и в первые дни. Фрау Племянникова была сама не своя, она опасалась, что я не выживу. Весь день она сидела у моего ложа и, хотя и говорила только по-русски, пыталась меня развлекать и одновременно обучать языку. При таком заботливом уходе через несколько недель я снова стал на ноги. Моя лихорадка перешла в трёхдневную, но ещё больше меня трясло, когда наступал пароксизм. Я стал так слаб, что начались обмороки, и я начал терять силу духа. Моё малодушие в конце концов

приняло форму меланхолии, и хотя все пытались меня развеселить, моё самочувствие ни с какой стороны не улучшилось. Фрау Племянникова, которая любила меня как собственного сына, была этим очень озабочена и распорядилась для моего развлечения привезти в Покровское ещё пару моих друзей из Бузулука»⁶.

В конце концов Рюппель выздоровел. Он вспоминает, как горевал, когда до него дошли сведения о разгроме, как он выразился «нашей», то есть наполеоновской армии при Березине: «Мы не сомневались, что эта прекрасная армия потерпела поражение только вследствие климатических условий; всё же император ещё был жив, так же как и большинство его великих генералов, и у нас ещё были серьёзные шансы, на которые можно было рассчитывать»⁶.

Святая простота... и не знаю, у кого её было больше — у этого молоденького иноземца из «Евросоюза XIX века» (а как иначе назвать наполеоновскую империю?), который остался жив благодаря заботам русской дворянки и немца-врача, но всё же не терял надежды, что армия Наполеона воспрянет и поработит Россию, или у радушных хозяев, которые как родного выходили пленника, ещё остававшегося политическим противником их Отчизны... Впрочем, Рюппель попал в плен во время жестокого сражения у Валутиной горы, где велись отнюдь не политические дебаты.

Почитайте об этом бое. Там погибли многие тысячи людей с обеих сторон, но русское оружие не посрамило себя. Не зря сослуживцы посчитали Рюппеля погибшим.

Время расставило всё на свои места, и в 1815 году Рюппель уже воевал против Франции, а в 1855 году, очевидно, памятуя о том, как его жизнь спасали эти «странные русские», восстановил могилу русского полковника, погибшего в Германии во время наполеоновских войн. И его за это поблагодарил сам российский император! Если бы соплеменники Рюппеля читали его воспоминания и памятовали бы об участии Наполеона, пошли бы они войной на Россию в 1914 и 1941 годах? Вот вопрос вопросов!

Впрочем, часть германской государственной элиты и сегодня готова повторить ошибки своих предков. Неужели представители современного правящего класса Германии, который активно реализует свои интересы в событиях на Украине, думает, что имеет право вновь вмешиваться в дела русского народа? Неужели нет понимания того, что к жизни вызываются трагические фантомы прошлого, в особенности, трагедия Второй мировой войны. Только начали залечиваться раны, нанесённые в 1941—45 годах, как снова осуществляется неприкрытое давление на Россию. Сейчас думают, дескать, Германия на Украине действует только лишь в интересах США и намеренно вредит себе. Нет, думается, здесь

есть чувство неприкрытого реванша за 9 мая 1945 года. Но пусть никто не заблуждается: вызванные к жизни фантомы ударят в первую очередь по самой Германии. Вернёмся, однако, в более давние времена.

Пленные Циммерманн и Рюппель оставили бесценные свидетельства о жизни и быте горожан и крестьян Бузулукского уезда в начале XIX века. Мы ещё неоднократно с благодарностью обратимся к этим воспоминаниям в будущих книгах. Сейчас же выразим искреннюю и глубокую признательность кандидату исторических наук, научному сотруднику Музея-заповедника «Бородинское поле» Сергею Хомченко, который проделал большую работу по исследованию воспоминаний и радушно предоставил их учёным Оренбуржья!

Итак... Яков Стобеус был пруссак, то есть немец из Пруссии, родился примерно в 1763 году, поступил на службу Российской короне лекарским волонтером 14 сентября 1775 года, где-то в возрасте 12-13-ти лет. Вызывает недоумённый вопрос, как мальчик попал в нашу страну, которая стала его новой родиной, при том, что он родился и перебрался в Россию во времена прусского короля Фридриха II Великого (1712—1786), в год завершения Семилетней войны (1756—1763), в ходе которой Российская империя воевала с Пруссией? Здесь могло быть несколько вариантов. Иноземцев, по большей части немцев, охотно приглашали

в Россию. Яков мог перебраться вместе со своей семьёй или в качестве ученика своего наставника-доктора, а потом так и остался. Стобеус служил исправно, стал военным врачом, был направлен в Оренбургскую губернию. Заработав службой Российской империи дворянский титул, Я. Стобеус был принят в дворянских кругах Бузулукского уезда, устроил свою семейную жизнь, а также обладал обширной врачебной практикой и, судя по всему, был не богат, но и не беден. 31 декабря 1816 года Яков Стобеус был удостоен чина надворного советника, что давало ему привилегии потомственного дворянина. Примерно за полтора года до своей смерти, 14 декабря 1823 года указом императора Александра I Яков Мартынович за 35-летнюю ревностную, усердную и беспорочную службу был удостоен ордена святого князя Владимира IV степени.

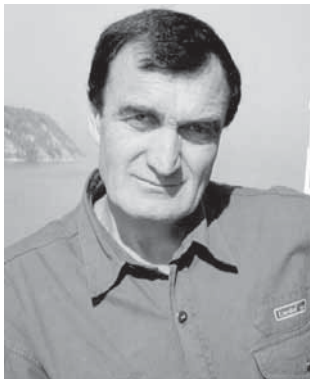
Уже упоминается сельцо Александровка, может быть, это и есть будущее село Александровка-Стобеус. В то же время имеющиеся сведения позволяют говорить о том, что семейство Стобеусов постоянно проживало в Бузулуке. Нам довелось слышать, что на старом городском кладбище было надгробие с фамилией Стобеус. Правда, сколько ни искали, найти пока не смогли. Историческое бузулукское кладбище сильно пострадало в советские времена.

Немец по происхождению, Стобеус не мог остаться равнодушным к судьбе пленных

германцев, хотя не только пленники отмечали сострадательность и другие замечательные человеческие качества в Якове Мартыновиче. Не буду утверждать... Но этот человек вызывает симпатии. Как его описывают? Яков был почтенным, добрым, седовласым человеком и хорошим врачом, который спас не одну человеческую жизнь. Тосковал ли он по своей далёкой родине? Думается, что тосковал, но каково утешение? Оренбуржье, пусть и было тогда малообжитым, но благодатным и красивым. Человеческое сердце отзывчиво на благодать.

ИСТОЧНИКИ:

1. ГБУСО «ЦГАСО» Ф. 162. Оп. 1.
2. Там же. Ф. 162. Оп. 1. Д. 7.
3. http://www.hrono.ru/biograf/bio_i/iglin.html (дата обращения 7.02.2015).
4. РГИА Ф. 1343. Оп. 29. Д. 6960. Л. 8.
5. С.Н. Хомченко. «Из воспоминаний французского военнопленного К. Циммерманна о пребывании в плену в Оренбургской губернии» // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов и материалов. Уфа. 2012. С. 363–372.
6. С.Н. Хомченко. «Мемуары Симона Эдуарда Рюппеля о пребывании в Оренбургской губернии в качестве военнопленного в 1812-1813 гг.» // Отечественные войны 1812-1814 и 1914-1917 гг.: Память и уроки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 346–373.

Александр ЧИБИЛЁВ

ЗАПОВЕДНОЕ ОРЕНБУРЖЬЕ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ

*К 100-летию заповедной
системы России*

Александр Александрович Чибилёв родился в 1949 году в селе Яшкине Красногвардейского района Оренбургской области. Окончил Воронежский государственный университет. Служил в Советской Армии. В Оренбурге с 1973 года. Академик РАН, вице-президент Русского географического общества, директор Института степи УрО РАН. На протяжении 40 лет ведёт научно-организационную работу по развитию сети заповедников и национальных парков России. Инициатор создания степных резерватов госзаповедника «Оренбургский», горно-лесостепного заповедника «Шайтан-Тау», национального парка «Бузулукский бор». В 2010 году выступил с инициативой воссоздания Постоянной Природоохранительной комиссии Русского географического общества, с 2011 года – председатель-организатор этой комиссии.

Острова оренбургской лесостепи – заповедники будущего*

Перспективы развития сети лесостепных заповедников в Оренбургской области

При проектировании государственного природного заповедника «Оренбургский» автором были сформулированы принципы развития региональной сети особо охраняемых природных территорий на основе природно-экологического каркаса, обеспечивающего равномерное размещение объектов природного наследия по осям разного порядка на основе существующей мозаики гомогенных угодий и закономерно-стей пространственной структуры ландшафтов. Была высказана идея о необходимости развития системы ООПТ вдоль осей природно-экологического каркаса,

* Окончание. Начало в журнале «Гостиный Дворь» № 1 (1)

которая должна «составлять единую непрерывную закономерно-сетевую сеть памятников природы, ландшафтных и видовых заказников, генетических резерватов. На пересечении или в местах схождения осей должны быть организованы охраняемые природные территории более высокого ранга – заповедники, природные парки.

Идея о единой непрерывной сети ООПТ была реализована нами на примере широтного ландшафтного ряда кластерных участков госзаповедника «Оренбургский», состоящего из четырёх ключевых ландшафтных территорий: Таловской, Буртинской, Айтуарской и Ащисайской степей.

В дальнейшем ландшафтно-экологические принципы территориальной охраны природы были развиты автором на основе представлений о ландшафтных рефугиях и ключевых ландшафтных территориях.

С учётом представлений о необходимости формирования единой непрерывной сети зональных заповедников в пределах лесостепной зоны Оренбургской области их широтный ряд может быть представлен в виде следующих кластеров:

1. Эталон лесостепи Высокого Заволжья. Расположен на междуречье рек Малый и Большой Кинель в южной части Бугульминско-Белебеевской возвышенности (Бугурусланский и Аскеевский районы).

Это фрагмент так называемой «Аксаковской лесостепи». Представляет собой расчленённую холмисто-сыртовую степь с реликтовыми сосняками и нагорными дубово-вязово-берёзовыми колками. Площадь около 5,0 тыс. га.

2. Эталон берёзовой лесостепи Приуралья («Задемская лесостепь» С.С. Неуструева). Расположен в верховьях реки Дёмы, Пономарёвский район. Площадь около 4,0 тыс. га.

3. Эталон горно-лесного ландшафта Предуралья – хребет Малый Накас с поясом широколиственных лесов (горные дубравы, липняки и березняки). Тюльганский район. Площадь до 10,0 тыс. га.

4. Эталон горной дубравной лесостепи Южного Урала – Шайтан-Тау. Кувандыкский район. Площадь от 7,0 до 18,5 тыс. га.

5. Эталон берёзовой и сосново-лиственничной лесостепи Южного Зауралья – Зауральская «ложная» лесостепь С.С. Неуструева. Этот ландшафт развит на гранитоидах и продуктах их разрушения в верховьях реки Суундук. Кваркенский район, Болотовский, Андрианопольский, Зеленодольский и Аландский боры. Общая площадь – 5,0 тыс. га.

В совокупности пять островов малоизменённой природы – закономерный (непрерывный!) ряд эталонов лесостепного

ландшафта, представляющих по широтной трансекте различные ландшафтные провинции региона: Бугульминско-Белебеевскую возвышенность, Приуралье, Предуралье, Южный Урал и Зауралье. Предложение об организации лесостепного заповедника кластерного типа было изложено в письме автора заместителю председателя Госкомитета РСФСР по охране природы в 1989 году.

К сожалению, этим проектам не суждено было сбыться. Даже на организацию такого очевидного заповедника как «Шайтан-Тау», от первой идеи до реализации прошло более 75 лет. Безразличие федеральных и региональных властей, отсутствие в природоохранных органах грамотных и самостоятельных специалистов, присутствие в чиновничьем аппарате природоохранных и природно-ресурсных органах случайных людей всегда были главным препятствием для принятия очевидных решений в заповедном деле. За 25 лет со дня первых предложений по организации лесостепного заповедника кластерного типа эталоны лесостепных ландшафтов Оренбургской области безжалостно вырубались, неоднократно страдали от пожаров и нуждаются сегодня в длительной экологической реабилитации.

Я не оставляю надежд на то, что на смену сегодняшним вершителям судьбы настоящих

жемчужин оренбургской и южноуральской лесостепей, воспетых С.Т. Аксаковым, С.С. Неуструевым, С.В. Кириковым, Е.В. Кучеровым, Ф.Н. Мильковым, придут иные люди и найдут способы возродить и сохранить неповторимое.

Карагай-Губерлинское ущелье

В план мероприятий, намеченных Министерством природных ресурсов и экологии России на 2017 год, включено создание природного заказника в верховьях реки Губерли в Кувандыкском районе. В связи с этим мы приводим выдержки из проекта организации природного парка «Карагай-Губерлинское ущелье», подготовленного автором в 2003 году.

Затерянный мир древней природы

Внимание многих исследователей-геологов, географов, ботаников, а также краеведов, туристов, художников и фотографов неизменно привлекают верховья реки Губерли — Карагай-Губерлинское ущелье — мир первозданной природы, затерянный среди распаханых полей Саринского плато. Ещё в начале XX века река Губерля начинала свой бег среди диких степей, увенчанных сарматскими курганами. И степи, и лесистые овраги, и высокотравные луговые ложбины,

лиманы Саринского плато были в изобилии населены дрофами, стрепетами, журавлями, куропатками, утками, куликами. В глубоких долинах скрывались барсуки, лисы. Обычными здесь были не только сурок и барсук, но и волчьи выводки. Об этом пишет в книге «Годы, тропы и ружьё» известный русский писатель Валерьян Правдухин (1892–1939). Писатель более 20 лет охотился в этих местах, оставив прекрасные зарисовки природы в окрестностях хутора Шубинского, где был его родительский дом.

Сохранить, что осталось!

К началу XXI века на всём Саринском плато практически не осталось клочка девственной степи. Лишь опушки небольших берёзовых рощиц, осинового кусты по заболоченным западинам и скальные выходы остались нераспаханными. В XX веке сильно пострадала и природа долины Губерли. Строительство плотин, каменоломни и карьеры, распашка склонов, строительство ферм на берегу реки и сброс в неё загрязнённых стоков, вырубка лесов и пожары сильно изменили девственную природу верховьев Губерли. Но даже в этих условиях верховья Губерли от её истоков — Зиновьевских родников до Каменных Ворот на протяжении 22 км остаются излюбленным местом отдыха для жителей вос-

точного Оренбуржья, особенно Новотроицка, Орска и Гая. За последние 10–15 лет резко снизился пресс хозяйственной деятельности человека на природные комплексы долины реки Губерли, — стали возрождаться приречные и склоновые леса, кустарниковые заросли и каменистые степи. Вновь стали чистыми прозрачные воды бурной речки, питаемые десятками родников. После опустошительных пожаров 1995 года, возникших в результате преступной халатности людей, возрождаются и Карагайский бор, и склоновые березняки ниже Ишановского брода. Но возрождение природы верховьев реки Губерли может приостановиться, если его не защитить особым природоохранным статусом, признанием местными жителями, районными и областными властями, разведчиками и разработчиками недр уникальной природы Карагай-Губерлинского ущелья.

Угроза местной природе исходит от неорганизованных туристов, устраивающих кострища и стоянки с мусором в реликтовом сосняке, оставляющие надписи краской на живописных скалах. Ещё больший ущерб наносят варварские разработки строительного и отделочного камня. Добытчики камня могут в одночасье снести с лица земли замечательные каменные скульптуры, сотворённые процессами выветривания. А как оградить природный феномен

Карагай-Губерлинского ущелья от разработчиков недр, получивших лицензию на горную деятельность в здешних местах? В попытках сохранить затерянный мир дикой природы верховьев реки Губерли по инициативе администрации Кувандыкского района и Оренбургской горной компании задуман проект настоящего издания, которое выходит в серии «Наследие Оренбургской области».

Карагайский бор

Карагайским бором (карагай с тюркского — сосна) называется всё скалисто-лесное урочище в ущелеобразной долине реки Губерли к западу от села Карагай-Покровка. Сланцевый массив охватывает обширную территорию за пределами урочища, но лишь близ села Карагай-Покровка благодаря эрозионно-тектоническим процессам наблюдается наибольшая обнажённость скальных пород. Вдоль западной окраины урочища слои сланцев срезаны коротким оврагом, в левом борту которого сформировался скальный выступ высотой до 5 м. Выходящие в уступе сланцевые пласты падают на восток под углом 30-40°.

В русле Губерли сланцы подверглись эрозионной обработке. Здесь можно встретить нагромождения кварцевых и сланцевых глыб. Во многих местах сланцы встречаются в коренном

залегании, при этом образуют пороги и невысокие водопады. Отполированные поверхности сланцев блестят на солнце и имеют вид своеобразных соляриев. Нередко огромные, до 3-4 м высотой глыбы сланцев перегораживают русло, под ними образуются глубокие омутки.

Но особенным разнообразием отличаются скульптуры выветрелых сланцев в верхней части массива. Фантазия фотографов, художников и поэтов, часто посещающих Карагай, нашла в этих обнажениях Дракона, Черепаху, Рыбу, Орла, Бабку... Отдельные скалы напоминают китайские дворцы с вздёрнутыми вверх крышами. Можно часами бродить по Карагайскому сланцевому массиву и находить всё новые и новые скульптурные изваяния природы.

Но не только горные обнажения определяют облик Карагай, но и его растительность, и, в первую очередь, сосна, давшая имя всему урочищу. По характеру растительности Карагайский бор является рефугиумом — убежищем реликтовой флоры. Карагайский лес ныне самый южный и единственный форпост сосновых боров на всём Урало-Сакмарском междуречье. Он сохранился со времён, так называемой «холодной лесостепи», которая господствовала на равнинах и холмогорьях Южного Урала несколько сот тысяч лет назад. Конечно, сосна в

прошлом занимала гораздо большую площадь. Но все разговоры и прогнозы, что бор обречён на гибель, несостоятельны. После опустошительного пожара 1995 года по всему скальному массиву идёт бурное восстановление сосны. Кроме сосны и других древесных пород в Карагае произрастают берёза и осина, а в пойме Губерли — горная ольха, вяз, серебристый тополь и ветла.

Из кустарников в Карагайском бору растут черёмуха, боярышник, калина, малина, чёрная смородина, а по остепенённым склонам степная вишня, спирея зверобоелистная, карагач, раkitник, бобовник, кизильник. На скальных породах можно отметить растения-камнелюбы: лук стеллера, гвоздику иглолистную и уральскую, пырей инееватый, горноколосник колючий, очиток гибридный. Но настоящая неожиданность ждёт любителей ботаники в затенённых расщелинах скал вдоль реки Губерли. Здесь нашли убежище представители реликтовой флоры холодных плейстоценовых эпох — папоротники: многоножка обыкновенная, изящный асплениум северный с густым пучком корней, а также пузырник ломкий — типичный папоротник арктических районов Гренландии и Исландии. Именно под скалы на Губерле, как писал в своих автобиографических очерках Валериан Правдухин, приходили искать цветущий папоротник жители хутора Шубинского.

Принципиальная схема организации природного парка

Будущее всего ландшафта верховьев Губерли мы связываем с организацией здесь природного парка. Это означает, что в долине реки Губерли от истока до Каменных Ворот и на прилегающих к ней склонах вводится особый природоохранный режим. Территория парка не изымается у землепользователей, но на четырёх его специально выделенных участках запрещаются все виды хозяйственной деятельности за исключением экологического и оздоровительного туризма.

В истоках Губерли по ручью Талася до его слияния с Михайловским оврагом устанавливается режим гидрологического заказника. Здесь необходимо восстановить водоохранную зону шириной 300 метров.

В лесном урочище Карагай, включая берёзовый лес на правом склоне долины Губерли, сохраняется режим существующего государственного памятника природы. Никаких лесовосстановительных работ здесь проводить не нужно. В числе мер, необходимых для улучшения экологической обстановки, назовём следующие: в зимнее малоснежное время удалить из леса все сгоревшие и отмершие деревья; расчистить и оборудовать родник близ русла Губерли; оборудовать три зоны отдыха в урочище: одну на реке Губерле и по одной

на опушках леса по правому и левому берегам; закрыть свободный доступ всех видов транспорта в лесное урочище; запретить выпас скота в лесу, пойме Губерли и скалистых обнажениях, для прекращения доступа скота оборудовать ограждения со стороны села и скотопргона.

В селе Карагай-Покровка необходимо построить офис природного парка с музеем (включая геологическую коллекцию) природного наследия Карагай-Губерлинского ущелья. Рядом с офисом целесообразно оборудовать стоянку для автомобилей и гостиницу для туристов. Для обслуживания туристов, в том числе для верховых конных прогулок целесообразно организовать конный двор на 15–20 лошадей.

В районе Пионерских скал, на месте бывшего пионерлагеря по мере развития природного парка может быть воссоздан летний детский оздоровительный лагерь на 50–60 человек. Для подъёма уровня воды в купальный сезон может быть сооружена каменно-набросная переливная плотина высотой около 1 м. До организации лагеря в районе Пионерских скал необходимо оборудовать зону временного отдыха с местами установки палаток и устройства кострищ, хранилища для мусора, предоставление дров за плату и т.д.

У Каменных Ворот необходимо оборудовать летний кордон парка. Заинтересованные

организации могут разместить на террасе Губерли ниже ущелья (на месте бывшего населённого пункта Владимирская Искра) турбазу и зону отдыха из комфортабельных вагончиков или сборных домиков. Ёмкость турбазы не должна превышать 50 человек.

Посещение природного парка должно регламентироваться сотрудниками его администрации и ограничиваться общей единовременной численностью отдыхающих и туристов 150–200 человек.

На территории всего природного парка должна быть запрещена распашка земель, капитальное гидротехническое строительство, устройство летних лагерей скота. Выпас и прогон скота должен быть разрешён только в интересах жителей села Карагай-Покровка. Сенокосение в традиционных местах для нужд жителей соседних сёл также допустимо.

В совокупности большое биологическое разнообразие, уникальность геологических обнажений, высокие пейзажные и эстетические достоинства скалисто-долинно-речного облесенного ландшафта с организацией туристического сервиса позволит превратить Карагай-Губерлинское ущелье в один из центров научно-познавательного, эколого-просветительного оздоровительного туризма Оренбургской области.

О будущем заповедных степей Оренбуржья

Нелегка судьба у российских заповедников. В 2012 году исполнилось 100 лет со дня организации Постоянной Природоохранительной комиссии Императорского Русского географического общества. Для того чтобы отметить это событие, Учёный совет Русского географического общества провёл 7 сентября 2012 года торжественное заседание, посвящённое этому юбилею. На заседании особое внимание было уделено проблеме развития заповедного дела в степной зоне. Не случайно большинство видных деятелей Постоянной Природоохранительной комиссии ИРГО 1912 года (И.П. Бородин, В.И. Талиев, Ф.Э. Фальц-Фейн, В.П. Семёнов-Тян-Шанский и др.) считали сохранение последних островков девственных степей первоочередной задачей комиссии.

В 2011 году по поручению президента РГО С.К. Шойгу была восстановлена Постоянная Природоохранная комиссия РГО. Считаю целесообразным перечислить некоторые предложения комиссии в части оптимизации заповедного дела в России. Эти предложения сводятся к следующему:

1. Необходимо пересмотреть существующую практику управления заповедниками. Безусловно, России необходима специальная федеральная

экологическая служба (комитет, департамент, управление), неподчинённая природноресурсному министерству. Невозможно совместить в одном ведомстве решение двух противоположных задач:

— эксплуатацию природных ресурсов — суть хозяйственную деятельность человека (пусть даже и рациональную);

— охрану уникального природного наследия, редких биологических видов от воздействия хозяйственной деятельности человека.

2. Очень важно перевести управление заповедниками на профессиональную основу. Необходимо обеспечить федеральные ООПТ и, в первую очередь, их руководство профессиональными кадрами, владеющими географическими и экологическими знаниями, понимающими специфику функционирования экосистем в разных природных зонах. Кадры федеральных ООПТ — важнейшее звено отечественного заповедного дела, от которого зависит будущая судьба природного наследия страны.

3. Необходимо законодательно закрепить недопустимость на территории заповедников даже щадящей хозяйственной деятельности, в том числе экологического туризма, за который в настоящее время ратуют многие функционеры Министерства природных ресурсов и экологии РФ.

4. Необходимо тщательно проанализировать деятельность разнообразных международных и совместных организаций экологического толка, фондов, проектов и движений, проявляющих интерес к российским ООПТ. За последние 25 лет на территории России были реализованы десятки и сотни проектов, направленных на сохранение всемирного природного наследия. Однако результаты очень разные и очень сомнительные. Особенно это касается целого ряда степных проектов, которые закончились практически бесследно.

И в заключение считаю необходимым сказать несколько слов о том, как мне видится разумное будущее развитие степных заповедников Оренбургской области.

Во-первых, необходимо пересмотреть структуру управления заповедника. Дирекция заповедника должна быть максимально приближена к участкам заповедника. Например, в г. Кувандык, откуда будет удобно управлять, по крайней мере, 4 заповедными территориями (Шайтан-Тау, Айтуарская степь, Бургинская степь, Предуральская степь). Это позволит основному штату заповедника работать непосредственно в заповеднике, а не в тепличных условиях областного центра. Для управления Ащисайской степью и, возможно, другими озёрно-степными ООПТ восточного Оренбуржья необходимо создать автономное подразделение (филиал) заповедника в

посёлке Светлом. Для общей координации работы заповедника, для связи с областными структурами в г. Оренбурге целесообразно оставить не дирекцию, а представительство заповедника.

Во-вторых, для решения самой важной для степного заповедника проблемы противопожарной защиты необходимо вернуться к так и не реализованным рекомендациям Института степи по созданию защитного пояса по всем периметрам степных участков в виде не только 6-8-метровой минерализованной, но и пятидесятиметровой регулярно тщательно выкашиваемой полосы. Необходимо полностью исключить внутренние и внешние источники возгорания степи.

В-третьих, необходимо создать на постоянной основе систему ландшафтно-экологического (в т.ч. почвенного, гидрохимического, ботанического, зоологического) мониторинга территории заповедника. При всём желании невозможно обеспечить её функционирование только сотрудникам заповедника. Эта работа может быть выполнена академическими институтами и учёными ведущих вузов на основе договоров о сотрудничестве с созданием научных полигонов, официально закреплённых за исследовательскими лабораториями.

В-четвёртых, заповедник не должен непосредственно заниматься развитием туристической деятельности, а тем более зарабатывать деньги за счёт

использования собственной территории. Этим видом деятельности могут заниматься, например, национальные парки или специализированные организации на правах аренды земли в специальных зонах, в т.ч. — в охранных зонах.

В-пятых, для того чтобы туризм в степи стал действительно реальным и не затрагивал чудом уцелевшие и с трудом сохраняемые природные степные экосистемы, необходимо серьёзно заняться музеефикацией степного природопользования, в первую очередь, пастбищного животноводства. И сделать это лучше всего в охранной зоне заповедника с участием его сотрудников. Это позволит принять в степи сотни и тысячи экскурсантов и рекреантов, не принося ущерба островам дикой степной природы.

Хочется верить, что степные заповедные острова Оренбуржья вместе с другими заповедниками России переживут трудные времена, и наши потомки с восхищением и благодарностью будут наблюдать во всей её красе живую оренбургскую степь.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Программа по восстановлению лошади Пржевальского в Оренбургской области (одобрена МПР России № 03-12-38/7230 от 19.08.2005 г.) в рамках подпрограммы «Сохранение редких и исчезающих видов животных и растений»

Федеральной целевой программы «Экология и природные ресурсы России (2002–2010 годы)» и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Биологическое разнообразие». 2005. 32 с.

2. Чибилёв А.А. БУЗУ-ЛУКСКИЙ БОР. Атлас-альбом. Оренбург — Екатеринбург: Институт степи УрО РАН; Оренбургское отделение Русского географического общества, 2012. 240 с.

3. Чибилёв А.А. ЗАПОВЕДНИК «ОРЕНБУРГСКИЙ»: история создания и природное разнообразие. Екатеринбург: Институт степи УрО РАН, Оренбургское отделение Русского географического общества, 2014. 200 с.

4. Чибилёв А.А. Заповедник «Шайтан-Тау» — эталон дубравной лесостепи на Южном Урале. Екатеринбург: ООО «УИГЦ», 2015. 140 с.

5. Чибилёв А.А. Зелёная книга степного края. Челябинск: ЮУКИ, 1987. 208 с.

6. Чибилёв А.А. К ландшафтно-экологическому обоснованию развития сети охраняемых природных территорий // Общие и региональные вопросы ландшафтной географии СССР. Воронеж, 1987. С. 84–92.

7. Чибилёв А.А. К понятию о ландшафтных рефугиях (Landscape refuges) // Генетические и растительные ресурсы России и сопредельных государств: материалы к 110-летию со дня рождения академика Н.И. Вавилова. Оренбург, 1999. С. 57–58.

8. Чибилёв А.А. Карагай-Губерлинское ущелье. Эколого-географический иллюстрированный очерк. Институт степи УрО РАН — Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ»

ООО «Оренбурггазпромсервис», 2003. — 16 с.

9. Чибилёв А.А. Ключевые ландшафтные территории как фундаментальная основа сохранения природного наследия // Природное наследие Урала. Разработка концепции регионального атласа. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2012. С. 19–22.

10. Чибилёв А.А. Ключевые ландшафтные территории: проблемы выявления, инвентаризации и планирования // Известия Оренбург. отд. РГО. № 2 (35), 2006. С. 52–54.

11. Чибилёв А.А. Комментарий научного руководителя проекта «Оренбургская Тарпания» // Степной бюллетень. — осень-зима 2015 № 45. — С. 65–66.

12. Чибилёв А.А. Ландшафтно-экологические основы создания региональной системы заповедных объектов и организации мониторинга на их территории // Теоретические и практические вопросы ландшафтной экологии и заповедного дела: сб. науч. тр. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993а. С. 42–49.

13. Чибилёв А.А. Первый степной заповедник России // Степной бюллетень, 1999. № 5. С.26–28.

14. Чибилёв А.А. Природное наследие Оренбургской области. Оренбург: Кн. изд-во, 1996. 384 с.

15. Чибилёв А.А. Река Урал. Историко-географические и экологические очерки. Л.: Гидрометеоздат, 1987. 168 с.

16. Чибилёв А.А. Сено из орхидей // Природа и человек. 1987. № 5. С. 22–26.

17. Чибилёв А.А. Экологическая оптимизация степных ландшафтов. Свердловск: УрО АН СССР, 1993б. 172 с.

18. Чибилёв А.А. Экологический фундамент // Уральские нивы. 1987. № 4. С. 30–31.

19. Чибилёв А.А., Павлейчик В.М. Ключевые ландшафтные территории (географические аспекты сохранения природного разнообразия) // Вестник Оренб. гос. ун-та, 2007. Вып. 67, № 3. С. 4–8.

20. Чибилёв А.А., 1992(?)

21. Чибилёв А.А., 2004(?)

Вид поймы реки Урал с горы Верблюжка (Беляевский район)

А.А. Чибилёв среди участников 20-й российско-казахстанской экспедиции. 2016 год

День степи. 2015 год

Лошади Пржевальского в заповеднике «Оренбургский»

«Хрустальный компас» за проект «Заповедное Оренбуржье»

Передача книг студентам ОГАУ. 2015 г.

Договор о сотрудничестве подписывают начальник Оренбургского кадетского училища, д.и.н., профессор Татьяна Олеговна Машковская и вице-президент РГО, директор Института степи УРО РАН, член-корр. РАН, профессор, д.г.н. Александр Александрович Чибилёв. 2016 г.

Юные курсанты демонстрируют вице-президенту РГО А.А. Чибилёву свои первые научные работы. 2016 г.